

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

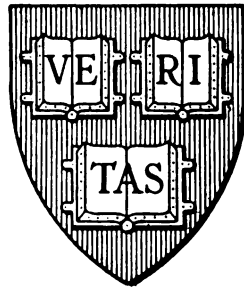
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

S12V 9150.143 (1)
1906)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Si A. # 431
44
Генералъ-маіоръ Н. Р. Овсяный.

РУССКОЕ УПРАВЛЕНІЕ

ВЪ

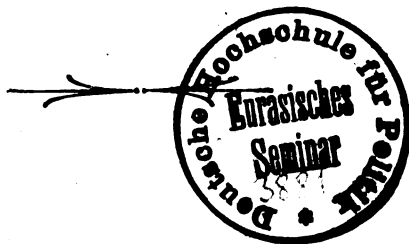
БОЛГАРІИ

ВЪ 1877—78—79 г.г.

I

Завѣдывавшій гражданскими дѣлами при Главнокомандова-
шемъ Дѣйствующей арміи д. с. с. князь В. А. Черкасскій.

Изданіе Военно-Исторической Коммисіи Главнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Т-во Художественной Печати“, Англійскій пр., 28.

1906.

Slav 9150.143 (1)

✓

Къ Царю

Князь
В. А. ЧЕРКАССКИЙ.

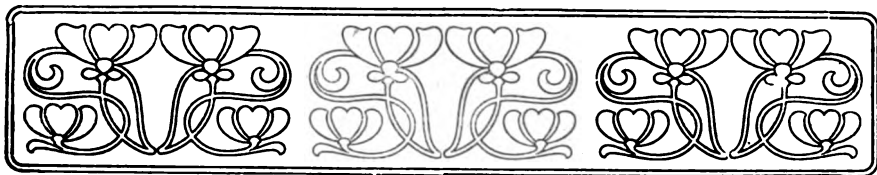
Изъ дѣлъ канцеляріи Завѣдывавшаго гражданскими дѣлами при Главнокомандовавшемъ Дѣйствующею арміею въ 1877—78 г.г. д. с. с. князя В. А. Черкаскаго сохранилось мало документовъ. По словамъ помощника его, генераль-лейтенанта Анучина, „собственныя дѣла канцеляріи кн. Черкаскаго, почти во всемъ объемѣ, остались гдѣ-то въ Болгаріи“. *) Нѣкоторое число копій изъ дѣлъ этой канцеляріи мы нашли въ архивѣ кн. В. А. Черкаскаго, находящемся на храненіи въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ. Печатные матеріалы, которыми мы пользовались, указаны въ самомъ текстѣ нашего очерка. Къ нимъ нужно присоединить еще слѣдующія статьи:

„Письма изъ Болгаріи“, Ев. Утина (въ „Вѣстникѣ Европы“ 1877—78 г.г.).

„Гражданское управленіе въ Болгаріи въ 1877—1879 г.г.“ Д. Георгіевскаго (въ „Наблюдателѣ“ 1882 г., №№ 9 и 10).

„Очеркъ дѣятельности рус. гражд. упр. по устройству юстиціи въ Болгаріи“, В. Палаузова (въ „Журналѣ гражд. и угол. права“ за 1880 г., книга 4-я).

*) „Русская Старина“ 1895 г., (№ 2, стр. 13)

I.

Учрежденіе въ 1876 г. должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею. — Избраніе на эту должность князя В. А. Черкаскаго. — Записка кн. Черкаскаго о будущихъ задачахъ гражданского управленія въ Болгаріи и обсужденіе ея въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ князя Горчакова. — Приѣмъ кн. Черкаскаго въ Зимнемъ Дворцѣ одновременно съ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею и начальникомъ полевого штаба.

Въ войну съ турками 1877—1878 гг. въ составѣ нашей арміи замѣчается явленіе, которое едва-ли когда нибудь можетъ повториться. Для устройства и управленія тѣхъ земель, которыя предполагалось завоевать у турокъ, еще до начала кампаніи было назначено особое гражданское лицо, съ большими полномочіями и съ непосредственнымъ докладомъ у главнокомандующаго арміею. 16-го ноября

1876 г. удостоились Высочайшаго утвержденія: во-первыхъ, положеніе объ учрежденіи при главнокомандующемъ должности завѣдующаго гражданскими дѣлами, съ особою при немъ, по утвержденному штату, канцеляріею и чинами для порученій, и, во-вторыхъ, инструкція для завѣдующаго. Такая необычайная мѣра была вызвана тогдашними обстоятельствами. Война предпринималась не только для облегченія участи христіанъ въ Турціи, но и для болѣе или менѣе самостоятельнаго устройства Болгаріи. Естественно, что имѣя въ виду эту цѣль, русское правительство не могло ограничиться однимъ военнымъ управленіемъ. Такое управленіе упраздняется съ уходомъ войскъ;

для Болгаріи же необходимо было создать прочные порядки, которые могли бы держаться и послѣ нашего ухода.

На должность этого устроителя родственной намъ славянской страны былъ избранъ князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, пріобрѣвшій себѣ почетную извѣстность сначала дѣятельностью по освобожденію крестьянъ въ Россіи, затѣмъ по устройству крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ и, наконецъ, въ должности московскаго городского головы. Это была крупная личность тогдашняго московскаго общества, одинъ изъ „излюбленныхъ“ людей Москвы, примыкавшій по своему направленію къ кружку славянофиловъ.

Назначеніе это, по разсказу самого князя Черкаскаго, записанному его помощникомъ по дѣятельности въ Болгаріи, генераль-лейтенантомъ Анучинымъ *), состоялось слѣдующимъ образомъ.

Въ октябрѣ 1876 г. Императоръ Александръ II, возвращаясь изъ Крыма, остановился въ Москвѣ, гдѣ 28-го числа, утромъ, неожиданно раздалось Его достопамятное „Кремлевское слово“. Князь В. А. Черкасскій былъ однимъ изъ членовъ депутаціи, подносившей отъ Москвы хлѣбъ-соль Государю, и на него это слово произвело огромное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ, что предстоитъ что-то великое и серьезное, и ему страстно захотѣлось принять въ немъ участіе. Но онъ теперь былъ „не у дѣлъ“. Перебирая мысленно, въ какой роли могъ бы появиться въ предстоящей войнѣ, князь Черкасскій пришелъ къ мысли о служеніи общему дѣлу по надзору за госпиталями арміи. И въ тотъ же день онъ написалъ находившемуся съ Государемъ въ Москвѣ военному министру Д. А. Милютину, котораго хорошо зналъ лично, слѣдующее письмо *):

*) См. его статью „Князь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи 1877—1878 гг.“. (Русская Старина 1895 г., № 2).

**) Копія его находится въ архивѣ князя Черкаскаго (въ отдѣлѣ рукописей Румянцевскаго Музея въ Москвѣ).

„М. Г. Дмитрій Алексѣвичъ. Настоящія обстоятельства вызываютъ каждого русскаго на посильный трудъ. Конечно, самое свойство начинающихся событій съуживаетъ до извѣстной степенн поле дѣятельности лицъ званія не военнаго. Тѣмъ не менѣе, не желая уклоняться отъ общей, возлагаемой событіями на все русское общество повинности, я смѣю думать, что, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, и мои слабые труды могли бы найти себѣ хоть сколько-нибудь примѣненія. Надзоръ въ той или другой формѣ надъ госпиталями дѣйствующей арміи или иное, въ томъ же родѣ, дѣятельное порученіе по войсковому управленію, неразрывно не связанное съ военнымъ званіемъ, могло бы, повидимому, въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, быть ввѣрено усердію частнаго лица, ничего лично не ищущаго и руководимаго лишь желаніемъ общей пользы.

„Въ этихъ видахъ я имѣю честь просить Ваше Высочайшее благоволеніе довести до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, что, буде откроется война, и, въ случаѣ всемилостивѣйшаго соизволенія, я былъ бы счастливъ посвятить остатокъ силъ и бодрости на то, чтобы сослужить Государю и Отечеству еще одну скромную, добровольную службу.

Примите и проч.“.

Военный министръ доложилъ о желаніи князя Черкаскаго Государю, который очень милостиво отнесся къ этому, замѣтивъ, что зачѣмъ же говорить о госпиталяхъ, когда является необходимость въ представителѣ отъ Краснаго Креста, а лучшаго кандидата на эту должность, какъ князь Черкасскій, нельзя и желать. Но такъ какъ это назначеніе зависѣло отъ Государыни, то Государь обѣщалъ спросить ея мнѣніе; о результатѣ же выразилъ желаніе сообщить кн. Черкасскому лично на раутѣ у генералъ-губернатора, князя Долгорукова.

Вскорѣ по прибытіи Ихъ Величествъ на раутъ князь

Долгоруковъ передалъ князю Черкасскому, что Государь желаетъ съ нимъ говорить. Когда князь Черкасскій приблизился, то Его Величество, выразивъ благодарность за желаніе послужить общему дѣлу, сказалъ, что Императрица изъявила уже согласіе ввѣрить ему завѣдываніе Краснымъ Крестомъ за Дунаемъ, и затѣмъ представилъ его Государынѣ. Такимъ образомъ князь Черкасскій на томъ же раутѣ могъ уже считать себя представителемъ Краснаго Креста.

Вслѣдъ за тѣмъ военный министръ сообщилъ ему, что Государь Императоръ имѣетъ въ виду поручить ему также устройство Болгаріи. И дѣйствительно: при отъѣздѣ изъ Москвы вечеромъ, 31-го октября, Государь, принимая на станціи желѣзной дороги адресъ отъ депутаціи московскаго губернскаго земскаго собранія, въ числѣ 7-ми выборныхъ членовъ коей былъ и князь Черкасскій, обратился къ нему съ вопросомъ: говорилъ-ли ему военный министръ относительно Болгаріи? и послѣ утвердительнаго отвѣта пригласилъ князя Черкаскаго пріѣхать въ Петербургъ.

Отъ Д. А. Милютина князь Черкасскій узналъ, въ общихъ чертахъ, о политическихъ цѣляхъ войны и о томъ персоналѣ, который предполагается придать главнокомандующему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было сообщено, что относительно Болгаріи еще ничего опредѣленнаго не выработано и что ему самому придется заняться опредѣленіемъ роли того высшаго гражданскаго лица, которое будетъ придано главнокомандующему въ качествѣ завѣдующаго гражданскими дѣлами.

Изъ этого князь Черкасскій долженъ былъ заключить, что передъ нимъ открывается широкая, интересная, но и весьма отвѣтственная дѣятельность. Очевидно, не считая для себя такую дѣятельность непосильной, онъ тотчасъ же принялся за составленіе записки о будущихъ задачахъ гражданскаго управленія при арміи, и 1-го ноября отправилъ ее Д. А. Милютину. Эта записка сама по себѣ

свидѣтельствовала о выдающихся способностяхъ князя Черкаскаго,—такъ ясно и отчетливо представлялъ онъ уже себѣ предстоящую ему, хотя едва намѣченную дѣятельность.

Въ первой части записки излагался общій взглядъ на устройство дѣла, съ выясненіемъ необходимости обезпечить за гражданскимъ управленіемъ единство дѣйствій; вторая состояла изъ девяти статей, опредѣлявшихъ основанія самого устройства гражданской части (см. Приложенія).

Отправивъ эту записку въ Петербургъ, князь Черкасскій выразилъ Д. А. Милютину¹ свои сомнѣнія и колебанія въ слѣдующемъ письмѣ:

„Обдумавши и кое-какъ набросавши записку въ общихъ чертахъ, я невольно усомнился въ своихъ силахъ. Меня беретъ раздумье при громадности очерченной задачи, при отсутствіи товарищей, съ какими привыкъ прежде имѣть дѣло. Поневолѣ вспоминаешь о покойномъ Юріи Ѳедоровичѣ *). Зачѣмъ не прожилъ онъ хотя бы одинъ лишній годъ? Мы бы теперь поѣхали вмѣстѣ съ нимъ, и я былъ бы спокоенъ. Ну, какъ я осрамлюсь? Это было бы и лично для меня обидно и, что гораздо еще хуже, такъ вредно для дѣла, которымъ я самъ дорожу, и для славянъ, и въ особенности для Россіи.

„Вы въ этомъ лучшій судья, если только рѣшитесь отложить въ сторону чувство дружбы ко мнѣ, что, однако, въ настоящемъ случаѣ совершенно необходимо. Убѣдительно прошу Васъ прежде, чѣмъ окончательно станете докладывать Государю, пораздумайте еще разъ хорошенько и взвѣсьте безпристрастно все то многое, что можетъ быть сказано противъ моего назначенія и что, въ случаѣ малѣйшей неудачи, всплыветъ немедленно съ значительными преувеличеніями на поверхность той среды, которая,

*) Ю. Ѳ. Самаринъ, который вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ и Н. А. Милютинимъ работалъ сначала по крестьянскому дѣлу въ Имперіи, а потомъ въ Царствѣ Польскомъ.

хорошо или дурно, управляетъ дѣлами въ Петербургѣ и которая Васъ самихъ грызетъ непрестанно.

„Если найдется охотникъ — Игнатъевъ или кто-бы то ни было, я охотно уступлю другому тяжелую отвѣтственность задачи и съ удовольствіемъ останусь при одномъ, болѣе скромномъ порученіи Императрицы (Красный Крестъ). Необходима большая доля увѣренности въ вашей твердой и дружественной поддержкѣ, чтобы не попятиться и пойти смѣло и бодро впередъ. Простите и извините въ докучливомъ признаніи, въ тревожившихъ меня невольно мысляхъ, которыми не съ кѣмъ подѣлиться, тогда какъ такъ хотѣлось бы послушать совѣта со стороны, откровеннаго суда о соотвѣтствіи личныхъ силъ съ трудностью задачи и цѣли. Желалъ бы вызвать его съ вашей стороны“.

Прибывъ въ Петербургъ, князь Черкасскій представился Государю и удостоился продолжительной бесѣды. Государю было уже извѣстно о представленной запискѣ и, соглашаясь съ необходимостью теперь же обсудить вопросъ о предстоящихъ мѣропріятіяхъ въ Болгаріи, Его Величество выразилъ свою твердую волю, „чтобы тамъ, за Дунаемъ, сдѣлано было нѣчто въ родѣ совершеннаго нами въ Царствѣ Польскомъ“.

Вскорѣ послѣ того послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ обсужденіи записки князя Черкасскаго въ особомъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера, князя Горчакова, комитетѣ: изъ главнокомандующаго, министровъ военнаго и финансовъ, начальника полевого штаба арміи и самого князя Черкасскаго. Изъ этого состава комитета послѣдній былъ лично знакомъ только съ Д. А. Милутинымъ. Въ первомъ же засѣданіи представителями арміи былъ поднятъ вопросъ: слѣдовало ли съ началомъ военныхъ дѣйствій вводить и гражданское управленіе въ занятomъ краѣ? и не лучше ли было отложить это дѣло до окончанія войны, когда выяснятся результаты ея? Но въ виду ясно выраженной Высочайшей воли, комитетъ пришелъ къ соглашенію относительно необходимости учрежде-

нія при главнокомандующемъ должности завѣдующаго гражданскими дѣлами. Послѣ этого слово было предоставлено князю Черкасскому, который до тѣхъ поръ находился, по его выраженію, какъ бы въ положеніи обвиняемаго. Онъ высказалъ, что самъ онъ ни о какомъ назначеніи въ Болгарію не просилъ, но съ благоговѣніемъ принялъ предложеніе Государя и приложитъ всѣ свои силы и способности къ лучшему выполненію возлагаемой на него миссіи. Для себя онъ ничего не ищетъ и имѣетъ въ виду лишь одну пользу дѣла. Слѣдуя этому, онъ и высказалъ въ запискѣ свое мнѣніе о предстоящей дѣятельности гражданского управленія при арміи, но ни на чемъ самъ, во что бы то ни стало, не настаиваетъ и готовъ согласиться съ каждымъ, кто предложитъ что-нибудь лучшее. Рѣчь эта не вызвала никакихъ возраженій, и главнокомандующій выразилъ свое согласіе съ главными вопросами, затронутыми въ запискѣ кн. Черкасскаго, прибавивъ, что подробности могутъ быть выработаны въ военномъ министерствѣ.

Въ нѣсколькихъ послѣдующихъ засѣданіяхъ были разобраны, между прочимъ, вопросы: 1) о дипломатической канцеляріи, которую князь Черкасскій хотѣлъ подчинить себѣ, но канцлеръ и главнокомандующій настояли на учрежденіи самостоятельной канцеляріи „для веденія переписки главнокомандующаго арміею по дипломатической части“, какъ это было уже опредѣлено особой статьею „Положенія о полевомъ управленіи войскъ“, и 2) о нашихъ консулахъ въ Болгаріи, которыхъ рѣшено было подчинить главнокомандующему. 16-го ноября, какъ было уже замѣчено выше, учрежденіе должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ и инструкція этому лицу удостоились Высочайшаго утвержденія.

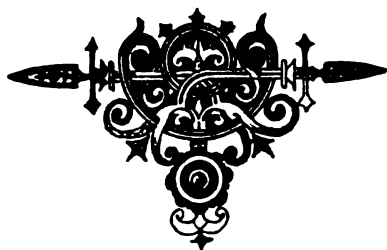
Инструкція была очень краткая, но въ нее почти цѣликомъ вошли всѣ 9 пунктовъ, проектированныхъ въ запискѣ князя Черкасскаго (см. Приложенія). Согласно положенія 16-го ноября, завѣдующій гражданскими дѣ-

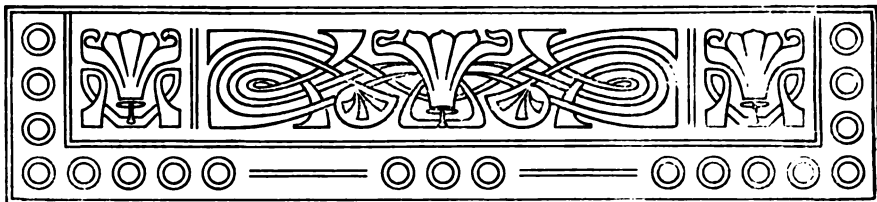
лами былъ подчиненъ непосредственно главнокомандующему арміею, у котораго имѣлъ личный докладъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся ввѣренной ему части. Такимъ образомъ должность эта была приравнена къ должности начальника полевого штаба, такъ какъ только два этихъ лица имѣли личный докладъ у главнокомандующаго. Для пополненія личнаго состава гражданскаго управленія соотвѣтствующими чинами, главнокомандующему предоставлялось не только назначать подчиненныхъ ему офицеровъ, но и входить въ сношеніе съ разными вѣдомствами имперіи о вызовѣ и прикомандированіи къ гражданскому управленію другихъ лицъ. Штатъ канцеляріи, завѣдующаго гражданскими дѣлами предусматривалъ только разряды должностей и ихъ содержаніе; самое же число должностей предоставлялось опредѣлить главнокомандующему, по мѣрѣ дѣйствительной надобности. Содержаніе завѣдующему гражданскими дѣлами было назначено въ 8.000 рублей, а содержаніе чиновъ его канцеляріи было согласовано съ содержаніемъ другихъ чиновъ управленій арміи. Кромѣ того, съ переходомъ черезъ Дунай всѣ чины гражданской канцеляріи получали особое добавочное содержаніе насчетъ суммъ болгарскаго края.

Князь Черкасскій представлялся Государю по случаю назначенія на должность завѣдующаго гражданскими дѣлами во второй половинѣ ноября, одновременно съ главнокомандующимъ и начальникомъ полевого штаба, готовившимися къ отъѣзду въ главную квартиру. При этомъ Государь повторилъ князю Черкасскому свою прежнюю мысль, а именно выразилъ надежду, что „онъ будетъ дѣйствовать точно такъ же, какъ дѣйствовалъ въ Царствѣ Польскомъ“.

Слова эти, произнесенныя въ присутствіи главнокомандующаго и его начальника штаба, имѣли большое значеніе для князя Черкасскаго не только потому, что опредѣляли порядокъ и цѣль его дѣйствій въ Болгаріи, но и главнымъ образомъ потому, что въ нихъ выражалось Высочайшее одобреніе его прежней дѣятельности.

Во время засѣданій особаго комитета князь Черкасскій не могъ не замѣтить, что произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на тѣхъ лицъ, съ которыми ему предстояло имѣть постоянныя непосредственныя сношенія съ открытіемъ военныхъ дѣйствій; его самоувѣренная и властная манера говорить имъ видимо не понравилась. Поэтому выказанное ему теперь Высочайшее довѣріе къ будущей его дѣятельности въ Болгаріи подняло духъ его и вдохнуло надежду на успѣшное приведеніе къ концу возложеннаго на него порученія.

II.

Краткія свѣдѣнія о происхожденіи и воспитаніи кн. Черкасскаго. — Его литературная дѣятельность и сближеніе съ кружкомъ славянофиловъ. — Участіе въ разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ. — Служебная дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ. — Отставка кн. Черкасскаго и избраніе его на должность Московскаго городского головы. — Отказъ его отъ этой должности и свободное проживаніе въ Москвѣ и за границею. — Посѣщеніе Константинополя.

Въ виду той важной исторической роли, которую пришлось играть князю Черкасскому въ дѣлѣ устройства освобожденнаго нашими войсками славянскаго края, считаемъ нужнымъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о предшествующей дѣятельности этого государственнаго человѣка.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій родился 5-го февраля 1824 г. въ деревнѣ Журавлевкѣ, Одинцово—тожъ, Тульской губ., Чернскаго уѣзда. О дѣтствѣ и воспитаніи его сохранилось мало свѣдѣній. Самъ онъ о своихъ гувернерахъ отзывался далеко не лестно, но все же, благодаря имъ, онъ прекрасно владѣлъ французскимъ, англійскимъ и нѣмецкимъ языками.

Отецъ его, князь Александръ Александровичъ, служилъ сначала въ Преображенскомъ полку, а затѣмъ былъ прикомандированъ, въ качествѣ attaché, къ нашему посольству въ Лондонъ (въ 1803 г.). О немъ упоминается въ перепискѣ кн. Воронцова (см. „Архивъ князя Воронцова“, т. X и XV), какъ о веселомъ и симпатичномъ молодомъ человѣкѣ.

Но молодой князь скучалъ въ Лондонѣ и вскорѣ его оставилъ. Вернувшись на родину, онъ женился на Варварѣ Семеновнѣ Окуновой и переселился въ Москву, гдѣ и проживалъ зимою, а лѣтомъ переѣзжалъ съ семьей въ Тульскую губ. Съ годами характеръ князя Александра Александровича измѣнился и семья его много терпѣла отъ его крутого, тяжелаго нрава. Кромѣ Владиміра Александровича, у него было три сына: Константинъ, Евгенийъ и Ипполитъ и дочь Софія, бывшая въ замужествѣ за А. А. Рябининымъ *).

Князь Владиміръ Александровичъ, послѣ домашней подготовки, поступилъ 16-ти лѣтъ отъ роду въ московскій университетъ, на юридическій факультетъ. Сначала онъ жилъ вмѣстѣ съ родителями, но въ 1844 г. князь Александръ Александровичъ скончался, а княгиня-вдова переѣхала на постоянное жительство въ свою тульскую деревню Горбатовку; съ той поры князь Владиміръ Александровичъ сталъ жить одинъ, въ меблированныхъ комнатахъ.

Въ университетѣ онъ скоро выдвинулся, какъ прилежный и даровитый студентъ. Авторъ біографической замѣтки о немъ П. Безсоновъ рассказываетъ, что когда увидѣлъ въ первый разъ молодого князя на публичной лекціи профессора Линовскаго и спросилъ своихъ сосѣдей: кто это? — то ему отвѣтили: „это первый студентъ извѣстный Черкасскій **“. Въ отчетахъ московскаго университета 1840—41 г. встрѣчается имя кн. Черкаскаго въ числѣ студентовъ юристовъ, подавшихъ наилучшія письменныя работы. Особеннаго вниманія заслужилъ его „Очеркъ исторіи сельскаго сословія въ Россіи“, написанный въ 1844 г. на заданную факультетомъ тему и удостоенный, однако, не золотой, а лишь серебряной медали ***).

*) Изъ нихъ Ипполитъ былъ убитъ на Кавказѣ въ 1844 г., Константинъ умеръ въ 1853 г., Софія—въ 1854 г., а Евгенийъ, пережившій всѣхъ, въ 1898 г.

**) „Русскій Архивъ“ 1878 г., № 6.

***) Трудъ этотъ напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880 г.

Въ то время въ московскомъ обществѣ еще мало интересовались крестьянскимъ вопросомъ, князь же Черкасскій говоритъ въ своемъ очеркѣ объ освобожденіи крестьянъ, какъ о „вождемъ днѣ“. На послѣдней страницѣ этого разсужденія, сохранившагося въ рукописи въ архивѣ кн. Черкаскаго (въ Румянцевскомъ Музеѣ), находится слѣдующая отмѣтка слѣланная рукою Погодина: „Оканчивая чтеніе вашего труда, только жалѣю объ одномъ, почему онъ не доведенъ до конца? Предметъ вашего разсужденія важностью своею равняется съ вашимъ прилежаніемъ и вашими дарованіями“.

Въ своемъ воспоминаніи объ университетскихъ годахъ *) кн. Черкасскій говоритъ, что наиболѣе вліянія на него имѣли лекціи профессоровъ М. П. Погодина и Н. И. Крылова. Впослѣдствіи на юбилей Погодина (въ 1872 г.) кн. Черкасскій произнесъ въ честь своего бывшаго учителя горячую рѣчь, въ которой, упомянувъ о сильномъ вліяніи его на слушателей, слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ преподавательскую дѣятельность Погодина: „Онъ училъ насъ любить науку, любить и уважать Россію, цѣнить тѣ великія, тяжелыя жертвы, которыя древняя Русь умѣла принести ради сохраненія своего самостоятельнаго бытія и созданія устоявшаго въ буряхъ исторіи славянскаго государства; онъ училъ насъ сознавать себя русскими членами одной русской, одной общей великой славянской семьи. Онъ вливалъ въ наши молодыя души живые задатки народнаго самосознанія“. Большое значеніе для него имѣлъ, какъ оказывается, также и И. Д. Бѣляевъ. По словамъ П. Безсонова, у Бѣляева кн. Черкасскій „сизживалъ долго по пріемнымъ воскресеньямъ, выслушивалъ терпѣливо чтеніе длинныхъ столбцевъ, аршинныхъ актовъ и сотни Бѣляевскихъ статей, вытвердилъ „Исторію крестьянъ на Руси“ и громко

*) См. „Князь В. А. Черкасскій. Его рѣчи, его статьи и воспоминанія о немъ“. Москва, 1879 г.

утверждалъ всегда, что самыми точными и дѣльными свѣдѣніями о русской общинѣ обязанъ онъ Бѣляеву“.

По окончаніи университета съ званіемъ кандидата князь Черкасскій намѣревался посвятить себя ученой дѣятельности и добиваться каѳедры русскаго права. Зиму 1845—46 г. онъ провелъ въ Москвѣ, дѣля свое время между свѣтскою жизнью и приготовленіемъ къ экзамену на степень магистра. Для диссертаціи онъ выбралъ тему о „цѣловальникахъ“ т. е. о древнемъ судѣ присяжныхъ. Но семейныя обстоятельства (раздѣлъ имѣній) заставили его вскорѣ проводить большую часть года въ деревнѣ, въ Тульской губерніи, въ занятіяхъ хозяйственными дѣлами, хотя онъ не оставлялъ и своихъ научныхъ работъ.

Практическое близкое знакомство съ сельскимъ міромъ привело его вскорѣ къ мысли учредить среди тульскихъ дворянъ кружокъ для представленія правительству ходатайства объ освобожденіи крестьянъ. Подобный проектъ былъ подаваемъ губернатору нѣсколькими тульскими дворянами еще на выборахъ 1843—44 г., причемъ имѣлось въ виду отпустить на волю крестьянъ съ награжденіемъ ихъ землею по 1 десятинѣ на ревизскую душу; но гг. дворяне получили отказъ. Кружокъ князя Черкасскаго, составившійся въ апрѣлѣ 1847 года, тоже проектировалъ освобожденіе крестьянъ съ землею. Хотя работы кружка встрѣтили поддержку и со стороны тогдашняго тульского губернатора, Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи графа Амурскаго), но вспыхнувшая въ 1848 г. во Франціи революція произвела такое впечатлѣніе въ Петербургѣ, что приказано было всѣ работы по вопросу объ освобожденіи крестьянъ пріостановить. Онѣ возобновились лишь съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра II.

Въ 1850 г. князь В. А. Черкасскій женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Васильчиковой, принадлежавшей къ высшему кругу тогдашняго московскаго общества. По словамъ П. Безсонова, семейство Васильчиковыхъ „выдавалось сколько лучшимъ тономъ, столько же патріархаль-

ною строгостью семейныхъ началъ и порядковъ, глубокою религіозностью, богатствомъ хозяйства и благоустройствомъ дома, а вмѣстѣ значительной образованностью, которая открывала ласковый и лестный пріемъ всѣмъ виднымъ ученымъ, литераторамъ и художникамъ, и даже чаще имъ, чѣмъ форменнымъ визитамъ и чопорнымъ посѣтителямъ раутовъ“. Какъ видно изъ сохранившихся писемъ г-жи Васильчиковой къ своей дочери графинѣ Барановой *) кн. Черкасскій успѣлъ внушить своей будущей тещѣ горячую любовь къ себѣ и высокое представленіе о своемъ умѣ и нравственныхъ качествахъ.

Послѣ свадьбы молодые Черкасскіе провели три мѣсяца у себя въ тульской деревнѣ, а затѣмъ переѣхали на жительство въ Москву. Съ этого времени начинается сближеніе кн. Черкасскаго съ кружкомъ славянофиловъ. Еще будучи студентомъ, онъ былъ знакомъ съ Кирѣевскими и Хомяковымъ, но это знакомство никакого замѣтнаго вліянія на него не оказало; да и славянофильское ученіе тогда (1842—44 гг.) едва только стало обозначаться. Съ переселеніемъ въ Москву въ 1850 г. кн. Черкасскій близко сходитсѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, И. С. Аксаковымъ и А. И. Кошелевымъ. Являясь впослѣдствіи выразителемъ лучшихъ идей славянофильства, онъ все же славянофиломъ никогда вполне не былъ. Главное отличіе его отъ нихъ заключалось въ томъ, что въ основѣ ихъ философскихъ, политическихъ и общественныхъ взглядовъ лежало религіозное начало, въ тѣсномъ смыслѣ православіе, тогда какъ кн. Черкасскій такого всеобъемлющаго значенія религіи не придавалъ. Сверхъ того онъ неоднократно высказывался противъ сельской общины, которую такъ высоко цѣнили славянофилы; нерѣдко подсмѣивался надъ ихъ преклоненіемъ предъ народомъ и т. д. Но что его сильно сближало съ славянофилами, это его горячая любовь къ Россіи, вѣра въ ея высокое на-

*) О нихъ упоминаетъ кн. О. Трубецкая въ своемъ трудѣ „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, кн. 1-я стр. 33.

значение и, наконецъ, то значение, которое онъ придавалъ славяно-русскому единству. Въ описываемое время (начало пятидесятихъ годовъ) кн. Черкасскій былъ сильно занятъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, что было предметомъ и постоянныхъ бесѣдъ славянофильскаго кружка. Стремленіе высказаться объ этомъ печатно выразилось въ изданіи „Московского Сборника“. Редакторскія обязанности принялъ на себя И. С. Аксаковъ, а помощникомъ его былъ А. И. Кошелевъ. Сборникъ предполагалось выпустить въ 4-хъ книгахъ, но вышла всего одна, — вторая была запрещена цензурою. Въ числѣ приготовленныхъ для нея статей кн. Черкасскому принадлежало изслѣдованіе „Юрьевъ день“ (о подвижности народонаселенія въ древней Руси), которое было передѣлкой его студенческой работы „Очеркъ исторіи сельскаго сословія“. Запрещеніе „Сборника“ имѣло для нѣкоторыхъ изъ его участниковъ весьма непріятныя послѣдствія, а именно: Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и кн. Черкасскій подверглись ограниченію въ правахъ печатанія и полицейскому надзору.

Послѣ такой неудачи на литературномъ поприщѣ кн. Черкасскій принялъ на себя управленіе многочисленными имѣніями Васильчиковыхъ, разсѣянными по всей Россіи. Это заставляло его совершать частыя и продолжительныя поѣздки для ревизіи ихъ.

Послѣ крымской войны въ Россіи повѣяло новымъ духомъ, и славянофилы занялись своею любимою мечтою объ изданіи журнала.хлопоты ихъ увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: журналъ былъ разрѣшенъ и со всѣхъ участниковъ „Московского Сборника“ было снято запрещеніе.

Первая книжка славянофильскаго журнала „Бесѣда“ вышла 28 апрѣля 1856 года. Кн. Черкасскому въ ней принадлежала статья „Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ“.

Въ послѣдующихъ книжкахъ „Бесѣды“ былъ помѣщенъ рядъ его статей по политическимъ вопросамъ, за-

нимавшимъ тогда Европу, и между прочимъ „Два слова по поводу восточнаго вопроса“ *). Статьи кн. Черкасскаго производили большое впечатлѣніе и вызывали оживленную полемику въ тогдашнихъ журналахъ.—Осенью 1858 г. кн. Черкасскій, въ видахъ поправленія здоровья жены, совершилъ путешествіе въ Италію.

Въ томъ же году открылись въ Петербургѣ занятія образованнаго по Высочайшей волѣ комитета по крестьянскому вопросу. Предсѣдателемъ его сначала былъ князь Орловъ, а затѣмъ великій князь Константинъ Николаевичъ, сторонникъ освобожденія крестьянъ. Хотя крѣпостническое большинство членовъ комитета старалось, чтобы дѣло окончилось одной канцелярской перепиской, но молодой Государь, возвратившійся изъ за-границы подъ вліяніемъ бесѣдъ съ великой княгиней Еленой Павловной (супругой вел. кн. Михаила Павловича) и ея кружкомъ, настоялъ на рѣшительномъ проведеніи реформы.

Узнавъ объ этомъ, кн. Черкасскій, переѣхавшій изъ Рима въ Парижъ, побывалъ въ Лондонѣ и затѣмъ поспѣшилъ (весною 1858 г.) возвратиться въ отечество.

Вскорѣ послѣ того въ губерніяхъ были образованы комитеты для разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ; члены ихъ были частью выборные отъ дворянства, частью назначенные правительствомъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и кн. Черкасскій, занявшій видное мѣсто въ тульскомъ комитетѣ. Но его блестящія рѣчи не нравились большинству комитета, главнымъ образомъ потому, что онъ стоялъ за освобоженіе крестьянъ *съ землею*. Раздраженіе противъ кн. Черкасскаго дошло до того, что въ тульскомъ дворянскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ о преданіи его суду дворянства.

Но зато князя Черкасскаго оцѣнили „на верхахъ“ и вскорѣ онъ былъ призванъ въ Петербургъ въ члены редакціонныхъ комиссій для составленія Положенія о

*) Статьи эти собраны въ сборникъ „Кн. В. А. Черкасскій“. Москва. 1879 г.

крестьянахъ. Тамъ онъ близко сошелся съ товарищами по работѣ: Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ (братомъ военнаго министра) и Юріемъ Федоровичемъ Самаринымъ. Эти три одушевленные бойца, послѣ двухъ лѣтъ упорной работы и борьбы съ могущественными противниками, можно сказать, вынесли на своихъ плечахъ Положеніе 19-го февраля 1861 года.

Во время пребыванія въ Петербургѣ кн. Черкасскій жилъ въ Михайловскомъ дворцѣ, куда переѣхалъ по приглашенію великой княгини Елены Павловны, съ которою Черкасскіе познакомились и близко сошлись во время путешествія въ Италиі. На вечерахъ у великой княгини кн. Черкасскій часто имѣлъ случай видѣть Государя и неоднократно удостоивался бесѣды съ нимъ.

Послѣ изданія Положенія кн. Черкасскій и Самаринъ поспѣшили принять личное участіе въ примѣненіи своей работы къ жизни: Самаринъ въ качествѣ члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ г. Самарѣ, а Черкасскій въ должности мирового посредника въ своемъ Веневскомъ уѣздѣ. Его разумныя дѣйствія были вскорѣ оцѣнены какъ крестьянами, такъ и помѣщиками, и вражда къ нему тульского дворянства разсѣялась *).

Два года спустя, въ 1863 году вспыхнулъ польскій мятежъ. Вслѣдъ за усмиреніемъ его вооруженною силою началось переустройство края на новыхъ основаніяхъ. Дѣло это было поручено Н. А. Милютину, который обратился съ просьбою о содѣйствіи къ обоимъ своимъ сотрудникамъ по крестьянскому дѣлу. Съ Высочайшаго соизволенія, но въ качествѣ частныхъ людей, Черкасскій и Самаринъ, вмѣстѣ съ Милютинымъ, объѣхали, не безъ опасности для жизни **), Царство Польское и результатомъ этого явилось выработанное ими Положеніе 19 февраля

*) Дѣятельность кн. Черкаскаго въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса подробно рассмотрѣна въ сочиненіи кн. О. Трубецкой „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкаскаго“. Т. I, части 1-я и 2-я.

**) См. рѣчь И. С. Аксакова въ книгѣ „Князь В. А. Черкасскій“, стр. 331.

1864 г., надѣлившее польскихъ крестьянъ землею и избавившее ихъ отъ гнета пановъ.

Послѣ этого Самаринъ возвратился въ Россію, а кн. Черкасскій, по совѣту Милютина, въ первый разъ поступилъ на государственную службу—на должность главнаго директора Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь впервые обнаружилась и развернулись его блестящія административныя способности. Мятежные элементы края почувствовали твердую и сознательную русскую волю, которой они должны были подчиниться. Но зато эта дѣятельность вызвала много ненависти, озлобленнаго сопротивленія, клеветъ и интригъ, и притомъ не только въ польской средѣ, но и въ Римѣ. и въ Австріи, въ особенности, когда Черкасскій завелъ сношенія съ Галиціей и съ русскими униатами. Приходилось ему встрѣчать противодѣйствіе даже и въ высшихъ русскихъ чиновныхъ кругахъ... Но у него была сильная поддержка въ Петербургѣ: Н. А. Милютинъ, занимавшій постъ статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго и имѣвшій личный докладъ у Государя.

Со смертью Милютина, на мѣсто котораго былъ назначенъ Набоковъ, кн. Черкасскій, сознавая, что онъ не будетъ болѣе хозяиномъ дѣла, вышелъ въ отставку и переселился въ Москву. Въ 1869 году онъ былъ избранъ въ московскіе городскіе головы, но оставался въ этомъ званіи недолго—до 1871 года. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему городскою думою, онъ высказалъ, что въ общественномъ дѣлѣ имъ всегда руководили два вѣрованія: „вѣрованіе въ необходимость и спасительность началъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, и не менѣе твердая вѣра въ необходимость, для успѣха дѣятельности общественныхъ учреждений, полной, строгой, безусловной законности ихъ дѣйствій“.

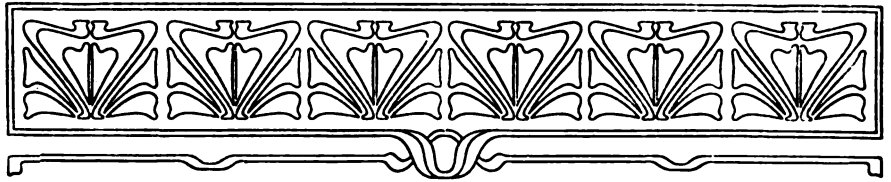
Вскорѣ послѣ того князь В. А. Черкасскій отправился за границу. Возвратился онъ весною 1875 года моремъ, черезъ Константинополь, гдѣ останавливался на нѣ-

сколько дней, а затѣмъ проѣхалъ черезъ Босфоръ и Черное море.

Восточнымъ вопросомъ онъ интересовался и ранѣе, и даже, какъ было упомянуто выше, посвятилъ ему нѣсколько статей въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856, 57 и 58 гг., въ которыхъ старался выяснить важность этого вопроса для Россіи *).

*) Ср. характеристику кн. В. А. Черкасскаго въ статьѣ кн. Д. Д. Оболенскаго „Наброски изъ прошлаго“ („Русск. Стар.“, 1893 г., № 12).

III.

Инструкція завѣдующему гражданскими дѣлами. — Содержаніе, назначенное кн. Черкасскому и гражданской канцеляріи. — Первоначальный составъ управленія завѣдующаго гражданскими дѣлами. — Подготовительная дѣятельность къ предстоящей службѣ въ Болгаріи. — Недружелюбное отношеніе главной квартиры къ кн. Черкасскому. — Сформированіе Болгарскаго ополченія. — Приѣздъ кн. Черкасскаго въ Кишиневъ и представленіе главнокомандующему доклада объ организаціи гражданского управленія. — Высочайше утвержденныя правила о правахъ и преимуществахъ службы по гражданскому управленію въ Болгаріи лицъ военнаго званія.

ЫСОЧАНШЕ утвержденной 16-го ноября 1876 г. инструкціею завѣдующему гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею на это лицо возлагалось:

1) Собраніе необходимыхъ статистическихъ и историческихъ матеріаловъ, долженствующихъ служить руководствомъ для составленія предположеній о необходимыхъ въ Краѣ преобразованіяхъ, для нравственнаго и матеріальнаго улучшенія быта населеній Задунайскаго края.

2) Постепенное введеніе въ дѣйствіе новаго гражданского мѣстнаго управленія, на утвержденныхъ главнокомандующимъ основаніяхъ, въ частяхъ Задунайскаго края, по мѣрѣ очищенія ихъ войсками отъ турецкаго владычества.

3) Наблюденіе за возможно правильнымъ теченіемъ гражданской мѣстной администраціи въ тылу арміи и

дѣятельное содѣйствіе военному начальству къ охраненію мѣстнаго населенія отъ всякаго рода притѣсненій.

4) Пріисканіе изъ числа мѣстныхъ жителей, при помощи свѣдѣній, доставляемыхъ отъ разныхъ военныхъ начальниковъ,—лицъ вполне благонадежныхъ, которыя, по своему вліянію, опытности въ условіяхъ мѣстной жизни и преданности русскому правительству, могли бы съ пользою быть употребляемы въ дѣлѣ устройства мѣстнаго управленія.

5) Наблюденіе за пользами православной церкви и за охраненіемъ народныхъ училищъ.

6) Огражденіе свободы вѣры иностранцевъ, въ томъ числѣ и мусульманъ, отъ проявленій мѣстнаго фанатизма.

7) Постепенное, по мѣрѣ возможности, введеніе улучшеннаго порядка распредѣленія и взиманія податей и налоговъ, а равно наблюденіе за возможно успѣшнымъ поступленіемъ оныхъ.

8) Дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края.

9) Посредничество между славянскими разнаго наименованія комитетами, какъ въ Россіи, такъ и внѣ оной, и мѣстными нуждами и потребностями жителей Задунайскаго края, и

10) Подготовленіе проектовъ необходимыхъ преобразованій въ краѣ, на случай могущей открыться въ нихъ потребности.

Содержаніе завѣдующему гражданскими дѣлами было назначено въ размѣрѣ 6.000 руб. въ годъ и 2.000 руб. добавочныхъ—изъ экстраординарной суммы, находившейся въ непосредственномъ распоряженіи главнокомандующаго; сверхъ того, 8,000 единовременно на подъемъ. Изъ той же экстраординарной суммы предписано было выдавать ежегодно въ добавокъ къ содержанію:

Помощнику завѣдующаго гражданскими дѣлами	2.000 р.
Чиновникамъ для особыхъ порученій при завѣдующемъ гражданскими дѣлами по	1.200 „
Правителю канцеляріи	1.500 „
Начальникамъ отдѣленій по	750 „
Помощникамъ ихъ по	700 „
Бухгалтеру	1.200 „

На первоначальное устройство и обзаведеніе канцеляріи завѣдующаго гражданскими дѣлами было отпущено единовременно 3.000 руб.

Въ виду неопредѣленности въ то время политическаго положенія, рѣшено было составить эту канцелярію въ ограниченномъ размѣрѣ, изъ самаго необходимаго числа лицъ, а именно: изъ правителя канцеляріи, двухъ чиновниковъ для особыхъ порученій, двухъ начальниковъ отдѣленій, двухъ помощниковъ къ нимъ и бухгалтера. На пополненіе этого состава, опредѣленнаго резолюціею главнокомандующаго отъ 18-го ноября, княземъ Черкасскимъ были взяты только: генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Домантовичъ (правитель канцеляріи), одинъ чиновникъ особыхъ порученій—генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ, одинъ начальникъ отдѣленія и одинъ помощникъ начальника отдѣленія. Въ такомъ составѣ изъ 4-хъ лицъ канцелярія кн. Черкасскаго оставалась до перемѣщенія ея изъ Петербурга въ Кишиневъ, что послѣдовало 8-го апрѣля 1877 года.

Такимъ образомъ, почти 5 мѣсяцевъ пришлось провести кн. Черкасскому въ Петербургѣ; нѣсколько разъ только онъ отлучался въ Москву и деревню. Причиною такого продолжительнаго бездѣйствія его было противо-дѣйствіе со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, которое находило, что прибытіе чиновъ гражданского управленія въ Кишиневъ въ то время, какъ въ Констан-

тинополѣ шли еще дипломатическіе переговоры, могло бы вредно повліять на ходъ ихъ.

Своимъ досугомъ князь Черкасскій воспользовался прежде всего для того, чтобы близко ознакомиться со всѣми данными, имѣющими отношеніе къ болгарскимъ дѣламъ, для чего вошелъ въ служебныя сношенія съ министерствами военнымъ, иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, сношенія эти были немногосложны, такъ какъ свѣдѣній о Болгаріи у насъ тогда имѣлось мало. Даже лучшая карта этой страны была иностраннаго происхожденія, а именно: у Яфе въ Вѣнѣ была напечатана фотолитографическимъ способомъ и на русскомъ языкѣ „Карта Дунайской Болгаріи, Балкана и юго-восточной Сербіи“, составленная по глазомѣрнымъ съемкамъ Ф. Каница (масштабъ—14 верстъ въ дюймѣ). Въ военнo-ученомъ комитетѣ главнаго штаба ее пополнили этнографическими свѣдѣніями, причемъ на самой картѣ обозначили красками мѣста, занятыя различными народностями. По удостовѣренію генерала Анучина *), дополненная такимъ образомъ карта Каница „сослужила отличную службу не только чинамъ гражданскаго управленія, но и войскамъ, несмотря на многія вкравшіяся въ нее топографическія погрѣшности“.

Министерство иностранныхъ дѣлъ могло предоста-вить въ распоряженіе кн. Черкасскаго только статью „О Дунайскомъ вилайетѣ“ бывшаго консула въ Руссукѣ Мошнина. Съ этимъ министерствомъ, а также съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ кн. Черкасскій велъ сношенія и объ опредѣленіи порядка сношеній завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ съ славянскими благотворительными обществами.

Такъ какъ русскихъ книгъ о Турціи и Болгаріи было мало, то пришлось обратиться къ иностранной литературѣ. Изъ Вѣны и Константинополя была выписана масса

*) См. его статью „Князь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи 1877—78 гг.“ („Русск. Стар.“, 1895, № 3).

книгъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ по востокосвѣдѣнію, благодаря которымъ кн. Черкасскій и его первые помощники могли составить себѣ опредѣленное понятіе о порядкахъ, существовавшихъ въ Турціи, и намѣтить, что слѣдовало извлечь и сгруппировать для руководства лицамъ, привлекаемымъ къ дѣятельности гражданскаго управленія въ Болгаріи. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ книгъ, дополнялись и объяснялись личными сношеніями съ лицами, бывавшими на Востокѣ; между таковыми было и нѣсколько болгаръ. Немало помогли въ этомъ дѣлѣ кн. Черкасскому и близкіе ему И. С. Аксаковъ и П. А. Васильчиковъ, игравшіе видную роль въ московскомъ и петербургскомъ славянскихъ комитетахъ. Благодаря всему этому, кн. Черкасскій, еще будучи въ Петербургѣ, могъ выработать себѣ опредѣленный взглядъ на предстоящую ему дѣятельность въ Болгаріи. вмѣстѣ съ тѣмъ шли работы и производились сношенія по будущей службѣ его въ роли представителя Краснаго Креста *).

По словамъ кн. Черкаскаго, приведеннымъ въ статьѣ ген. Анучина, пріемъ ему въ правящихъ сферахъ Петербурга былъ оказанъ весьма холодный. Въ просимыхъ свѣдѣніяхъ ему не отказывали, но его, видимо, старались сбыть съ рукъ, и интереса къ порученному ему дѣлу никто не показывалъ. Притомъ многіе ставили ему въ упрекъ его прежнюю службу по крестьянскому дѣлу и въ Царствѣ Польскомъ, а нѣкоторые даже считали его человѣкомъ крайнихъ убѣжденій. Одинъ только, знавшій издавна кн. Черкаскаго, военный министръ Д. А. Милютинъ неизмѣнно показывалъ ему дружеское расположеніе.

Немудрено поэтому, что кн. Черкасскій рвался въ дѣйствующую армію. Еще въ концѣ декабря онъ послалъ письмо генераль-адъютанту Непокойчицкому, въ которомъ

*) Кромѣ его были назначены Н. С. Абаза и кн. М. А. Оболенскій: первый завѣдующимъ Краснымъ Крестомъ отъ Прута внутрь имперіи, а второй комиссаромъ при румынскомъ правительствѣ по дѣламъ дѣйствующей арміи.

просить доложить главнокомандующему о своемъ желаніи прибыть въ Кишиневъ въ началѣ января. Но на это получилъ отвѣтъ, помѣченный 2-мъ января, что Великій Князь находитъ необходимымъ отложить пріѣздъ гражданской канцеляріи до того времени, „когда движеніе войскъ за границу будетъ опредѣлено“.

Не только изъ этого отвѣта, но и еще прежде, во время нахождения Великаго Князя и его штаба въ Петербургѣ, кн. Черкасскій не могъ не замѣтить холоднаго отношенія къ себѣ главной квартиры. Помимо личнаго неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго, какъ было замѣчено выше, кн. Черкасскимъ на Великаго Князя и его начальника штаба, этотъ послѣдній имѣлъ еще другія причины питать нерасположеніе къ будущему устройтелю Болгаріи. Какъ одинъ изъ столповъ польской партіи *бѣлыхъ* *), генералъ Непокойчицкій не могъ относиться сочувственно къ бывшему устройтелю крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Онъ и не скрывалъ своего недоброжелательства къ нему, которое потомъ, за Дунаемъ, перешло въ окончательный разрывъ. Всегда сосредоточенный и молчаливый, генералъ Непокойчицкій, по словамъ генерала Анучина, „не тратя лишнихъ словъ, давалъ своему противнику высказываться, а самъ, какъ бы соглашаясь наружно, упорно стоялъ на своемъ и достигалъжелаемаго не рѣшительными дѣйствіями, а пассивнымъ бездѣйствіемъ“. Противодѣйствіе его кн. Черкасскому высказывалось даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ, напротивъ, слѣдовало бы поддержать князя даже въ интересахъ военнаго вѣдомства. Въ особенности это выразилось по отношенію къ Болгарскому ополченію.

Вопросъ о сформированіи Болгарскаго ополченія былъ рѣшенъ еще осенью въ Ливадіи, гдѣ находился тогда Государь съ военнымъ министромъ, генералъ-адъютантомъ Милютинымъ, и тогда же на должность начальника опол-

*) См. „Князь В. А. Черкасскій“, Д. Анучина („Русск. Стар.“, 1895. № 3, стр. 12).

ченія былъ избранъ генераль-маіоръ Столѣтовъ. Болгарскія дружины предполагалось содержать, главнымъ образомъ, „для мѣстной службы въ Болгаріи“ и „для поддержания въ ней порядка и спокойствія“. Поэтому въ послѣдствіи, съ учрежденіемъ должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ, всѣ распоряженія по формированію ополченія дѣлались по соглашенію съ нимъ. Къ тому же на него даже данною ему инструкціею было возложено „оказывать дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края“. Словомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что военное министерство желало поручить дѣло сформирования ополченія обоюднымъ заботамъ гражданскихъ и военныхъ властей.

Освѣдомившись объ этомъ и имѣя въ виду принять мѣры для скорѣйшаго обмундирования своей будущей части, генераль Столѣтовъ обратился къ князю Черкасскому за содѣйствіемъ къ заготовленію обмундирования для болгарскихъ дружинъ. Дѣло устроилось, благодаря связямъ кн. Черкасскаго съ И. С. Аксаковымъ: военное министерство гарантировало уплату денегъ, а заготовленіе вещей приняло на себя Московское Славянское благотворительное общество.

Но генералу Непокойчицкому это не понравилось. Когда ген. Столѣтовъ явился къ начальнику полевого штаба, тотъ встрѣтилъ его недружелюбно и сдѣлалъ замѣчаніе за обращеніе къ кн. Черкасскому, при чемъ высказалъ, что „начальники у васъ только главнокомандующій и я, въ другихъ заискивать нечего, и князь Черкасскій ничего не можетъ для васъ сдѣлать“. На это ген. Столѣтовъ возразилъ, что если онъ позволилъ себѣ обратиться къ кн. Черкасскому, то только по такому предмету, который не можетъ быть разрѣшенъ теперь же военнымъ вѣдомствомъ, а между тѣмъ гражданское управленіе при арміи

имѣть свои особыя источники, изъ коихъ и можетъ помочъ временно.

Изъ этого видно, что начальникъ полевого штаба сталъ въ непріязненное отношеніе къ кн. Черкасскому еще до отъѣзда главной квартиры изъ Петербурга, слѣдовательно, съ первыхъ шаговъ ихъ совмѣстной службы.

Великій Князь Николай Николаевичъ то-же не склоненъ былъ поддерживать кн. Черкасскаго. Подчинившись волѣ Государя Императора, онъ въ сущности былъ противникомъ учрежденія должности завѣдующаго гражданскими дѣлами въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи. По словамъ ген. Анучина *), „получая въ командованіе армію, Великій Князь, конечно, сознавалъ, что результатомъ войны должно быть улучшеніе положенія балканскихъ христіанъ, а можетъ быть и возрожденіе самостоятельной Болгаріи, но былъ далекъ отъ мысли, что заботы объ этомъ возрожденіи будутъ возложены на него. Для такой дѣятельности онъ считалъ себя неподготовленнымъ, и ему вовсе не улыбалась перспектива работать при содѣйствіи или, вѣрнѣе сказать, подъ вліяніемъ кн. Черкасскаго, не только не овладѣвшаго его довѣріемъ, но и возбудившаго въ немъ холодность и подозрительность. Въ содѣйствіе гражданскаго управленія нуждамъ и выгодамъ арміи онъ не вѣрилъ и, наоборотъ, полагалъ, что управленіе это во многомъ свяжетъ распоряженія военныхъ властей и принесетъ войскамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, выдвигая впередъ интересы мѣстнаго населенія, соблюденіе коихъ, въ сущности, не обязательно для главнокомандующаго“. Вслѣдствіе такого отношенія главнокомандующаго къ задачамъ гражданскаго управленія, въ главной квартирѣ выработался такой взглядъ, что кн. Черкасскаго съ его канцеляріей лучше всего держать въ сторонѣ отъ главной квартиры и даже по возможности игнорировать его.

*) „Русская Старина“ 1895 г., № 5, стр. 8.

Какъ мы видѣли выше, пріѣздъ кн. Черкаскаго въ Кишиневъ считался еще „несвоевременнымъ“. Но, благодаря содѣйствію военнаго министра, кн. Черкасскому удалось представить отвѣтъ главной квартиры на воззрѣніе Государя. Вслѣдствіе этого, когда вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ, кн. Черкасскому приказано было отправиться въ Кишиневъ.

6-го апрѣля 1877 г. онъ выѣхалъ изъ Москвы и 9-го числа прибылъ въ Кишиневъ. На пути присоединился къ нему съ своимъ секретаремъ ген. Домановичъ. 12-го апрѣля, какъ извѣстно, послѣдовало объявленіе войны Турціи.

Помѣстившись въ отведенной ему небольшой квартиркѣ, кн. Черкасскій тотчасъ усердно принялся заниматься порученнымъ ему дѣломъ. Такъ какъ онъ сохранилъ за собою и представительство по Красному Кресту, то ему прежде всего пришлось заняться организаціей этого дѣла: набрать необходимое число врачей, сестеръ милосердія, братьевъ милосердія, фельдшеровъ и т. п. Каждый день утромъ онъ ѣздилъ съ докладомъ къ Великому Князю, у котораго вообще встрѣтилъ очень пріятный пріемъ, и у него же обѣдалъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ кн. Черкасскій желалъ представить главнокомандующему свой докладъ о предполагаемой организаціи гражданскаго управленія; но Великій Князь, въ виду неотложныхъ занятій, вызываемыхъ объявленіемъ войны и предстоящимъ пріѣздомъ въ Кишиневъ Государя, отклонилъ этотъ докладъ и согласился лишь на назначеніе помощника къ кн. Черкасскому, на каковую должность былъ избранъ радомскій губернаторъ генеральнаго штаба ген.-маіоръ Анучинъ, извѣстный князю по совмѣстной службѣ въ Царствѣ Польскомъ (онъ прибылъ въ Кишиневъ 3 мая).—Нѣсколько позже были назначены состоять при немъ: для завѣдыванія судебными дѣлами — членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. И. Лукьяновъ, и для руководства

дѣлами народнаго просвѣщенія—проф.-славистъ Харьковскаго университета, болгаринъ М. С. Дриновъ.

Лицъ второстепенныхъ для пополненія канцеляріи и замѣщенія административныхъ должностей въ Болгаріи кн. Черкасскій предполагалъ набрать по открытіи военныхъ дѣйствій, приче́мъ кандидатовъ на должность окружныхъ начальниковъ взять изъ офицеровъ дѣйствующей арміи. Прійти къ такому рѣшенію побудили князя слѣдующія соображенія. Еще во время его службы по крестьянскому дѣлу въ Имперіи онъ имѣлъ случай познакомиться со многими военными людьми, принявшими участіе во введеніи въ дѣйствіе „Положенія“ 19-го февраля 1861 г., въ качествѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва и кандидатовъ къ нимъ. Они принесли съ собою любовь къ работѣ и дисциплину, столь необходимую для успѣха каждаго дѣла, и очень скоро ознакомились съ своими правами и обязанностями. Впослѣдствіи, при устройствѣ крестьянскаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, кн. Черкасскій и Н. А. Милютинъ уже сознательно обратились къ военному сословію для замѣщенія большинства должностей *комиссаровъ* (посредниковъ) и даже немалаго числа предсѣдателей въ крестьянскихъ комиссіяхъ, игравшихъ тамъ роль губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Результаты оказались вполне удовлетворительными. Въ Болгаріи же назначеніе офицеровъ на административныя должности представлялось тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что управленіе ихъ должно было происходить въ военное время, при непрерывныхъ сношеніяхъ съ войсками. Кн. Черкасскій желалъ получить ихъ именно изъ дѣйствующей арміи, чтобы имѣть такимъ образомъ людей, пользующихся довѣріемъ въ арміи и связанныхъ съ нею тѣсными узами.

Но когда кн. Черкасскому пришлось дѣлать докладъ объ этомъ въ главной квартирѣ, то онъ увидѣлъ, что хотя справедливости его соображеній не отрицаютъ, но желаютъ отложить устройство гражданскаго управленія

въ Болгаріи до того времени, когда большая часть страны будетъ уже въ нашихъ рукахъ, или по заключеніи мира. Поэтому военныя власти находили болѣе рачіональнымъ не брать гражданскую канцелярію съ собою, а оставить ее въ Бухарестѣ, гдѣ она на свободѣ могла бы разработать свои проекты устройства гражданского управленія за Дунаемъ.

Но съ такого рода постановкою дѣла кн. Черкасскій согласиться не могъ. На основаніи Высочайше утвержденнаго 16 октября 1876 г. „Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время“, ему предоставлялась активная дѣятельность при главной квартирѣ въ качествѣ завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ. Ему необходимо было ознакомиться съ мѣстными условіями и положеніемъ края;—быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ по всѣмъ вопросамъ, вызываемымъ мѣстными потребностями;—имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстное число лицъ для разсылки по надобностямъ самихъ же войскъ. Какъ главноуполномоченный Краснаго Креста, онъ считалъ своею обязанностью видѣть все во-очію, быть самому не только на театрѣ военныхъ дѣйствій, но и на поляхъ сраженій, чтобы приносить непосредственно помощь раненымъ и руководить дѣйствіями своихъ агентовъ. Въмѣсто всего этого, его хотѣли отстранить отъ живой дѣятельности и направить къ кабинетнымъ занятіямъ.

Что касается назначенія офицеровъ на административныя должности, то, хотя въ принципѣ эта мѣра была признана полезною, военныя власти не нашли возможнымъ дать для ея осуществленія офицеровъ изъ дѣйствующей арміи, но указали на возможность вызвать ихъ изъ Имперіи. При обсужденіи этого вопроса выяснилось также, что въ распоряженіе будущихъ администраторовъ никакихъ военныхъ командъ не будетъ назначено. Предстояло для поддержанія порядка и престижа власти въ занятыхъ нами мѣстностяхъ устраиваться какъ угодно, „собственными средствами“.

Чтобы подвинуть впередъ дѣло призыва офицеровъ и набрать для будущей административной дѣятельности лицъ благонадежныхъ, былъ командированъ 9-го мая ген. Домантовичъ въ Кіевъ, Москву и Петербургъ, гдѣ въ то время еще не было мобилизаціи войскъ и можно было рассчитывать на содѣйствіе командующихъ войсками. Вызываемымъ офицерамъ предполагалось дать содержаніе начальниковъ уѣздовъ въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ. Всего рѣшено было набрать до 80 офицеровъ, съ тѣмъ однако, чтобы на первое время ограничиться вызовомъ половины этого числа.—Командированный для вышеозначенной цѣли ген. Домантовичъ былъ снабженъ письмами къ военному министру и генераль-адъютантамъ Дрентельну, Гильденштуббе и барону Бистрому (командующимъ войсками въ Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ военныхъ округахъ).

Дѣлу этому со стороны упомянутыхъ высшихъ начальствующихъ лицъ было оказано полное содѣйствіе, и почти все просимое число кандидатовъ было немедленно указано, а именно: 23 офицера гвардіи и болѣе 40 чело-вѣкъ изъ военно-служащихъ въ Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ округахъ, преимущественно изъ числа уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. Командированіе ихъ было обусловлено слѣдующими, Высочайше утвержденными, правилами:

1) предназначаемыхъ на должности по гражданскому управленію Болгаріею лицъ высылать по частямъ, сообразно съ дѣйствительною въ нихъ надобностью, каждый разъ по особому заявленію кн. Черкаскаго, съ доклада о томъ Е. И. В. Главнокомандующему;

2) за командированными съ этою цѣлью лицами сохранить права и преимущества, предоставленныя военно-служащимъ, командированнымъ для занятія должностей въ полевомъ управленіи Дѣйствующей арміи, и въ томъ числѣ сохранить за ними занимаемая ими нынѣ должности, но считать послѣднія до возвращенія этихъ лицъ

вакантными, подобно тому, какъ это допущено по отношенію военно-служащихъ, назначаемыхъ на должности въ полевое управленіе арміею.

Въ то время, когда дѣлались первыя распоряженія о привлеченіи къ занятію должностей по гражданскому управленію въ Болгаріи военно-служащихъ, 24 мая послѣдовало назначеніе въ распоряженіе кн. Черкаскаго лицъ консульскаго корпуса въ Турціи, оставшихся свободными со времени открытія военныхъ дѣйствій. Таковыхъ оказалось 19 человѣкъ, изъ числа которыхъ 7 были изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ приняли участіе въ работахъ комиссіи по составленію матеріаловъ для изученія Болгаріи, а другіе были распредѣлены по военнымъ корпусамъ въ качествѣ совѣтниковъ при корпусныхъ командирахъ; двое (Геровъ и Бѣлоцерковецъ) были зачислены впослѣдствіи въ число лицъ гражданскаго управленія, на должности губернаторовъ *).

*) Вотъ имена лицъ консульскаго корпуса: д. с. с. Петковичъ, с. с. Лаговскій и Кира-Динеланъ, к. с. Геровъ, Троянскій и Сорокинъ, н. с. Бѣлоцерковецъ, Крыловъ, Юзефовичъ, Елисицинъ, Стояновъ-Бурмовъ, т. с. Лисевичъ, к. сек. кн. Шаховской, нем. чина Даскаловъ, Кара-Михайловъ, Вурцель, Максимовъ, Юговичъ и Чалыка.

IV.

Дѣятельность кн. Черкасскаго по отъѣздѣ главнокомандующаго изъ Кишинева. — Собираніе свѣдѣній о болгаряхъ, учившихся въ Россіи, и объ эмигрантахъ, проживавшихъ въ Румыніи. — Измѣненіе назначенія болгарскаго ополченія. — Вопросъ о содѣйствіи гражданскаго управленія въ дѣлѣ продовольствія арміи. — Отъѣздъ гражданской канцеляріи въ Плоэшти. — Содѣйствіе, оказанное ею развѣдочной части въ арміи. — Дѣятельность болгарской „омладины“ въ Бухарестѣ и ея прокламація къ болгарскому народу. — Приемъ депутаціи отъ болгарской омладины въ Плоэшти. — Дѣятельность кн. Черкасскаго по Красному Кресту и противодѣйствіе военно-медицинскаго управленія въ арміи. — Подготовительныя работы гражданскаго управленія предъ вступленіемъ въ Болгарію. — Воззваніе Государя Императора къ болгарамъ. — Совѣщаніе у Государя 29-го мая. — Записка кн. Черкасскаго о нашихъ задачахъ на Востокѣ.

В 1-го мая, по отъѣздѣ главнокомандующаго изъ Кишинева въ Румынію, личныя сношенія кн.

Черкасскаго съ полевымъ штабомъ прекратились. Предметомъ его заботъ прежде всего сдѣлалось составленіе прокламаціи отъ имени главнокомандующаго къ жителямъ Задунайскаго края, которую предполагалось обнародовать по переходѣ черезъ Дунай. Проектъ прокламаціи былъ отправленъ въ Петербургъ, а въ ожиданіи утвержденія, текстъ его переводился на болгарскій, турецкій, греческій, французскій и нѣмецкій языки.

Такъ какъ русскіе чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, которыми предполагалось вначалѣ заполнить должности по гражданскому управленію въ Болгаріи, должны были впослѣдствіи уступить свои мѣста мѣстнымъ жителямъ, то надлежало озаботиться выборомъ подходящихъ для этого лицъ. Въ видахъ этого кн. Черкасскій

вошелъ въ сношеніе съ предсѣдателями петербургскаго и московскаго благотворительныхъ обществъ и просилъ ихъ указать тѣхъ изъ бывшихъ воспитанниковъ названныхъ обществъ, которые по окончаніи курса ученія возвратились на родину. Кромѣ того онъ поручилъ бывшему нашему вице-консулу въ Варнѣ, болгарину Даскалову, отправиться въ Бухарестъ и тамъ, по сношеніи съ выдающимися лицами болгарской колоніи, составить списокъ болгаръ, которыхъ можно было бы привлечь для службы по гражданскому управленію. Съ переходомъ же за Дунай кн. Черкасскій предполагалъ вызвать также извѣстныхъ болгарскихъ патріотовъ Драгана Цанкова и Марка Балабанова съ тѣмъ, чтобы прикомандировать ихъ къ своему управленію.

Во время пребыванія кн. Черкаскаго въ Кишиневѣ произошло и сформированіе болгарскаго ополченія изъ кадровъ бывшихъ добровольцевъ въ Сербіи, подъ начальствомъ ген. Столѣтова *). Но назначеніе ополченія было видоизмѣнено: его предполагалось уже привлечь къ боевой дѣятельности, какъ строевую часть. Связь его съ гражданскимъ управленіемъ почти прекратилась. Съ переходомъ черезъ Дунай болгарское ополченіе вошло въ составъ передоваго отряда ген.-лейтенанта Гурко.

Въ бытность кн. Черкаскаго въ Кишиневѣ былъ также поднятъ имъ вопросъ о содѣйствіи гражданскаго управленія дѣлу продовольствія арміи. Но въ это время былъ уже заключенъ контрактъ съ товариществомъ Грегерь, Горвицъ, Коганъ и К^о, и кн. Черкасскому дали ясно понять, что ни въ какомъ его содѣйствіи этому дѣлу не нуждаются. Насколько гражданское управленіе считали чуждымъ продовольственному вопросу, видно изъ того, что гражданской канцеляріи не сообщили даже копіи съ контракта, заключеннаго съ помянутымъ товариществомъ **).

*) См. „Болгарское ополченіе и земское войско“. Спб. 1904 г.

**) Насколько неудовлетворительно оказалось это товарищество, явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ участника войны ген. Паренсова: „На пер-

16-го мая кн. Черкасскій отбылъ съ своею канцеляріею въ Плоэшти, гдѣ находилась тогда главная квартира. Отсюда, вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Неклюдовымъ, онъ совершилъ поѣздку въ Бухарестъ, гдѣ занимался осмотромъ и выборомъ зданій, предназначаемымъ для складовъ и госпиталей. Во второй разъ онъ совершилъ поѣздку въ Бухарестъ съ высшими чинами главной квартиры.

Посѣтивъ Великаго Князя въ Катроченахъ (въ загородномъ дворцѣ румынскаго князя) 8-го іюня, кн. Черкасскій, освѣдомившись о плохой постановкѣ развѣдочной части въ арміи, предложилъ собирать свѣдѣнія черезъ преданныхъ намъ болгаръ; причемъ добавилъ, что имъ было поручено еще изъ Кишинева бывшему нашему вице-консулу въ Варнѣ Даскалову собрать свѣдѣнія о благонадежныхъ лицахъ въ разныхъ частяхъ края и что списки онымъ у него уже имѣются. Великій Князь выразилъ свое согласіе. Съ тѣхъ поръ многіе болгары вѣрою и правдою служили нашему „капитану надъ вожатыми“, генеральнаго штаба полковн. Артамонову, и доставили ему много важныхъ свѣдѣній. Въ особенности въ этомъ дѣлѣ былъ намъ полезенъ извѣстный теперь государственный дѣятель Болгаріи Григорій Начевичъ, который съ полнымъ безкорыстіемъ, не жалѣя силъ и собственныхъ средствъ, прилагалъ всѣ усилія для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ. По окончаніи войны главнокомандующій наградилъ его за эти выдающіяся заслуги орденомъ св. Владимира 4-й степени.

Подвергая оцѣнкѣ интеллигентныя силы тогдашней Болгаріи, кн. Черкасскій долженъ былъ обратить особое

выхъ же порахъ пресловутое товарищество Грегерь, Горвиць, Коганъ и К^о. взявши на себя довольствіе арміи, оказалось несостоятельнымъ. Жалобамъ на нихъ нѣсть конца; жалобы были не только о недоставленіи въ извѣстныхъ пунктахъ условленнаго и ожидаемаго довольствія или о доставленіи его дурного качества, но и о крайне нахальномъ и дерзкомъ обращеніи поставщиковъ съ войсками.—Почти всѣ агенты товарищества, особенно низшіе, были евреи (см. П. Паренсовъ, „Изъ прошлаго“ ч. 1, стр. 233. Спб. 1901 г.).

вниманіе на такъ-называемую „болгарскую омладину“— группу эмигрировавшей молодежи, которая выказывала притязаніе руководить общественнымъ движеніемъ и самостоятельно работать надъ устройствомъ судебъ будущей Болгаріи, освободить которую, однако, надлежало русской арміи. Вожаки этой партіи относились по большей части недружелюбно къ Россіи и рассчитывали только воспользоваться ея вооруженною силою для своего возвеличенія, какъ „временного правительства“.—Очевидно, необходимо было устранить эту самозванную опеку отъ болгарскаго народа.

Еще въ концѣ апрѣля 1877 г. „омладиною“ былъ выпущенъ въ Бухарестѣ слѣдующій манифестъ къ болгарскому народу (приводимъ его въ переводѣ на русскій языкъ):

„Братья! Народъ, умѣвшій бороться и проливать кровь за свою свободу и независимость, увѣренъ, что онъ, наконецъ, одержитъ верхъ надъ своимъ врагомъ. Свобода пріобрѣтается лишь большими жертвами. Мы часто во время нашего рабства возставали противъ нашего неутолимаго врага, протестуя огнемъ и кровью противъ угнетеній и страданій, которыя онъ намъ причинялъ. Но донынѣ турецкая орда всегда успѣвала заглушить нашъ голосъ. Мы подверглись, наконецъ, страданіямъ, возбуждившимъ всеобщее къ намъ участіе. Недавно еще наши села были выжжены; наши матери, жены и дѣти обезчещены; нашихъ священниковъ распинали, наши церкви были ограблены. Тысячи болгарскихъ труповъ были брошены собакамъ, тысячи другихъ сгибли безъ погребенія. Вездѣ взору нашему представляются равнины и долины, обогранныя болгарскою кровью. Мы терпѣливо сносили превышающія всякую мѣру страданія, ибо надѣялись, что къ намъ въ скоромъ времени поспѣшатъ съ защитой. Наша надежда осуществилась. Россія намѣрена насъ защищать. Она двинулась съ рѣшимостью наказать нашихъ мучителей за пролитую ими кровь. Въ непродолжитель-

номъ времени побѣдоносныя русскія знамена, подъ сѣнью коихъ будетъ приготовлено лучшее для насъ будущее, будутъ развѣваться въ Болгаріи. Русскіе идутъ на помощь къ намъ какъ братья, желая лишь защитить насъ и не желая ничего для себя. Русскіе, обезпечивъ свободное существованіе румынамъ, сербамъ и грекамъ, желаютъ сдѣлать то-же и для насъ.

„Братья! Пробилъ великій и святой часъ, въ который мы всѣ должны, какъ одинъ человѣкъ, стать на ряду съ русскими войсками для борьбы съ врагомъ. Вооружитесь скорѣе и какъ можете, и постараемся показать себя достойными приготовляемой намъ участи. Наши интересы, наше будущее, наше освобожденіе налагаютъ на насъ обязанности принять участіе въ войнѣ въ ряду нашихъ освободителей. Твердо стоя противъ врага, мы всѣмъ покажемъ, что заслуживаемъ свободу.

„Народъ болгарскій! Ты самъ устроишь себѣ правительство. Но до того времени подчиняйся временному болгарскому правительству, избранному патриотами. Это правительство въ скоромъ времени появится среди тебя и будетъ дѣйствовать по твоей волѣ. Теперь оно обращается къ тебѣ изъ Румыніи съ возгласомъ: „Впередъ, Болгарія, съ нами Богъ, съ нами и русскіе, наши братья“!

„Дано въ Румыніи 7-го мая (н. с.) 1877 г. К. Цанковъ, О. Пановъ, П. Енчевъ, П. Висковскій, С. Стамбуловъ, И. Вазовъ, Д. П. Ивановъ, И. Кавальджіевъ“.

Съ пріѣздомъ Императора Александра II въ Плоэшти, въ началѣ іюня туда же явилась депутація отъ болгарской омладины съ К. Цанковымъ во главѣ для того, чтобы представиться князьямъ Горчакову и Черкасскому и черезъ ихъ содѣйствіе получить пріемъ у Государя.

По совѣщаніи съ кн. Горчаковымъ и Н. П. Игнатьевымъ, кн. Черкасскій, какъ завѣдующій гражданскими дѣлами, принялъ на себя обязанность выяснить омладинской депутаціи тотъ путь, котораго она должна была держаться въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; и прежде всего

нужно было разсѣять ея мечты о роли „временнаго правительства“.

Принявъ у себя на квартирѣ болгарскую депутацію, кн. Черкасскій, по словамъ ген. Анучина *), сказалъ имъ слѣдующее:

— Принявъ близко къ сердцу несчастія христіанъ и объявивъ войну Турціи, великій Государь нашъ не только отправилъ на Дунай 250.000 своего войска, но и самъ прибылъ сюда. Дѣло ваше находится въ Его мощныхъ рукахъ и въ лучшихъ быть не можетъ. Отъ него зависитъ и война, и направленіе политики. Вамъ же предстоитъ спокойно ожидать развязки дѣла.

Указавъ затѣмъ, что болгары должны отложить въ сторону всякую политику, онъ объяснилъ, что это не значитъ, чтобы имъ слѣдовало оставаться въ праздности. Многихъ изъ нихъ немедленно призвуть къ дѣятельному участию въ управленіи краемъ, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти, а болгарскія дружины назначаются стать ядромъ мѣстной болгарской силы. — Свою рѣчь кн. Черкасскій закончилъ словами: „Слушайтесь русской власти и исполняйте въ точности ея указанія“.

Никакихъ возраженій на это со стороны депутатовъ не послѣдовало.

Возражать на манифестъ омладины собиралось одесское болгарское настоятельство, чтобы „предостеречь болгаръ отъ смуты, вселяемой фракціей фантазеровъ“. Составленное съ этою цѣлью воззваніе было представлено кн. Черкасскому, но онъ не нашелъ возможнымъ согласиться на опубликованіе его уже потому, что имѣлось въ виду воззваніе къ жителямъ Задунайскаго края отъ имени главнокомандующаго.

Вскорѣ бухарестская „омладина“ сама издала про-

*) „Русская Старина“ 1895 г., № 8, стр. 48.

кламацію къ болгарамъ, въ которой сообщалось о расформированіи временнаго правительства *).

Организація Краснаго Креста для предстоящей дѣятельности сильно занимала въ это время кн. Черкаскаго и онъ посвящалъ много времени этому дѣлу. Но оно встрѣчало замѣтное противодѣйствіе со стороны военно-медицинскаго управленія арміи. Приглашеніе на поле военныхъ дѣйствій врачей, не состоящихъ въ подчиненіи этого управленія, казалось чинамъ его опасной конкуренціей. Армейское врачебное начальство опасалось быть оттертымъ отъ возможности всецѣло распоряжаться дѣломъ поданія помощи раненымъ и больнымъ воинамъ. Соперничество съ Краснымъ Крестомъ доходило до того, что главноуполномоченный этого учрежденія не извѣщался во время о предстоящей ему дѣятельности въ полѣ. Такъ, кн. Черкасскому не сообщили даже о времени и мѣстѣ переправы черезъ Дунай; не увѣдомили также о направленіи корпуса барона Криденера противъ Никополя.

Изъ подготовительныхъ работъ, сдѣланныхъ чинами гражданскаго управленія до перехода черезъ Дунай, слѣдуетъ назвать слѣдующія:

1) инструкцію для учрежденія первоначальнаго военно-полицейскаго управленія въ занимаемомъ войсками краѣ;

2) главныя основанія объявленія по дѣламъ казеннаго управленія, вошедшія въ составъ прокламаціи, возвѣстившей жителямъ Болгаріи объ отмѣнѣ „беделя“ и „десятины“ въ 1878 г. и о прекращеніи курса турецкихъ *каимэ* (ассигнацій);

3) инструкцію чинамъ консульскаго корпуса, командированнымъ въ распоряженіе корпусныхъ командировъ, и

4) соображенія, сообщенныя начальнику полевого штаба дѣйствующей арміи, о порядкѣ общаго обезоруженія мусульманскаго населенія во всѣхъ мѣстностяхъ немедленно вслѣдъ за занятіемъ ихъ нашими войсками.

*) См. П. Паренсовъ „Изъ прошлаго“, ч. 1, стр. 254. Спб. 1901 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были составлены комиссіею подъ предсѣдательствомъ полковника Соболева и разосланы первые два выпуска „Матеріаловъ для изученія Болгаріи“.

Сверхъ того подготовлено было положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ Болгаріи и разрабатывались при посредствѣ чиновъ консульскаго корпуса свѣдѣнія о существѣ бывшихъ при турецкомъ правительствѣ различныхъ податей и способахъ ихъ раскладки и взиманія.

Для возможности удовлетворенія всѣмъ потребностямъ службы, штаты гражданской канцеляріи были увеличены до 14 человекъ *).

Въ тоже время со стороны военнаго начальства кн. Черкасскому было заявлено, что послѣ перехода нашей арміи черезъ Дунай, онъ можетъ вмѣстѣ съ своей канцеляріей слѣдовать за главной квартирой, но что въ занятыхъ нами мѣстностяхъ будетъ введено военно-полицейское управленіе; когда же представится возможность въ той или другой части края ввести гражданское управленіе,—объ этомъ будетъ сообщено кн. Черкасскому дополнительно.

Не соглашаясь съ такой точкой зрѣнія, кн. Черкасскій надѣялся добиться исполненія своихъ плановъ при посредствѣ императорской главной квартиры.

Государь прибылъ въ Плоэшти 26-го мая, а 28-го числа очень милостиво принялъ кн. Черкасскаго, внимательно выслушалъ его докладъ и назначилъ у себя на слѣдующій день совѣщаніе для обсужденія проекта прокламаціи къ болгарамъ.

Составленный кн. Черкасскимъ еще въ Кишиневѣ проектъ прокламаціи главнокомандующаго къ болгарамъ былъ полевымъ штабомъ препровожденъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, откуда онъ возвратился, въ

*) Вотъ имена лицъ, составлявшихъ эту канцелярію, и причисленныхъ къ ней: полковникъ Соболевъ (правитель ея), маіоръ Кюхельбекеръ, д. с. с. Гренъ и Лукьяновъ, с. с. Тухолка, к. с. Иванюковъ и Ивановъ, н. с. Жемчужинъ, т. с. Каченовскій и Теохаровъ, к. с. Дриневицъ, г. с. Мецъ и Зографскій, проф. Богишичъ, Лаппе, Ст. Бобчевъ, Стояновъ и Славейковъ.

значительно измѣненномъ видѣ, незадолго до пріѣзда Государя въ Плоэшти. На совѣщаніи, бывшемъ 29-го, на которомъ присутствовали: Наслѣдникъ-Цесаревичъ, главнокомандующій, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, канцлеръ кн. Горчаковъ, военный министръ, ген. Непокойчицкій, кн. Черкасскій, Н. П. Игнатьевъ и баронъ Жomini, были прочитаны оба текста воззванія — первоначальный и исправленный. Государь одобрилъ первоначальный и обратилъ его въ воззваніе отъ своего имени, подписавъ подъ нимъ свое имя.

Послѣ этого кн. Черкасскій подробно изложилъ свой планъ дѣйствій, резюмируя его въ заключеніе слѣдующимъ образомъ: „я желаю только устроить сильную администрацію, водворить порядокъ и предоставить массѣ населенія возможность улаживать свои общественныя и частныя дѣла при торжествѣ новыхъ христіанскихъ принциповъ управленія; все остальное полагалъ бы предоставить самому болгарскому народу, который потомъ разберется въ финансовыхъ, судебныхъ и другихъ дѣлахъ; чѣмъ меньше мы предпрѣшимъ въ этомъ смыслѣ, тѣмъ меньшая ляжетъ на насъ отвѣтственность за несовершенное устройство того или другого. Во время войны всѣ средства Болгаріи должны быть употреблены на обезпеченіе потребностей войскъ, а въ будущемъ связь ея съ Россіей—освободительницей должна быть основана на соотвѣтственныхъ высшихъ соображеніяхъ, а не на мелочномъ и надоедливомъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла“.

— Я именно этого и желаю, замѣтилъ Государь *).

Такимъ образомъ, предположенія кн. Черкасскаго удостоились торжественнаго одобренія Государя, въ присутствіи высшихъ военныхъ властей. Воззваніе, подписанное Государемъ, должно было отнынѣ имѣть огромное значеніе для гражданскаго управленія. Въ немъ было ясно сказано, что по мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ

*) Русская Старина 1895 г. № 8, стр. 57.

подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣнены *правильнымъ управленіемъ*. Мѣстные жители призывались „къ дѣятельному въ немъ участию“, а болгарскія дружины были названы „ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ сохраненію всеобщаго порядка и безопасности“.

Воззваніе Государя было отпечатано на русскомъ и болгарскомъ языкѣ въ 10 тыс. экз., а турецкій переводъ былъ отлитографированъ. Но печатные тюки этого воззванія, переданные въ полевой штабъ, долго потомъ оставались въ Плоэштахъ... Разсылкою ихъ не слѣшили *).

Не зная взглядовъ нашего правительства на предстоящую намъ дѣятельность въ Болгаріи по ея освобожденіи, кн. Черкасскій, издавна интересовавшійся восточнымъ вопросомъ и слѣдившій за его развитіемъ, счелъ полезнымъ высказать свой взглядъ на него, такъ какъ держался того мнѣнія, что Россія должна имѣть на Востокѣ вполнѣ опредѣленную программу дѣйствій. Составленная имъ записка по этому вопросу была представлена имъ военному министру въ Плоэштахъ.

Въ ней онъ настаивалъ на необходимости для Россіи и всей Европы въ окончательномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса, какъ постоянной причины волненій и тревогъ, причемъ Россія должна была получить на юго-западѣ тѣ границы, которыя обезпечивали бы дальнѣйшее ея политическое и экономическое развитіе.

*) Насколько полевой штабъ былъ недоволенъ кн. Черкасскимъ, видно изъ слѣдующаго мѣста неопубликованныхъ мемуаровъ ген. Нагловскаго и полковн. Золотарева: „Пріѣхалъ Государь въ армію и не принялъ командованія, говоря, что будетъ простымъ зрителемъ. Но безъ Него ничего не дѣлалось. Въ Горнемъ Студнѣ собирали чуть не каждый день военные совѣты. Къ военному министру ходилъ и Черкасскій, и всѣ пріѣхавшіе изъ Петербурга, и кто только хотѣлъ. Дверь была открыта, и тамъ добивались того, на что главнокомандующій не соглашался. Одинъ Черкасскій чего стоилъ! Спросите у Артура Адамовича, каково было съ нимъ. справляться. Онъ былъ подчиненъ главнокомандующему, а благодаря присутствію Государя, распоряжался самостоятельно Болгаріей помимо главнокомандующаго и даже не слушая его приказаній. Чуть не по немъ, бѣжитъ къ Д. А. и обдѣлываетъ какъ хочетъ“ (Русская Старина 1895 г. № 8 стр. 52).

При рѣшеніи этой задачи интересы Россіи сталкивались съ интересами нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ державъ, главнымъ образомъ Англіи, въ трехъ пунктахъ: въ вопросахъ а) о проливахъ, б) о Константинополѣ и в) о судьбѣ христіанскаго населенія Балканскаго полуострова.

Самый важный изъ нихъ былъ вопросъ о проливахъ. Тутъ можетъ представиться три рѣшенія: *первое*—чтобы устье Босфора было въ нашей власти, а выходъ изъ Дарданелъ былъ свободенъ для всѣхъ; *второе*—чтобы устье Босфора было наше, а входъ въ Дарданелы достался англичанамъ или былъ занятъ иностраннымъ гарнизономъ, и *третье*—чтобы оба пролива были совершенно свободны, чтобы на нихъ не было никакихъ укрѣпленій и чтобы они были всегда и одинаково открыты какъ для торговыхъ, такъ и для военныхъ судовъ.

Первое рѣшеніе для насъ наиболѣе выгодно, такъ какъ дѣлаетъ насъ неуязвимыми въ оборонѣ и сохраняетъ въ то-же время за нами свободу наступленія. Такой исходъ былъ бы истиннымъ благодѣяніемъ для Россіи, избавилъ бы ее отъ необходимости содержать громадный флотъ и на многіе годы обезпечилъ бы ея спокойствіе.

Второе рѣшеніе менѣе выгодно, но все же даетъ намъ большія преимущества. Оно хотя лишаетъ насъ свободы наступленія, но сохраняетъ за нами обезпеченную оборону.

Третій же исходъ представляетъ для насъ болѣе неудобствъ, чѣмъ выгодъ. При такомъ рѣшеніи вопроса иностранныя суда всегда могли бы появляться въ Черномъ морѣ, причинять вредъ нашей торговлѣ и сѣять смуту въ инородческихъ элементахъ, населяющихъ берега этого моря. Лучше ужъ пусть владѣютъ проливомъ турки. Если нельзя добиться одного изъ первыхъ двухъ рѣшеній, то слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы основать защиту Босфора на смѣшанномъ русско-турецкомъ гарнизонѣ. Это устроило бы вѣчный миръ между нами и турками.

Что касается обладанія Константинополемъ, то кн. Черкасскій держался того мнѣнія, что Константинополь для насъ ненуженъ, и что даже, въ случаѣ надобности, можно было бы согласиться на временное занятіе города флотами иностранныхъ державъ, съ тѣмъ, однако, чтобы имъ воспрещена была высадка десанта. Если же представится вопросъ, быть ли Константинополю вольнымъ городомъ, или турецкимъ, то слѣдуетъ признать, что первое для насъ и для всей Европы выгоднѣе, ибо положило бы конецъ восточному вопросу въ Европѣ. При такомъ рѣшеніи вопроса къ городу надлежало бы прирѣзать соотвѣтствующую территорію на основаніи природныхъ условій и историческихъ преданій (см. Приложенія).

При окончательномъ рѣшеніи восточнаго вопроса интересы Россіи требуютъ настаивать на признаніи независимости балканскихъ христіанъ. Предвидя неизбѣжность предоставленія полного вліянія Австріи въ Босніи и Герцеговинѣ и считая обезпеченнымъ соотвѣтственное увеличеніе территоріи Сербіи и Черногоріи (Албанія могла быть предоставлена великодушію Европы), кн. Черкасскій особенное вниманіе посвящалъ восточной половинѣ Балканскаго полуострова. Здѣсь главными и спорящими за преобладаніе народностями являются болгары и греки. Разобраться въ ихъ племенной борьбѣ очень трудно, такъ какъ и статистическіе и этнографическіе матеріалы очень неточны и нерѣдко даже противорѣчивы. Какой же изъ этихъ народностей мы должны отдать предпочтеніе?

По мнѣнію кн. Черкасскаго, „болгары — это народъ, и по религіи, и по языку, и по происхожденію наиболѣе подходящій къ русскимъ. Онъ поднятъ нашею культурою, возвращается нашимъ духовнымъ образованіемъ, отъ насъ черпаетъ и почти на нашемъ языкѣ передаетъ всѣ элементарныя начала науки. Это наше дѣтище, которое никогда не пойдетъ противъ насъ, которому суждено развиваться не иначе, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ нами. Греки — это противоположность болгарамъ, давно во все извѣрив-

шіеся, обращающіе религію въ промыселъ, въ интригу, питающіе тайную къ намъ ненависть и ежеминутно готовые открыто обратиться въ злѣйшихъ нашихъ враговъ, лишь бы заслужить передъ Европой лишнюю для себя выгоду.

„Болгары смотрятъ на насъ какъ на отцовъ просвѣтителей и спасителей; греки — какъ на угнетателей и азіятскихъ варваровъ. По политическимъ стремленіямъ они считаютъ себя единственными и законными наслѣдниками всего достоянія турокъ на Балканскомъ полуостровѣ и готовы искоренить всякаго, кто становится имъ поперекъ дороги“.

Поэтому намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что все, что урѣжется отъ болгаръ, тотчасъ же или черезъ нѣкоторое время достанется грекамъ.

Исходя изъ этого,—еслибы Европа согласилась предоставить полную независимость балканскимъ христіанамъ,—восточную половину Балканскаго полуострова слѣдовало бы раздѣлить на двѣ части: большая половина должна была бы образовать Болгарское княжество въ границахъ отъ 4.500 до 4.600 кв. миль пространства съ населеніемъ отъ 5 до 5½ миллионовъ, съ выходомъ къ Черному и Эгейскому морямъ; все остальное (Эпиръ, Ѳессалія, всѣ острова Архипелага, полуостровы Салоникскій и Галипольскій)—отойти къ Греческому королевству. При подобномъ начертаніи границъ, весьма близко совпадающихъ съ историческими, этнографическими и религіозными предѣлами обѣихъ національностей, были бы сохранены условія для правильнаго развитія обоихъ государствъ и былъ бы положенъ предѣлъ греческимъ притязаніямъ.

Болгарское княжество въ предѣлахъ, проектированныхъ кн. Черкасскимъ, имѣло бы еще болѣе выгодныя границы, чѣмъ тѣ, которыя были обозначены въ санъ-стефанскомъ договорѣ. Онѣ давали княжеству сверхъ санъ-стефанскихъ границъ: на западѣ — Нишъ, Куршумлію.

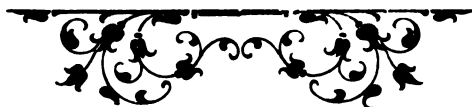
Лѣсковацъ, Приштину и Призренъ, а на югѣ—все пространство до р. Быстрицы, г. Салоники и всѣ земли, лежащія по берегу Архипелага, отъ мыса Лагосъ и по водораздѣлу хребта Странджи до такъ называемой Анастасіевской стѣны (существовавшей въ средніе вѣка).

Если Болгарское княжество будетъ объявлено независимымъ, то все же оно должно первоначально находиться подъ протекторатомъ Россіи, и самостоятельная жизнь въ немъ должна быть подготовлена такимъ же статутомъ, какой былъ созданъ въ 1829—35 г.г. графомъ Киселевымъ для Румынскихъ княжествъ. Избранный народными представителями князь болгарскій долженъ исповѣдывать православную вѣру. Столица—въ Филиппополѣ.

Но нужно предвидѣть и неудачу въ стремленіи нашемъ сдѣлать Болгарію независимою. Въ такомъ случаѣ, т. е. если придется ограничиться одними частными улучшениями,—надлежитъ требовать введенія уже одобренныхъ Европою началъ: выборнаго управленія для *кажъ* (уѣздовъ), мѣстнаго контроля въ болѣе крупныхъ административныхъ единицахъ, уравниенія и ограниченія податей, правильной системы ихъ сбора, охраненія внутренней безопасности мѣстною полиціею и—что особенно важно—*дѣйствительной свободы исповѣданія, опирающейся на безпристрастную и правильную административно-церковную организацію*. При соблюденіи этого послѣдняго условія всѣ болгарскія епархіи тотчасъ же освободятся отъ грековъ и такимъ образомъ обрисуется граница болгарскихъ земель, затушевать которую уже будетъ трудно.

Вышеизложенный планъ кн. Черкасскаго имѣлъ извѣстную стройность и цѣлесообразность, но онъ представлялъ явную несправедливость по отношенію къ другой славянской державѣ — Сербіи. Сербія первая начала борьбу съ турками за освобожденіе славянъ, принесла весьма значительныя жертвы ради этого дѣла, и ей предполагалось дать только исправленіе границъ, тогда какъ рядомъ съ нею создавалось значительное государство, для округле-

нія границъ котораго отбирались отъ Сербіи даже ея завоеванія: Нишъ, Куршумлія, Вранья и др., и сверхъ того отдавались священные старо-сербскіе города—Призренъ и Приштина... Такая постановка вопроса неминуемо привела бы къ ожесточенной враждѣ между двумя славянскими народностями и отвратила бы отъ Россіи сербовъ. Имѣя въ виду объединеніе въ будущемъ славянъ,—едва ли такая политика могла быть полезною для Россіи.

V.

Дѣятельность Краснаго Креста послѣ переправы черезъ Дунай. — Безпорядки въ г. Систовѣ и другихъ мѣстахъ по занятіи ихъ нашими войсками. — Кн. Черкасскій вызывается въ Тырново и ему поручается введеніе гражданскаго управленія въ мѣстностяхъ, занятыхъ русской арміей. — Назначеніе административнаго персонала въ санджаки и округа. — Переписка съ военнымъ министромъ по поводу безпорядковъ въ тылу арміи. — Пребываніе гражданскаго управленія въ Тырново по отъѣздѣ главнокомандующаго. — Принятіе кн. Черкасскимъ участія въ дѣлѣ продовольствія войскъ. — Полномочія, предоставленныя кн. Черкасскому рескриптомъ главнокомандующаго. — Переписка по вопросу о сформированіи вольныхъ болгарскихъ четъ.

Въ ожиданіи переправы, кн. Черкасскій, какъ главно-уполномоченный Краснаго Креста и распорядитель значительными средствами, усиленно готовился къ подаванію помощи раненымъ. Первый летучій отрядъ, составленный изъ отборныхъ сестеръ милосердія Георгіевской общины, братьевъ милосердія, докторовъ и уполномоченныхъ, вышелъ 10-го іюня изъ Бухареста въ Александрію, чтобы быть направленнымъ оттуда къ пункту переправы.

Но, какъ было упомянуто выше, къ переправѣ Красный Крестъ не пригласили, и помощь раненымъ на мѣстѣ переправы была подана только войсковыми медицинскими чинами.

Лазаретъ Краснаго Креста былъ открытъ уже послѣ переправы — въ Зимницѣ. Тотчасъ были посланы „братцы“ розыскивать раненыхъ и имъ удалось до 20-го іюня найти 8 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ одного матроса, который былъ розысканъ въ камышахъ только на 6-й день

послѣ переправы. Затѣмъ стали подвозить раненыхъ турками и черкесами болгаръ.

Не пригласили Красный Крестъ и подъ Никополь... Но потомъ онъ уже работалъ всюду, гдѣ было можно, и заслужилъ себѣ почетную репутацію.

Вслѣдъ за занятіемъ города Систова въ немъ было введено военно-полицейское управленіе. Но болгары тотчасъ же бросились грабить и разрушать турецкіе дома (мусульманское населеніе бѣжало); затѣмъ къ нимъ присоединились и нижніе чины... Порядокъ былъ возстановленъ не скоро.

Кн. Черкасскій, находившійся по дѣламъ Краснаго Креста въ Бухарестѣ, пріѣхалъ въ Зимницу 26-го числа, а 29-го къ нему явился ординарецъ главнокомандующаго съ сообщеніемъ, что Великій Князь желаетъ, чтобы кн. Черкасскій съ своею канцеляріею тотчасъ прибылъ къ нему въ главную квартиру въ Тырновъ.—Взаимная вражда мусульманскихъ и христіанскихъ народностей въ краѣ грозила доставить много хлопотъ русскому управленію и потому рѣшено было предоставить эти дѣла вѣдѣнію гражданскаго управленія.

Князь Черкасскій въ тотъ же вечеръ (29 іюня) выѣхалъ въ Тырновъ и, прибывъ туда 1-го іюля, раскинулъ свою палатку въ районѣ расположенія главной квартиры. Канцелярія его прибыла позже.

Получивъ разрѣшеніе приступить къ устройству гражданскаго управленія на всемъ пространствѣ между Дунаемъ, Балканами и рѣками—Видомъ на западѣ и Янтрою на востокѣ, кн. Черкасскій сдѣлалъ распоряженія объ образованіи санджаковъ (губерній): Систовскаго, Тырновскаго и Тульчинскаго. Приказомъ отъ 1-го іюля губернаторомъ перваго санджака былъ назначенъ бывшій вице-консулъ нашъ въ Филиппополѣ Геровъ (болгаринъ), а вице-губернаторомъ мѣстный уроженецъ Цанковъ; тырновскимъ губернаторомъ — генералъ-маіоръ Домантовичъ, а вице-губернаторомъ мѣстный уроженецъ Балабановъ и

тульчинскимъ губернаторомъ -- бывший второй драгоманъ константинопольскаго посольства надворный совѣтникъ Бѣлоцерковецъ, а вице-губернаторомъ полковникъ Юргенсонъ. Нѣсколько позже (приказомъ отъ 9-го іюля) и. д. рушукскаго губернатора былъ назначенъ полковникъ генеральнаго штаба Золотаревъ, а вице-губернаторомъ бывший вице-консулъ нашъ въ Варнѣ Даскаловъ (болгаринъ); но такъ какъ ни одного города этого санджака не было занято нами, то полковнику Золотареву приказано было находиться при главной квартирѣ Наслѣдника - Цесаревича.

Въ такомъ составѣ гражданское управленіе существовало до ноября. Приказомъ отъ 16-го ноября былъ образованъ Раховскій санджакъ (Раховъ, Ломъ, Враца), обращенный потомъ въ Виддинскій. Наконецъ, послѣ взятія Плевны, 12-го декабря 1877 г. былъ образованъ Орханійскій санджакъ, переименованный впослѣдствіи въ Софійскій. Губернаторами въ этихъ санджакахъ были назначены: Раховскимъ -- статскій совѣтникъ Тухолка и Софійскимъ -- д. с. с. Алабинъ; вице-губернаторами къ нимъ болгарскіе уроженцы: Станишевъ (бывшій потомъ директоромъ лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ) и профессоръ Харьковскаго университета Дриновъ.

Съ 29-го іюля стали прибывать въ главную квартиру офицеры, предназначенные для занятія административныхъ должностей по гражданскому управленію. Впослѣдствіи они были распредѣлены по санджакамъ въ слѣдующемъ числѣ:

въ Тырновскомъ	31
„ Тульчинскомъ	7
„ Систовскомъ	22
„ Рушукскомъ	8
Безъ опредѣлен. назначенія	8

Всего . . . 76

Кромѣ вопроса объ устройствѣ гражданскаго управленія, кн. Черкасскій поднялъ также вопросъ объ упорядоченіи способа продовольствія войскъ и о подкрѣпленіи гражданскихъ властей вооруженною силою, о чемъ представилъ записку главнокомандующему 4-го іюля. Но на эти доклады мало было обращено вниманія, такъ какъ въ то время въ главной квартирѣ преобладали оптимистическіе взгляды на быстрый и удачный исходъ кампаніи.

Беспорядки въ Систовѣ и его окрестностяхъ вызвали переписку военного министра, находившагося въ г. Бѣлѣ при главной императорской квартирѣ, съ генераль-адъютантомъ Непокойчицкимъ и кн. Черкасскимъ. Послѣдній оправдывался невозможностью поддерживать порядокъ въ тылу арміи безъ вооруженной силы. „Уважительность моихъ соображеній въ теоріи признается, — писалъ онъ 13-го іюля генераль-адъютанту Милютину, — но до сихъ поръ въ мое распоряженіе ничего не дано на два санджака Систовскій и Тырновскій, кромѣ 23 казаковъ, переданныхъ вчера мнѣ въ Тырновъ, и только теперь начинаютъ устраиваться этапы, отъ которыхъ, впрочемъ, на объявленныхъ мнѣ условіяхъ нѣтъ толка никакого для полиціи. Даже болгарскія роты, назначенныя для сформирования новыхъ дружинъ, не размѣщены еще согласно моей просьбы. Слышу лишь слабыя отдаленныя обѣщанія, когда придутъ какіе-то новые резервные баталіоны, а когда это будетъ, Богъ вѣсть; а я на первый случай просилъ такъ мало, что меньше нельзя: на каждый санджакъ по 200 казаковъ, по двѣ роты болгарскихъ дружинъ и сверхъ сего этапныя команды“.

На это письмо кн. Черкасскій получилъ черезъ два дня отвѣтъ отъ ген.-ад. Милютина, въ которомъ онъ выразилъ сожалѣніе, что переписка съ начальникомъ полевого штаба могла подать поводъ къ предположенію, что въ ней скрывался упрекъ кн. Черкасскому. „Я очень понимаю, — писалъ далѣе ген.-ад. Милютинъ, — что организація гражданскаго управленія во всякомъ краѣ, а тѣмъ

болѣе въ такомъ, гдѣ еще ведется война, не можетъ быть введена на другой день по приходѣ арміи на мѣсто. Да еслибы даже имѣлъ бы что либо сказать относительно устройства гражданскаго управленія, то конечно сообщилъ бы прямо вамъ, а не черезъ начальника штаба арміи. Замѣчанія мои относились преимущественно къ мѣрамъ, принимаемымъ въ тылу арміи непосредственно за проходомъ войскъ“.

Беспорядки въ тылу арміи, въ особенности пожары и грабежи турецкихъ деревень, продолжались и вызвали новое письмо ген.-ад. Милютина къ кн. Черкасскому о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты для ихъ прекращенія, въ видѣ новой прокламаціи къ населенію, сформированія сильной болгарской полиціи и т. п.

Кн. Черкасскій рѣшительно возсталъ противъ новой прокламаціи, такъ какъ не предвидѣлъ никакой пользы отъ однихъ словъ, съ чѣмъ согласенъ былъ и главнокомандующій. На полицію изъ болгаръ положиться нельзя было. Для подавленія беспорядковъ въ тылу арміи нужна была крѣпкая военная сила, а ея то и не было.

На это письмо военный министръ отвѣтилъ 23-го іюля изъ Бѣлы слѣдующее:

„Привезенное мнѣ Кишельскимъ *) письмо ваше отъ 20-го числа изображаетъ въ печальномъ видѣ наше положеніе среди болгарскаго населенія, которое мы пришли спасать. Не сердитесь на меня, глубокоуважаемый князь, когда узнаете, что многія мѣста этого писъма я счелъ нелишнимъ прочесть Государю. Я бы желалъ, чтобы многое изъ этого писъма было извѣстно и Великому Князю Главнокомандующему; но боюсь передавать то, что узнаю отъ Васъ, чтобы тѣмъ не разстраивать еще болѣе существующихъ уже натянутыхъ съ Вами отношеній. Постараюсь, по возможности, облегчать встрѣчаемые Вами затрудненія по мѣрѣ того, какъ будутъ представляться къ

*) Полковникъ Кишельскій (болгаринъ по происхожденію) былъ назначенъ въ распоряженіе русскаго губернатора.

тому случаи, не змѣшивая вашего имени. Такъ на первый разъ я предлагаю Его Высочеству сформировать два новые резервные баталіона собственно для предоставленія губернаторамъ учреждаемыхъ нами санджаковъ средствъ къ поддержанію ихъ власти силою военной полиціи. Ожидаю отвѣта“.

Осуществленіе этого предложенія—и то не въ полной мѣрѣ — послѣдовало лишь въ началѣ октября, когда въ распоряженіе систовскаго губернатора было назначено двѣ роты 12-го резервнаго баталіона, а въ распоряженіе тырновскаго губернатора — весь 11-й резервный баталіонъ. Присылка этихъ 6-ти ротъ была вызвана необходимостью дать двумъ названнымъ губернаторамъ нѣкоторыя средства къ охраненію продуктовъ, собираемыхъ для арміи реквизиціоннымъ порядкомъ. До тѣхъ же поръ гражданскія власти должны были поддерживать порядокъ собственными средствами, т. е. при посредствѣ вновь сформированной стражи изъ мѣстныхъ жителей. Труднѣе всего было справляться съ шайками, образовавшимися для грабежа турецкаго имущества, а нерѣдко и убійства оставшихся въ своихъ домахъ турокъ (большинство мусульманскаго населенія бѣжало при наступленіи нашихъ войскъ). Въ этихъ дѣйствіяхъ мотивомъ была не только склонность къ завладѣнію чужимъ имуществомъ, но и вражда къ своимъ бывшимъ притѣснителямъ *). Бывали случаи, что во главѣ этихъ шакъ стояли даже лица духовнаго сословія. Въ виду этого, и отношеніе нашихъ гражданскихъ властей и чиновъ судебнаго вѣдомства къ подобнымъ шайкамъ было несравненно снисходительнѣе, чѣмъ къ обыкновеннымъ грабителямъ.

Послѣ двухъ первыхъ неудачъ нашихъ подъ Плевною, 19-го іюля Великій Князь отбылъ съ генераль-адъютантомъ Непокойчицкимъ въ Бѣлу, гдѣ тогда находился

*) Нѣкоторые изъ арестованныхъ грабителей прямо оправдывались тѣмъ, что они отбирали у турокъ то, что было награблено ими у христіанъ въ прежнее время.

Государь, и уже болѣе въ Тырново не возвращался. Князю Черкасскому съ его управленіемъ приказано было оставаться въ Тырново. Насколько мало въ главной квартирѣ были подготовлены къ такому обороту дѣлъ, видно изъ того, что еще наканунѣ князь Черкасскій получилъ личное приказаніе главнокомандующаго—приготовить полковника Бобрикова (Г. И.) къ выѣзду за Балканы для открытія тамъ гражданскаго управленія.

Новая неудача подѣ Плевною и опасеніе за нашу единственную переправу у Систова привели полевой штабъ къ заключенію, что поддержать передовой отрядъ генерала Гурко невозможно: онъ неминуемо долженъ былъ отступить подѣ давленіемъ вновь-прибывшей арміи Сулеймана. А между тѣмъ съ приходомъ нашихъ войскъ за Балканы болгары съ гораздо большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ въ придунайской Болгаріи, набросились на оставшееся турецкое населеніе, перебили множество турокъ, разграбили ихъ имущество и разрушили мечети. Теперь ихъ ожидало самое яростное отмщеніе со стороны мусульманъ *).

И дѣйствительно: какъ только нашъ передовой отрядъ, послѣ дѣлъ у Эски-Загры и Ени-Загры, сталъ отходить къ Балканамъ, турки набросились на болгаръ—и началась звѣрская расправа, и христіанскія села запылали. Десятки тысячъ болгаръ съ женами, дѣтьми и гуртами скота бросились бѣжать подѣ закрытіе нашихъ войскъ.

Первое извѣстіе о происходившемъ за Балканами кн. Черкасскій получилъ отъ адъютанта главнокомандующаго, штабсъ-капитана Бибикова, ѣхавшаго въ главную квартиру съ донесеніемъ отъ генерала Гурко. Онъ сообщилъ, что за Балканами господствуетъ всеобщая паника

*) 16-го іюля генераль Гурко доносилъ изъ Казанлыка: „Считаю священнымъ долгомъ донести Вашему Императорскому Высочеству, что отступление наше будетъ сопровождаться поголовнымъ избіеніемъ всего болгарскаго населенія городовъ Эски-Загры и Казанлыка и всѣхъ деревень долины Тунджи. Я содрагаюсь при мысли, что временное пребываніе наше въ этихъ мѣстахъ будетъ причиною столь ужасной участи жителей этого раіона“.

болгарскаго населенія, „которое толпами стремится въ наши предѣлы, прося себѣ спасенія отъ турокъ и матеріальной помощи, почему и слѣдуетъ имѣть въ виду мѣры къ его обезпеченію; что на Шипкѣ невообразимый хаосъ отъ обозовъ и транспортовъ, и всѣ окрестныя поля по дорогѣ отъ Балканъ на Габрово и къ Тырново — опустошаются „бѣженцами“ и многочисленными командами отъ парковъ, транспортовъ и даже дѣйствующихъ войскъ, терпящихъ недостатокъ въ продовольствіи“.

Такимъ образомъ для гражданскаго управленія явилась новая забота: доставить пріютъ и помощь болгарамъ—бѣженцамъ. Не могло помянутое управленіе остаться хладнокровнымъ зрителемъ и плохого довольствія войскъ, такъ какъ товарищество Грегера, Когана и Горвица очень неудовлетворительно выполняло свои обязательства. Держась того убѣжденія, что во время войны слѣдовало широко пользоваться средствами страны, кн. Черкасскій еще ранѣе — во время нахожденія главной квартиры въ Тырново—предлагалъ свои услуги къ упорядоченію продовольственнаго дѣла, но получилъ отказъ отъ военнаго начальства на свой докладъ отъ 11-го іюля. Но вскорѣ послѣ того (16-го числа) командиръ 4-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Зотовъ, перейдя съ корпусомъ черезъ Дунай, писалъ интендантству, что войска его находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи относительно продовольствія, такъ какъ агенты товарищества ничего не доставили, интендантство ничего не заготовило, а жители отказываются продавать хлѣбъ вслѣдствіе издавна существующаго обычая—не приступать къ молотьбѣ хлѣба безъ разрѣшенія властей; тѣмъ болѣе, что еще не было выяснено—будетъ-ли налогъ (*десятина*) взыматься натурою, какъ это дѣлалось прежде. Интендантству пришлось просить содѣйствія гражданскаго управленія, и кн. Черкасскій предложилъ по телеграфу сисовскому губернатору принять зависящія мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ войскъ 4-го корпуса изъ средствъ края.

23 іюля кн. Черкасскій получилъ заявленіе отъ командира 8-го армейскаго корпуса генераль-лейтенанта Радецкаго, что состоящія подъ его начальствомъ войска не имѣютъ хлѣба, а потому представляется необходимымъ организовать, при помощи гражданскаго управленія, хлѣбопеченіе у мѣстныхъ жителей. Кн. Черкасскій отнесся къ этому заявленію съ большимъ сочувствіемъ и хотѣлъ организовать хлѣбопеченіе въ большихъ размѣрахъ, но получилъ заявленіе отъ интендантства, что у Товарищества имѣется достаточно средствъ, чтобы организовать это дѣло своимъ попеченіемъ, а потому въ содѣйствіи гражданскаго управленія надобности не встрѣчается. Не далѣе, какъ въ концѣ мѣсяца было получено слѣдующее донесеніе отъ начальника габровскаго округа капитана Маслова (отъ 25 іюля): „Запасовъ у меня никакихъ нѣтъ; все, что было, истрачено, и послѣднее время запасы подвозились изъ окрестныхъ округовъ; а самое послѣднее время брали у частныхъ лицъ. Такъ мнѣ придется продовольствоваться 3—4 дня, послѣ которыхъ „Товарищество“ обѣщало открыть свои дѣйствія“. Изъ этого видно, что довольствіе войскъ на Шипкѣ производилось въ значительной степени при содѣйствіи гражданскаго управленія.

Послѣ паденія Плевны войска по большей части сами устраивали свою продовольственную часть.

Между тѣмъ число болгарскихъ бѣженцовъ изъ-за Балканъ, а затѣмъ изъ Ловчи, Беброво и долины Лома все увеличивалось и достигло до 200 тысячъ душъ. Густыми толпами наводнили они окрестности Шипки и Габрово, распространяясь далѣе по направленію къ Тырново. Многіе изъ нихъ спаслись, успѣвъ захватить лишь то, что было на нихъ; большинство было лишено всякихъ средствъ къ жизни; были между ними и раненые *).

*) Вотъ что доносилъ начальникъ Габровскаго округа, отъ 25 іюля: „Монахинь и женщинъ я поднялъ на ноги. Онѣ живо притащили все необходимое и ухаживаютъ за ранеными. Теперь онѣ помѣстили раненыхъ болгаръ въ двухъ небольшихъ зданіяхъ училищъ. Пока они обезпечены

обходима была скорая и существенная помощь. Между тѣмъ средства гражданскаго управленія были совершенно ничтожны. Къ тому же начинался неудачный періодъ кампаніи, когда всѣ усилія должны были быть направлены къ содѣйствію войскамъ.

Кн. Черкасскій пришелъ къ тому заключенію, что правительство не можетъ принять на себя полное обезпеченіе участи бѣженцовъ,—что въ этомъ дѣлѣ должно оказать ему содѣйствіе какъ русское, такъ и болгарское общество, да и сами бѣженцы должны быть привлечены къ обезпеченію себя общественными и частными работами. Мѣры, предпринятыя гражданскимъ управленіемъ, выразились, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: наиболѣе нуждающимся было немедленно выдано денежное пособіе черезъ особо уполномоченныхъ лицъ; нѣсколько тысячъ крестьянскихъ семействъ были расселены по опустѣвшимъ турецкимъ усадьбамъ, съ предоставленіемъ имъ права уборки изъ полу турецкаго хлѣба; городскіе жители были расселены въ Тырново, Дреново и др. городахъ въ домахъ бѣжавшихъ турокъ, приспособленныхъ, при помощи мѣстныхъ жителей, на зиму; изъ старыхъ турецкихъ хлѣбныхъ запасовъ были выдаваемы бѣженцамъ пособія зерномъ или въ видѣ печенаго хлѣба; кто могъ работать—были привлекаемы на сѣнокосныя работы за деньги; по убѣжденію мѣстнаго управленія, немало бѣженцовъ было принято на довольствіе нѣкоторыми болгарями, другіе же уступили имъ разные предметы домашняго обихода, захваченные у бѣжавшихъ турокъ. Сверхъ того были приглашены къ благотворительной дѣятельности Красный Крестъ и Славянскій Комитетъ, представитель котораго А. А. Нарышкинъ прибылъ изъ Бухареста въ Тырново и устроилъ, между прочимъ, пріютъ для престарѣлыхъ и малолѣтнихъ; для Краснаго Креста и при

на первое время. Послѣ я заставляю городъ сдѣлать постоянную больницу. Вчера докторъ насчиталъ до 60 раненыхъ и больныхъ. Одинъ ребенокъ имѣетъ 7 ранъ*.

его пособіи была устроена мастерская въ Тырновѣ. Въ распоряженіе губсрнаторовъ были отпущены экстренныя суммы для выдачи пособій бѣженцамъ неспособнымъ къ работѣ или непосильно обремененнымъ семействамъ *).

Тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣры были недостаточны для поддержки всѣхъ нуждающихся бѣженцовъ и многіе изъ нихъ бѣдствовали и протягивали руки за подаяніемъ. Пишущій эти строки, проѣзжая верхомъ черезъ Твардицкій перевалъ въ первой половинѣ февраля 1878 г., видѣлъ на вершинѣ Балканъ цѣлыя группы плохо одѣтыхъ бѣженцовъ (преимущественно женщинъ и дѣтей), замерзшихъ вокругъ потухшихъ костровъ. Они, очевидно, спѣшили возвратиться вслѣдъ за нашими войсками на родныя мѣста.

Слухи о наступленіи турокъ и отъѣздъ Великаго Князя, а затѣмъ (24-го іюля) и всей главной квартиры, произвели панику среди жителей Тырново. Въ виду этого высшіе чины гражданскаго управленія разѣзжали по городу и въ успокоительномъ тонѣ говорили съ болгарами, упирая на то, что войска остаются и даже ожидаютъ подкрѣпленія (и дѣйствительно—вожорѣ въ Тырново вступилъ Якутскій пѣхотный полкъ). Такимъ образомъ мало-по-малу удалось достигнуть полного успокоенія жителей. По совѣту съ генераломъ Радецкимъ рѣшено было не снимать гражданскаго управленія въ тѣхъ мѣстахъ предгорій Балканъ, гдѣ оно было учреждено, а, напротивъ, даже усилить эти пункты нѣсколькими офицерами, предназначенными къ отправкѣ за Балканы. Сверхъ того приказано было раздать ружья мѣстному болгарскому населенію, учредить изъ нихъ отряды добровольцевъ, подъ командою офицеровъ, и поручить ихъ охранѣ населенные пункты предгорій Балканъ и въ особенности горные проходы **).

*) См. докладъ объ этомъ кн. Черкасскаго въ „Сборникѣ матеріаловъ по гражданскому управленію и оккупациі въ Болгаріи“, в. 1, стр. 67.

**) Находясь въ то время въ распоряженіи тырновскаго губернатора, генераль-маіора Домантовича, я 10-го августа получилъ предписаніе отъ

Отбытіе изъ Тырново главной квартиры побудило кн. Черкаскаго обратиться съ запросомъ въ полевой штабъ о томъ: приказано-ли ему будетъ тоже идти въ Горній Студень (мѣстопребываніе главнокомандующаго), или же оставаться въ Тырново. Въ отвѣтъ на это 26-го числа была получена слѣдующая телеграмма отъ ген.-ад. Непокойчицкаго: „Великій Князь главнокомандующій просить васъ остаться съ гражданской канцеляріей въ Тырновѣ“.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ было очень серьезное. Возникали обстоятельства, гдѣ необходимъ былъ частый обмѣнъ мнѣній между главнокомандующимъ и завѣдующимъ гражданскими дѣлами; оставаясь же въ Тырново, послѣдній отстранялся отъ личнаго доклада и все дѣло сводилось къ канцелярской перепискѣ черезъ посредство начальника полевого штаба. Такимъ образомъ терялась возможность въ трудныхъ обстоятельствахъ принимать быстрыя и рѣшительныя мѣры.

Не надѣясь на возможность скорого соединенія съ главною квартирою, видимо недовольною имъ, кн. Черкасскій все же ходатайствовалъ о дозволеніи ему при-быть въ Горній Студень, и въ виду необходимости въ экстренныхъ случаяхъ дѣйствовать самостоятельно, просилъ о предоставленіи ему извѣстныхъ полномочій. Съ этою цѣлью имъ былъ составленъ и посланъ главнокомандующему проектъ рескрипта на свое имя, въ которомъ завѣдывающему гражданскими дѣлами предоставлялось: 1) во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ окажется нужнымъ взаимное содѣйствіе гражданскихъ и военныхъ властей,—входить въ сношенія съ начальникомъ полевого штаба и принимать соотвѣтственныя мѣры по взаимному согла-

него отправиться въ г. Травну и войти въ составъ отряда, состоявшаго изъ добровольцевъ, подъ начальствомъ маіора Кобылинскаго. Нашъ отрядъ былъ назначенъ для охраны горнаго прохода близъ Бедека. Въ этомъ пунктѣ находилась лишь 1/2 сотни 30 донского казачьяго полка. Мы простояли здѣсь нѣсколько дней и были смѣнены 6-й дружиной Болгарскаго ополченія.

шенію; 2) въ порядкѣ административнаго управленія: принимать мѣры къ постепенному введенію гражданскаго управленія въ мѣстностяхъ, отвоеванныхъ у турокъ; входить въ сношенія съ правительственными лицами и учрежденіями въ Имперіи о вызовѣ соотвѣтствующихъ лицъ для занятія мѣстъ по гражданскому управленію въ Болгаріи, а также назначать на эти должности мѣстныхъ уроженцевъ; принимать мѣры къ устройству мѣстной полицейской стражи и правильнаго почтоваго сообщенія; налагать штрафы до 3-хъ тысячъ рублей и т. п.; 3) по дѣламъ финансовымъ: введеніе улучшеннаго порядка распредѣленія и взиманія податей и налоговъ; всѣ мѣры къ установленію податей и сборовъ, правильному взиманію ихъ, пріостановленію взиманія, разсрочкѣ и сложенію ихъ; наблюденіе за правильностію расходованія суммъ въ окружныхъ кассахъ и санджаковыхъ казначействахъ; отпускъ на непредвидѣнные расходы, въ видѣ экстраординарной суммы, 25 тысячъ рублей; 4) по дѣламъ земско-хозяйственнымъ: скорѣйшее устройство административныхъ и управительныхъ совѣтовъ; строгое наблюденіе за ихъ дѣйствіями, съ правомъ утверждать расходы изъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ капиталовъ; право распушенія совѣтовъ или замѣны его членовъ сполна или частію, смотря по обстоятельствамъ, и 5) по судебной части: направлять дѣйствія административныхъ властей и судебныхъ учреждений къ охраненію въ краѣ должнаго правосудія и т. д. *).

Этотъ рескриптъ былъ подписанъ главнокомандующимъ 31-го іюля, но приглашенія кн. Черкасскому при-
быть въ Горній Студень не приходило. Между тѣмъ
обстоятельства все болѣе и болѣе осложнялись. Ожесто-
ченные рѣзней за Балканами, придунайскіе болгары на-
бросились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на оставшихся ту-
рокъ. Такъ, 28-го іюля болгарскія четы вырѣзали все муж-

*) Рескриптъ этотъ напечатанъ въ „Сборникъ матеріаловъ“ в. 1, стр. 44.

ское населеніе въ трехъ турецкихъ селеніяхъ, лежащихъ въ окрестностяхъ Габрово. 30-го іюля болгары истребили до тла большую турецкую деревню Трембешъ, находящуюся въ 15-ти верстахъ отъ Тырново. Гражданское управленіе, не имѣя въ своемъ распоряженіи вооруженной силы, напрягало всѣ усилія къ установленію порядка въ занятыхъ нами мѣстностяхъ, устанавливая всюду административныя власти, устраивая полицію и организуя вооруженные сельскіе караулы. По согласію военного и гражданского начальствъ, большая часть вооруженныхъ болгарскихъ четъ была распущена. Но, по распоряженію полевого штаба, приступлено было къ сформированію новыхъ четъ для содѣйствія нашимъ войскамъ и освѣщенія впереди лежащихъ мѣстностей. Инициаторомъ этой мѣры былъ М. А. Хитрово, служившій прежде консуломъ нашимъ въ Македоніи *). Вначалѣ полномочія этимъ четамъ были даны очень широкія: имъ позволялось дѣйствовать даже тамъ, гдѣ были не только наши войска, но и гражданскія власти. Это обстоятельство вызвало протестъ со стороны кн. Черкасскаго, который въ письмѣ на имя ген.-ад. Непокойчицкаго, отъ 21-го августа 1877 г., настаивалъ на томъ, чтобы вновь формируемыя болгарскія четы во 1) не находились подъ начальствомъ людей подозрительныхъ, во 2-хъ) чтобы онѣ не смѣли держаться въ мѣстностяхъ, гдѣ уже введено гражданское управленіе, и въ 3-хъ) чтобы четы эти не оставались безъ всякаго контроля, а подчинялись начальнику какой-либо части. Заявленіе это было принято полевымъ штабомъ во вниманіе **), и болгарскія четы впослѣдствіи держались только при передовыхъ отрядахъ.

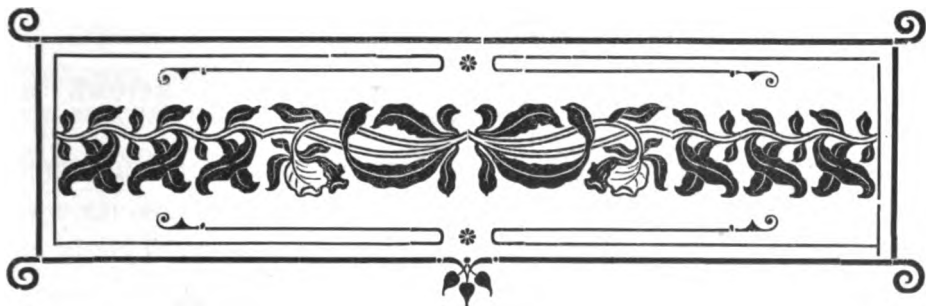
Въ концѣ іюля пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Тырново близкій знакомый кн. Черкасскаго П. Θ. Самаринъ,

*) Объ этомъ см. „Болгарское ополченіе и земское войско“, гл. VI.

**) Въ особенности послѣ того, какъ начальникъ ловчинскаго округа жаловался на безпорядки, производимые четниками.

который убѣждалъ кн. Черкасскаго отказаться отъ званія главноуполномоченнаго Краснаго Креста. Между ними произошло горячее объясненіе, но собесѣдники остались каждый при своемъ мнѣніи, и кн. Черкаскій отъ званія главноуполномоченнаго не отказался.

VI.

Дѣятельность гражданскаго управленія по выработкѣ положеній объ организаціи управленія въ занятой нами части Болгаріи и изданію „Матеріаловъ для изученія Болгаріи“.—Финансовое и таможенное управленіе.—Интендантство отклоняетъ предложенія кн. Черкасскаго: 1) о принятіи для войскъ продовольствія и фуража натурою и 2) о сформированіи воловьихъ транспортовъ для надобностей войскъ.—Дѣятельность по обмундированію и снаряженію Болгарскаго ополченія.

О время пребыванія въ Тырново гражданское управленіе усиленно занято было выработкой положеній организаціи административныхъ органовъ въ занятомъ нами краѣ. Великимъ Княземъ главнокомандующимъ были утверждены:

1) 7-го іюля—Положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ Болгарскаго края, со штатами подлежащихъ учреждений.

2) 8-го августа—Временныя правила для управленія административныхъ совѣтовъ въ округахъ и городахъ Болгаріи, съ временными росписаніями въ нихъ должностей.

3) 8-го августа—Временныя правила для образованія въ Болгаріи полицейской вольно-наемной стражи и вооруженныхъ мѣстныхъ карауловъ.

Сверхъ того 9-го августа были утверждены представленныя завѣдующимъ судебною частью Временныя правила для отдѣльныхъ полевыхъ судовъ въ Болгаріи.

На первый разъ суды учреждены въ г.г. Систовѣ и Тырново *).

Около того же времени вышли и три слѣдующіе выпуска „Матеріаловъ для изученія Болгаріи“, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о положеніи управленія въ Турціи и довольно подробныя статистическія данныя о Дунайскомъ вилаетѣ. Нѣкоторыя изъ статей этого сборника были составлены по рукописнымъ матеріаламъ. А потому 5 выпусковъ „Матеріаловъ“ не только служили пособіемъ для администраціи и военнаго начальства, но составляли и значительный вкладъ въ нашу литературу, столь бѣдную въ то время монографіями о Турціи.

Многіе турецкіе законы были весьма удовлетворительны какъ по формѣ, такъ и по существу, а нѣкоторые даже отличались несомнѣнными достоинствами, но турецкая администрація оставляла ихъ мертвою буквою и управляла страню по произволу. Поэтому русское гражданское управленіе не хотѣло прибѣгать къ ломкѣ и измѣненію тѣхъ учреждений и законовъ, къ которымъ народъ привыкъ и которые не противорѣчили понятію о справедливомъ и гуманномъ управленіи. Для ознакомленія же съ нею русской администраціи, были изданы, по приказанію кн. Черкаскаго, частью въ переводѣ, частью въ извлеченіи, всѣ турецкіе законы, дѣйствовавшіе въ Болгаріи. Во всѣхъ законоположеніяхъ, изданныхъ гражданскимъ управленіемъ, были соблюдены прежнія названія; однимъ лишь административнымъ органамъ было дано другое, не турецкое, наименованіе. Такъ, начальники санджаковъ были названы губернаторами, начальники казъ—окружными начальниками. До заключенія мира было образовано 8 санджаковъ (систовскій, тырновскій, рушукскій, виддинскій, софійскій, сливенскій и филиппопольскій), которые составлялись изъ 56 округовъ (казъ).

Такъ какъ русская администрація должна была пред-

*) См. „Сборникъ матеріаловъ по гражданскому управленію и оккупации въ Болгаріи“, в. 1-й.

ставлять собою временное управленіе, то для подготовленія мѣстныхъ дѣятелей сразу было принято за правило назначать вице-губернаторами болгаръ. Въ округахъ и городахъ изъ русскихъ были назначены лишь окружные начальники и полиціймейстеры; на всѣ прочія административныя должности, а также въ чины полиціи и жандармеріи (конные и пѣшіе стражари), поступали исключительно мѣстные уроженцы. Управительные (окружные и городскіе) и судебные совѣты были составлены тоже изъ мѣстныхъ жителей, выбранныхъ изъ своей среды мѣстнымъ населеніемъ. Въ центральномъ управленіи—канцеляріи завѣдующаго гражданскими дѣлами—нѣкоторыя мѣста были тоже заняты болгарами. На должности по таможенному управленію принимались только мѣстные уроженцы. Изъ нихъ же были и всѣ сборщики податей.

Дѣлопроизводство во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ производилось на болгарскомъ языкѣ; исключеніе составляла лишь переписка губернаторовъ, начальниковъ округовъ и полиціймейстеровъ, а также канцеляріи гражданскихъ дѣлъ, которыя велись на русскомъ языкѣ.

Параллельно съ мѣрами къ утвержденію въ краѣ гражданского порядка и спокойствія, гражданскимъ управленіемъ были разработаны и подлежащія инструкціи для первоначальнаго устройства и взиманія податей. Особенное вниманіе было обращено на десятинный налогъ, очень тяжело ложившійся на христіанское населеніе при турецкомъ управленіи вслѣдствіе тѣхъ злоупотребленій, которыя допускали себѣ откупщики этого налога. Прокламаціей главнокомандующаго отъ 5-го іюня десятинный налогъ съ хлѣбныхъ полей и луговъ отмѣнялся съ 1878 г. и долженъ былъ замѣниться правильно взимаемой поземельной податью. Вслѣдствіе же неотложныхъ потребностей, вызываемыхъ войною, десятину предполагалось взимать въ 1877 г.: а) *деньгами*—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбныя произведенія не будутъ необходимы для продовольствія войскъ, и б) *натурою*—лишь тамъ, гдѣ произведе-

нія земли окажутся необходимыми для продовольствія арміи.

Подробная инструкція для немедленнаго взиманія десятины, частью деньгами и частью натурою, въ Тырновскомъ и Систовскомъ санджакахъ были составлены по приказанію кн. Черкасскаго и утверждены главнокомандующимъ 11-го іюля. Этимъ способомъ предполагалось дать войскамъ значительные запасы провіанта и фуража безъ особаго на то расхода. Но отъ этой мѣры пришлось отказаться *), такъ какъ интендантъ дѣйствующей арміи заявилъ, что для потребностей войскъ онъ не нуждается во взиманіи съ жителей хлѣба и фуража натурою.

Въ то же время интендантомъ было отклонено и другое предложеніе кн. Черкасскаго—образовать воловьі транспорты изъ оставленнаго бѣжавшими турками огромнаго количества скота, который расходовался безъ всякаго порядка на текущее довольствіе или же расхищался мѣстными жителями.

Всѣ прочія подати и налоги, взимавшіеся при турецкомъ управленіи, какъ-то: верги, акцизъ, таможенные пошлины и пр., взимались на прежнихъ основаніяхъ, но съ уничтоженіемъ ненавистой народу откупной системы. Совершенно отмѣнена была лишь подать *беделъ*, взимавшаяся съ христіанъ турецкимъ правительствомъ за освобожденіе ихъ отъ воинской повинности.

Что касается турецкихъ таможенъ, расположенныхъ какъ по линіи Дуная на границѣ, такъ и внутри края, то въ первое время пришлось оставить ихъ службу совершаться на тѣхъ же основаніяхъ, какія существовали при турецкомъ правительствѣ. Но затѣмъ нужды войскъ заставили сдѣлать значительныя послабленія при пропускѣ въ край нѣкоторыхъ заграничныхъ товаровъ, а именно: допущенъ беспошлинный ввозъ черезъ всѣ дунайскія таможни соли, строительнаго дерева и всѣхъ вообще пред-

*) Отмѣнена циркулярнымъ распоряженіемъ отъ 22-го іюля.

метовъ отопленія. Отъ всякихъ ввозныхъ пошлинъ были также освобождены всѣ транспорты Краснаго Креста, „Товарищества“ довольствующаго армію, войсковыхъ марки-тантовъ и комиссіонерства Новосельскаго. Съ другой стороны, въ виду потребности войскъ въ теплой одеждѣ, запрещенъ былъ вывозъ изъ Болгаріи всякаго рода овчинъ. Въ тѣхъ же видахъ возможнаго облегченія нуждъ войскъ и солдата, порядокъ взиманія акциза съ табаку былъ оставленъ прежній, безъ принятія охранительныхъ мѣръ къ прекращенію безбандерольной его продажи.

Хотя Болгарское ополченіе не было подчинено князю Черкасскому, и начальнику его, генералу Столѣтову, даже вмѣнено было въ обязанность не обращаться ни за чѣмъ къ гражданскому управленію (см. стр. 26), тѣмъ не менѣе на кн. Черкаскаго возложено было инструкціею завѣдывающему гражданскими дѣлами „дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края“; поэтому кн. Черкасскій не могъ относиться равнодушно къ интересамъ ополченія. Обмундированіе и снаряженіе какъ первыхъ 6-ти дружинъ, такъ и дружинъ 2-й серіи (съ 7-й по 12-ю) было произведено по соглашенію гражданского управленія съ Московскимъ Славянскимъ комитетомъ.

Изъ похода за Балканы ополченіе вернулось на Шипку въ жалкомъ видѣ. Объ этомъ генералъ Столѣтовъ доносилъ телеграммою генералу Радецкому 31-го іюля 1877 г. слѣдующее:

„Вынужденъ послать флигель-адъютанта графа Толстого просить смѣнить ополченіе съ Шипкинскаго перевала ротами Орловскаго полка. До крайности неисправна доставка хлѣба; неимѣніе сухарнаго запаса, почти поголовное отсутствіе обуви; патроны почти всѣ подмочены и врядъ ли въ настоящее время годны; съ началомъ сырой и холодной погоды многіе отлучаются самовольно

искать хлѣба и одежды; впереди изнурительная лихорадка и голодный тифъ. Чтобы спасти ополченіе, необходимо вывести его по крайней мѣрѣ въ городъ Габрово, дать отдыхъ, укомплектовать и все исправить. Палатокъ у насъ вовсе нѣтъ“.

Послѣдствіемъ этого донесенія была слѣдующая телеграмма начальника полевого штаба кн. Черкасскому отъ 1-го августа, изъ Горняго Студня:

„Прошу распоряженія вашего перевезти въ Тырново вещи, доставленныя Аксаковымъ для ополченія въ Бухарестъ, и высылки Столѣтову триста восемнадцати шинелей. Корсаковъ двинулся уже въ Тырново“. Непокойчицкій.

Полковникъ Корсаковъ, командиръ сводной бригады Болгарскаго ополченія, предназначенной для сформированія новыхъ шести дружинъ (7—12), прибылъ въ Тырново 30-го іюля съ двумя дружинами, въ составѣ 830 чел. Изъ нихъ 550 чел. были тотчасъ отправлены на Шипку для укомплектованія первыхъ шести дружинъ. Возобновленъ былъ также запасъ патроновъ, что представляло большую важность, ибо ополченіе было вооружено ружьями Шасспо и къ нимъ никакіе другіе патроны не подходили *). А не далѣе, какъ черезъ недѣлю, послѣдовали уже бѣшенныя атаки на Шипку Сулеймана, выдерживать которыя приходилось тѣмъ же ополченцамъ.

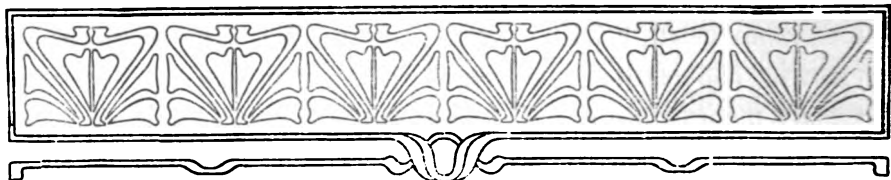
Впослѣдствіи, когда сильные холода на Балканахъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ вынудили заготовлять полушубки для ополченцевъ распоряженіемъ гражданскаго начальства, возникъ вопросъ о тѣхъ запасахъ, которые были даны ополченію Славянскимъ Комитетомъ. Оказалось, что они были оставлены въ Плоэшти. Объ этомъ былъ посланъ запросъ начальнику тыла, генераль-адъютанту Дрентельну, который сообщилъ телеграммой отъ 9-го октября, что въ болгарскомъ складѣ вещей въ Плоэшти находится: „6000 ружей Шасспо, 3.760.760 патроновъ, 12 орудій съ при-

*) Они были приобрѣтены Славянскимъ Комитетомъ у германцевъ, у которыхъ остались послѣ кампаніи 1870—71 г.

надлежностями, 2.760 ядеръ различныхъ, 312 патронныхъ сумокъ, 735 малыхъ и большихъ полушубковъ, 720 паръ чулокъ шерстяныхъ, 3,735 рукавицъ, 15 мѣдныхъ котловъ, 38 палатокъ старыхъ, ветхихъ. Въ вещахъ приблизительно 15,000 пудовъ“.

Объ этихъ запасахъ, повидимому, забыли! Осенью же и зимою доставить вещи изъ Румыніи на Балканы оказалось невозможнымъ, такъ какъ желѣзныя дороги были завалены военными грузами, а на грунтовыхъ не хватало перевозочныхъ средствъ. Вещи, присланныя ополченію Аксаковымъ въ Бухарестъ, о которыхъ упоминалъ въ своей телеграммѣ кн. Черкасскому ген.-ад. Непокойчицкій, благодаря огромнымъ стараніямъ и настойчивости уполномоченныхъ Славянскаго комитета, могли быть доставлены на Шипку только 11-го октября.

VII.

Переѣздъ гражданскаго управленія въ Горній Студень.—Совѣщаніе у главнокомандующаго по вопросу объ упорядоченіи продовольствія въ нашей арміи.—Сборъ продовольственныхъ запасовъ и фуража реквизиціоннымъ порядкомъ.—Содѣйствіе, оказанное гражданскимъ управленіемъ интендантству въ перевозкѣ провіанта и фуража изъ Румыніи.

ТОЛЬКО 4-го августа кн. Черкасскій получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Горній Студень, но самолично; канцелярія же его получила это разрѣшеніе только 8-го числа, послѣ личныхъ докладовъ князя главнокомандующему.

Въ Горнемъ Студнѣ находились въ это время какъ главная квартира, такъ и императорская, прибывшая сюда изъ Бѣлы. Обѣ квартиры были расположены другъ противъ друга. Между ними находилась землянка бѣднаго болгарина, въ которой и помѣстился кн. Черкасскій. Помѣщеніе было темное и сырое, но лучшаго негдѣ было взять. Въ землянкѣ князь спалъ, а большую часть дня проводилъ на заваленкѣ, гдѣ пилъ чай, принималъ доклады и довольно многочисленныхъ посѣтителей. Во дворѣ, въ раскинутыхъ палаткахъ, помѣстился его помощникъ, генералъ Анучинъ, секретарь Краснаго Креста Н. А. Неклюдовъ и нѣсколько чиновниковъ канцеляріи. Завтракали и обѣдали всѣ начальники отдѣловъ полевого штаба, ихъ помощники, адъютанты, чины, состоящіе при главнокомандующемъ, и сверхъ того много другихъ штабъ

и оберъ-офицеровъ — ежедневно у Великаго Князя. Тоже было потомъ и въ Боготѣ, куда главная квартира перешла въ октябрѣ. Нерѣдко кн. Черкасскій удостоивался получать приглашенія къ обѣду и въ императорскую квартиру.

Продолжительная задержка нашихъ войскъ подъ Плевною заставила гражданское управленіе обратить особенное вниманіе на продовольственный вопросъ. Хотя хлѣба и скота въ сѣверной Болгаріи оказалось въ изобиліи, но „Товарищество“ не предпринимало почти никакихъ мѣръ къ устройству правильнаго довольствія войскъ; агенты его занимались лишь пріобрѣтеніемъ продуктовъ по ничтожной цѣнѣ, не останавливаясь даже предъ вымогательствами *), для того, чтобы потомъ поставить ихъ въ три-дорога въ казну. Интендантство не проявляло почти никакой дѣятельности, а войска зачастую принуждены были жить средствами страны, добытыми безпорядочно, нерѣдко самымъ примитивнымъ способомъ. Такъ какъ болгарское населеніе послѣ этого начало выказывать склонность къ скрыванію своихъ запасовъ, то на него стали раздаваться нареканія въ войскахъ.

Князь Черкасскій держался того мнѣнія, что необходимо устранить еврейскую компанію отъ продовольственнаго дѣла въ арміи и организовать его такимъ образомъ, чтобы ввести строгую экономію въ расходованіи средствъ страны.

Вслѣдствіе офіціального заявленія о необходимости упорядочить дѣло продовольствія дѣйствующей арміи, сдѣланнаго полевымъ генералъ-контролеромъ начальнику полевого штаба, было созвано особое совѣщаніе у главнокомандующаго, на которомъ присутствовали: ген.-ад. Непокойчицкій, полевой контролеръ д. с. с. Черкасовъ, кн. Черкасскій и полевой интендантъ д. с. с. Аренсъ.

На совѣщаніи этомъ, состоявшемся 14-го августа,

*) См. Приложенія.

генераль-контролеръ представилъ свой докладъ о необходимости уничтожить контрактъ съ „Товариществомъ“ и перейти къ подрядному съ торговъ способу довольствія войскъ, какъ наиболѣе обеспечивающему исправное доставленіе продуктовъ и охраненіе интересовъ казны. Дѣятельность еврейскаго товарищества д. с. с. Черкасовъ охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ. Доказавъ неисправность „Товарищества“ еще въ Румыніи, онъ заявилъ, что „съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай, дѣятельность товарищества, казалось, вовсе прекратилась. Армія наша довольствовалась запасами интендантскаго транспорта, сухарями, имѣющимися въ обозѣ войскъ, хлѣбомъ, оставленнымъ турецкимъ правительствомъ, и, наконецъ, сѣномъ и зерновымъ фуражемъ, собраннымъ съ турецкихъ полей. Отсутствіе услугъ товарищества на всемъ пространствѣ занятой нами территоріи, и притомъ въ такое важное время для нашей арміи составляло нарушеніе контракта во всемъ его объемѣ, такъ какъ на основаніи § 3-го контракта товарищество обязано было устраивать по пути движенія войскъ и въ мѣстахъ ихъ остановокъ склады продовольствія и фуража — что, какъ извѣстно, не было имъ исполнено ни на одномъ пунктѣ. Да и въ настоящее время, какъ увѣдомилъ меня полевой интендантъ 3-го августа 1877 года, хлѣбъ и другіе продовольственные продукты ставятся товариществомъ только тамъ, гдѣ это окажется возможнымъ“. Притомъ нельзя было признать законными и цѣны, представленныя товариществомъ, такъ какъ въ Болгаріи не существовало ни торговыхъ фирмъ, ни биржъ, ни маклеровъ, т. е. тѣхъ учреждений, которыя должны были по § 6-му контракта удостоверить дѣйствительность существовавшихъ на мѣстахъ слѣдованія и остановокъ войскъ цѣнъ.

Кн. Черкасскій выступилъ на совѣщаніи съ совершенно самостоятельнымъ заявленіемъ, формулированнымъ въ 18-ти пунктахъ. Основываясь на изобиліи хлѣба и фуража въ Болгаріи, онъ настаивалъ на широкой экспло-

атаціи этихъ средствъ, образовавъ для арміи запасы продовольственныхъ продуктовъ. Одновременно съ этимъ надлежало, по мнѣнію кн. Черкасскаго, опредѣлить порядокъ довольствія войскъ по участкамъ, изъ которыхъ они должны были пріобрѣтать всякаго рода жизненные продукты, съ зачетомъ по продовольственнымъ листамъ или покупкою на деньги. Чрезъ это прекратилось бы расхищеніе мѣстныхъ средствъ, захваты лишняго однѣми частями въ ущербъ другимъ, и, наконецъ, предупреждалось общее обнищаніе страны, въ которой намъ предстояло оставаться неопредѣленное время. Образование же запасовъ хлѣба и фуража, съ устройствомъ интендантскихъ магазиновъ для пріема реквизиціи, — обезпечивало продовольствіе арміи въ будущемъ и давало возможность спокойнѣе относиться къ мысли оставаться въ сѣверной Болгаріи не только осенью, но и на зиму.

Послѣ возраженій на эти доклады начальника полевого штаба и полевого интенданта, совѣщаніе сохранило прежній порядокъ довольствія арміи, согласившись лишь на заготовленіе запасовъ путемъ реквизиціи.

Главнѣйшею причиною такого рѣшенія было то, что войсковое начальство было увѣрено въ успѣшности нашихъ дѣйствій противъ Плевны съ прибытіемъ румынскихъ войскъ. Послѣ паденія Плевны войскамъ предстояло двинуться впередъ за Балканы, гдѣ найдутся еще болѣе обильные запасы. Въ виду этого, стоило ли теперь затруднять войска пріурочиваніемъ къ извѣстнымъ участкамъ? Если имъ оставалось пробить въ сѣверной Болгаріи лишь короткое время, то, очевидно, ихъ „хозяйничанье“ большого ущерба странѣ принести не могло.

Къ сожалѣнію, неудачный штурмъ 30-го августа показалъ несбыточность этихъ надеждъ. Тѣмъ не менѣе никакого упорядоченія въ системѣ довольствія нашихъ войскъ не послѣдовало. Генераль Анучинъ, въ статьѣ своей о дѣятельности кн. Черкасскаго въ Болгаріи, которую мы цитировали выше, даетъ слѣдующее объясненіе этому

факту: ...„слѣдуетъ сказать, что мѣра эта (упорядоченіе пользованія мѣстными средствами) не была принята по побужденіямъ низменнаго порядка. Начальникъ полевого штаба и полевой интендантъ, отстоявъ существованіе товарищества, ими самими измышленнаго и навязаннаго арміи, не рѣшались поднять на него руку даже въ смыслѣ простого прекращенія безобразій, производимыхъ его агентами. Охранивъ систему, они не хотѣли измѣнить и порядки, введенные еврейскими контрагентами исключительно для своихъ выгодъ и въ прямой ущербъ казнѣ. Ставъ на эту точку зрѣнія, пришлось глядѣть сквозь пальцы и на самовольныя распоряженія военныхъ частей, которыя, ничего не получая отъ товарищества, все забирали изъ мѣстныхъ средствъ по собственному усмотрѣнію. Ограничить такія дѣйствія войскъ значило бы и ихъ окончательно возстановить противъ товарищества или, строго говоря, противъ установленной системы продовольствія арміи“ *).

Выяснившаяся для насъ послѣ штурма 30-го августа необходимость оставаться еще на болѣе или менѣе продолжительное время въ сѣверной Болгаріи принудила гражданское управленіе усиленно заняться вопросомъ объ устройствѣ запасныхъ пунктовъ для сбора и храненія продовольственныхъ припасовъ. Черезъ окружныхъ начальниковъ были собраны свѣдѣнія о количествѣ зерновыхъ запасовъ и фуража, которые можно было получить реквизиціоннымъ путемъ въ Систовскомъ и Тырновскомъ санджакахъ, и ожидалось свѣдѣнія о таковыхъ же по Тульчинскому санджаку. Объ этомъ доложено было главнокомандующему, съ разрѣшенія котораго 8-го сентября состоялось, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя, совѣщаніе для утвержденія подробнаго плана реквизиціи.

На этомъ совѣщаніи кн. Черкасскій поддерживалъ

*) См. „Русскую Старину“ 1896 г., № 1, стр. 67.

свою мысль о довольствіи войскъ по участкамъ, но она была снова отвергнута. Въмѣстѣ съ тѣмъ военныя власти признали необходимымъ дать войскамъ общія указанія какъ о цѣли заготовленія реквизиціонныхъ предметовъ довольствія, такъ и о способахъ обезпеченія войскъ хлѣбомъ и фуражомъ. Объ этомъ было сообщено войскамъ дѣйствующей арміи въ приказаніи отъ 13-го и въ приказѣ отъ 15-го сентября 1877 года.

Но оба эти распоряженія были изложены въ столь неопредѣленной формѣ (въ нихъ говорилось только о запрещеніяхъ, но ничего не упоминалось о льготахъ), что вызвали недоразумѣнія и недовольство въ войскахъ. Многіе войсковые начальники обратились съ жалобами въ полевой штабъ на кн. Черкаскаго, распоряженія котораго вызвали будто бы затрудненія въ пріобрѣтеніи продовольствія для войскъ. Пошли слухи о томъ, что гражданское управленіе запретило болгарамъ продавать какіе бы то ни было жизненные припасы войскамъ... Дошло до того, что начальникъ полевого штаба прислалъ съ передовыхъ позицій подъ Плевною телеграмму кн. Черкасскому о жалобахъ войскъ на стѣсненія въ дѣлѣ пріобрѣтенія продовольствія отъ жителей и просилъ принять мѣры къ устраненію недоразумѣній.

Отвѣтомъ на это было письмо кн. Черкаскаго отъ 22-го сентября, въ которомъ онъ настаивалъ на необходимости принять мѣры къ упорядоченію довольствія войскъ изъ мѣстныхъ средствъ, причемъ указывалъ, что „чѣмъ шире войска будутъ пользоваться предоставляемою имъ возможностью производить такую покупку, тѣмъ быстрѣе истощатся мѣстныя средства края и тѣмъ скорѣе наступитъ самая критическая для арміи пора“.

Но ни это письмо, ни личныя потомъ объясненія кн. Черкаскаго съ начальникомъ полевого штаба не привели ни къ какимъ результатамъ: все оставалось по старому.

Между тѣмъ сборъ реквизиціи и сѣнокошеніе наемнымъ путемъ шли настолько успѣшно, что къ назначен-

ному сроку *) огромный процент реквизиціонныхъ сборовъ былъ готовъ для сдачи интендантству. Всего же по раскладкѣ должно было быть поставлено населеніемъ за деньги: сто тысячъ четвертей пшеницы или ржи, сорокъ тысячъ четвертей овса или ячменя, половина всего имѣющагося у жителей количества сѣна и треть имѣющагося у нихъ количества соломы.

Но тутъ оказалось, что интендантство принять всѣ запасы не могло, за неимѣніемъ складовъ. Въ нѣкоторыхъ же пунктахъ, гдѣ былъ допущенъ пріемъ, онъ былъ обставленъ всевозможными затрудненіями. Послѣдствіемъ этого явилась необходимость для гражданскаго управленія хранить продукты въ центральныхъ пунктахъ, куда они предварительно свозились, принимать мѣры, чтобы зерно не слежалось и т. д. Жители, не имѣя возможности сдать привезенные ими продукты, не могли получить и слѣдуемыхъ за нихъ денегъ.

Съ прибытіемъ новыхъ войскъ и наступленіемъ дождливаго времени, затрудненія въ дѣлѣ продовольствія арміи еще болѣе увеличились. Къ сентябрю сухарный запасъ, бывшій при войскахъ, истощился, а между тѣмъ, пополнить его было крайне трудно, вслѣдствіе начавшейся распутицы, препятствовавшей движенію транспортовъ. Никакихъ промежуточныхъ складовъ между Дунаемъ и Плевною не существовало. Хлѣбопеченіе, производимое интендантствомъ, велось очень туго, такъ что напр. 4-й корпусъ получалъ хлѣбъ отъ одного раза въ недѣлю до одного раза въ двѣ недѣли. Отдѣльныя части войскъ стали добывать себѣ продовольственные запасы и фуражъ сами, на свой рискъ и страхъ, заботясь только о настоящемъ. Въ какомъ положеніи находилась продовольственная часть подъ Плевною, видно изъ докладной записки интенданта западнаго отряда, полковника Свѣчина, начальнику штаба отряда, князю Имеретинскому, отъ 5

*) Срокъ сдачи интендантству реквизиціонныхъ продуктовъ былъ опредѣленъ съ 1-го октября по 15-е декабря.

октября 1877 г. „Съ прибытіемъ интендантскихъ транспортовъ,—пишетъ полковникъ Свѣчинъ,—въ настоящее время довольствіе остается въ томъ же неисправномъ положеніи“; войска могутъ быть удовлетворены только на три дня; „изъ 11-ти транспортовъ, поименованныхъ въ депешѣ интенданта отъ 30-го сентября и направленныхъ къ отряду,—прибыло четыре“; „полевое интендантское управленіе на 4 депеши и товарищество по продовольствію арміи на 3 депеши—отвѣтовъ и исполненія не дѣлаютъ, какъ бы ихъ не существовало“ *).

Крайняя недостаточность средствъ перевозки ставила управленіе дѣйствующей арміи въ весьма затруднительное положеніе. Румынскія желѣзныя дороги были завалены различными грузами, предназначенными для нашихъ войскъ, а доставить ихъ по назначенію, даже самыхъ нужнѣйшихъ, не оказывалось возможности. Начальникъ полевого штаба принужденъ былъ совѣщаться по этому вопросу съ завѣдующимъ гражданскими дѣлами, который затѣмъ, 19-го октября, отправилъ тырновскому и систовскому губернаторамъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„По требованію полевого интенданта Россицкаго **), прошу наряжать, сколько можно, подводъ для возки провіанта, преимущественно изъ селеній, отдаленныхъ отъ дорогъ и менѣе отягощенныхъ повинностью“.

Сверхъ того, для выигрыша времени, былъ разосланъ циркуляръ прямо окружнымъ начальникамъ, въ которомъ предлагалось имъ принять слѣдующія мѣры:

1) привести немедленно въ извѣстность весь оставшійся по округамъ отъ бѣжавшаго турецкаго населенія скотъ и сосредоточить его въ окружномъ городѣ;

2) отобрать изъ него воловъ, могущихъ ходить въ упряжкѣ;

*) „На наше интендантство я болѣе не рассчитываю“,—писалъ генералъ Тотлебенъ въ своемъ дневникѣ.—„Все пустыя лишь обѣщанія“ (Инженерный Журналъ 1886 г., № 5).

**) Д. с. с. Россицкій замѣнилъ Аренса.

3) по числу оказавшихся годныхъ воловъ, взять со всего населенія округа, христіанскаго и преимущественно мусульманскаго, хорошія телѣги реквизиціоннымъ порядкомъ, за цѣну, опредѣленную окружными начальниками и подлежащую утвержденію губернатора;

4) назначить къ каждой таковой паровозной подводѣ по одному возчику, преимущественно изъ бѣженцовъ, за опредѣленную такимъ же порядкомъ посуточную плату, и

5) скотъ, негодный для образованія транспорта, либо продать немедленно, либо обратить на нужды болгарскихъ бѣженцовъ.

По сборѣ подводъ, предписывалось тотчасъ ихъ отправить подъ конвоемъ полицейскихъ чиновъ въ Систовъ. Съ передачею ихъ интендантству, содержаніе транспорта поступало на счетъ интендантства, а до того времени каждому возчику съ парой воловъ выдавалось по два франка въ сутки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Черкасскій настаивалъ на необходимости упорядочить дѣло образованія транспортовъ для войсковыхъ надобностей. Въ отзывѣ своемъ начальнику полевого штаба отъ 20-го октября онъ обращалъ его вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

„При огромной и ежедневно возрастающей потребности въ реквизиціонныхъ подводахъ для войскъ, для госпиталей, для шоссейныхъ работъ и для возки реквизиціоннаго хлѣба и сѣна, которая одна занимаетъ не менѣе трехъ тысячъ подводъ ежедневно, невозможно, очевидно, рассчитывать на какія-либо несуществующія въ краѣ вольнонаемныя средства и притомъ тѣмъ болѣе, что по случаю постоянного обращенія рабочаго скота на подводную повинность, весьма значительная часть полей крестьянскихъ осталась донинѣ еще не засѣяною и что нынѣ въ краѣ, какъ Вамъ извѣстно, уже давно появилась чума на рогатомъ скотѣ.

„Въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ и дѣйствительной потребности въ усиленіи запоздавшей пере-

возки хлѣба изъ Румыніи, я считаю необходимымъ обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства еще на другое средство къ вспоможенію вышесказанной потребности, согласное съ тѣмъ, на которое я указывалъ, какъ Вамъ извѣстно, еще въ Тырново, при первыхъ захватахъ войсками турецкаго скота, но котораго въ то время полевой интендантъ не принялъ, а именно, образованіе интендантскихъ парковъ изъ того рабочаго скота, который остается за бѣгствомъ турокъ. Въ настоящее время, по частнымъ свѣдѣніямъ, слышно между прочимъ, что на дняхъ въ руки отряда генераль-адъютанта Гурко попался, кромѣ всякаго рогатаго скота, еще транспортъ до тысячи вполне снаряженныхъ подводъ. Штабу обстоятельство это, вѣроятно, извѣстно въ его истинномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что при возобновляющемся нынѣ движеніи передовыхъ отрядовъ, подобные случаи будутъ встрѣчаться нерѣдко. А потому, не признаете ли Ваше Высокопревосходительство возможнымъ предписать: во-первыхъ, начальникамъ передовыхъ отрядовъ, чтобы они, обращая на довольствіе войскъ исключительно лишь нерабочій скотъ, попадающійся въ ихъ руки, обращали всѣ турецкія подводы, рабочихъ воловъ и буйволовъ и телѣги въ распоряженіе интендантскаго вѣдомства, для образованія транспорта, и во-вторыхъ, отрядному интенданту, чтобы онъ наблюдалъ за приведеніемъ въ исполненіе означенной мѣры.

„Быть можетъ оказалось бы даже возможнымъ всю ту часть интендантскаго транспорта, которая нынѣ присваивается передовымъ отрядамъ, обратить немедленно въ Систовъ для желаемой полевымъ интендантомъ перевозки грузовъ изъ Румыніи; передовымъ же отрядамъ предписать теперь же замѣнять эти интендантскіе транспорты турецкими обозами и рабочимъ скотомъ, попавшими или попадающими имъ въ плѣнъ, а на первое время, въ случаѣ нужды, реквизиціонными подводами съ тамошнихъ жителей, которыхъ средства, повидимому,

мало истощались турецкими войсками, если судить по окружностям Плевны и Ловчи“.

Насколько былъ въ это время затрудненъ полевой интендантъ въ дѣлѣ перевозки провіанта изъ Румыніи, видно изъ слѣдующаго письма его къ кн. Черкасскому отъ 2-го ноября 1877 г.:

„Его Высокопревосходительство Артуръ Адамовичъ, какъ вижу изъ письма его, уже передалъ Вашему Сіятельству, что жалкія наши перевозочныя средства ставятъ продовольствіе арміи въ ужасающее состояніе, въ которомъ я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убѣждаюсь до того, что внезапно долженъ былъ выѣхать, бросивъ здѣсь много экстреннаго, въ Бухарестъ, чтобы напрячь послѣднія мои усилія съ средствами Румыніи для сосредоточенія, гдѣ слѣдуетъ, запасовъ, въ размѣрѣ болѣе 100 т. четвертей провіанта и фуража. Его Высокопревосходительство утѣшаетъ меня, что Ваше Сіятельство подадите мнѣ руку помощи и уже предписали губернатору тырновскому и систовскому помочь мнѣ нарядомъ подводъ, сколько возможно, вслѣдствіе чего я сношусь съ губернаторами, но доселѣ еще отъ нихъ никакого увѣдомленія не имѣю.

„На Васъ, Ваше Сіятельство, большая часть надежды возлагается мною въ дѣлѣ спасенія арміи отъ недостатка довольствія. Умоляю Васъ дать мнѣ въ Систовѣ не менѣе тысячи подводъ, которымъ я за каждый день наряда уплачу по 4 рубля, если нельзя меньше, т. е. то, что я плачу каждой вольнонаемной подводѣ, поднимающей 25—30 пудовъ. Подводы эти я пошлю въ Бухарестъ за припасами, и такимъ образомъ заработаютъ онѣ не мало. Еслибы можно было изъ 1000 болгарскихъ подводъ сформировать, хотя мѣсяца на два, и даже за эту плату, отдѣленіе подвижнаго магазина, то я бы счелъ себя уже счастливымъ.

„Не откажите, Ваше Сіятельство, нуждѣ арміи и Россіи“.

Это письмо д. с. с. Россицкаго не могло не привести въ изумленіе кн. Черкасскаго. Интендантство собиралось за нѣсколько сотъ верстъ везти подъ Плевну провіантъ

и фуражъ, тогда какъ въ весьма неотдаленныхъ отъ нашихъ войскъ пунктахъ находились реквизиціонные склады пшеницы, ячменя, овса и сѣна. Запасы эти очень стѣсняли гражданское вѣдомство, такъ какъ привезенные продукты нужно было охранять и перелопачивать, чтобы они не слежались и не испортились; интендантство же дѣлало всякія затрудненія въ приѣмъ его. Это явствуетъ, напр., изъ слѣдующей телеграммы систовскаго губернатора кн. Черкасскому отъ 1-го ноября (почти одна дата съ письмомъ полевого интенданта): „Никополѣ незанятыхъ турецкихъ помѣщеній для ссыпки зерна нѣтъ. Разбирать сельскіе амбары и приспособлять Никополь невозможно, потому что обойдется крайне дорого и очень медленно. Разрѣшилъ купить мѣшки, буде есть, или приспособить помѣщенія, купивъ матеріалъ и нанявъ рабочихъ. Интендантство отказывается принять хлѣбъ до приѣма магазиновъ, предстоитъ придирчивая приемка магазиновъ; сѣна до сихъ поръ не принимаетъ и на запросы не отвѣчаетъ. Губернаторъ Геровъ“.

Получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщенія отъ нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ о томъ, что войска подъ Плевною нуждаются въ хлѣбѣ и фуражѣ, кн. Черкасскій старался убѣдить начальника полевого штаба въ необходимости дозволить войсковымъ частямъ получать нужное имъ количество таковыхъ продуктовъ прямо изъ реквизиціонныхъ складовъ отъ интендантства или изъ сельскихъ магазиновъ, тѣмъ болѣе, что они находились не вдалекѣ отъ расположенія войскъ. Но и тутъ нашлись затрудненія; возникли вопросы: согласится-ли на это полевой интендантъ? можно-ли расходовать реквизиціонные запасы, такъ какъ они заготовлялись не для текущаго довольствія? Только недѣлю спустя разрѣшено было войскамъ пользоваться реквизиціонными запасами.

Объ этихъ запасахъ генералъ Куропаткинъ въ своей статьѣ „Блокада Плевны“ („Военный Сборникъ“ 1887 г. № 1) говоритъ слѣдующее:

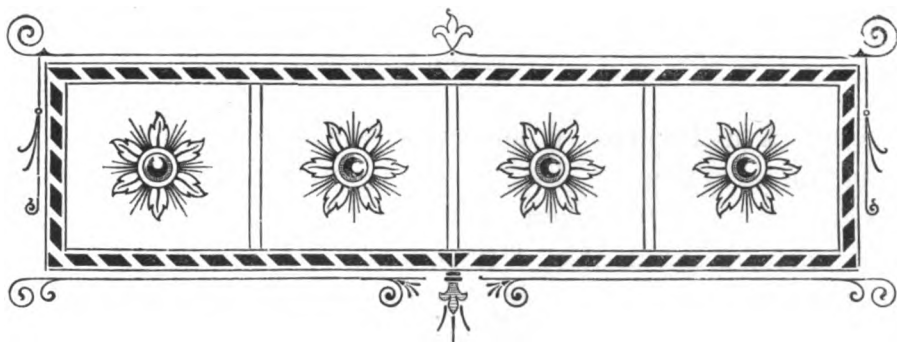
„Что касается сбора зерна, то, благодаря дѣятельности лицъ гражданскаго управленія Болгаріею, сборъ его въ различныхъ городахъ велся успѣшно. Въ особенности обширные склады его были собраны реквизиціоннымъ порядкомъ, съ уплатою населенію около 4 р. за четверть, въ Тырновѣ.

„Къ сожалѣнію, сами войска въ иныхъ случаяхъ были причиною, что эти склады не принесли всей возможной пользы. Еще пѣхотныя части охотно получали отъ интендантства, или прямо изъ складовъ съ записью въ фуражные листы, собранное съ населенія для фуражнаго довольствія зерно, но многія кавалерійскія и артиллерійскія части предпочитали сами довольствоваться лошадями по справочнымъ цѣнамъ.

„Результатъ получился совершенно неожиданный: во время стоянки нашихъ войскъ въ сѣверной Болгаріи, дурное состояніе лошадей объяснялось трудностью, даже невозможностью доставить фуражъ, а съ уходомъ нашихъ войскъ за Балканы, собранное по весьма выгоднымъ цѣнамъ съ населенія большое количество зерна, въ особенности въ Тырновскомъ округѣ, пролежавшее въ складахъ (и, сколько извѣстно, частью испортившееся отъ недостатка зернохранилищъ), пришлось возвращать населенію“.

И дѣйствительно: съ паденіемъ Плевны и переходомъ войскъ за Балканы, гдѣ найдены были обширные турецкіе запасы продовольствія, реквизиціонные запасы сѣверной Болгаріи оказались ненужными и были возвращены населенію.

VIII.

Почтовое сообщеніе, устроенное гражданскимъ управленіемъ между Дунаемъ и Тырново и продолженіе его затѣмъ до Ени-Загры.—Переѣздъ главной квартиры въ Бототъ.—Начало недомоганія кн. Черкаскаго.—Разрывъ его съ начальникомъ полевого штаба.

Съ переходомъ русскихъ войскъ черезъ Дунай и быстрымъ занятіемъ нашими передовыми отрядами балканскихъ проходовъ, стали ощущаться большія затрудненія отъ отсутствія почтъ и телеграфовъ на всемъ пространствѣ между Дунаемъ и Балканами. При турецкомъ правительствѣ частныя письма посылались лишь при оказіи и отчасти при помощи ав-

стрійской почты, существовавшей здѣсь для поддержанія интересовъ австрійской торговли; турецкая же сѣтъ телеграфовъ была приведена въ сильное разстройство и не могла правильно функціонировать. Военный отдѣлъ почтъ и телеграфовъ не могъ еще открыть своихъ дѣйствій, за неимѣніемъ достаточнаго количества матеріаловъ; по закону на этомъ отдѣлѣ лежала обязанность устраивать и поддерживать почтовое и телеграфное сообщеніе только на желѣзныхъ дорогахъ.

Въ виду этого полевой штабъ вошелъ въ переговоры съ завѣдующимъ гражданскими дѣлами объ устройствѣ, совмѣстными усиліями, почтоваго дѣла на театрѣ войны. Но кн. Черкасскій вскорѣ прервалъ эти переговоры и задумалъ устроить *гражданскія* почтовые сообщенія между

Дунаемъ и Тырново и вообще главной квартирой, гдѣ бы она ни находилась. На этомъ пути должна была ежедневно перевозиться вся частная и казенная корреспонденція, слѣдовавшая изъ Имперіи въ главную квартиру, а также въ попутно лежащія мѣста и обратно. Слѣдовательно, на обязанности военной почты оставались лишь сообщенія главной квартиры съ корпусами и отрядами.

Такое устройство почтового дѣла, конечно, облегчало дѣятельность военного вѣдомства, но не могло удовлетворить военного начальства, потому что на устройство гражданскихъ почтъ требовалось не мало времени, а въ ожиданіи ихъ приходилось справляться съ одними военными почтами. Притомъ же кн. Черкасскій, по свойственной ему подозрительности, видѣлъ въ желаніи устройства почтъ обоюдными усиліями военного и гражданского вѣдомствъ — желаніе его обойти, взвалить на него отвѣтственность за плохое устройство почтового дѣла въ дѣйствующей арміи... Все это, конечно, еще болѣе усилило существующую уже разнью между начальникомъ полевого штаба и завѣдующимъ гражданскими дѣлами.

Гражданскую почту кн. Черкасскій задумалъ устроить по образцу русскихъ почтъ, причемъ: 1) лошадей и матеріальную часть почтовыхъ станцій содержать подряднымъ способомъ, и 2) для сформированія почтъ въ Болгаріи и управленія ими выписать изъ Россіи двухъ опытныхъ управляющихъ почтовою частью въ русскихъ губерніяхъ. Объ этомъ было сдѣлано сношеніе съ русскимъ почтовымъ вѣдомствомъ, и вскорѣ послѣ того въ распоряженіе гражданского управленія при дѣйствующей арміи были командированы управляющіе почтовою частью въ губерніяхъ: Смоленской — Трубачевъ и Ковенской — Радченко. Оба они прибыли въ Горній Студень 30-го августа и были назначены: первый — и. д. управляющаго почтовыми учрежденіями Болгарскаго края, а второй — состоять при гражданской канцеляріи для разработки вопросовъ по почтовому управленію.

Для устройства почтъ подряднымъ способомъ кн. Черкасскій, не желавшій прибѣгать къ содѣйствию еврейскихъ предпринимателей, задумалъ пригласить нѣмецкихъ колонистовъ изъ окрестностей Одессы. Еще въ началѣ кампаніи таковыя были очень полезны для гражданской канцеляріи и Краснаго Креста, явившись съ прекрасными крытыми фургонами, запряженными рослыми и сильными лошадьми. Благодаря содѣйствию одесскаго градоначальника графа Левашова, къ которому кн. Черкасскій командировалъ г. Трубочеева, 23-го сентября былъ заключенъ контрактъ съ тремя поселянами-собственниками села Александрогильфъ, Одесскаго уѣзда, срокомъ на 6 мѣсяцевъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) контрагенты обязывались содержать почтовую гоньбу отъ Зимницы на румынскомъ берегу Дуная къ Систову, Тырново и до Габрово, а также по другимъ направленіямъ въ Болгаріи по указанію почтоваго начальства, съ предвареніемъ о переводѣ съ тракта на трактъ за десять дней впередъ;

2) за каждую поставленную пару лошадей съ повозками и со всѣми къ нимъ принадлежностями (брезенты для укрытія почтъ, ручные фонари, колокольчики и пр.) казна уплачивала по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, причемъ прогоны поступали полностью въ казну;

3) разстояніе между станціями не должно было превышать 25 верстъ;

4) перевозкѣ на законтрактованныхъ лошадяхъ подлежали почта и эстафеты, курьеры, фельдъегеря и лица, слѣдовавшія по казенной или частной надобности;

5) скорость ѣзды назначалась: по шоссе — 10 верстъ въ часъ, по грунтовымъ дорогамъ — 8 верстъ и по гористымъ — 6 верстъ; курьеровъ, обязанныхъ ѣхать безъ будующихъ и на перекладныхъ, должно было возить двумя верстами скорѣе;

6) отпускъ лошадей подъ почты и проѣзжающихъ

долженъ былъ производиться по правиламъ, утвержденнымъ для Кавказа и Закавказскаго края;

7) наемъ и содержаніе почтовыхъ станцій, смотрителей или писарей лежалъ на обязанности казны, и

8) ямщики, лошади и повозки со всѣмъ имуществомъ подлежали доставленію изъ Одессы въ Бухарестъ по желѣзной дорогѣ въ качествѣ военного груза, на счетъ казны, и таковымъ же порядкомъ слѣдовало доставить ихъ въ Одессу по окончаніи контракта.

На основаніи этихъ условій колонисты доставили къ началу ноября въ Зимницу 320 лошадей съ повозками и и всѣмъ необходимымъ имуществомъ. Тогда же открыто было 14 станцій, гдѣ были заготовлены соотвѣтствующія помѣщенія и отмѣрены въ обѣ стороны разстоянія до слѣдующихъ станцій. Отъ главнаго почтоваго тракта Систовъ — Бѣла — Габрово отдѣлялись два боковыхъ: отъ Царевицы на Горній Студень, Булгарени, Порадимъ и Боготъ и другой отъ Тырново на Ловчу. Такимъ образомъ почтовая сѣть гражданскаго вѣдомства соединяла Румынію съ императорскою и главною квартирами, а также съ важнѣйшими пунктами расположенія войскъ. Въ то-же время она служила и для сообщенія всѣхъ учреждений гражданскаго вѣдомства Систовскаго, Руцукскаго и Тырновскаго санджаковъ. Заблаговременно были выписаны изъ Россіи почтовые чиновники и составлены всѣ потребныя инструкціи и правила. Открытіе почтовой гоньбы послѣдовало 10-го ноября.

Управленіе почтовою частью гражданскаго вѣдомства было организовано слѣдующимъ образомъ: почтовые управленія — въ Систовѣ и Тырново и почтовое отдѣленіе въ Габрово. Изъ Петербурга были выписаны, кромѣ разныхъ книгъ, — 15 тысячъ штемпельныхъ конвертовъ, 6 тысячъ бланковъ для открытыхъ писемъ и 34 тысячи почтовыхъ марокъ. Они предназначались для мѣстнаго населенія, такъ какъ чины арміи имѣли право посылать свою корреспонденцію бесплатно.

3-го декабря по почтовой линіи Порадимъ — Бръстовецъ прослѣдовалъ Государь Императоръ, желавшій навѣститъ Наслѣдника Цесаревича передъ отъѣздомъ въ Россію. Болгарскими почтами Его Величество остался вполне доволенъ.

Съ переходомъ нашихъ войскъ за Балканы и захватомъ Филиппополя и Андрианополя—почтовая сѣть была продолжена до Ени-Загры (на Ямбольско-Константинопольской ж. д.) и число станцій увеличено до 21. Вмѣстѣ съ тѣмъ почтовые тракты были установлены по слѣдующимъ тремъ линіямъ: Систовъ—Рушукъ—Тырново—Ени-Загра (болг. Новая Загора), Систовъ—Плевна и Плевна—Габрово.

Во время пребыванія въ Горнемъ Студнѣ и затѣмъ въ Боготѣ кн. Черкасскій, кромѣ дѣлъ гражданскаго управленія, которыя сводились главнымъ образомъ къ содѣйствію войскамъ, принужденъ былъ удѣлять много времени заботамъ о Красномъ Крестѣ.

Отношенія его съ главнымъ управленіемъ этого учрежденія были далеко не удовлетворительны. Происходило это по всей вѣроятности, вслѣдствіе назначенія кн. Черкасскаго на должность главноуполномоченнаго со стороны, а не по выбору самого управленія. Имѣло значеніе тутъ и отсутствіе гибкости въ характерѣ князя, что часто портило его отношенія съ людьми. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно, что антагонизмъ между нимъ и управленіемъ Краснаго Креста, (предсѣдателемъ его былъ ген.-адъютантъ Баумгартенъ) существовалъ, и это много вредило успѣшному ходу дѣлъ въ дѣйствующей арміи. Такъ напр., еще въ маѣ мѣсяцѣ кн. Черкасскій заявлялъ изъ Кишинева главному управленію, что съ переходомъ войскъ за Дунай необходимо будетъ, начиная съ августа, озаботиться высылкою теплой одежды. Но даже съ наступленіемъ холодныхъ ночей въ сентябрѣ ничего отъ Краснаго Креста не приходило. Послѣ безплодной переписки по этому поводу съ главнымъ управленіемъ кн. Черкасскій рѣшился обратиться, путемъ печати, съ воззваніемъ ко всему русскому обществу. И дѣй-

ствительно, 10-го сентября появилась въ „Голосѣ“ и затѣмъ была перепечатана и въ другихъ газетахъ телеграмма за подписью кн. Черкасскаго слѣдующаго содержанія: „Черезъ посредство „Голоса“ обращаюсь къ русскому обществу съ убѣдительною просьбою о помощи нашимъ больнымъ и раненымъ братьямъ. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ живо ощущается настоятельнѣйшая потребность въ тепломъ платьѣ всякаго рода. Необходима возможно скорая присылка полушубковъ, шерстяныхъ чулокъ, валенокъ, суконныхъ и бумазейныхъ панталонъ, фуфаякъ, шерстяныхъ куртокъ, одѣялъ, а также бѣлья полными смѣнами. Помощь нужна неотложная и въ огромныхъ размѣрахъ. Средства общества Краснаго Креста за Дунаемъ не въ состояніи удовлетворить подобнымъ требованіямъ. Необходимо, чтобы все русское общество сознало, какъ велика нужда, и пришло на помощь. Усердно прошу патриотическаго содѣйствія со стороны всего русскаго общества“.

Телеграмма эта вызвала оживленную полемику въ газетахъ (одни порицали кн. Черкасскаго, а другіе защищали его) и большое неудовольствіе въ правленіи Краснаго Креста. Кн. Черкасскому пришлось вести по этому поводу корреспонденцію со многими лицами. Тѣмъ не менѣе его телеграмма подѣйствовала: усилились пожертвованія, преимущественно теплыми вещами, для больныхъ и раненыхъ воиновъ, да и главное управленіе выслало вскорѣ въ дѣйствующую армію 2 тысячи полушубковъ и тысячу одѣялъ.

20-го августа князь сопровождалъ Государя и главную квартиру въ Радоницу, гдѣ провелъ три дня, а затѣмъ отправился на позицію при деревнѣ Гривицѣ, куда пріѣзжалъ также Государь осматривать походный госпиталь. 29-го августа князь уѣхалъ на лѣвый флангъ къ генералу Скобелеву 2-му, а въ день боя, 30-го августа, въ сопровожденіи врачей и сестеръ милосердія, отправился съ каретами на поле битвы за ранеными, которые

были перевязаны и потомъ отвезены въ госпитали. Пробывъ у Скобелева 8 дней, князь отправилъ раненыхъ и больныхъ въ Систовъ, самъ же возвратился въ Горній Студень. Здѣсь онъ пробылъ до конца сентября. Погода въ это время стояла очень дурная; часто шелъ дождь и дулъ холодный вѣтеръ.

16-го октября главная квартира переѣхала въ селеніе Боготъ, лежащее подъ самой Плевной. Сюда же прибылъ и кн. Черкасскій съ своей канцеляріей. Отведенной ему довольно опрятной избы онъ не хотѣлъ занимать до тѣхъ поръ, пока не устроилъ госпиталя Краснаго Креста и перевязочнаго пункта и не размѣстилъ удобно сестеръ милосердія. Все это время онъ, несмотря на начавшіеся морозы, жилъ въ палаткѣ, оставаясь въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ. Начались недомоганія, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія, хотя страдалъ и физически и нравственно. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась его раздражительность и рѣзкость; въ особенности въ немъ стала замѣтна болѣзненная нетерпимость по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, если они не исполняли буквально его распоряженій. Съ начальникомъ полевого штаба его отношенія все болѣе и болѣе обострялись и завершились полнымъ разрывомъ: послѣ одного горячаго объясненія ген. Непокойчицкій прекратилъ всякія личныя сношенія съ кн. Черкасскимъ.

Въ Боготѣ главной квартирѣ пришлось провести 73 дня.

IX.

Возбужденіе вопроса о будущемъ верховномъ устроителѣ Болгаріи.—Разговоръ объ этомъ съ военнымъ министромъ и слова, сказанныя кн. Черкасскому Государемъ при отъѣздѣ изъ Болгаріи.—Составленный въ гражданской канцеляріи проектъ о должности императорскаго комиссара въ Болгаріи и разработка тѣхъ принциповъ, которыхъ надлежало держаться при будущемъ управленіи.—Записка кн. Черкасскаго объ условіяхъ избранія верховнаго комиссара для Болгаріи.

Ъ переѣздомъ главной квартиры въ Боготъ, а императорской въ Порадимъ, кн. Черкасскій въ концѣ ноября отправился въ послѣднюю, чтобы переговорить съ военнымъ министромъ о будущемъ устройствѣ Болгаріи. Тамъ онъ узналъ, что никакой программы по этому вопросу еще не было выработано, а лишь упоминалось вскользь о предстоящей необходимости назначить императорскаго комиссара для устройства Болгаріи, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ 1829 году для Придунайскихъ княжествъ, куда верховнымъ комиссаромъ былъ назначенъ графъ Киселевъ. Изъ бесѣды съ Д. А. Милютинымъ кн. Черкасскій вынесъ такое впечатлѣніе, что тогдашнему гражданскому управленію именно и придется взяться за окончательное устройство Болгаріи. Подтвержденіе этого онъ услышалъ черезъ день (2-го декабря) изъ устъ самого Государя, который, прощаясь передъ отъѣздомъ въ Россію съ чинами главной квартиры, сказалъ, обращаясь

къ кн. Черкасскому: „Желаю тебѣ успѣха въ Болгаріи, но предвижу немало трудностей“.

Наступала пора подумать и объ организаціи верховнаго управленія въ Болгаріи, такъ какъ съ паденіемъ Плевны и движеніемъ нашихъ войскъ за Балканы становилось для всѣхъ яснымъ, что Россія не удовлетворится дарованіемъ автономіи Болгаріи, а настоятъ на образованіи отдѣльнаго Болгарскаго княжества, хотя бы и вассальнаго. Плодомъ обсужденія этого вопроса въ канцеляріи завѣдующаго гражданскими дѣлами явился „Проектъ учрежденія управленія княжества Болгарскаго“.

Согласно этому проекту, во главѣ всѣхъ правительственныхъ учрежденій княжества Болгарскаго долженъ былъ находиться императорскій россійскій комиссаръ, назначаемый Высочайшею властью; его права и обязанности опредѣляются особымъ наказомъ. Для руководства же текущими дѣлами управленія и разработки, въ законодательномъ порядкѣ, различныхъ проектовъ и положеній, при верховномъ комиссарѣ учреждается „Совѣтъ управленія княжества Болгарскаго“, состоящій изъ вице-предсѣдателя и 8-ми членовъ. Верховный комиссаръ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ управленія, когда онъ сочтетъ это нужнымъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ предсѣдательствуетъ вице-предсѣдатель. Одинъ изъ членовъ совѣта назначается завѣдующимъ дѣлами совѣта, а остальные изъ свѣтскихъ членовъ завѣдуютъ каждый одной изъ слѣдующихъ частей управленія: 1) внутреннія дѣла, 2) финансы, 3) судебная часть, 4) дѣла учебныя и духовныя и 5) военныя дѣла. Кромѣ членовъ совѣта, назначаемыхъ Высочайшею властью, членами совѣта по должности считаются: экзархъ и всѣ епархіальные архіереи, которые для присутствованія въ совѣтѣ вызываются въ порядкѣ, опредѣленномъ императорскимъ комиссаромъ по соглашенію съ экзархомъ. Кромѣ того, въ засѣданіе совѣта могутъ быть приглашаемы верховнымъ комиссаромъ или по опредѣленію совѣта, съ правомъ совѣщательнаго

голоса, и другія лица—по дѣламъ, подлежащимъ ихъ компетенціи. Разсмотрѣнію совѣта управленія подлежатъ: во-первыхъ, дѣла, внесенные по указанію верховнаго комиссара; во-вторыхъ, дѣла, требующія новаго закона или принятія общихъ мѣръ; въ-третьихъ, дѣла, по всѣмъ частямъ управленія, рѣшеніе коихъ превышаетъ власть, предоставленную начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія, и въ-четвертыхъ, отчеты по всѣмъ учрежденіямъ. Дѣла въ совѣтѣ разсматриваются коллегіально и рѣшаются большинствомъ голосовъ. При раздѣленіи голосовъ по-ровну перевѣсъ отдается той сторонѣ, съ которою согласенъ предсѣдатель. Для законности рѣшеній совѣта необходимо присутствіе, кромѣ предсѣдателя, трехъ членовъ совѣта. Журналы совѣта представляются верховному комиссару, который или утверждаетъ ихъ, или предлагаетъ совѣту наравить дѣло по его указаніямъ. Вошедшія въ силу постановленія совѣта объявляются по принадлежности, а въ важнѣйшихъ случаяхъ опубликовываются въ официальныхъ вѣдомостяхъ. При верховномъ комиссарѣ состоятъ по опредѣленному штату чиновники для порученій и канцелярія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были окончательно выработаны и тѣ принципы управленія, которыми надлежало руководствоваться при окончательномъ устройствѣ государственнаго порядка въ Болгаріи. А именно, имѣлось въ виду руководствоваться слѣдующими правилами:

- 1) сельскимъ и городскимъ обществамъ, а также населенію отдѣльныхъ округовъ, предоставить самоуправленіе посредствомъ учрежденія совѣтовъ, состоящихъ изъ выборныхъ лицъ безъ различія народностей и вѣроисповѣданій, коимъ вмѣнить въ обязанность заниматься всѣми хозяйственными дѣлами своего общества (сельскаго, городского, окружного) и наблюденіемъ за распредѣленіемъ и сборомъ налоговъ;

- 2) оставляя по возможности безъ измѣненія существовавшія при турецкомъ правительствѣ границы санджаковъ

и округовъ, подчинить ихъ вначалѣ русскимъ губернаторамъ и начальникамъ округовъ, давъ имъ въ помощь набранную изъ мѣстныхъ жителей полицейскую стражу, по расчету четырехъ стражаровъ (треть всѣхъ—конные) на каждую тысячу душъ мужского населенія;

3) чтобы дать населенію скорый и близкій судъ, возобновить прежніе судебные совѣты изъ выборныхъ лицъ, долженствующихъ при рѣшеніи дѣлъ руководствоваться закономъ или, за отсутствіемъ такового, обычнымъ правомъ;

4) устроить національную милицію, распространивъ воинскую повинность на все населеніе безъ различія народности и вѣроисповѣданія и ограничивъ военную службу возможно короткимъ срокомъ;

5) обезпечивъ въ краѣ спокойствіе, порядокъ и тишину, устроивъ полицію, сѣть административныхъ властей и милицію, обезпечивъ на первое время правильное отправленіе правосудія, предполагалось при посредствѣ вышеупомянутыхъ хозяйственныхъ, административно-полицейскихъ и судебныхъ органовъ привести въ извѣстность и собрать нравственные и матеріальныя силы страны, устроить финансы и кредитъ;

6) по введеніи въ краѣ первоначальнаго управленія на вышеуказанныхъ основаніяхъ—собрать нотаблей въ лицѣ представителей духовенства всѣхъ исповѣданій, предсѣдателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ;

7) право избирать полагалось предоставить всѣмъ гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста (25 лѣтъ) и имѣющимъ собственность или платящимъ какія-либо казенныя подати, а право быть избраннымъ—поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью,—такъ полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по установленному цензу для различныхъ мѣстъ края (безграмотнымъ не представлялось права быть избранными);

8) по изданіи закона о выборахъ предполагалось приступить къ созванію представителей изъ всего края, правильно выбранныхъ, для разработки проектовъ о будущемъ устройствѣ всѣхъ частей управленія;

9) при переходѣ администраціи временной къ постоянной полагалось губернаторовъ изъ русскихъ замѣнить вице-губернаторами болгарами, уже ознакомленными съ дѣлами и могущими остаться при томъ содержаніи, которое опредѣлено для нихъ по должности вице-губернаторовъ; число окружныхъ начальниковъ изъ русскихъ офицеровъ—постепенно сокращать, соединяя по два уѣзда подъ управленіемъ одного начальника, съ назначеніемъ ему помощника изъ болгаръ съ тѣмъ, чтобы помощники эти заняли потомъ должности начальниковъ округовъ;

10) для образованія свободныхъ кандидатовъ для административной службы и полученія достаточнаго числа офицеровъ съ соотвѣтствующей подготовкой—послать возможно большее число молодыхъ людей въ учебныя заведенія Имперіи;

11) вопросъ о школьномъ образованіи предполагалось развить сообразно съ мѣстными потребностями и условіями, подъ руководствомъ лицъ мѣстнаго происхожденія, пріобрѣвшихъ извѣстность въ ученомъ мірѣ;

12) духовенству имѣлось въ виду оказать матеріальную поддержку для обезпеченія его быта, устройства духовныхъ учебныхъ заведеній и поддержанія церквей;

13) для физическаго развитія молодежи и облегченія дѣла обученія въ милиціи предполагалось образовать во всемъ краѣ вольныя стрѣлковыя общества или общественныя стрѣльбища;

14) переходъ къ національному правительству, т. е. къ выбору князя, полагалось возможнымъ сдѣлать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора по заключеніи мира.

Тамъ же въ Боготѣ кн. Черкасскимъ была составлена записка относительно условій, въ какія долженъ былъ быть поставленъ будущій верховный устроитель Болгаріи. По одо-

бреніи ея главнокомандующимъ, эта записка, помѣченная 6-мъ декабря 1877 г., была послана военному министру въ С.-Петербургъ. Въ ней кн. Черкасскій предвидитъ тотъ случай, когда, благодаря успѣхамъ нашего оружія, будетъ достигнута возможность устроить болгарскія дѣла посредствомъ назначенія полномочнаго верховнаго комиссара. Имѣя въ виду огромныя трудности, предстоящія этому лицу, авторъ записки считаетъ необходимымъ при назначеніи комиссара выяснить слѣдующіе вопросы:

1) Какіе будутъ размѣры полномочій, предоставленныхъ императорскому комиссару по внутреннему управленію краемъ?

2) Въ какой мѣрѣ будетъ онъ стѣсненъ какимъ-либо народнымъ представительствомъ? и съ другой стороны, — въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ ему будетъ разрѣшено пользоваться въ необходимыхъ случаяхъ его содѣйствіемъ?

3) Будутъ-ли ему предоставлены вначалѣ какія-либо финансовыя средства на случай возможнаго въ первое время недостаточнаго поступленія доходовъ?

4) Будетъ-ли комиссару подчинено Болгарское ополченіе? и будутъ-ли сохранены въ немъ русскіе кадры изъ нижнихъ чиновъ и русскіе офицеры?

5) Будутъ-ли комиссару подчинены русскія оккупационныя войска?

6) Какія будутъ отношенія комиссара съ одной стороны къ нашему константинопольскому посольству, съ другой — къ министерству иностранныхъ дѣлъ и къ военному министерству?

При самомъ выборѣ на эту должность долженъ быть также рѣшенъ вопросъ — будетъ-ли допущено подчиненіе оккупационнаго войска лицу не-военнаго званія, или нѣтъ, такъ какъ безъ подчиненія ему оккупационнаго корпуса едва-ли мыслимо единство дѣйствій на мѣстѣ*). Слѣдовательно, если-бы допущенъ былъ императорскій комис-

*) Послѣ войны 1829 г. войска наши, расположенныя въ Молдавіи и Валахіи, были подчинены графу Киселеву.

саръ изъ гражданскихъ чиновъ, то необходимо, чтобы это было лицо, пользующееся полнымъ довѣріемъ правительства и занимающее высокое положеніе въ Имперіи, какъ напр. члена государственнаго совѣта.

Стараясь такимъ образомъ опредѣлить и поставить въ выгодныя рамки положеніе императорскаго комиссара въ Болгаріи, кн. Черкасскій, очевидно, имѣлъ въ виду свое собственное положеніе. Между тѣмъ изъ самой его записки столь явственно выступало преимущество назначенія на должность императорскаго комиссара лица военнаго званія, что при выборѣ подходящаго кандидата естественно было остановиться на комъ либо изъ нашихъ генераловъ.

Этой запиской кн. Черкасскій какъ-бы устранилъ самъ себя изъ кандидатаго списка на должность верховнаго комиссара. Такъ посмотрѣли на это и въ главной квартирѣ, гдѣ со времени отсылки записки въ Петербургъ стали относиться къ кн. Черкасскому какъ къ лицу, лишь временно занимающему постъ управляющаго гражданскими дѣлами въ Болгаріи — до назначенія другого сановника изъ лицъ военнаго званія.

Свою ошибку скоро понялъ и кн. Черкасскій, но поправить дѣло было уже трудно.

Х.

Неопредѣленное положеніе вопроса о введеніи гражданскаго управленія за Балканами.—Докладъ объ этомъ кн. Черкасскаго.—Переѣздъ главной квартиры въ Казанлыкъ, а гражданской канцеляріи въ Габровъ.—Отъѣздъ кн. Черкасскаго 1-го января въ Казанлыкъ и холодный пріемъ, встрѣченный имъ въ главной квартирѣ.—Запросъ въ Петербургъ относительно императорскаго комиссара въ Болгаріи.—Отвѣтъ Государя.

Въ половинѣ декабря кн. Черкасскій сталъ заниматься вопросомъ объ устройствѣ болгарскихъ земель за Балканами, но не нашелъ въ этомъ дѣлѣ поддержки со стороны военныхъ властей. Вскорѣ выяснилось, что вводить гражданское управленіе за Балканами они не предполагали и даже самого кн. Черкасскаго не имѣли желанія вызывать изъ дунайской Болгаріи.

Чтобы выяснить окончательно вопросъ о будущей дѣятельности гражданскаго управленія, кн. Черкасскій, наканунѣ выхода главной квартиры изъ Богота (26-го декабря), представилъ главнокомандующему слѣдующій докладъ:

„Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было повелѣть мнѣ слѣдующее:

„во-1-хъ, ограничиться нынѣ введеніемъ гражданскаго управленія въ санджакахъ Тульчинскомъ, Систовскомъ, Рушукскомъ, Тырновскомъ, Раховскомъ или Виддинскомъ и въ Орханіевскомъ округѣ Софійскаго санджака;

„во-2-хъ, въ прочихъ мѣстностяхъ, занятыхъ или под-

лежащихъ занятію нашими властями, не вводитъ въ дѣйствіе гражданскаго управленія до полученія о томъ повелѣнія Вашего Высочества, предоставивъ въ оныхъ управленіе военному начальству, на основаніи утвержденной Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ 3-го іюня въ городѣ Плоэшти инструкции для учрежденія военно-полицейскаго управленія въ занимаемомъ войсками краѣ;

„въ-3-хъ, предписать на этомъ основаніи и орханійскому губернатору, чтобы онъ, до полученія приказанія Вашего Высочества, не вступалъ въ управленіе г. Софіею и прочими округами Софійскаго санджака, кромѣ Орханійскаго;

„въ-4-хъ, мнѣ, по выступленіи главной квартиры Вашего Высочества за Балканы, оставаться на сѣверномъ склонѣ оныхъ, избравъ по своему усмотрѣнію мѣсто для постоянного пребыванія центрального гражданскаго управленія.

„Нынѣ я имѣю честь почтительнѣйше испрашивать окончательнаго утвержденія Вашего Императорскаго Высочества, причемъ считаю долгомъ доложить, что если Ваше Высочество изволите повелѣть мнѣ остаться по сю сторону Балканъ, то, по переходѣ за Балканы главной квартиры Вашей, я удобнѣйшимъ мѣстомъ пребыванія центрального гражданскаго управленія почитаю г. Систовъ, какъ по удобству сообщеній, такъ и потому, что тамъ сосредоточены всѣ остающіеся въ тылу арміи отдѣлы полевого штаба, съ коими происходятъ частыя сношенія, а равно и складъ Краснаго Креста въ Болгаріи“.

Изъ помѣтки, сдѣланной на этомъ докладѣ рукою кн. Черкасскаго, видно, что по изложеннымъ вопросамъ окончательной резолюціи Его Высочества не послѣдовало.

Главная квартира выступила изъ Богота 27-го декабря. Вмѣстѣ съ нею тронулась, — имѣя въ виду остановиться въ Габрово, — и гражданская канцелярія съ ген. Анучинымъ; самъ же кн. Черкаскій остался еще на нѣсколько дней въ Боготѣ для приведенія въ порядокъ дѣлъ по

Красному Кресту. Путь шелъ черезъ Ловчу и Сельви, причемъ при слѣдованіи главной квартиры черезъ первый изъ этихъ городовъ была получена радостная вѣсть о шейновской побѣдѣ и плѣненіи арміи Весселя-паши. Желая встрѣтить новый годъ за Балканами, Великій Князь прослѣдовалъ съ ген.-ад. Непокойчицкимъ въ г. Казанлыкъ. Гражданская же канцелярія осталась въ Габрово, куда вскорѣ прибылъ и кн. Черкасскій, не получившій приглашенія пріѣхать въ Казанлыкъ.

Тѣмъ не менѣе онъ въ самый день новаго года отправился на-легкѣ въ главную квартиру. Путь черезъ Балканы былъ загроможденъ обозами, такъ что большую часть дороги пришлось идти пѣшкомъ. Переночевавъ въ Шейновѣ у начальника Болгарскаго ополченія, генерала Столѣтова, князь Черкасскій на слѣдующій день добрался до Казанлыка, гдѣ и пріютился у А. И. Нелидова, начальника дипломатической канцеляріи.

Въ главной квартирѣ князя ждалъ очень холодный приемъ. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился оставаться въ Казанлыкѣ, несмотря ни на какія непріятности. Главнокомандующему онъ представилъ докладъ, въ которомъ испрашивалъ разрѣшеніе на слѣдующее: ближайшее наблюденіе за ходомъ гражданскаго управленія въ санджакахъ, остающихся въ нашемъ тылу, поручить своему помощнику, генералъ-лейтенанту Анучину, и въ этихъ видахъ предложить ему остаться временно въ тылу, избравъ себѣ мѣстожительство, по своему выбору, въ Габрово, Тырново или Систовѣ; и вмѣстѣ съ тѣмъ передать ему, въ видахъ ускоренія хода дѣлъ, часть, по ближайшему усмотрѣнію, тѣхъ полномочій, которыя были предоставлены рескриптомъ Великаго Князя завѣдующему гражданскими дѣлами. При этомъ кн. Черкасскій выразилъ желаніе раздѣлить и гражданскую канцелярію на двѣ части, изъ коихъ одну взять съ собою въ походъ, а другую оставить при своемъ помощникѣ.

Никакой резолюціи на этотъ докладъ не послѣдовало,

но главнокомандующій призналъ возможнымъ освѣд-
омиться у Государя относительно записки, представленной
кн. Черкасскимъ военному министру. А потому 3-го ян-
варя Великимъ Княземъ была послана слѣдующая теле-
грамма въ Петербургъ: „Ожидаю отвѣта на вопросы о
назначеніи и обязанностяхъ комиссара, изложенныя въ
запискѣ, подписанной кн. Черкасскимъ и черезъ адъю-
танта моего Андреева препровожденной военному мини-
стру. Въ настоящую минуту рѣшеніе вопросовъ этихъ ста-
новится самымъ неотложнымъ, а потому не благоугодно-
ли будетъ разрѣшить князю Черкасскому теперь же при-
быть въ Петербургъ для личнаго полученія указаній и
представленія соображеній по возникающимъ вновь об-
стоятельствамъ. Отъѣздъ его теперь облегчается введе-
ніемъ на югъ отъ Балканъ временнаго военно-полицей-
скаго управленія. На время его отсутствія генераль Ану-
чинъ можетъ исправлять его должность“.

Въ тотъ же день кн. Черкасскій отправилъ письмо
военному министру, въ которомъ откровенно обрисовалъ
свое затруднительное положеніе.

„Событія идутъ такъ быстро,—писалъ онъ,—что умъ
едва успѣваетъ послѣдовать за ними. На-дняхъ мы пе-
решли черезъ Балканы; а нынѣ уже получена телеграмма
о томъ, что Серверъ-паша и Намыкъ-паша ѣдутъ сюда
съ полномочіями о переговорахъ. Въ виду этого быстрого
хода дѣлъ, я счелъ долгомъ напомнить Великому Князю
Главномандующему о той запискѣ касательно назначе-
нія комиссара, которую я въ декабрѣ отправилъ къ Вамъ,
многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, и Великій Князь
рѣшилъ немедленно телеграфировать Государю, испросивъ
повелѣнія Его Величества, не слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать въ
Петербургъ, для чего теперь, повидимому, самая благо-
пріятная минута.

„Самъ я не считаю удобнымъ просить отпуска. Не
просилъ его даже въ то время, когда матушка кончалась
въ Москвѣ и настоятельно требовала моего возвращенія,

хотя бы на нѣсколько дней, для того, чтобы проститься навѣки. Къ тому же всякая подобная просьба съ моей стороны могла бы здѣсь моими недоброжелателями быть истолкована въ дурную сторону и дать поводъ къ предположеніямъ, на которыя я не желалъ бы никому подать права.

„Ежели я буду вызванъ, то поѣду въ Петербургъ съ большою радостью лично, ибо это дастъ мнѣ возможность увидѣть, наконецъ, въ Москвѣ мою бѣдную жену, которая измучилась болѣзнью матушки, которую я совсѣмъ не видалъ со 2 апрѣля прошлаго года и съ которою состою въ полной почти разлукѣ съ октября 1876 г., когда восточныя дѣла приняли рѣшительный оборотъ.

„Что касается до общихъ вопросовъ, мною указанныхъ, то я не имѣю притязанія думать, чтобы выслушаніе моего мнѣнія было необходимо или даже особенно полезно; еще менѣе думаю я, чтобы было необходимо именно меня сдѣлать болгарскимъ комиссаромъ; лично я даже искренно и глубоко обрадуюсь, если минетъ меня эта чаша, на которую язираю не иначе, какъ на ту ссылку, которая нѣкогда выпала на долю Сперанскаго въ Сибири и которой Николай Алексѣвичъ (Милютинъ) избѣгнулъ въ Варшавѣ лишь благодаря моему назначенію главнымъ директоромъ. Я не сравниваю себя съ ними относительно ихъ способностей и знанія, но не могу въ фактъ не видѣть весьма грустнаго для меня сходства.

„Во всякомъ случаѣ убѣжденъ, однако, что нынѣ настала послѣдняя минута для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые я указывалъ въ моей запискѣ, и что откладывать это рѣшеніе далѣе совершенно невозможно. Полагаю также, что едва ли кто-нибудь относится къ ихъ рѣшенію болѣе объективно, чѣмъ я. Затѣмъ спокойно ожидаю рѣшенія вопроса и всего охотнѣе вернусь въ свой скромный, но милый мнѣ, домъ Чернышевскаго переулка и въ свои любимыя деревенскія дубравы. И по правдѣ сказать—ужь очень для меня, въ 53 или 54 года, поздно начинать съизнова карьеру. Пора и честь знать.

„Насильно милъ не будешь; я ясно вижу, что пришелся здѣсь не ко двору и не умѣлъ или не смогъ пріобрѣсти довѣрія ни самого Главнокомандующаго, ни ближайшихъ его помощниковъ. Если бы отъ такого положенія дѣлъ страдалъ лишь я одинъ, на это не стоило бы обращать вниманія. Но я вижу, что страдаетъ ввѣренное мнѣ дѣло, чего ужъ никакъ нельзя допустить. Лучше всего было бы прямо сказать мнѣ, чтобы я уѣзжалъ отсюда; я съ радостью исполнилъ бы такое приказаніе; но самъ просить объ этомъ не буду, потому что считаю себя обязаннымъ исполнить и испытать посланную мнѣ чашу до конца, хотя при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, а именно при полной невозможности къ борьбѣ. Не особенно хорошо было мое положеніе десять, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ Варшавѣ, но тамъ съ равными себѣ, и я смѣло боролся, иногда уступая, чаще настаивая на своихъ намѣреніяхъ. Здѣсь совершенно другое: пререкаются съ Главнокомандующимъ, да еще съ Государевымъ братомъ немыслимо. И долгъ, и совѣсть запрещаютъ мнѣ это. Остается одно—дать возможность гражданскому управленію дѣйствовать правильно и разъяснить задачи будущаго, просивъ Государя сказать свое слово по посланной еще 6-го декабря запискѣ о кругѣ дѣйствій будущаго комиссара въ Болгаріи. Спросить объ этомъ черезъ мѣсяцъ послѣ отправления записки кажется вполне своевременнымъ“.

Такимъ образомъ, вопросъ о личности будущаго управителя былъ поставленъ окончательно, и кн. Черкасскій сдѣлалъ спѣшныя распоряженія о приведеніи въ полный порядокъ дѣлъ гражданского управленія.

Ожидаемый отвѣтъ былъ полученъ только 9-го января. Въ немъ (отъ 6-го января) Государь сообщалъ главнокомандующему слѣдующее: „Всѣ телеграммы твои отъ 3-го и 4-го дошли до меня вчера вечеромъ. Отвѣты на записки Нелидова и кн. Черкасскаго тебѣ посланы. На-

хожу присутствіе сего послѣдняго на мѣстѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимымъ“.

Изъ этого явствовало, что пребываніе кн. Черкасскаго при главной квартирѣ не только не считалось излишнимъ, но даже существенно необходимымъ, т. е. что дѣятельность гражданскаго управленія должна была быть распространена и за Балканами. Въ виду этого полевымъ штабомъ были сдѣланы тотчасъ слѣдующія распоряженія:

1) командующему войсками въ Софіи генералу Арнольди приказано было передать гражданское управленіе губернатору д. с. с. Алабину;

2) 2-й резервный баталіонъ былъ назначенъ въ распоряженіе гражданскаго управленія для Систовскаго, Тырновскаго, Раховскаго (Виддинскаго) и Орханійскаго (Софійскаго) санджаковъ, и

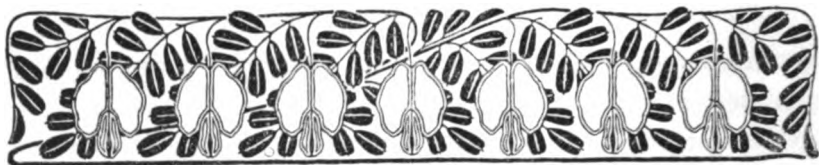
3) въ Плевну были направлены двѣ сотни Донскаго № 31 полка, изъ коихъ одна должна была поступить въ распоряженіе гражданскихъ властей.

Отвѣтъ Государя и послѣдовавшія затѣмъ распоряженія военныхъ властей подѣйствовали на кн. Черкасскаго успокоительно, возбудивъ въ немъ надежду на предстоящую широкую дѣятельность въ Болгаріи. Онъ снова энергически принялся за дѣла и сталъ хлопотать о перевозкѣ гражданской канцеляріи черезъ Балканы, что представляло немалыя трудности вслѣдствіе загроможденія и порчи пути *).

12 января главная квартира выступила изъ Казанлыка, а 15-го была уже въ Адрианоуполь. Гражданская канцелярія могла присоединиться къ ней только вечеромъ 25 января.

*) Загроможденность Шипкинскаго перевала была такъ велика, что батареи и войсковые обозы по шести дней ждали своей очереди перехода.

XI.

Неотправленное по назначенію письмо кн. Черкаскаго военному министру.—Разрѣшеніе вопроса о личности императорскаго комиссара.—Введеніе гражданскаго управленія въ Филиппопольскомъ и Сливенскомъ санджакахъ.—Переѣздъ кн. Черкаскаго въ Адрианополь, а затѣмъ въ Санъ-Стефано.—Болѣзнь и смерть кн. Черкаскаго.—Телеграмма по этому поводу Государя.

Хотя необходимость пребыванія кн. Черкаскаго при главной квартирѣ и была признана Высочайшей властью, но продолжающаяся неопредѣленность положенія сильно беспокоила его. Свои предположенія и сомнѣнія онъ изложилъ въ письмѣ на имя военнаго министра отъ 20 января. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ:

„Съ одной стороны, мнѣ еще неизвѣстны ни точная воля Государя, ни то, какимъ образомъ предрѣшены главные вопросы, на которые я позволилъ себѣ указать; мнѣ невозможно представить нынѣ никакихъ дальнѣйшихъ соображеній, хотя бы даже представленіе ихъ почему-либо оказалось необходимымъ; притомъ, излагая нынѣ мои мысли при такой полной неизвѣстности, я рискую впасть въ ошибочное сужденіе по дѣлу, уже рѣшенному, чего я, конечно, желалъ бы избѣгнуть всѣми мѣрами, дабы не подать повода заподозрить меня въ упрямствѣ. Съ другой стороны, событія идутъ съ поразительной быстротою, и я невольно страшусь, что они опережаютъ возможность своевременнаго принятія многихъ предварительныхъ мѣръ, настоятельно необходимыхъ для правильнаго и прочнаго обезпеченія въ будущемъ положенія

и управленія императорскаго комиссара, и обойтись безъ которыхъ окажется на дѣлѣ едва-ли возможнымъ. Между прочимъ, кромѣ указанныхъ уже мною вопросовъ, необходимо точно и обстоятельно опредѣлить самый размѣръ комиссарскихъ полномочій и предѣлы его власти. При томъ будущему комиссару, задача котораго будетъ чисто политическаго свойства, необходимо, казалось бы, получить точную инструкцію, которою онъ могъ бы руководиться въ будущемъ по множеству вопросовъ—народныхъ, церковныхъ, организаціонныхъ и административныхъ. Ему необходимо также дополнить личный составъ членовъ своего управленія не только лицами, предназначенными для общей администраціи, но еще и специальными по разнымъ специальнымъ отраслямъ управленія—по отраслямъ судебной, контрольной, желѣзнодорожной, шоссейной, телеграфной, горной, каменноугольной и пр., или, по крайней мѣрѣ, ему слѣдуетъ вступить въ Петербургъ и Москвѣ въ надлежащее соглашеніе относительно постепеннаго выбора къ-мъ-либо и командированія этого рода чиновъ, въ Болгаріи на-лицо не имѣющихъ.

„Наконецъ, если бы Государю угодно было возложить званіе комиссара на меня, въ чемъ, впрочемъ, я не имѣю еще положительной увѣренности, то, независимо отъ настоящихъ чисто служебныхъ дѣлъ, мнѣ самому лично было бы необходимо прибыть въ Россію на нѣсколько дней, хотя бы для самаго общаго и поверхностнаго учрежденія своихъ собственныхъ семейныхъ и имущественныхъ дѣлъ.

„Сколь ни сложны всѣ эти обстоятельства, тѣмъ не менѣе покуда шла война, я, въ виду двойной службы, которую несъ при арміи, не помышлялъ даже и о кратковременномъ отпускѣ и не просилъ о немъ даже въ ту минуту, когда умиравшая мать моя настоятельно просила моего возвращенія хотя бы на одинъ день. Не вѣдая окончательныхъ рѣшеній Его Величества, я осмѣливаюсь вновь выразить самое твердое убѣжденіе, что будущему

въ Болгаріи комиссару необходимо испросить и получить подробныя личныя указанія въ Петербургѣ по множеству самыхъ важныхъ вопросовъ, и заняться тамъ многими необходимыми предварительными распоряженіями. Съ другой стороны, если бы выборъ Государя Императора, паче чаянія, выпалъ на меня, я, въ виду моихъ семейныхъ и имущественныхъ обстоятельствъ, не предвижу возможности обойтись безъ кратковременной поѣздки въ Россію.

„Для такой, примѣрно, шестинедѣльной, поѣздки удобнѣйшей минутой я смѣю считать нынѣшнюю или ту, которая послѣдуетъ между мирными переговорами генераль-адъютанта Игнатьева въ главной квартирѣ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла на европейскомъ конгрессѣ, котораго мы едва-ли избѣжимъ. Должность мою могъ бы временно править генераль-лейтенантъ Анучинъ. Позволю себѣ для лучшаго разъясненія дѣла указать на примѣръ польскихъ дѣлъ, весьма живо сохранившійся въ моей памяти и Вашему Высокопревосходительству близко знакомый. Думаете ли Вы, что покойный Николай Алексѣевичъ (Милютинъ) могъ бы завѣдывать этимъ дѣломъ успѣшно, если бы не были предварительно при его участіи и даже при участіи моемъ и покойнаго Самарина заранѣе рассмотрѣны и утверждены въ Петербургѣ положенія объ учредительномъ комитетѣ и другихъ тогдашнихъ мѣропріятіяхъ. А между тѣмъ дѣло болгарское представляетъ по малой мѣрѣ не менѣе трудностей, чѣмъ польское, и Николай Алексѣевичъ имѣлъ счастье жить въ Петербургѣ при особѣ Государя и лично пользовался Высочайшимъ руководствомъ... Казалось бы, что если здѣсь для Болгаріи по самому роду дѣла невозможно предварить составленіе подробныхъ положеній, тѣмъ не менѣе необходимо было бы установить и преподать къ руководству съ полною точностью нѣкоторыя общія и главныя начала.

„Кончаю слишкомъ длинное уже и безъ того письмо мое и передаю мою судьбу всецѣло на волю Государя.

По крайней мѣрѣ никому нельзя будетъ въ будущемъ обвинять меня въ томъ, что мною не указаны были заранее предстоящія затрудненія, и я съ спокойной совѣстью, хотя и съ тревожнымъ духомъ, могу встрѣтить ожидаемая мною въ близкомъ будущемъ почти неизбѣжныя невзгоды.

„Что касается до личныхъ жертвъ, которыя могутъ быть отъ меня потребованы, то и послѣ печальнаго мною проведеннаго послѣдняго года, я съ радостью готовъ принести еще всякую новую личную жертву, которая можетъ быть угодна Государю и полезна отечеству“.

Это письмо не было отправлено по назначенію, потому что какъ разъ въ это время кн. Черкасскій получилъ письмо отъ ген.-адъютанта Милютина, съ извѣщеніемъ, что Государь, вполне раздѣляя мнѣніе князя о преимуществахъ соединенія въ Болгаріи военной и гражданской власти въ однѣхъ рукахъ, изволить полагать, что лицо это должно быть избрано изъ высшихъ военныхъ чиновъ. Къ этому было прибавлено слѣдующее многозначительное заключеніе:

„Но вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ желаетъ, чтобы до того времени, когда выяснится будущая постановка болгарскаго вопроса и пока продолжаются военныя дѣйствія, Ваше Сіятельство продолжали Вашу полезную дѣятельность, какъ по завѣдыванію дѣлами гражданского управленія при особѣ Главнокомандующаго, такъ и по даннымъ Вамъ отъ общества Краснаго Креста полномочіямъ. Его Величество остается въ полной увѣренности, что подъ руководствомъ Вашимъ не только будетъ продолжаться постепенное водвореніе въ занятомъ нашими войсками краѣ временнаго управленія, но и выработаются основанія того будущаго политическаго и гражданского устройства, которое желательно даровать освобожденному русскимъ оружіемъ болгарскому народу. Государь Императоръ полагается на Ваши способности и патріотизмъ“.

Письмо это, положившее конецъ всѣмъ сомнѣніямъ

относительно личности будущаго верховнаго комиссара въ Болгаріи, хотя и было ударомъ для самолюбія кн. Черкасскаго, но не отняло у него бодрости для продолженія возложеннаго на него дѣла. Военному министру онъ тотчасъ же отвѣтилъ слѣдующее:

„Письмо это вывело меня изъ томительной неизвѣстности и опредѣлило ясно будущій ходъ дѣла, въ которое я успѣлъ вложить если и мало знанія, то, по крайней мѣрѣ, добрую долю любви и добросовѣстнаго труда. Отнынѣ надѣюсь на его успѣхъ, будучи увѣренъ, что дѣло, созданное Государемъ, вѣнчающее Его славное царствованіе и довершающее историческую задачу Его великихъ прародителей—Петра, Екатерины и въ Бозѣ почившаго императора Николая,—передано будетъ въ вѣрныя, способныя и знающія руки. Самъ я почту себя счастливымъ исполнить свято волю Его Величества въ настоящемъ случаѣ, какъ постарался бы выполнить ее по мѣрѣ крайняго разумѣнія и тогда, когда бы мнѣ было объявлено иное рѣшеніе Государя. Убѣдительно прошу Ваше Высокопревосходительство благоволить повергнуть эти искреннія чувства мои и безыскусственное ихъ выраженіе къ августѣйшимъ стопамъ Его Императорскаго Величества.

„Еще полнѣе и добросовѣстнѣе, если возможно, чѣмъ въ прежнее время, будутъ послѣдніе дни моего здѣсь пребыванія посвящены возложеннымъ на меня Высочайшею волею временнымъ занятіямъ, и ничто, конечно, не будетъ мною опущено, что можетъ въ будущемъ сколько-нибудь облегчить дѣятельность лица, избраннаго довѣріемъ Государя“.

Одновременно съ письмомъ военнаго министра было получено и въ главной квартирѣ сообщеніе о предполагаемомъ назначеніи верховнаго комиссара изъ лицъ военнаго званія. Вслѣдъ за этимъ было принято безпрекословно предложеніе князя Черкасскаго о немедленной замѣнѣ за Балканами военнаго управленія гражданскимъ,

за исключеніемъ, однако, Адрианополя и тѣхъ ближайшихъ къ нему округовъ, которые, по обсуждавшимся тогда условіямъ мирнаго договора, должны были остаться за Турціей.

Такимъ образомъ, предстояло ввести гражданское управленіе въ Филиппопольскомъ и Сливенскомъ санджакахъ. Такъ какъ кандидатовъ на административныя должности въ гражданскомъ управленіи осталось мало, то высшее начальство арміи предоставило въ распоряженіе кн. Черкаскаго на первый разъ 23 офицера, преимущественно изъ гвардейскаго корпуса. Кромѣ того, для поддержанія въ краѣ порядка и поддержанія авторитета русскихъ властей, въ каждый санджакъ были назначены нѣкоторыя части войскъ въ распоряженіе губернаторовъ.

Особенную важность имѣлъ Филиппопольскій санджакъ, какъ по своему географическому и стратегическому положенію, такъ и по той роли, которую игралъ г. Филиппополь въ исторіи болгарскаго просвѣщенія (было даже предположено сдѣлать его столицей Болгарскаго княжества).

Стремясь поскорѣе ввести здѣсь гражданское управленіе на прежнихъ основаніяхъ, кн. Черкасскій еще 1 февраля представилъ докладъ главнокомандующему, въ которомъ просилъ о сдачѣ управленія въ этомъ санджакѣ генераль-лейтенантомъ Столыпинымъ (военнымъ губернаторомъ) тому лицу, которое будетъ для этого назначено отъ гражданскаго управленія. Главнокомандующій написалъ „согласенъ“ и приказалъ назначить въ распоряженіе филиппопольскаго губернатора двѣ сотни Донскаго казачьяго № 4-го полка и баталіонъ пѣхоты отъ 31 дивизіи.

Но приѣздъ изъ Петербурга вновь назначеннаго губернатора, генеральнаго штаба полковника Шепелева *),

*) Еще во время перваго похода за Балканы генерала Гурко губернаторомъ для Филиппополя былъ намѣченъ полковникъ Г. И. Бобриковъ, но онъ потомъ былъ посланъ съ особымъ порученіемъ въ Сербію, гдѣ и оставался до конца войны.

затянулся и потому все оставалось по старому. Когда же полковникъ Шепелевъ прибылъ и явился 13-го числа въ Филиппополь, то оказалось, что генераль Столыпинъ не получилъ еще никакого распоряженія изъ полевого штаба о сдачѣ должности. Сдача эта произошла лишь 18-го февраля.

Въ Сливенскомъ санджакѣ, образованномъ по докладу отъ 10-го февраля 1878 г., губернаторомъ былъ назначенъ бывший военный начальникъ Казанлыкского округа, генеральнаго штаба полковникъ Ильяшевичъ. Но до сдачи своего округа, присоединеннаго къ Филиппопольскому санджаку, онъ долженъ былъ ввести въ немъ гражданское управленіе и оставаться въ Казанлыкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что къ Сливенскому санджаку предрѣшено присоединить округа Киркъ-Кииссу и Кизиль-Агачъ, принадлежавшіе Адрианопольскому санджаку. Разрѣшеніе переѣхать въ г. Сливенъ было дано полковнику Ильяшевичу только 6-го апрѣля.

Между тѣмъ здоровье кн. Черкаскаго сильно измѣнилось къ худшему; онъ очень постарѣлъ и осунулся. Вскорѣ въ немъ стало замѣчаться разлитіе желчи, которое соединилось потомъ съ мѣстной злокачественной лихорадкой—маляріей. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ усердно работать, не сознавая, видимо, опасности своего положенія. Въ письмѣ къ своему брату отъ 31 января онъ говоритъ слѣдующее: „дѣла гибель, не успѣваемъ за нимъ. Истомился страшно, состарился и похудѣлъ. Думаю: когда Господь сжалятся надо мною и дасть мнѣ увидѣть свою семью и свой домъ“!*)

1-го февраля князь ѣздилъ съ докладомъ къ главно-

*) Еще ранѣе изъ Богота, отъ 18 декабря, онъ послалъ своей женѣ слѣдующее: „Не входя ни въ какія подробности, скажу тебѣ, сколько мое положеніе здѣсь во всѣхъ безъ изъятія отношеніяхъ тяжело. Еслибъ не твердая рѣшимость довести дѣло до конца и не покидать его, не взирая ни на какія личныя непріятности и невзгоды, то мнѣ слѣдовало бы уѣхать давнымъ давно (Архивъ кн. Черкаскаго, № 101).

командующему, а на другой день долженъ былъ слечь въ постель.

9-го февраля главнокомандующій получилъ письмо отъ Государя отъ 26-го января, въ которомъ, между прочимъ, находились слѣдующія строки: „на командованіе оккупационными войсками и управленіе гражданскою частью въ Болгаріи имѣю я въ виду генераль-адъютанта князя Дондукова-Корсакова на томъ же основаніи, какъ графъ Киселевъ оставался императорскимъ комиссаромъ въ Княжествахъ по окончаніи войны въ 1829 по 1836 годъ“.

10-го февраля Великій Князь главнокомандующій перѣхалъ изъ Адрианополя въ Санъ-Стефано. Съ этого же дня начался переломъ въ болѣзни кн. Черкаскаго: онъ почувствовалъ себя значительно лучше и снова сталъ заниматься дѣлами. Несмотря на уговоры окружающихъ, онъ настаивалъ на необходимости перѣзда въ Санъ-Стефано. Отъѣздъ состоялся 15-го, а пріѣздъ въ Санъ-Стефано 16-го числа. На слѣдующій день князь получилъ письмо военнаго министра отъ 27-го декабря, въ которомъ ген.-ад. Милютинъ сообщалъ ему слѣдующее:

„Вамъ уже извѣстно, что предполагается по заключеніи мира на заявленныхъ нами основаніяхъ, въ случаѣ введенія въ Болгаріи временнаго русскаго управленія и занятія ея русскими войсками, поручить высшее начальство въ краѣ лицу военному. Выборъ этого лица и до сихъ поръ еще не рѣшенъ. Вѣроятно вопросъ этотъ рѣшится только тогда, когда удостовѣримся, что миръ состоится безъ измѣненія нашихъ условій относительно Болгаріи. Только тогда послѣдуетъ и назначеніе лица, на которое будетъ возложено временное начальство въ краѣ и которому будетъ поручено введеніе новаго управленія. Само собою разумѣется, что этому лицу, кто-бы онъ ни былъ, необходимо будетъ придать помощника специально для гражданского управленія, и выборъ этого лица будетъ весьма важенъ. Для этого нуженъ человѣкъ уже подготовленный, ознакомленный съ тѣмъ, что дѣла-

лось подъ Вашимъ руководствомъ, такъ какъ желательно, чтобъ новое управленіе было продолженіемъ того, котораго основанія положены Вами. Вотъ почему совершенно необходимо, чтобы Вы, глубокоуважаемый князь Владиміръ Александровичъ, вооружились еще на нѣкоторое время терпѣніемъ и дождались того момента, когда Вамъ можно будетъ передать, изъ рукъ въ руки, бразды правленія новому лицу. При этомъ и самый выборъ лица, завѣдующаго гражданскими дѣлами, могъ бы быть подъ Вашимъ вліяніемъ. Всѣ подготовленные Вами работы для будущей организаціи края пойдутъ въ прокъ, насколько окажется возможнымъ по соображенію съ тѣми условіями, при которыхъ откроется новое временное управленіе. Вполнѣ понимаю, какъ должно быть тягостно и непріятно для Васъ выжидательное положеніе, но Вы уже столько вытерпѣли, что, конечно, достанетъ у Васъ твердости характера, чтобъ дотянуть до конца. Въ письмѣ моемъ отъ 27-го декабря я выразился вполнѣ искренно, а не для официальной фразы, что Государь рассчитываетъ на Васъ и надѣется, что Вы не прежде уѣдете изъ края, какъ передавъ дѣла новому управленію“.

18-го февраля состоялся послѣдній докладъ кн. Черкаскаго у главнокомандующаго, который длился около часа. Великій Князь принялъ его очень привѣтливо, утвердилъ всѣ представленія и попенялъ князю за то, что при его болѣзненномъ состояніи и слабости онъ явился съ докладами, тогда какъ Великій Князь самъ могъ бы навѣстить его.

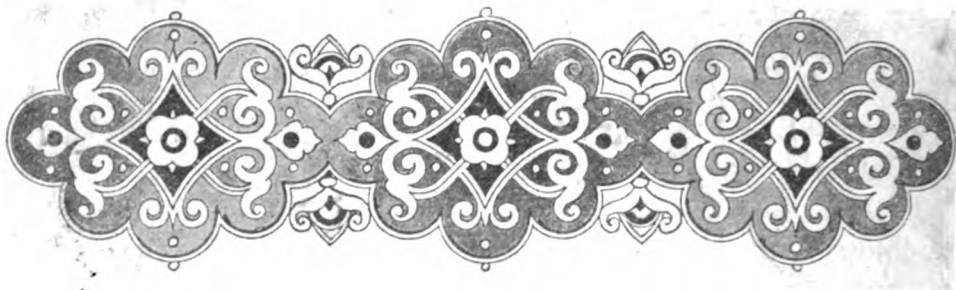
Возвратившись домой, кн. Черкасскій прилежъ отдохнуть и почувствовалъ себя дурно. Въ 5^{1/2} ч. утра 19-го февраля онъ скоропостижно скончался.

20-го числа главнокомандующій донесъ Государю по телеграфу: „Вчера скончался внезапно князь Черкасскій отъ такъ называемой апоплексіи мозга; третьяго дня еще, въ 2 часа дня, онъ со мною занимался около часа вре-

мени".—Въ тотъ же день Государь отвѣтилъ: „Весьма сожалѣю о бѣдномъ Черкасскомъ“.

Гробъ съ останками покойнаго былъ перевезенъ шуриномъ его П. А. Васильчиковымъ въ Москву и похороненъ, послѣ торжественной обѣдни въ Московскомъ университетѣ, въ Даниловскомъ монастырѣ, рядомъ къ Гоголемъ, Хомяковымъ и Самаринымъ. При отправленіи гроба изъ Константинополя, проводить его прибыли на баржу „Юнону“ болгарскій экзархъ Іосифъ и митрополиты пловдивскій и рущукскій.

ХІІ.

Результаты дѣятельности кн. В. А. Черкасскаго въ должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею по части административно-полицейской, судебной, финансовой, военной, народнаго просвѣщенія и духовныхъ исповѣданій.

ОСЛѢ кончины кн. Черкасскаго и до пріѣзда (8-го мая) императорскаго комиссара, которымъ былъ назначенъ генераль-адъютантъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, должность завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ исполнялъ генераль-лейтенантъ Апучинъ.

Дѣятельность гражданского управленія во время войны, т. е. въ теченіе десяти мѣсяцевъ, выразилась въ слѣдующемъ:

А. По части административно-полицейской.

Правильное гражданское управленіе было введено въ 8-ми санджакахъ и 56 округахъ. Губернаторами и вице-губернаторами въ этихъ санджакахъ были назначены слѣдующія лица:

Названіе санджаковъ.	Губернаторы.	Вице-губернаторы.
1. Систовскій	Н. с. Геровъ.	М. Балабановъ.
2. Рушукскій	Ген.-м. Золотаревъ.	Н. Даскаловъ.
3. Тульчинскій	Н. с. Бѣлоцерковецъ.	Полк. Юргенсонъ.
4. Раховскій (Виддинскій)	С. с. Тухолка.	К. Станишевъ.
5. Тырновскій	Г.-м. Домановичъ, а затѣмъ кам.-юнк. Щербинскій.	Д. Цанковъ.
6. Софійскій	Д. с. с. Алабинъ.	М. Дриновъ.
7. Филиппопольскій . . .	Полковн. Шепелевъ.	И. Ивановъ.
8. Сливенскій	Полковн. Нлѣшевичъ.	

Губернаторы всѣ, кромѣ Герова, были русскіе, а вице-губернаторы, за исключеніемъ Юргенсона, — болгары. Изъ болгаръ же были назначены, по одному къ каждому губернатору, совѣтники по финансовымъ дѣламъ.

Для замятія должностей окружныхъ начальниковъ и подиціймейстеровъ въ болѣе значительныхъ городахъ были вызваны изъ Имперіи 76 слѣдующихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, преимущественно изъ гвардіи и изъ окружныхъ воинскихъ начальниковъ:

Полковники: Прокопе 3-й, Мартенсъ, Островерховъ, Лукашовъ, Юргенсонъ и Дометти.

Подполковники: Костырко, Лишинъ, Разгоновъ, Владимірскій, Адамецкій, Куколевскій, Крапухинъ, Васильевъ, Тацковъ, Спокойскій-Францевичъ, Фоминъ, Любицкій, графъ Оруркъ, Перренъ, Аракинъ, Худяковъ, Михайловъ и Никифоровъ.

Майоры: Дигби, Ерофѣевъ, Шигоринъ, Шулицъ, Вигантъ, Гавриловъ, Подгурскій, Адамовичъ, Богдановъ, Стабровскій, Кобылинскій, Язоновъ, Моревъ, Фирсовъ, Кадагеоргій, Сози и Плецъ.

Капитаны: Поповъ, Кноррингъ, Бранденбургъ, Дегтевъ, Надеждинъ, Макшеевъ-Мамоновъ, Кореневъ, Нечаевъ, Сухомлиновъ, Черевко, Масловъ, Рончевскій, Рудницкій, Егоровъ и Шебуевъ.

Штабъ-капитаны: Матвѣенко, Владиміровъ, Лузановъ, Станицкій, Исаковъ, Карандѣевъ, Овсяный, Стахievъ, Ширманъ, Бурлей, Пауль, Слащевъ, Филатьевъ и Логвеновъ.

Поручики: Полозковъ, Пыхачевъ, Кутеповъ, Скугаревскій, Рудановскій и *подпоручикъ* Токмачевъ.

По заключеніи Санъ-Стефанскаго договора число офицеровъ, предназначенныхъ для занятія административныхъ должностей за Балканами, было пополнено изъ дѣйствующихъ войскъ, преимущественно изъ гвардіи.

Варнеѣнскій санджакъ, лежавшій за демаркаціонной

линіей, былъ образованъ лишь въ послѣдствіи, а въ Адрианопольскомъ было введено военно-полицейское управленіе.

Всѣ второстепенныя и низшія должности въ гражданскомъ управленіи санджаковъ и округовъ, за рѣдкими исключеніями, были заполнены мѣстными уроженцами. Еще въ Кишиневѣ, а затѣмъ въ Плоэштахъ, кн. Черкасскій прикомандировывалъ къ своей канцеляріи болгаръ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, для подготовленія ихъ къ службѣ по гражданскому вѣдомству въ Болгаріи. Въ послѣдствіи, по вступленіи нашихъ войскъ въ Болгарію, къ помянутой канцеляріи прикомандировывались, съ разрѣшенія главнокомандующаго, молодые болгары изъ мѣстныхъ жителей, которые готовились къ службѣ, получая опредѣленное содержаніе (не свыше 80 руб. въ мѣсяцъ). Персоналъ ихъ состоялъ по большей части изъ учителей бывшихъ сельскихъ и городскихъ училищъ, закрывшихся во время войны. Такъ какъ слѣдовало ожидать, что по заключеніи мира бывшіе учителя уйдутъ изъ канцелярій въ свои школы, гдѣ они, конечно, могли принести и болѣе пользы, то въ виду этого, по приказанію кн. Черкасскаго, были открыты въ Филиппополѣ „практическіе курсы русскаго языка“, подъ руководствомъ капитана лейбъ-гвардіи Литовскаго полка Флейшера; попечительство же надъ курсами было предоставлено губернатору. На этихъ курсахъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ перебувало 150 молодыхъ болгаръ, изъ которыхъ, какъ оказалось по экзамену, произведенному въ іюнѣ 1877 года, 76 сдѣлали значительные успѣхи въ русскомъ языкѣ. Многіе изъ нихъ поступили потомъ въ формировавшееся тогда болгарское земское войско. Курсы же были переведены въ г. Софію, гдѣ обращены въ юнкерское училище, подъ завѣдываніемъ того же капитана Флейшера.

Для руководства служебныхъ органовъ гражданского управленія въ Болгаріи были изданы:

а) Положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ (со штатами);

б) Положеніе и штаты выборныхъ управительныхъ совѣтовъ въ округахъ и городахъ Болгаріи, и

в) Временныя правила для образованія въ Болгаріи полицейской вольнонаемной стражи и вооруженныхъ карауловъ изъ мѣстныхъ жителей.

Такимъ образомъ, ко дню заключенія Санъ-Стефанскаго договора гражданское управленіе было уже прочно установлено и снабжено всѣми необходимыми инструкціями въ 8-ми санджакахъ и 56 округахъ, такъ что на всемъ пространствѣ, занятомъ нашей арміей, можно было быстро осуществить всякую мѣру, вызываемую нуждами войскъ, политическими или экономическими соображеніями.

Устроенное сначала для надобностей арміи почтовое гражданское управленіе вскорѣ стало служить и для выгодъ администраціи. Кромѣ трехъ прежде устроенныхъ почтовыхъ трактовъ: Систовъ-Рущукъ-Тырново, Систовъ-Плевна и Плевна-Габрово-Шипка,—были впослѣдствіи къ нимъ присоединены тракты: Шипка-Ени-Загра (Новая Загора)—для соединенія съ желѣзною дорогою—и Ени-Загра-Бургасъ на Черномъ морѣ,—для полученія почты изъ Имперіи прямымъ путемъ, помимо Константинополя и Вѣны.

Б. По части судебной.

По занятіи нашими войсками частей Болгаріи и отходѣ турецкихъ войскъ, въ такихъ мѣстностяхъ тотчасъ устанавливалось военно-полицейское управленіе, которое замѣнялось потомъ гражданскимъ.

Такъ какъ существовавшіе при турецкихъ властяхъ суды были крайне неудовлетворительны, то русское гражданское управленіе учредило въ окружныхъ городахъ, для разбора судебныхъ дѣлъ, выборные судебные совѣты, члены которыхъ получали опредѣленное содержаніе. Для сужденія же лицъ, предаваемыхъ военному суду, были учреждены отдѣльные полевые суды въ Систовѣ и Тырново.

Имѣя въ виду огромную важность правильнаго устройства судебныхъ учреждений во вновь призванной къ жизни странѣ, кн. Черкасскій заблаговременно озаботился привлеченіемъ для руководства судебной дѣятельностью исполнѣ компетентнаго лица. Еще въ іюлѣ былъ назначенъ завѣдующимъ судебною частью при гражданскомъ управленіи въ Болгаріи д. с. с. Лукьяновъ, бывшій до того членомъ консулѣтаци при министерствѣ юстиціи. Подъ предсѣдательствомъ его была составлена особая юридическая комиссія, въ составъ которой вошли: профессоръ Новороссійскаго университета Богишичъ *), ст. с. Тухолка, товарищъ прокурора Полтавскаго окружнаго суда Теохаровъ (болгаринъ по происхожденію) и юрисконсультъ при нашей миссіи въ Константинополѣ т. с. Каченовскій. Эта комиссія, избравшая своимъ мѣстопробываніемъ Систовъ, энергически принялась за работу и ко времени пріѣзда императорскаго комиссара выработала слѣдующія положенія:

а) положеніе объ устройствѣ и предметахъ вѣдомства судовъ земскихъ, б) положеніе объ устройствѣ судовъ окружныхъ и губернскихъ, в) положеніе о гражданскомъ и уголовномъ судопроизводствѣ въ сихъ судахъ, г) правила о надзорѣ за опеками, о порядкѣ совершенія письменныхъ актовъ и договоровъ, о составленіи инвентарной описи и о порядкѣ охраненія наслѣдствъ. Кромѣ того были составлены предположенія объ учрежденіи судовъ административныхъ, о разграниченіи предметовъ вѣдомства по дѣламъ гражданскимъ между судами общими и судами духовными православнаго и другихъ вѣроисповѣданій, и наконецъ—положеніе о судѣ кадіевъ для дѣлъ гражданскихъ—исключительно между мусульманами.

При составленіи всѣхъ этихъ положеній имѣлось въ виду, какъ руководящее начало, то правило, что, избѣгая

*) Оставался недолго.

рѣшительныхъ нововведеній, несовмѣстныхъ съ тогдашнимъ неустановившимся положеніемъ края, надлежало воспользоваться и формами судовъ уже существовавшими, и узаконеніями еще не отмѣненными, по скольку они не противорѣчили новому государственному и христіанскому порядку, и тѣмъ, чтобы не лишать и мусульманъ предоставленныхъ имъ прокламаціей Государя правъ.

Относительно внутренняго порядка судебного устройства главная задача заключалась въ томъ, чтобы ввести въ составъ судовъ лицъ болгарскаго происхожденія, получившихъ среднее, а по возможности и высшее образованіе, а также опредѣлить съ точностью предметы вѣдомства каждаго суда и установить простой и несложный порядокъ производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, обезпечивъ и возможность приведенія приговоровъ въ исполненіе.

В. По части финансовой.

Основательно изучивъ финансовое право, кн. Черкасскій не бралъ себѣ помощника для разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ въ Болгаріи, и, ознакомившись съ турецкими финансовыми порядками, рѣшилъ сохранить ихъ, отлагая коренныя финансовыя реформы до времени окончательнаго устройства Болгарскаго края. Поэтому роль гражданскаго управленія въ дѣлахъ финансовыхъ ограничилась: собираніемъ матеріаловъ по финансовой части, относящихся ко времени турецкаго управленія; возстановленіемъ кассъ и низшихъ финансовыхъ учреждений, завѣдывавшихъ сборами и расходами всякихъ денежныхъ поступленій; принятіемъ мѣръ къ охраненію поступающихъ суммъ и къ упорядоченію дѣйствій администраціи по сбору податей съ населенія.

Одной изъ первыхъ мѣръ по введенію гражданскаго порядка въ занятой нами придунайской области было изданіе инструкцій для первоначальнаго устройства и

взысканія податей. Изъ турецкихъ податей была уничтожена только одна—*беделъ*, взимавшаяся за освобожденіе христіанъ отъ воинской повинности, которую несли почти исключительно мусульмане. Особенное вниманіе было обращено на упорядоченіе взиманія десятиннаго налога съ полей и луговъ, тяжело ложившагося на христіанское населеніе при турецкомъ управленіи вслѣдствіе злоупотребленій лицъ, бравшихъ взиманіе этого налога на откупъ. Прокламаціей главнокомандующаго десятинная подать была совершенно уничтожена съ 1878 г. и замѣнена поземельною податью *).

Относительно другихъ податей хотя и выработаны были правила для ихъ взиманія, но, по повелѣнію главнокомандующаго, они не вводились и даже не принимались никакія понудительныя мѣры противъ неплательщиковъ; но подати удерживались съ тѣхъ мѣстныхъ жителей, которымъ производилась выдача денежнаго вознагражденія за реквизиціонныя поставки.

Возстановлено было также правильное дѣйствіе таможенъ, расположенныхъ какъ на границѣ по Дунаю, такъ и внутри края. Первое время они дѣйствовали на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при турецкомъ правительствѣ; но потомъ нужды войскъ заставили сдѣлать нѣкоторыя отступленія отъ существующихъ правилъ. Такъ, освобождены были отъ ввозныхъ пошлинъ всѣ транспорты: Краснаго Креста, продовольственнаго товарищества Горвица, Когана, Грегера и Комп., войсковыхъ маркитантовъ и коммисіонерства Новосельскаго. Допущенъ былъ безпошлинный ввозъ черезъ всѣ дунайскія таможни соли, строительнаго дерева и предметовъ отопленія. Въ то же время, въ виду потребности войскъ въ теплой одеждѣ, запрещенъ былъ вывозъ изъ Болгаріи всякаго рода овчинъ. Въ видахъ тоже потребностей войскъ, не прини-

*) Однако десятина снова была потомъ возстановлена при болгарскомъ правительствѣ.

малось никакихъ запретительныхъ и карательныхъ мѣръ противъ безбандерольной продажи табаку.

И хотя такія мѣры, безъ сомнѣнія, вліяли на поступленіе сборовъ, притомъ же произошла значительная эмиграція турецкаго населенія,—тѣмъ не менѣе изъ сборовъ таможенныхъ, отъ акциза и отъ аренды казенныхъ имуществъ, а частью и отъ поступленія податей (десятины и верги), всѣхъ доходовъ къ половинѣ февраля 1878 г., поступило до 400.000 рублей, на счетъ которыхъ и содержалась администрація санджаковъ: Тульчинскаго, Тырновскаго, Систовскаго и отчасти Рушукскаго. Затѣмъ доходы эти стали быстро возрастать и къ 9-му мая, т. е. ко времени замѣны гражданскаго управленія при арміи управленіемъ императорскаго комиссара, сумма всѣхъ сборовъ составила 1.300.000 руб., изъ которыхъ 500.000 было израсходовано на содержаніе администраціи, 100.000 возвращены въ государственное казначейство, а 700.000 рублей находились въ наличности. Изъ этой послѣдней суммы на покрытіе долга полевому казначейству надлежало внести 404.736 рублей; слѣдовательно, свободныхъ суммъ оставалось 295.264 рубля.

Изъ другихъ финансовыхъ мѣръ гражданскаго управленія слѣдуетъ отмѣтить: а) возобновленіе въ округахъ кассъ сборщиковъ и разработка правилъ о санджаковыхъ казначействахъ, въ которыхъ должны были содержаться всѣ суммы, поступающія въ счетъ доходовъ Болгарскаго края (правила эти были утверждены уже послѣ смерти князя Черкасскаго); б) назначеніе при каждомъ губернаторѣ совѣтника по дѣламъ казеннаго управленія—для наблюденія за финансовыми дѣлами въ санджакахъ, и в) возобновленіе, гдѣ оказалось возможно, ссудо-сберегательныхъ кассъ, учрежденныхъ въ Болгаріи Митхадомъ-пашой.

Г. По части военной.

Еще наканунѣ войны было сформировано Болгарское ополченіе, въ обмундированіи и снаряженіи котораго рев-

ностное участіе принимало гражданское управленіе чрезъ посредство Московскаго славянскаго благотворительнаго общества. По инструкціи завѣдующему гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, на него возлагалась обязанность содѣйствовать правильному содержанію и развитію болгарскаго ополченія. По первоначальному предположенію, это ополченіе имѣло назначеніемъ охраненіе порядка въ тылу арміи и снабженіе дѣйствующихъ войскъ опытными проводниками, переводчиками и т. п. Но съ началомъ военныхъ дѣйствій эта цѣль измѣнилась: Болгарское ополченіе было зачислено въ составъ передового отряда генерала Гурко и предназначено для военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, оно совершенно вышло изъ вѣдѣнія гражданского управленія.

Оставалось заняться соображеніями о будущемъ устройствѣ болгарскаго войска, такъ какъ болгарскія дружины должны были, по окончаніи войны, составить кадръ его. Предположенія объ этомъ были разработаны во время нахожденія гражданского управленія въ Боготѣ. Предполагалось введеніе обще-обязательной воинской повинности и двухлѣтній срокъ службы въ войскахъ. Предположенія эти могли быть осуществлены лишь въ маѣ 1878 г., когда былъ произведенъ первый призывъ на военную службу 7-ми тысячъ молодыхъ болгаръ. Для лучшаго подготовленія болгарскаго населенія къ отбыванію воинской повинности кн. Черкасскій предполагалъ, пользуясь подъемомъ народнаго духа и патріотическимъ одушевленіемъ, прибѣгнуть къ широкому развитію гимнастическо-стрѣлковыхъ обществъ.

Это предположеніе кн. Черкасскаго было осуществлено въ послѣдствіи въ Восточной Румеліи, гдѣ ко времени выхода нашихъ оккупационныхъ войскъ (въ 1879 г.), въ Филиппопольскомъ и Сливенскомъ санджакахъ находилось, кромѣ милиціи въ 7.500 чел., 14 гимнастическо-стрѣлковыхъ дружествъ, въ составѣ которыхъ числилось

64.000 вооруженныхъ пѣхотинцевъ и 1.000 всадниковъ, а въ запасахъ дружествъ состояло до 12.000 ружей.

Избранный кн. Черкасскимъ для завѣдыванія военнымъ устройствомъ Болгаріи генеральнаго штаба генераль-маіоръ Золотаревъ (рущукскій губернаторъ) былъ назначенъ потомъ управляющихъ военнымъ отдѣломъ въ совѣтъ при императорскомъ комиссарѣ.

Д. По части народнаго просвѣщенія.

Школьное дѣло получило еще до войны сильное развитіе въ Болгаріи, благодаря содѣйствію и личной дѣятельности просвѣщенныхъ патріотовъ. Въ Филиппопольскомъ, Сливенскомъ, Тырновскомъ и Рущукскомъ санджакахъ рѣдкое селеніе не имѣло начальной школы. Въ городахъ и во многихъ мѣстечкахъ существовали высшія народныя училища съ 4-мя, 5-ю и даже 6-ю классами. Всѣ они возникли и поддерживались по частному почину,—такъ велико было уже тогда среди болгаръ стремленіе къ обученію своихъ дѣтей.

Съ началомъ войны почти всѣ эти школы закрылись, а зданія ихъ были обращены въ военныя больницы или были употреблены для другихъ военныхъ надобностей. Учителя поступили въ войска переводчиками или въ строй охотниками; нѣкоторые получили мѣста въ новомъ гражданскомъ управленіи.

Кн. Черкасскій предполагалъ—съ умиротвореніемъ страны повліять на населеніе къ открытію школъ и возобновленію въ нихъ ученія. Для устройства среднихъ и духовныхъ училищъ имѣлось въ виду выдать даже пособіе отъ казны. Кромѣ того предполагалось послать значительное число молодыхъ людей для полученія образованія въ русскихъ гимназіяхъ, университетахъ и военныхъ заведеніяхъ, съ выдачею имъ стипендій отъ казны. Для организаціи этого дѣла и наблюденія за нимъ былъ вызванъ въ Болгарію профессоръ Харьковскаго универ-

ситета М. С. Дриновъ, который потомъ при князѣ Дондуковъ-Корсаковъ занялъ мѣсто управляющаго отдѣломъ народнаго просвѣщенія въ совѣтъ императорскаго комиссара.

Е. По части духовныхъ исповѣданій.

Высшее болгарское духовенство состояло изъ экзарха и епархіальныхъ архіереевъ, носившихъ названіе митрополитовъ. Низшее духовенство было бѣдно и по большей части малообразованно.

Кн. Черкасскій признавалъ неудобнымъ вмѣшательство русскаго управленія въ церковные порядки мѣстныхъ жителей, а потому нашимъ административнымъ властямъ было предписано предоставить разбираться въ этихъ дѣлахъ самому духовенству; администрація должна была заботиться только объ охраненіи православія. Въ случаяхъ же столкновенія болгарскаго духовенства съ греческимъ (какъ-то было, напр., въ Тульчинскомъ санджакѣ), нашимъ властямъ рекомендовалось дѣйствовать примирительнымъ образомъ, въ качествѣ добрыхъ совѣтниковъ, и отнюдь не принимать на себя рѣшенія такихъ споровъ.

Высшему болгарскому духовенству предполагалось придать высокое значеніе въ странѣ привлеченіемъ архіереевъ къ участию въ дѣятельности высшаго учрежденія въ княжествѣ—совѣта императорскаго комиссара, на правахъ членовъ его, причемъ вызовъ ихъ къ присутствованію въ совѣтъ долженъ былъ производиться по очереди по соглашенію съ экзархомъ. Въ случаѣ, если бы удалось образовать цѣлокупную Болгарію, то имѣлось въ виду перевести въ столицу ея изъ Константинополя и болгарскаго экзарха, придавъ ему достаточныя средства для устройства церквей, духовныхъ училищъ и т. п. Кн. Черкасскій предполагалъ измѣнить и самый способъ содержанія высшаго духовенства, практиковавшійся при ту-

рецкомъ правительствѣ. Въ то время оно содержалось на счетъ „вѣнчилъ“, или такъ назыв. „владычнины“. Она составлялась изъ сборовъ отъ каждой брачной пары въ размѣрѣ отъ 5 до 9 піастровъ въ годъ, изъ которыхъ одна треть шла экзарху, другая—мѣстному архіерею, а третья отчислялась на конторскіе расходы, содержаніе училищъ и др. епархіальныя потребности; и такъ какъ эти сборы были тягостны для населенія и поступали не аккуратно, то архіереи нерѣдко принуждены были прибѣгать къ содѣйствію турецкихъ властей, что вызывало еще большее неудовольствіе въ народѣ.—Кн. Черкасскій предполагалъ замѣнить „владычнину“ опредѣленнымъ денежнымъ содержаніемъ духовенству.

На послѣднемъ докладѣ своемъ, состоявшемся 18-го февраля, кн. Черкасскій представилъ главнокомандующему „Проектъ учрежденія управленія княжества Болгарскаго“ со штатами и „Записку о генераль-губернаторахъ“.

О первой изъ этихъ работъ было уже сказано въ главѣ VIII. Въ „Запискѣ“ же проводилась мысль о раздѣленіи княжества на два генераль-губернаторства, причемъ предполагалось отнести: къ сѣверному—санджаки Систовскій, Рушукскій, Варненскій, Тульчинскій, Тырновскій и Софійскій, а къ южному—санджаки Филиппопольскій и Сливенскій. Генераль-губернаторъ южной Болгаріи вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ занимать должность вице-предсѣдателя въ совѣтѣ управленія и комиссара.

Предположеніе о раздѣленіи Болгаріи на два генераль-губернаторства не было утверждено въ Петербургѣ; зато почти все, изложенное въ „Проектѣ“ о центральномъ управленіи, было одобрено и, за небольшими исключеніями, введено въ инструкціи, данныя императорскому комиссару. Самое важное измѣненіе было сдѣлано относительно совѣта управленія: по проекту кн. Черкасскаго, члены его назначались Высочайшею властью и дѣла въ совѣтѣ рѣшались по большинству голосовъ, тогда какъ

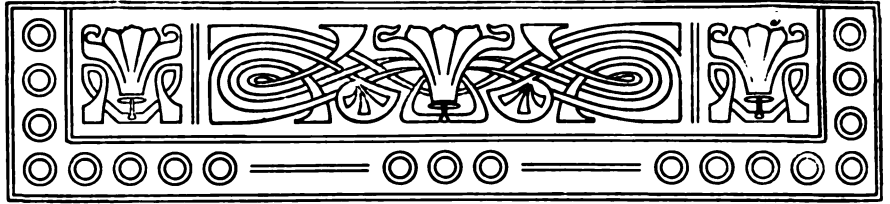
по инструкции совѣтъ сдѣланъ учрежденіемъ совѣщательнымъ и члены его избирались императорскимъ комиссаромъ; слѣдовательно, они лишены были той самостоятельности, которую предполагалъ дать имъ кн. Черкасскій. Затѣмъ, число ихъ было ограничено семью *) и должности вице-предсѣдателя не учреждено. На директора канцеляріи было возложено и завѣдываніе дѣлами совѣта, а начальникамъ отдѣловъ (членамъ совѣта) присвоено званіе управляющихъ оными, а не *главноуправляющихъ*, какъ было предположено въ проектѣ кн. Черкаскаго. Проектъ штатовъ былъ взятъ тоже у кн. Черкаскаго, но оклады служащимъ были увеличены, въ особенности членамъ совѣта, которымъ, вмѣсто предположенныхъ 8-ми тысячъ, было назначено по 15 тыс. въ годъ. На писцовъ и канцелярскіе расходы, вмѣсто 13 тысячъ, было ассигновано 20 тысячъ рублей. Самое положеніе о совѣтѣ, утвержденное императорскимъ комиссаромъ 26-го октября 1878 г., было обнародовано подъ заглавіемъ: „Предметы вѣдомства и кругъ власти членовъ совѣта, управляющихъ отдѣлами, и директора канцеляріи“. Изъ 26 статей, заключающихся въ этомъ положеніи, 14 взяты цѣликомъ изъ проекта кн. Черкаскаго, одна (12-я) составлена взамѣнъ 11-й ст., а остальные относятся до порядка дѣлопроизводства и правъ службы чиновниковъ.

Изъ этого обзора дѣятельности князя Черкаскаго можно заключить, что на него легла вся тяжесть управленія завоеванными нами областями Европейской Турціи, введенія въ нихъ гражданскаго управленія и составленія предположеній относительно устройства и управленія въ Болгарскомъ краѣ. Приэтомъ князь Черкасскій успѣлъ не только покрыть всѣ расходы полученными съ края доходами, но и сдѣлалъ еще нѣкоторый запасъ на-

*) Отдѣлъ внутреннихъ дѣлъ былъ соединенъ съ почтами и телеграфами, а отдѣлъ контрольный исключенъ.

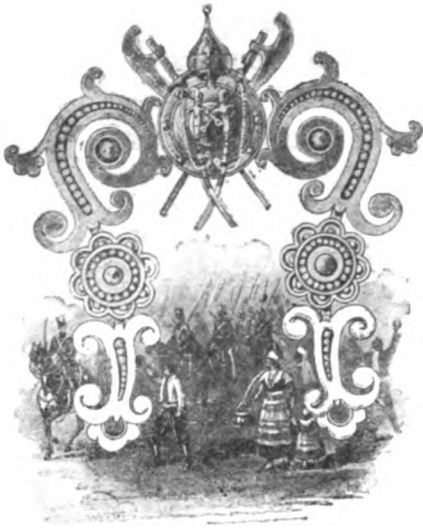
личными деньгами, сохранивъ почти нетронутыми податные ресурсы. Такимъ образомъ, его преемнику достался въ управленіе край съ прочно установленнымъ порядкомъ и съ множествомъ разработанныхъ проектовъ относительно предполагаемыхъ установленій, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. проектъ устройства совѣта управленія, тотчасъ могли быть осуществлены. Въ рукахъ умѣлаго и ловкаго администратора, какимъ былъ князь Черкасскій, дѣло порученное ему, получило стройную и прочную организацію, выразившуюся въ рядѣ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. На добросовѣстное выполненіе возложенной на него задачи онъ положилъ не только всѣ силы своего, далеко не дюжиннаго ума, но даже и свою жизнь.

ХІІІ.

Ошибочное мнѣніе главнокомандующаго о дѣятельности князя В. А. Черкасскаго. — Выдержки изъ рѣчей и статей о кн. Черкасскомъ. — Разборъ мнѣній о немъ его недоброжелателей. — Заключение.

О смерти князя Черкасскаго временный замѣститель его, генералъ-лейтенантъ Анучинъ, по порученію главнокомандующаго, составилъ три записки: *въ первой* изъ нихъ, отъ 23 февраля 1878 г., были изложены основныя правила, которыми имѣть въ виду руководствоваться князь Черкаскій при введеніи въ княжествѣ Болгарскомъ правильнаго государственнаго устройства; *содержаніе второй*, отъ 28 февраля, состояло въ изложеніи

принциповъ, которыми руководствовалась гражданская администрація Болгаріи при установленіи первоначальнаго управленія краемъ, а *въ третьей*, отъ 1-го марта 1878 года, говорилось о положеніи гражданского управленія въ Болгаріи ко времени заключенія мира, т. е. къ 19-му февраля 1878 г. (См. Приложенія).

Прослушавъ чтеніе этихъ записокъ (которыя одобрилъ и приказалъ передать въ министерство иностранныхъ дѣлъ), Великій Князь былъ удивленъ, что гражданское управленіе успѣло сдѣлать такъ много за время своего управленія; и выразилъ сожалѣніе, что не зналъ объ этомъ ранѣе. На это генералъ Анучинъ отвѣтилъ, что въ запискахъ приведены только факты, которые всегда можно провѣрить.

Выраженіе удивленія главнокомандующаго стало понятнo г. Анучину, по его словамъ, только впослѣдствіи, а именно въ 1889 г., когда ему сдѣлалось извѣстно содержаніе всеподданнѣйшаго письма отъ 13-го феврала 1878 года изъ Санъ-Стефано, въ которомъ главнокомандующій, между прочимъ, доносилъ: „Мнѣ пріятно также, что мы съ Тобою сошлись въ выборѣ князя Дондукова комиссаромъ и командующимъ оккупационными войсками въ Болгаріи. Я именно хотѣлъ Тебѣ объ этомъ писать и просить. Долгомъ считаю Тебѣ *конфиденціально* сказать, что я совершенно недоволенъ княземъ Черкасскимъ въ отношеніи его управленія гражданскою частью въ Болгаріи. По этой части почти что до сей минуты имъ ничего не сдѣлано и не подготовлено. Напротивъ, по дѣламъ Краснаго Креста онъ выказалъ много энергіи и умѣнья. Князь Черкасскій теперь серьезно боленъ, и если выздоровѣетъ, то возстановленіе здоровья потребуетъ много времени. Его обращеніе съ болгарами и вообще съ подчиненными возбудило съ перваго начала уже нерасположеніе къ нему и росло оно все болѣе и болѣе; я лично съ нимъ ладилъ, хотя, признаюсь, работать съ нимъ не легко. Теперь, по случаю его болѣзни, возможна его замѣна другимъ лицомъ; его страшное самолюбіе не будетъ такъ раздражено, и замѣну его для пользы дѣла нахожу до крайности необходимымъ“ *).

Выраженіе удивленія при чтеніи записокъ генерала Анучина и сожалѣніе главнокомандующаго о томъ, что ему не была извѣстна вся совокупность дѣятельности гражданскаго управленія, показываютъ, что вышеизложенное мнѣніе Великаго Князя о князѣ Черкасскомъ было въ значительной степени недоразумѣніемъ, явившимся, быть можетъ, вслѣдствіе внушеній со стороны его приближенныхъ.

Преждевременная смерть князя Черкасскаго вызвала

*) См. „Русскую Старину“ 1896 г., № 7, стр. 76—77.

оцѣнку его дѣятельности въ Россіи—въ общественныхъ собраніяхъ и повременныхъ изданіяхъ. Большая часть этихъ оцѣнокъ была собрана и издана въ Москвѣ въ 1879 г., подъ общимъ заглавіемъ: „Князь В. А. Черкасскій. Его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ“. Для полноты нашей характеристики считаемъ не лишнимъ привести здѣсь выдержки изъ болѣе выдающихся оцѣнокъ.

Изъ рѣчи предсѣдателя Московскаго славянскаго благотворительнаго общества И. С. Аксакова, произнесенной въ торжественномъ засѣданіи этого общества 5-го марта 1878 г.:

„Путемъ смертей и страданій призваны мы были совершить святое дѣло воскресенія нашихъ братьевъ. Болгарская почва упитана русскою кровью. На русскихъ костяхъ стала Болгарія. И еще недавно, уже по прекращеніи брани, послѣдній торжественный актъ ея освобожденія и признанія ея самостоятельнаго бытія ознаменовался великою русскою жертвою. Во главу угла ея вновь созижденнаго гражданскаго строя легъ самъ строитель, легъ человѣкъ, отмѣченный высшими дарованіями. Учредитель и организаторъ этой новой, сотворенной Россіею, Болгаріи сраженъ внезапно нервнымъ ударомъ въ селеніи Санъ-Стефано, въ виду Царьграда и св. Софіи, 19 февраля, въ самый день подписанія мирнаго договора, въ тотъ мигъ, когда, послѣ долгихъ, тяжкихъ трудовъ, онъ по праву могъ бы сказать себѣ: „теченіе скончалъ, подвигъ совершилъ“. Смерть Черкасскаго—не просто утрата умнаго, полезнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля: убыло знаменитымъ умомъ, убыло цѣлою крупною общественною силою, и замѣстить ее нечѣмъ.

„Странное, замѣчательное, совершенно оригинальное явленіе представлялъ собою въ Россіи князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, именно этимъ сочетаніемъ въ себѣ дѣятеля общественнаго и государственнаго. Онъ былъ безспорно человѣкомъ государственнымъ и принималъ дѣятельное участіе въ величайшихъ государствен-

ныхъ дѣяніяхъ нынѣшняго царствованія, но онъ никогда не принадлежалъ къ сонму ни царедворцевъ, ни сановниковъ, не считался у нихъ *своимъ* и не проходилъ обычныхъ ступеней нашей служебной іерархической лѣстницы. Онъ всегда, вольно и невольно, сохранялъ за собою характеръ какъ-бы представителя или делегата отъ общества на государственномъ дѣлѣ, хотя бы онъ былъ и главнымъ его руководителемъ. Его имя служило уже знаменемъ, возвѣщавшимъ всякій разъ особую важность порученной ему работы, ея особое значеніе не только для государственныхъ, но и для общественныхъ, для національных интересовъ. Таковы факты, представляемые его жизнью, которыхъ не можетъ отрицать никакое недоброжелательство, хотя-бы и пыталось извратить ихъ дѣйствительный смыслъ.

„Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенною творческою способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія, отвлеченныя теоріи приводить къ конкретной, практической формулѣ, и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства въ смыслѣ подобострастія доктринѣ и насильственнаго подчиненія ей жизни, никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ; напротивъ—онъ считался съ жизнью, съ бытомъ, цѣнилъ и уважалъ русскую исторію и органическія стихіи народа, умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма, и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, были большею частію именно люди теорій и идеаловъ, и нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію, и любилъ теорію лишь какъ освященіе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ.

Но что онъ любилъ пуще всего и самоотверженно,—это честь и достоинство Россіи и, безусловно вѣруя въ русскій народъ, въ его великую всемірно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя силъ,—какъ уже выразился князь Александръ Васильчиковъ въ своей прекрасной статьѣ,—надъ *основаніями*, а не надъ вѣнцомъ зданія.

„Значеніе князя Черкаскаго въ дѣлѣ славянскаго возрожденія не только даетъ мнѣ право, но и налагаетъ обязанность задержать нѣсколько долѣе ваше вниманіе на этомъ недавно отошедшемъ и возстановить, насколько мнѣ это возможно, его истинный нравственный образъ. Говорю „возстановить“, потому что, къ сожалѣнію, этотъ образъ большею частью совершенно искаженъ въ сознаніи русской публики, и если всѣ сходились въ признаніи за нимъ блистательныхъ дарованій, то, наоборотъ, нравственная сторона его дѣятельности подвергалась самой разнообразной, хотя большею же частью отрицательной, оцѣнкѣ. Князь Васильчиковъ уже коснулся этого явленія и указалъ, что служило къ нему поводомъ, изъ кого главнымъ образомъ состоялъ хоръ ожесточенныхъ хулителей. Нѣтъ сомнѣнія, русскіе крѣпостники, реакціонеры, скрывающіеся теперь подъ псевдонимомъ „консерваторовъ“, польскіе паны и ксендзы, которыхъ интересы имущественные и политическіе такъ много пострадали отъ реформъ, совершенныхъ при дѣятельномъ участіи Черкаскаго, пылали къ нему непримиримою ненавистью и, не жалься клеветъ, постарались и успѣли настроить враждебно къ нему людское мнѣніе. Было бы, однако же, ошибкою утверждать, что только они, и они одни, относились къ Черкасскому съ непріязнью. Вина лежала отчасти и на самомъ князѣ. Всегда радушный хозяинъ, любезный и привѣтливый съ близкими или съ сочувственными ему лицами, Черкасскій по большей части стоялъ къ людямъ только одною стороною—стороною мысли, ума, расчета. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересу-

дамъ, не заботился о мнѣніи лицъ, имъ не высоко цѣнимыхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣнія, вызванныя его рѣчами и внѣшнимъ обращеніемъ. Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокоумную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣньемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста, и въ грудѣ фразъ о безкорыстїи и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своекорыстнаго мотива. Всякое излишество чувствительности, все, въ чемъ было ужъ очень мало ума, хотя бы и много сердца, мало толка, а только прекрасныя тщетныя пожеланія, что было больше по части праздныхъ чувствъ, чѣмъ настоящаго дѣла, встрѣчало въ немъ ироническую улыбку, которая, разумѣется, рѣдко ему прощалась. Дѣйствительно, онъ не всегда достаточно бережно отрезвлялъ юную идеалистическую восторженность, и этого, понятно, не могла любить пылкая молодежь. Таковы были особенности, скажу прямо, недостатки его натуры, связанные органически съ положительными свойствами его ума и дарованій. Онъ говорилъ въ свое оправданіе, что никто по крайней мѣрѣ не обвинитъ его въ притворствѣ. И дѣйствительно, онъ никогда не притворялся; но онъ не только никогда не шеголялъ, а даже какъ бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами и, предпочитая казаться хуже, чѣмъ лучше,—вполнѣ въ этомъ успѣлъ. Я позволю себѣ коснуться одной интимной его черты. Этотъ „безсердечный“ человѣкъ (какъ его называли) былъ самымъ заботливымъ и великодушнымъ изъ родственниковъ. Я не знавалъ сына нѣжнѣе и почти-тельнѣе къ матери (скончавшейся только за два мѣсяца до него); но если бы кто-либо изъ самыхъ приближенныхъ друзей отважился похвалить ему такое его качество,

онъ, вѣроятно, вызвалъ бы отъ Черкасскаго какой-нибудь не совсѣмъ пріятный отвѣтъ. Въ его добрыхъ личныхъ дѣлахъ,—а ихъ было не мало,—не было вовсе той елейности, которая нерѣдко цѣнится людьми выше, чѣмъ самое добро...

„Но всѣ эти недостатки, сами по себѣ не существенные, могли подать поводъ только къ недоумѣніямъ. Гораздо серьезнѣе общія, ходячія, сложившіяся въ обществѣ обвиненія. Его постоянно клеймили и еще не перестаютъ клеймить прозваніемъ честолюбца, властолюбца, человѣка безъ убѣжденій, руководившагося лишь эгоистическимъ, личнымъ расчетомъ.

„Хотя и справедливо, что историческихъ дѣятелей, какимъ былъ князь Черкасскій, судить исторія; хотя, можетъ быть, и приличнѣе было бы, въ виду еще не опущеннаго въ могилу гроба, воздержаться теперь отъ всякой строгой оцѣнки,—однако же эти соображенія не настолько вѣски, чтобы давать безвозбранно укорениться ложнымъ навѣтамъ и оставлять въ заблужденіи современниковъ, въ чаяніи отдаленнаго суда потомковъ; тѣмъ болѣе, что смерть имѣетъ особенное свойство: разомъ подводя итогъ земному дѣланію человѣка, облегчаетъ его уразумѣніе и всему отводитъ свое мѣсто“.

Пропускаемъ біографическія черты кн. Черкасскаго, приводимыя Аксаковымъ, и перейдемъ прямо къ характеристикѣ его дѣятельности въ Болгаріи:

„Если только представить себѣ исполинскій объемъ, обстановку, всѣ трудности порученной Черкасскому задачи, такъ можно лишь дивиться, какъ сумѣлъ одолѣть ее Черкасскій и дать ей удовлетворительное рѣшеніе. Предстояло вводить гражданскій строй въ страну политически не существовавшую, которая даже не имѣла и признанныхъ географическихъ очертаній, которая была дотолѣ не болѣе, какъ этнографическимъ терминомъ; въ страну почти незнаемую, о которой ни русская наука, ни министерство иностранныхъ дѣлъ не заготовили никакихъ

точныхъ свѣдѣній; въ страну, постепенно отвоевываемую у непріятеля, такъ что нельзя было даже заложить общаго фундамента сразу и вывести зданіе хоть вчернѣ, съ тѣмъ чтобы потомъ заняться его отдѣлкою и приспособить къ жилью, а приходилось, держа общій планъ, общую систему въ умѣ, строить кусками, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ и, не имѣя цѣлью, приводить въ жизнь и въ дѣйствіе отдѣльныя второстепенныя части; наконецъ, въ страну, представлявшую менѣе удобствъ для рѣшенія подобной задачи, чѣмъ даже какая-нибудь Ферганская область. Въ послѣдней достаточно было смѣнить хана и высшихъ чиновъ и воспользоваться существующимъ гражданскимъ матеріаломъ; здѣсь же совершался цѣлый социальный переворотъ, перемѣщеніе слоевъ населенія. Весь верхній, правящій слой—турецкій—снимался или уничтожался; съ появленіемъ русскаго войска бѣжало все, отъ паши до послѣдняго каваса, рушился весь административный порядокъ: надлежало вновь созидать все, сверху до низу, спѣшно, безъ малѣйшаго промедленія.

„Прибавьте къ этому, что этотъ гражданскій строй вводился на самомъ театрѣ войны, по пятамъ воюющихъ войскъ, дѣйствующихъ естественно въ сферѣ „военнаго положенія“, которое въ то же самое время есть прямое отрицаніе гражданского! Рядомъ съ насиліемъ, хотя бы и организованнымъ, приходилось водворять организованную свободу, законность, порядокъ, и въ то же время удовлетворять военнымъ потребностямъ трехсоттысячной арміи! Идутъ полки, гонятъ турокъ, отнимаютъ городъ; вслѣдъ за ними водворяется гражданское управленіе,—и новые полки, проходя, не имѣя уже права распоряжаться по военному положенію, настойчиво предъявляютъ свои неотлагательныя нужды къ управленію, созданному лишь наканунѣ! Сколько поводовъ обвинять это управленіе въ недостаткѣ порядка и распорядительности! Прибавьте къ этому еще, что гражданскому организатору приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ хотя и родственнымъ, распо-

ложеннымъ къ намъ, но терроризованнымъ и насиліями турокъ, и нашими неудачами, населеніемъ, отъ пятисотлѣтняго рабства лишившимся всякой инициативы. Да и какое же могло быть добровольное содѣйствіе болгаръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, примѣръ, которыя не разъ переходили отъ турокъ къ русскимъ и отъ русскихъ къ туркамъ? Могли-ли болгары, особенно въ селахъ, приниматься охотно за самоуправленіе по приглашенію русскихъ властей и способствовать успѣху гражданской организаціи, имѣя предъ собою примѣръ Ени-Загры, Казанлыка, Елены? Вспомните, наконецъ, что до самаго конца войны едва-ли кому могло быть извѣстно,—вся-ли Болгарія или только небольшая часть ея будетъ освобождена, будетъ-ли она независима или полунезависима, и какую получить политическую форму.

„А между тѣмъ русское правительство не могло поступить иначе и ограничиться введеніемъ только военнаго управленія, потому что военное управленіе упраздняется съ отбытіемъ войскъ, и тогда Болгарія была бы ввергнута въ тотъ хаосъ, въ которомъ оставило ее паденіе турецкой администраціи. Эта безурядица могла бы подать Европѣ поводъ къ вмѣшательству и снова поднять вопросъ о реформахъ посредствомъ европейской комиссіи; введеніемъ же гражданской организаціи Россія заявила, что призываетъ Болгарію къ немедленному самостоятельному бытію. И князь Черкасскій, что бы ни говорили, съ замѣчательнымъ искусствомъ рѣшилъ эту, повидимому, неразрѣшимую задачу. Введенное имъ гражданское управленіе не предопредѣляетъ и не исключаетъ никакой политической формы; оно—необходимая принадлежность всякаго благоустроеннаго гражданского организма. Для самоуправления сельскаго, земскаго и городского онъ далъ широкій просторъ, воспользовавшись порядками, уже существовавшими при туркахъ, и примѣнивъ ихъ къ потребностямъ болгарской политической автономіи. Благодаря ему, Болгарія имѣетъ теперь орудія,

необходимыя для самостоятельнаго національнаго развитія и правильнаго, безпрепятственнаго отправления гражданской жизни.

„И при какихъ условіяхъ совершилъ онъ этотъ высокій подвигъ? Онъ не имѣлъ возможности свободнаго выбора подчиненныхъ. Откуда было взять людей для исполненія должностныхъ мѣстъ, когда болгары могли выставить лишь самое небольшое число образованныхъ работниковъ и почти никого способнаго къ административному дѣлу?... Одинъ, вдалекѣ отъ Россіи, безъ друзей и товарищей, среди тревогъ и лишеній походной жизни, въ суетѣ главной квартиры съ ея многочисленнымъ личнымъ составомъ, среди пререканій всегда борющихся двухъ стихій, военной и гражданской; среди интригъ и сплетенъ, неразлучныхъ съ высшими сферами власти; неся отвѣтственность и предъ арміей за слабость гражданского управленія и чуть ли не за всякаго запуганнаго болгарина, и предъ Болгаріей и общественнымъ мнѣніемъ Россіи—за каждый произволъ воинскаго начальника и за каждую излишнюю ревность гражданскихъ чиновниковъ, при удовлетвореніи военныхъ нуждъ: вотъ та обстановка, при которой ему приходилось работать, та атмосфера, которою онъ дышалъ. Въ тоже время онъ исполнялъ и другія, не менѣе тяжкія обязанности, по званію уполномоченнаго Краснаго Креста и также, конечно, былъ осыпанъ градомъ разнообразнѣйшихъ нареканій, какъ будто Красный Крестъ призванъ удовлетворять всѣмъ санитарнымъ нуждамъ арміи и выполнять собою недостаточность военно-медицинскаго управленія! Я впрочемъ не намѣренъ касаться этой стороны его дѣятельности. Позволю себѣ замѣтить только одно: едва-ли, не говорю уже о Бисмаркѣ или Питтѣ, но Пальмерстонъ или даже графъ Андраши, которому сравненіе съ Черкасскимъ, конечно, можетъ быть только лестнымъ, пригодились бы для званія уполномоченнаго Краснаго Креста при дѣйствующей арміи. Эта высокопочтенная, благая дѣятельность едва-ли требуетъ

способностей государственныхъ, во всякомъ случаѣ требуетъ способностей нѣсколько иного калибра и иной категоріи. Замѣчу также, что князь Черкасскій не щадилъ жизни при уборкѣ раненыхъ подъ Плевною и, по свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ, распоряжался дѣломъ подъ пулями съ поразительнымъ мужествомъ.

„Не подъ силу было одному человѣку нести такія задачи, такую тяготу труда, работъ и борьбы. Онъ изнемогалъ отъ истомы и раздраженія,—и раздраженіе плодило ему новыхъ враговъ... Въ то же время въ дорогомъ отечествѣ нашлись досужіе борзописцы, у которыхъ хватило духа пустить по Россіи лживые, дерзкіе пасквили, зная, что въ нашемъ обществѣ, при его дѣтской незрѣлости, всякому печатному слову еще готовы дать вѣру: зная также, что обвиняемый, по отдаленности и по своему официальному положенію, поставленъ въ невозможность опровергнуть клевету. Такія статьи, затрудняя задачи Россіи возбужденіемъ къ ней недовѣрія въ средѣ болгаръ, такъ совпадаютъ съ цѣлями Англіи и Австріи въ настоящую пору, что можно было бы признать ихъ писанными по иностранному заказу, если бы только онѣ были дѣльнѣе и умнѣе. Но увы! все это—доморощенные продукты той нашей интеллигенціи, преимущественно петербургской, которая своимъ лакействомъ предъ Европою, своимъ отчужденіемъ отъ русской народности, обрекла себя на вѣчное недомысліе, вѣчное больное, худосочное дѣтство.

„Перейдя пѣшкомъ Балканы и вступивъ вскорѣ потомъ, вмѣстѣ съ торжествующими нашими войсками, въ Адрианополь, князь Черкасскій, по его словамъ, былъ вознагражденъ этою минутою за всѣ 14 мѣсяцевъ трудовъ и скорбей. Его благоговѣнію предъ русскимъ солдатомъ не было мѣры. На него и на русскій народъ возлагалъ Черкасскій непоколебимую надежду за будущее Россіи. „Всю ее держить“, писалъ онъ изъ за Дуная, „на своихъ могучихъ плечахъ этотъ простой, этотъ сивопалый му-

жикъ!... Все одолѣеть, все вынесетъ нашъ добрый, нашъ великій страстотерпецъ—русскій солдатъ!“.

Изъ статьи кн. А. Васильчикова (въ „Новомъ Времени“):

„Князь В. Черкасскій отличался вообще тѣми качествами и пороками, которые свойственны людямъ дѣла, людямъ, призваннымъ судьбою измѣнять и исправлять закоренѣлый строй современныхъ имъ обществъ. Эти люди вообще, при прекрасныхъ, даже мягкихъ свойствахъ сердца въ домашнемъ и семейномъ быту, бываютъ обыкновенно, за весьма рѣдкими исключеніями, жестки и рѣзки въ общественныхъ и служебныхъ своихъ отношеніяхъ; они внушаютъ поэтому мало привязанности и любви, возбуждаютъ противъ себя не только прямыхъ своихъ противниковъ, но и многихъ единомышленниковъ, оскорбленныхъ ихъ упорствомъ и рѣзкостью, и вообще не пользуются популярностью между своими современниками, покуда не преодолѣли всѣ препятствія и вражды. Но для такихъ трудныхъ задачъ, какія рѣшались въ наше время въ Россіи или во времена Штейновъ въ Пруссіи, нужны въ главныхъ дѣятеляхъ, кромѣ привѣтливости, обходительности, еще и другія качества: твердыя убѣжденія, сила характера, обширныя познанія, свѣтлый умъ. Этимъ всѣмъ обладалъ Черкасскій и въ такой мѣрѣ, какая рѣдко встрѣчается въ нашихъ русскихъ благодушныхъ натурахъ. Онъ глубоко вѣрилъ въ здравый смыслъ и въ силу русскаго народа и находилъ въ немъ задатки будущаго лучшаго общественнаго строя. Онъ сознавалъ, что европейскій либерализмъ, съ своимъ сложнымъ конституціоннымъ механизмомъ, не можетъ быть пересаженъ въ Россію, какъ декоративное растеніе безъ корней, и когда довѣріе Монарха призывало его на службу, онъ трудился надъ устройствомъ народнаго, общественнаго, земельного быта, надъ основаніями, а не вѣнцомъ зданія.

„Труды подобнаго рода вообще неблагодарны; они нарушаютъ, хотя бы и временно, столько частныхъ инте-

ресовъ, требуютъ для исполненія такой непреклонности, что люди, дѣйствующіе на такомъ поприщѣ, не могутъ избѣгнуть большихъ непріятностей и столкновений. Они очень часто исчезаютъ, не довершивъ начатаго дѣла, которое временно переходитъ въ другія руки, чуждыя всякому дѣлу и противныя всякимъ начинаніямъ, какъ это было въ Пруссіи послѣ смерти Штейна; но случается также, хотя и не всегда, что сѣмена, посѣянные первыми сѣятелями, всходятъ много лѣтъ послѣ того, какъ сѣятели сошли въ могилу, и когда мы на панихидѣ Черкаскаго слышали молитву: „сотвори ему вѣчную память“, мы подумали—да, память имъ будетъ вѣчная, историческая, тѣмъ русскимъ людямъ, которые служили дѣлу освобожденія народа въ Россіи, Польшѣ и Болгаріи.

„Пройдутъ годы, умолкнутъ волненія личныхъ страстей, новыя поколѣнія не будутъ знать и именъ многихъ видныхъ людей нашего времени; а они, сотрудники освобожденія, будутъ жить въ народной памяти, какъ и то животворное дѣло, которому они положили начало“.

Отзывы болгаръ о кн. Черкасскомъ, сообщенные С. С. Бобчевымъ *) въ „Московскія Вѣдомости“, 1878 г.:

Изъ газеты „Болгаринъ“, издающейся въ Бухарестѣ: „Съ величайшимъ прискорбіемъ узнали мы печальную вѣсть о смерти князя Черкаскаго. Этотъ великій для насъ человекъ и столь способный администраторъ, имя котораго будетъ навѣки памятно въ лѣтописяхъ болгарскаго освобожденія, умеръ въ тотъ моментъ, когда всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали его назначенія постояннымъ комиссаромъ Болгаріи. Смерть похитила его именно въ такое время, когда ему нужно было жить, чтобы самому увидѣть плоды своихъ неустомимыхъ заботъ по устройству нашего отечества.“

„Вызванный первымъ извѣстіемъ о заключеніи мира

*) Въ настоящее время—предсѣдатель „Софійскаго славянскаго общества“ и редакторъ журнала „Българска Сбирка“.

восторгъ нашъ былъ вскорѣ отравленъ печальною вѣстію о смерти дорогого намъ, по своимъ несомнѣннымъ заслугамъ, организатора нашего. Отнынѣ празднованіе памятнаго для насъ дня подписанія мира, дня санкціи болгарской автономіи, будетъ тѣсно связано съ именемъ покойнаго князя“.

„Мы увѣрены, что весь болгарскій народъ раздѣляетъ общую печаль о потерѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ тружениковъ болгарскаго освобожденія, и всѣ единогласно скажутъ: вѣчная тебѣ память, незабвенный нашъ князь!“

Относительно мнѣнія болгаръ о князѣ Черкасскомъ приведу еще полученное мною отъ одного болгарскаго учителя письмо. Замѣчу, притомъ, что этотъ учитель, воспитанный въ Константинополѣ, не отличается особенною привязанностью къ русскимъ.

„Ты желаешь знать,—пишетъ онъ мнѣ,—какое мнѣніе составилось въ нашемъ обществѣ объ организаторѣ нашего родного края. Говорю безъ всякаго преувеличенія; всѣ здравомыслящіе у насъ люди вполне цѣнятъ труды князя и видятъ въ немъ способнаго и энергическаго правителя. Старики удивляются его обычаю лично все узнавать, лично изслѣдовать и распоряжаться. Ты помнишь, что этой замѣчательной чертѣ князя Черкасскаго и мы не менѣе дивились въ Букурештѣ. Привыкши къ турецкимъ порядкамъ, въ силу которыхъ всѣ распоряженія „вали“ дѣлались черезъ вторыя, третьи руки, болгары смотрятъ на князя, какъ на неутомимаго дѣятеля и между собою дали ему прозваніе „чиличанъ-човѣкъ“ (т. е. стальной человѣкъ).

„Князь Черкасскій предоставилъ населенію самое широкое самоуправленіе. Административные и городскіе совѣты мы выбирали безъ малѣйшаго чьего-либо вмѣшательства. Мало того: князь предоставлялъ намъ инициативу нѣкоторыхъ мѣръ, необходимыхъ для проявленія нашихъ народныхъ силъ“.

„Однако нельзя опровергать и того факта, что есть *недовольные*. На всѣхъ не угодишь. Эти недовольные дѣлятся на два разряда. Первый состоитъ изъ тѣхъ „чорбаджій“, которые не нашли въ князѣ той доступности, которую они привыкли встрѣчать у турецкихъ пашей, готовыхъ по обыкновенію на всякія корыстныя сдѣлки. Второй разрядъ это нѣкоторые изъ *молодежи*, домогавшіеся высокихъ должностей и не получившіе ихъ. Они обвиняютъ князя въ томъ, что онъ не закрылъ совершенно доступа къ городскимъ и административнымъ совѣтамъ чорбаджіямъ, которые прежде были будто бы настоящими турками. Я не спору о томъ, что между нашими чорбаджіями есть порядочное число такъ-называемыхъ кулаковъ, эксплуататоровъ бѣдныхъ болгаръ; но, ради Бога, кто лучше чорбаджій знаетъ отношенія народа къ турецкимъ властямъ, кто былъ бы въ состояніи немедленно принять участіе въ административныхъ и городскихъ дѣлахъ, какъ не тѣ, которые еще наканунѣ принимали постоянное участіе въ управленіи? Чорбаджіи были даже необходимы на первое время; и если между ними и попадались негодные, это вовсе не вина организатора Болгаріи, а виноваты въ томъ мы, которые выбирали этихъ же чорбаджій безъ разбора. И развѣ между нашею молодежью нѣтъ такихъ, которымъ еще меньше можно довѣрить, чѣмъ самому негодному чарбаджію?“

„Князя еще обвиняютъ въ томъ, что онъ не обращалъ будто бы надлежащаго вниманія на представленія тѣхъ болгаръ, которые не были ему рекомендованы, что невольно раздражало многихъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ такъ-называемой *интеллигенціи*. Я же въ заключеніе сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе: если бы не была Плевненская неудача и война не продлилась бы такъ долго, то князь Черкасскій успѣлъ бы сдѣлаться любимцемъ всей Болгаріи безъ исключенія“.

Почти также выражается о князѣ Черкасскомъ одинъ

изъ вѣнскихъ болгаръ, посѣтившій недавно свой родной городъ. Свое письмо онъ заключаетъ слѣдующими словами: „Что бы ни говорили о дѣятельности князя Черкасскаго, я знаю одно: князь былъ всею душою преданъ своему дѣлу, неустанно трудился, чтобы дать по возможности болѣе прочныя основанія освобождаемой Болгаріи, и искалъ, такъ сказать, со свѣчкою въ рукѣ способныхъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ, къ несчастію, не всегда могъ найти“.

Изъ Филиппополя сообщаютъ: „По инициативѣ здѣшняго Болгарскаго Женскаго Дружства, въ присутствіи представителей здѣшнихъ властей, военныхъ и гражданскихъ, и при стеченіи всего болгарскаго населенія города Филиппополя, отслужена была соборнѣ викаріемъ Филиппопольскаго болгарскаго митрополита божественная литургія и панихида по покойномъ князѣ В. А. Черкаскомъ. По окончаніи панихиды извѣстный здѣшній проповѣдникъ архимандритъ Меводій Кусевичъ произнесъ весьма трогательное по этому случаю слово. Перечисливъ всѣ лишенія, которымъ подвергались въ продолженіе войны русскія войска и самъ Государь Императоръ, живя въ бѣдной болгарской хижинѣ, упомянувъ о великихъ, ни съ чѣмъ несравнимыхъ услугахъ, оказанныхъ Россіей бѣдной, истомленной вѣковыми насиліями тирановъ и призванной отнынѣ къ новой политической жизни Болгаріи, которая останется вѣчно признательною своимъ братьямъ-освободителямъ, проповѣдникъ указалъ и на великую потерю, понесенную Болгаріей въ лицѣ покойнаго князя Черкасскаго. „Скорѣе неусыпные труды по устройству Болгаріи (которыхъ я часто былъ очевидцемъ), чѣмъ что-либо другое“, сказалъ проповѣдникъ, „унесли преждевременно въ могилу этого перваго гражданскаго управителя освобожденной Болгаріи; не забыть ей никогда трудовъ, положенныхъ въ основаніе ея будущаго устройства“!

Послѣ смерти кн. Черкасскаго появилось немало на-

реканий на него въ печати, исходящихъ или отъ лицъ, пѣвшихъ съ чужого голоса или обиженныхъ чѣмъ-либо княземъ. Таковы: князь В. Д. Дабижа *), В. И. Немировичъ-Данченко **) и И. С. Ивановъ ***). Два первые изъ названныхъ писателей упрекаютъ кн. Черкаскаго на основаніи слышанныхъ ими мнѣній, въ томъ, что у него не было никакого плана при устройствѣ Болгаріи, что все дѣлалось безъ всякой обдуманности, по вдохновенію, что онъ не принималъ никакихъ мѣръ для искорененія злоупотребленій и что выдвигалъ болгаръ - чорбаджій, бывшихъ турецкихъ пособниковъ въ управленіи Болгарскимъ краемъ. Первый и послѣдній изъ названныхъ писателей жалуются еще на рѣзкость обращенія князя съ болгарами.

Изъ предшествующаго описанія читатели видѣли, насколько обдуманны, систематичны и основательны были мѣры, принимаемыя кн. Черкасскимъ для устройства Болгарскаго края,—его преемнику оставалось только продолжать начатое имъ дѣло. Что касается злоупотребленій въ администраціи, то таковыхъ при кн. Черкасскомъ было обнаружено очень мало и нельзя сказать, чтобы они оставались безнаказанными (напр. систовскій губернаторъ Геровъ былъ смѣщенъ съ должности за незаконныя дѣйствія). Если же и были „капитаны съ нагайками“, которые, по словамъ г. Немировича-Данченко, охотно прибѣгали къ этому средству воздѣйствія, то вѣдь это же не было заурыднымъ явленіемъ въ болгарской администраціи. Притомъ не нужно забывать и того, что устройство завоеваннаго нами края происходило въ военное время, когда необходима была быстрота и точность въ исполненіи приказаній начальствующихъ лицъ,—вотъ это и вызывало иногда саморучную расправу.

*) См. его „Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г.“ (Русская Старина 1888 г., т. LVIII, стр. 483—87).

**) См. его „Послѣ войны“, Спб., 1880 г.

***) См. его „Сборникъ статей“, Кшиневъ, 1896 г.

Совершенно несправедливо обвиненіе кн. Черкаскаго въ томъ, что онъ покровительствовалъ болгарскимъ чорбаджіямъ и выдвигалъ ихъ. Болгары, при помощи которыхъ турки управляли Болгарскимъ краемъ, назывались вообще *чорбаджіями*, но нельзя сказать, чтобы всѣ они были злѣйшими врагами своего народа и пьявками, пившими его кровь. Многіе изъ нихъ были опытны въ дѣлахъ управленія,—естественно, что кн. Черкасскій не могъ пренебрегать ими при организаціи управленія изъ мѣстныхъ элементовъ; но это во всякомъ случаѣ не даетъ права сказать, что онъ покровительствовалъ чорбаджіямъ. Если переберемъ списокъ лицъ, привлеченныхъ имъ къ управленію въ качествѣ вице-губернаторовъ или причисленныхъ къ его канцеляріи, то увидимъ, что среди нихъ вовсе не было лицъ, которыхъ можно-бы было назвать чорбаджіями въ смыслѣ поборниковъ турецкаго режима *). Выборы же въ управительные и судебные совѣты производились населеніемъ совершенно свободно, безъ всякаго воздѣйствія со стороны администраціи.

Остается рѣзкость князя Черкаскаго въ обращеніи съ болгарами, на которую особенно упираетъ г. Ивановъ, самъ болгаринъ по происхожденію. Упрекъ этотъ справедливъ. Но, какъ мы видѣли выше, князь Черкасскій былъ рѣзокъ не съ одними болгарами. Относительно же болгаръ онъ слѣдовалъ тому взгляду, что ихъ нужно держать построже, такъ какъ видѣлъ среди тогдашней болгарской интеллигенціи стремленіе политиканствовать въ свою пользу, прикрываясь русскими штыками. Нами уже была приведена выше прокламація къ болгарскому народу, изданная самозваннымъ „временнымъ правительствомъ“ изъ болгарской омладины, приглашавшая болгаръ слушаться велѣній этого комитета... Самъ г. Ива-

*) Вотъ ихъ имена: Маркъ Балабановъ, Драганъ Цанковъ, Найдень Геровъ, Николай Даскаловъ, Константинъ Станишевъ, Маринъ Дриновъ, И. Ивановъ, Петко Славейковъ, свящ. Тылевъ, Теохаровъ, Кашельскій, Чалыка, Минковъ, Бурмовъ, Каравеловъ, Стояновъ.

новъ *) протезировалъ претенденту на болгарскій престолъ—румыну болгарскаго происхожденія князю Богориди. Въ Плоэштахъ г. Ивановъ явился съ Богориди въ лагерь болгарскихъ ополченцевъ, и на нужды послѣднихъ князь Богориди пожертвовалъ 49 полуимперіаловъ, о чемъ тотчасъ было оповѣщено въ мѣстной болгарской газеткѣ. Князь Черкасскій, принявъ Богориди, замѣтилъ, что ему для сношеній съ болгарами прежде всего нужно выучиться по-болгарски, а г. Иванову сдѣлалъ строгій выговоръ.

Нѣкоторые писатели (напр. князь Дабижа) утверждали даже, что князь Черкасскій во время нахождения при дѣйствующей арміи уже не обладалъ той умственной силой и тѣми организаторскими способностями, которыя онъ проявилъ, напр., въ Царствѣ Польскомъ. На это ближайшій его помощникъ въ Болгаріи и сотрудникъ по службѣ въ Польшѣ, генералъ Анучинъ возражаетъ, что во время войны такого умаленія способностей въ князѣ Черкасскомъ онъ, по совѣсти говоря, не замѣтилъ, хотя нашелъ въ немъ много перемѣнъ. Измѣнился князь Владиміръ Александровичъ и по наружности. „Физическая сила и крѣпость не бросались уже въ глаза, какъ прежде; онъ видимо опустился, и здоровье его казалось пошатнувшимся. Волосы на головѣ и усахъ были съ большою сѣдиной, носъ и подбородокъ заострились и выказывали сильное стремленіе соединиться другъ съ другомъ; многихъ зубовъ не было, отчего ротъ впалъ, и произношеніе сдѣлалось пришептывающимъ. Одни глаза были по-прежнему быстры и ясны; смѣло и какъ-то саркастически смотрѣли они черезъ очки, которыхъ онъ никогда не снималъ. Лицо его, особенно въ профиль, весьма напоминало остроумную фізіономію Тьера съ примѣсью, однако,

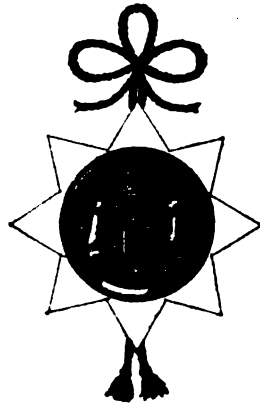
*) И. С. Ивановъ, болгаринъ по происхожденію, былъ до войны исправникомъ въ Кишиневѣ. Затѣмъ онъ былъ прикомандированъ къ генералу Столѣтову для содѣйствія по сформированію ополченія, а впоследствии былъ сливенскимъ губернаторомъ.

чего-то жесткаго и холодно-надменнаго“. „Умъ его, по-прежнему блестящій, сдѣлался, подѣ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ, болѣе скептическимъ, не потерявъ, однако, ни малѣйшей прежней способности къ самой тонкой наблюдательности, безпощадному анализу и неистощимому юмору, который онъ не всегда удерживалъ въ должныхъ границахъ. По-прежнему же, обсуждая какое-нибудь дѣло, онъ весь отдавался занимавшему его предмету, не стараясь сглаживать своихъ мнѣній мягкими, круглыми фразами и, какъ встарь, безъ всякаго, однако, намѣренія съ своей стороны, подавлялъ собесѣдниковъ сознаніемъ своего превосходства надъ ними, что и сквозило, такъ сказать, во всѣхъ фибрахъ его лица“. „Перерывъ въ административныхъ занятіяхъ отразился на князѣ Черкасскомъ весьма замѣтно. Онъ сталъ работать тяжелѣе и особенно тяготился малымъ своимъ знакомствомъ съ подробностями казначейскаго и контрольнаго дѣла. Ко всякаго рода счетамъ, выдачамъ и распоряженіямъ, ведущимъ къ расходованію суммъ, онъ относился осторожно, недоувѣрчиво и подозрительно: вдавался въ мелочи, требовалъ передокладовъ и различныхъ, часто ненужныхъ справокъ, что очень тяготило чиновниковъ и отнимало у нихъ много времени“.

Кромѣ физической, генералъ Анучинъ замѣтилъ также значительную перемѣну и въ нравственномъ обликѣ князя Черкасскаго: „во время послѣдней войны въ немъ какъ-бы совершенно исчезъ проявлявшійся въ Варшавѣ демократизмъ и замѣнился сословною нетерпимостью и убѣжденіями наиболѣе узкосмотрящаго аристократизма. Долгая и праздная жизнь въ Москвѣ наложила на него свой отпечатокъ, и онъ иногда поражалъ своими взглядами, въполнѣ, впрочемъ, отражавшими московскіе нравы *)“.

*) „Русская Старина“ 1895 г., № 4, стр. 30—33.—О прежнихъ взглядахъ князя Черкасскаго см. „Матеріалы“ для его біографіи, изданные кн. О. Трубецкой, двѣ части.

Нельзя не признать въ заключеніе, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ князь В. А. Черкасскій вполне успѣшно выполнилъ возложенное на него Высочайшею волею порученіе высокой важности, и въ этомъ была его несомнѣнная заслуга предъ отечествомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

**Докладная записка князя В. А. Черкасского
военному министру ген.-ад. Милютину, отъ
1 ноября 1876 г.**

Въ скоромъ времени ожидается открытіе на Балканскомъ полуостровѣ военныхъ дѣйствій.

Война эта, чуждая завоевательныхъ стремленій, имѣетъ, главнымъ образомъ, цѣлью, съ одной стороны, утверждение и расширение политической автономіи нѣкоторыхъ изъ вассальныхъ земель Турціи, уже въ той или другой мѣрѣ пользующихся такою автономіею; съ другой—дѣйствительное улучшение нравственного и матеріальнаго быта всѣхъ угнетенныхъ нынѣ христіанскихъ населеній Турціи и въ особенности племенъ славянскихъ, бывшихъ доннынѣ жертвою полнѣйшаго произвола турецкой администраціи. Этотъ особенный, необычный характеръ настоящей войны осложняетъ въ значительной степени и ту самую задачу, разрѣшеніе которой предлежитъ русскому войску. Не довольствуясь побѣдою и покореніемъ врага, русская армія должна оставить въ краѣ прочный слѣдъ своей побѣды. Россія принимаетъ на себя обязательство устроить, организовать край и покинуть его лишь тогда, когда въ немъ будетъ водворенъ достаточный *гражданскій* порядокъ. Съ другой стороны, очевидно, что пребываніе русской арміи въ краѣ, послѣ побѣды надъ врагами, не можетъ быть, по множеству причинъ, продолжено на неопредѣленное время. Пользы Россіи требуютъ, чтобы край былъ организованъ возможно скорѣе и возможно скорѣе представилъ бы задатки самобытной мѣстной администраціи.

Но эта важная цѣль можетъ быть достигнута лишь

въ томъ случаѣ, если будетъ теперь же, немедленно, приступлено къ серьезному на мѣстѣ изученію дѣйствительныхъ условій существованія края, и если организаціонныя работы, необходимыя для его прочнаго *гражданскаго* устройства, будутъ ведены одновременно и, такъ сказать, параллельно съ военными дѣйствіями.

Самое положеніе войска и войсковаго начальства будетъ до нѣкоторой степени облегчено, если по мѣрѣ занятія арміею Задунайскихъ областей Турціи будутъ для этихъ областей, въ возможно скоромъ времени, постепенно организованы и вводимы въ дѣйствіе возможно правильная мѣстная администрація и устройство, взамѣнъ прежняго Турецкаго управленія, упраздняемаго и сметаемаго успѣхами нашего оружія.

Наконецъ этого требуетъ честь Россіи и польза самаго края, принимаемаго Русскимъ Правительствомъ подъ свое высокое покровительство. Жители его будутъ, конечно, ожидать и надѣяться, что, вслѣдъ за изгнаніемъ турокъ и движеніемъ русскихъ войскъ впередъ, въ тылу нашей арміи водворится порядокъ лучше прежнихъ турецкихъ порядковъ, способный вознаградить ихъ за неизбѣжныя тягости, сопряженныя съ войною, и будутъ приняты дѣйствительныя организическія мѣры для общаго имъ матеріальнаго и нравственнаго улучшенія ихъ быта.

Военное начальство, погруженное въ ежеминутныя и неотложныя военныя заботы, не имѣетъ досуга ни зорко наблюдать за ходомъ мѣстнаго управленія въ тылу войскъ, ни тѣмъ менѣе собирать необходимыя матеріалы, а также изучать и подробно соображать всѣ историческія и статистическія условія края и заблаговременно изготовлять проектъ окончательнаго гражданскаго его устройства, тщательно соображеннаго съ этими условіями. Всѣ эти соображенія приводятъ къ мысли о необходимости учрежденія, съ самаго начала, при особѣ Главнокомандующаго арміею отдѣльной канцеляріи, на которую были бы возложены вышеуказанныя задачи, и при томъ въ вѣдѣніи

высшаго гражданскаго чиновника, непосредственно подчиненнаго Главнокомандующему.

Въ видахъ возможнаго регулированія дѣйствій, существующихъ въ разныхъ мѣстахъ славянскихъ, разнаго наименованія комитетовъ, слѣдовало бы также возложить исключительно на это лицо и завѣдываемую имъ канцелярію посредничество между этими комитетами и всякаго рода частною русскою благотворительностію и тѣми мѣстными на Балканскомъ полуостровѣ безчисленными нуждами и потребностями, на удовлетвореніе коихъ нынѣ разрозненно направляются дѣйствія вышесказанныхъ комитетовъ.

Наконецъ, какъ въ тотъ первоначальный періодъ военныхъ дѣйствій, который будетъ предшествовать очищенію отъ турецкаго владычества сколько-нибудь значительной территоріи, гдѣ могло бы быть постепенно водворяемо новое мѣстное гражданское управленіе, такъ и впослѣдствіи,—то же самое лицо могло бы принять на себя, совмѣстно съ назначеннымъ на сей предметъ спеціальнымъ военнымъ начальствомъ, заботы о вербовкѣ и снаряженіи добровольцевъ въ предположенныя болгарскія дружины и объ образованіи мѣстной болгарской военной силы.

Такимъ образомъ лицо, состоящее при Главнокомандующемъ для завѣдыванія гражданскою частью, по непосредственнымъ указаніямъ Главнокомандующаго и съ помощію особой канцеляріи по дѣламъ гражданскимъ, должно завѣдывать какъ всею организаціею мѣстнаго гражданскаго устройства и управленія въ краѣ, по мѣрѣ очищенія его отъ турокъ, и всѣми текущими дѣлами сего управленія, такъ и всѣми подготовительными работами для составленія проектовъ положенія объ окончательномъ устройствѣ края; словомъ, всею внутреннею гражданскою частію: текущею и политическою.

Но для того, чтобы дѣло правильнаго, постепеннаго устройства мѣстнаго гражданскаго управленія и мѣстной организаціи могло, дѣйствительно, съ успѣхомъ осуще-

ствиться, совершенно необходимо вновь проектируемому въ вѣдомствѣ Главнокомандующаго управленію придать это существенное условіе *единства дѣйствій*, безъ котораго немислимо никакое серіозное дѣло и, при отсутствіи коего, лучше было бы вовсе не предпринимать его. Поэтому, если признается дѣйствительно неизбѣжнымъ имѣть при лицѣ Главнокомандующаго отдѣльную отъ прочихъ гражданскихъ дѣлъ дипломатическую канцелярію, не входящую въ составъ общей гражданской канцеляріи, то, по крайней мѣрѣ, совершенно необходимо строго и безусловно ограничить ея дѣятельность исключительно лишь одними чисто дипломатическими сношеніями съ признанными Россією правительствами и ихъ дипломатическими агентами. Всѣ безъ изыятія другого рода гражданскія и политическія дѣла, не входящія въ этотъ разрядъ сношеній, должны быть сполна и безусловно переданы въ канцелярію по дѣламъ гражданскимъ, которая въ нужныхъ случаяхъ входитъ по нимъ въ переписку и соглашеніе со штабомъ, принимая повелѣнія непосредственно отъ лица самаго Главнокомандующаго. Иначе въ сношеніяхъ съ мѣстными жителями и мѣстными гражданскими властями можетъ легко водвориться самое вредное двоевластіе. Къ тому же можетъ часто встрѣчаться затрудненіе и для самаго штаба и военнаго управленія: къ кому обращаться за содѣйствіемъ по разнаго рода дѣламъ и вопросамъ—къ дипломатической ли канцеляріи, или къ лицу, состоящему при особѣ Главнокомандующаго по дѣламъ гражданскимъ; а всякое подобное затрудненіе породитъ лишь безпорядокъ или медленность въ исполненіи законныхъ и неотложныхъ требованій.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и притомъ въ томъ предположеніи, что быть можетъ существованіе отдѣльной дипломатической канцеляріи признается совершенно неизбѣжнымъ, проектируемое учрежденіе при Главнокомандующемъ арміею могло бы быть устроено на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. При особѣ Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею состоитъ лицо, завѣдующее гражданскими дѣлами. Завѣдывающій гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ арміею считается, по занимаемому имъ мѣсту, старшимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, состоящихъ при арміи.

2. Завѣдывающій гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ арміею управляетъ канцеляріею по дѣламъ гражданскимъ. При немъ полагается помощникъ и нѣсколько лицъ для особыхъ порученій. Канцелярія по гражданскимъ дѣламъ состоитъ изъ нѣсколькихъ дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ.

Число лицъ для особыхъ порученій при Завѣдующемъ гражданскими дѣлами, а равно число необходимыхъ въ канцеляріи дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ, опредѣляется съ утвержденія Главнокомандующаго арміею, по ближайшему указанію опыта; оно наполняется постепенно по мѣрѣ дѣйствительной въ чиновникахъ потребности.

3. Завѣдывающій гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ арміею назначается особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Помощникъ его назначается съ утвержденія Главнокомандующаго, по представленію Завѣдывающаго гражданскими дѣлами. Чиновники для особыхъ порученій и чиновники, входящіе въ составъ канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ, опредѣляются, увольняются и перемѣщаются съ мѣста на мѣсто по распоряженію Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ.

4. Завѣдывающій гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ арміею принимаетъ повелѣнія по ввѣренной ему части исключительно и непосредственно лишь отъ Главнокомандующаго арміею. О важнѣйшихъ подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлахъ Завѣдывающій гражданскими дѣлами докладываетъ Главнокомандующему арміею на основаніи особой инструкции. Равнымъ образомъ на утвер-

ждение Главнокомандующаго арміею представляются имъ проекты мѣстнаго устройства и необходимыхъ преобразованій въ краѣ.

5. Въ канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ сосредоточиваются всѣ безъ изъятія гражданскія и политическія дѣла по устройству и управленію Задунайскаго края по мѣрѣ очищенія его отъ турокъ. Поэтому дипломатическая канцелярія ограничивается исключительно лишь сношеніями съ подлежащими правительствами и ихъ дипломатическими агентами. Впрочемъ отъ Главнокомандующаго арміею зависитъ, буде встрѣтится въ томъ надобность, изъять изъ вѣдомства дипломатической канцеляріи нѣкоторыя дѣла и сношенія и передать ихъ въ канцелярію гражданскихъ дѣлъ.

6. На Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ арміею, подъ верховнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, возлагается въ особенности: а) Собраніе необходимыхъ статистическихъ и историческихъ матеріаловъ, долженствующихъ служить руководствомъ для составленія предположеній о необходимыхъ въ краѣ преобразованіяхъ для нравственнаго и матеріальнаго улучшенія быта населеній Задунайскаго края. б) Составленіе самыхъ проектовъ положеній по сему предмету. в) Постепенное введеніе въ дѣйствіе новаго мѣстнаго гражданскаго управленія и утвержденныхъ Главнокомандующимъ проектовъ преобразованій края въ разныхъ частяхъ Задунайскаго края, по мѣрѣ очищенія ихъ войсками отъ турецкаго владычества. г) Наблюденіе за возможно правильнымъ теченіемъ гражданской мѣстной администраціи въ тылу арміи и дѣятельное содѣйствіе военному начальству къ охраненію мѣстнаго населенія отъ всякаго рода притѣсненій. д) Пріисканіе изъ числа мѣстныхъ жителей, при помощи свѣдѣній, доставляемыхъ и отъ разныхъ военныхъ начальниковъ, лицъ вполнѣ благонадежныхъ, которые, по своему вліянію, опытности въ условіяхъ мѣстной жизни и преданности Русскому

Правительству, могли бы съ пользою быть употребляемы въ дѣлѣ устройства мѣстнаго управленія. е) Наблюденіе за пользами Православной Церкви и за охраненіемъ народныхъ училищъ и принятіе необходимыхъ мѣръ къ матеріальному обезпеченію Церкви и училищъ и къ дѣятельному содѣйствованію ихъ преуспѣяній. ж) Огражденіе свободы вѣры иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и мусульманъ, отъ проявленій мѣстнаго фанатизма. з) Постепенное, по мѣрѣ возможности, введеніе улучшеннаго порядка распредѣленія и взиманія податей и налоговъ. и) Дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую по выходѣ русскихъ войскъ могло бы быть возложено охраненіе края. і) Посредничество между славянскими разнаго наименованія комитетами, какъ въ Россіи, такъ и внѣ оной, и мѣстными нуждами и потребностями жителей Задунайскаго края.

7. Русскіе консулы и консульскіе агенты въ тѣхъ частяхъ Задунайскаго края, которыя будутъ заняты русскимъ оружіемъ, поступаютъ въ полное вѣдѣніе канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ и могутъ, съ разрѣшенія Главнокомандующаго арміею, съ присвоеніемъ имъ, буде нужно другаго названія, быть обращаемы на веденіе необходимыхъ дѣлъ по мѣстному гражданскому управленію.

8. По вѣдомству канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ назначается, буде нужно, при Сербскомъ Правительствѣ, съ утвержденія Главнокомандующаго арміею, особый комиссаръ независимо отъ бѣлградскаго Генеральнаго Консула, съ цѣлью облегченія и регулированія сношеній съ Сербскимъ Княжествомъ славянскихъ разнаго наименованія комитетовъ и для другихъ, могущихъ встрѣтиться всякаго рода порученій. Впрочемъ, съ утвержденія Главнокомандующаго арміею, сношенія по всѣмъ симъ предметамъ съ канцеляріею по гражданскимъ дѣламъ и исполненіе ея требованій могутъ быть временно возлагаемы и на Генеральнаго Консула Россіи въ Бѣлградѣ.

9. По распоряженію Главнокомандующаго арміею, къ канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ, для особыхъ порученій при Завѣдывающемъ ею и для мѣстнаго гражданского управленія, могутъ быть прикомандировываемы военные чины отъ всѣхъ частей войскъ, а равнымъ образомъ, по сношеніи съ прочими гражданскими вѣдомствами Имперіи, также и чиновники изъ оныхъ.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ

комитетъ для подготовки дан-
ныхъ къ мобилизаціи войскъ.

Секретно.

18 Ноября 1876 годъ
№ 226.

**Его Императорскому Высочеству Главно-
командующему Дѣйствующею арміею.**

РАПОРТЪ.

Государь Императоръ, въ 16 день сего ноября, Высочайше повелѣтъ соизволилъ учредить при Главнокомандующемъ арміею должность Завѣдующаго гражданскими дѣлами съ состоящими при немъ чинами и особою канцеляріею.

Препровождая при семъ къ Вашему Императорскому Высочеству приказъ по Военному Вѣдомству, отъ 16 ноября за № 352, въ коемъ указаны основанія для дѣйствій означенной канцеляріи и штатъ ея, имѣю честь увѣдомить, что Государю Императору благоугодно было, въ развитіе этихъ общихъ основаній, опредѣлить въ прилагаемой при семъ копіи Высочайше утвержденной въ тотъ же день секретной инструкціи особенныя обязанности, возлагаемыя на Завѣдывающаго гражданскими дѣлами, состоящаго при Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ по званію Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ:

1) Завѣдующему гражданскими дѣлами при Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ назначить содержаніе *по шести тысячъ* руб. въ годъ съ присоединеніемъ къ нимъ негласныхъ добавочныхъ денегъ изъ суммы, которая, на основаніи 7-го пункта вышеупомянутаго приказа, будетъ ассигнована въ непосредственное распоряженіе Вашего Высочества собственно на экстраординарные расходы по

гражданскимъ дѣламъ,—*по двѣ тысячи* рублей въ годъ. Взамѣнъ же всѣхъ единовременныхъ пособій, Высочайше утвержденнымъ 11 ноября сего года положеніемъ о пособіяхъ и добавочныхъ окладахъ опредѣленныхъ—выдать тому же Завѣдующему гражданскими дѣлами на подъемъ единовременно восемь тысячъ (8000) рублей.

2) Чинамъ, состоящимъ при означенномъ Завѣдывающемъ гражданскими дѣлами и въ канцеляріи его, назначить изъ той же экстра-ординарной суммы годовыя негласныя добавочныя деньги къ штатному содержанію, съ выдачею сихъ денегъ на руки безъ всякихъ вычетовъ, а именно:

Помощнику Завѣдывающаго гражданскими дѣлами	2.000 руб.
Чиновникамъ для особыхъ порученій при Завѣдующемъ гражданск. дѣлами по	1.200 „
Правителю канцеляріи	1.500 „
Начальникамъ отдѣленій по	750 „
Помощникамъ ихъ по	700 „
Бухгалтеру	1.200 „

и 3) На первоначальное обзаведеніе и устройство упомянутой выше канцеляріи отпустить единовременно 3.000 руб.

О вышеизложенныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ доводя до свѣдѣнія Вашего Высочества для зависящихъ распоряженій, считаю долгомъ присовокупить, что о назначеніи въ непосредственное распоряженіе Вашего Высочества особой суммы на экстраординарные расходы *собственно по гражданскимъ дѣламъ* вслѣдъ за этимъ будетъ испрошено Высочайшее Государя Императора повелѣніе и что мною вмѣстѣ съ симъ сообщены для зависящихъ распоряженій: Государственному Канцлеру—копія съ прилагаемой при семъ Высочайшее утвержденной секретной инструкціи Завѣдывающему гражданскими дѣлами при Вашемъ Высочествѣ, и Министру Внутреннихъ Дѣлъ—

выписка изъ тѣхъ мѣстъ той же инструкціи, въ которыхъ опредѣляются обязанности гражданской канцеляріи въ отношеніи разнаго наименованія славянскихъ комитетовъ.

Подписалъ: Военный Министръ,
Генералъ-адъютантъ *Милютинъ*.

Скрѣпилъ: Начальникъ Главнаго Штаба,
Генералъ-адъютантъ: *Графъ Гейденъ*.

Секретно.

На подлинной надписано:
„Высочайше утверждено“

Военный Министръ,
Генералъ-адъютантъ *Милютинъ*.

16 ноября 1876 года.

**Копія съ Высочайше утвержденной 16-го ноября 1876 года
Инструкціи Завѣдывающему гражданскими дѣлами при Главно-
командующемъ Дѣйствующею арміею.**

I.

На Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ арміею, предназначенною для дѣйствій въ Турціи, и подъ высшимъ руководствомъ Главнокомандующаго возлагается:

1) Собраніе необходимыхъ статистическихъ и историческихъ матеріаловъ, долженствующихъ служить руководствомъ для составленія предположеній о необходимыхъ въ краѣ преобразованіяхъ для нравственнаго и матеріальнаго улучшенія быта населеній Задунайскаго края.

2) Постепенное введеніе въ дѣйствіе новаго гражданского мѣстнаго управленія на утвержденныхъ Главнокомандующимъ основаніяхъ, въ частяхъ Задунайскаго края, по мѣрѣ очищенія ихъ войсками отъ турецкаго владычества.

3) Наблюденіе за возможно правильнымъ теченіемъ гражданской мѣстной администраціи въ тылу арміи и дѣятельное содѣйствіе военному начальству къ охраненію мѣстнаго населенія отъ всякаго рода притѣсненій.

4) Пріисканіе изъ числа мѣстныхъ жителей, при помощи свѣдѣній, доставляемыхъ и отъ разныхъ военныхъ начальниковъ,—лицъ, вполнѣ благонадежныхъ, которыя, по своему вліянію, опытности въ условіяхъ мѣстной жизни и преданности Русскому Правительству, могли бы съ пользою быть употребляемы въ дѣлѣ устройства мѣстнаго управленія.

5) Наблюденіе за пользами православной церкви и за охраненіемъ народныхъ училищъ.

6) Огражденіе свободы вѣры иностранцевъ, и въ томъ числѣ и мусульманъ, отъ проявленій мѣстнаго фанатизма.

7) Постепенное, по мѣрѣ возможности, введеніе улучшеннаго порядка распредѣленія и взиманія податей и налоговъ, а равно наблюденіе за возможно успѣшнымъ поступленіемъ оныхъ.

8) Дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края.

9) Посредничество между славянскими разнаго наименованія комитетами, какъ въ Россіи, такъ и внѣ оной, и мѣстными нуждами и потребностями жителей Задунайскаго края.

10) Подготовленіе проектовъ необходимыхъ преобразованій въ краѣ, на случай могущей открыться въ нихъ потребности.

II.

Въ тѣхъ частяхъ Задунайскаго края, которыя будутъ заняты русскими войсками, бывшіе россійскіе въ нихъ консулы и консульскіе агенты, какъ лица, ознакомившіяся

съ мѣстными условіями края, по распоряженію Главноуправляющаго Дѣйствующею арміею, могутъ быть обра- щаемы на веденіе дѣлъ по мѣстному гражданскому управ- ленію. Главнокомандующій означенною арміею, въ слу- чаѣ надобности, можетъ назначить по вѣдомству канце- ляріи по гражданскимъ дѣламъ особаго комиссара при Сербскомъ Правительствѣ съ тою цѣлію, чтобы обезпе- чить сношенія съ Сербскимъ Правительствомъ славян- скихъ комитетовъ разнаго наименованія, и возлагать на упомянутаго комиссара всякаго рода другія порученія. Усмотрѣнію его предоставляется также временно возла- гать сношенія по всѣмъ симъ предметамъ съ канцеля- ріею по гражданскимъ дѣламъ и исполненіе ея требова- ній на генеральнаго консула Россіи въ Бѣлградѣ.

Вѣрно; подписалъ:

Генераль-майоръ Величко.

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.

Канцелярія Министерства.

22 ноября 1876 г.

№ 294.

С.-Петербургъ.

Его Императорскому Высочеству
Главномандующему Дѣйствующею
арміею.

РАПОРТЪ.

Объ экстраординарной суммѣ на расходы по гражданской части.

Государь Императоръ, признавъ необходимымъ, въ дополненіе къ положенію и штату полевого управленія войскъ въ военное время, учредить при Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ по званію Главномандующаго Дѣйствующею арміею особую должность Завѣдывающаго гражданскими дѣлами съ особою при немъ канцеляріею и чинами для порученій,—по всеподданнѣйшему докладу моему, Высочайше повелѣтъ соизволилъ ассигновать въ распоряженіе Вашего Высочества изъ государственнаго казначейства 50 т. руб. на экстраординарные расходы по гражданской части, но съ тѣмъ, чтобы сумма эта была отпущена только тогда, когда откроется дѣйствительная въ ней надобность, и по отпускѣ причислялась особою статьею къ § 7 смѣты Главнаго Интендантскаго Управленія.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи долгомъ считая довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, имѣю честь присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ мною сообщено Министру Финансовъ объ ассигнованіи означенной суммы чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ по Главному Полевому Казначейству, съ отпускомъ оной, согласно вышеизложенному, по требованію Вашего Высочества.

Подписалъ: Военный Министръ,

Генералъ-адъютантъ Милютинъ.

Скрѣпилъ: Начальникъ канцеляріи,

Генералъ-адъютантъ Мордвиновъ.

Докладная записка кн. В. А. Черкасского, представленная Военному Министру въ г. Плоэшти.

Европа не понимаетъ и никогда не пойметъ нашей умѣренности и нашего безкорыстія. Умѣренность она объясняетъ въ смыслѣ нашей слабости или неспособности; а безкорыстіе—въ смыслѣ какихъ-то затаенныхъ нами дальнихъ цѣлей. Отсюда неудача нашихъ переговоровъ въ прошедшемъ, и возможность подобной же неудачи въ будущемъ.

Когда мы не хотѣли начинать войну, Европа тотчасъ подумала, что мы вовсе къ ней неспособны и англо-турецкіе политики стали съ такою дерзостью устраивать le pont d'or Россіи, что мы волей-неволей вынуждены были взяться за оружіе.

Теперь война началась. И если противникамъ опять будетъ данъ хотя малѣйшій поводъ думать, что мы только о томъ и мечтаемъ, какъ бы скорѣе отъ нея отдѣлаться,—наши истинныя намѣренія опять будутъ превратно поняты, насъ опять будетъ ждать неудача. Или передъ Европой снова мелькнетъ мысль, что мы ищемъ мира à tout prix, или она станетъ подозрѣвать, что мы нарочно не хотимъ рѣшать восточнаго вопроса, чтобы впослѣдствіи, при удобной минутѣ, захватить все. Изъ этихъ фальшивыхъ предположеній возникнутъ крайне невыгодныя для насъ предложенія, которыя затянутъ заключеніе почетнаго мира; затянувшійся же актъ мира можетъ дѣйствительно создать намъ громадныя затрудненія и потребовать уже такихъ жертвъ, которыя глубоко отзовутся на всемъ организмѣ государства.

Европа только тогда начнетъ понимать насъ, когда

въ каждомъ нашемъ словѣ, въ каждомъ шагѣ будетъ видѣть непоколебимую твердость и рѣшимость, ясно-разумно поставленную цѣль, согласную съ нашими собственными интересами, и—справедливое, вполне безпристрастное отношеніе къ общеевропейскимъ интересамъ.

Въ особенности это важно въ отношеніи практической Англіи. Надо, чтобъ смѣлость, сила и настойчивость нашихъ убѣжденій производили на нее точно такое же впечатлѣніе, какое производятъ на насъ рѣчи Биконсфильда. Иначе—партія не равна, борьба проиграна.

Первый, и самый важный интересъ Россіи и всей Европы это тотъ, чтобъ восточный вопросъ былъ *рѣшенъ*.

Если мы будемъ сохранять мнѣніе, что онъ еще не созрѣлъ, что его можно замазать, мы ни въ комъ не встрѣтимъ сочувствія, не найдемъ себѣ союзниковъ; напротивъ, все и вся будетъ противъ насъ.

Предполагается, что въ рѣшеніи восточнаго вопроса наши интересы сталкиваются съ европейскими главнымъ образомъ въ трехъ пунктахъ: въ Константинополѣ, проливахъ и судьбѣ Балканскихъ христіанъ. Надо, чтобъ рѣшеніе этихъ частныхъ вопросовъ наиболѣе согласовалось съ общимъ, окончательнымъ рѣшеніемъ всего вопроса.

I. Константинополь—намъ не нуженъ. Онъ можетъ служить намъ стратегическою цѣлью дѣйствій (если не будетъ другого средства принудить противника къ миру); преслѣдуя эту цѣль, мы можемъ овладѣть имъ; но слова Царя уже гарантировали Европѣ, что мы ни за что въ немъ не останемся.

Казалось бы, что намъ не слѣдовало бы протестовать, если-бъ въ видахъ, совпадающихъ съ этой гарантией, Константинополь временно былъ занятъ флотами иностранныхъ державъ, лишь бы онъ не былъ занятъ флотомъ *какой-либо одной державы*. Но дѣло можетъ осложниться, если кромѣ турокъ мы тамъ встрѣтимъ *сухопутныя войска* какой-либо державы. Въ такомъ случаѣ всѣ данныя нами гарантіи должны утратить всякую силу.

Полагая, однако, что дѣло обойдется безъ этихъ осложненій, спрашивается: оставлять ли Константинополь за турками, или быть ему вольнымъ городомъ?

Въ интересахъ Россіи и всей Европы выгодноѣ, чтобъ Константинополь былъ вольнымъ городомъ.

Подобное рѣшеніе навсегда заканчиваетъ восточный вопросъ, тогда какъ при турецкомъ господствѣ восточная хроническая болѣзнь все еще будетъ продолжаться, и можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ имѣть для насъ и Европы самые невыгодные и бѣдственные повороты.

Противъ указаннаго рѣшенія обыкновенно возражаютъ, что вольный городъ безусловно подчинится англійскому вліянію, что онъ сдѣлается притономъ для всѣхъ революціонеровъ, для всесвѣтной интернаціоналки; наконецъ, что отграниченіе константинопольской территоріи представитъ большія практическія трудности.

Но англійское вліяніе будетъ вполне достаточно уравновѣшиваться вліяніемъ прочихъ торговыхъ націй, въ особенности греками, италіанцами, французами и австрійцами. Для революціонеровъ же и интернаціоналки тамъ нѣтъ удобной почвы. Константинополь слишкомъ удаленъ отъ всѣхъ интеллигентныхъ рабочихъ и фабричныхъ мѣстностей Европы, чтобъ привлекать къ себѣ агитаторовъ. Это торговый, спекулятивный городъ, а не промышленный. Кругомъ агитатора здѣсь совершенная пустыня: ни заводскихъ, фабричныхъ рабочихъ, жаждущихъ борьбы съ капиталомъ, ни національностей, которымъ можно было бы вручить знамя бунта. Къ тому же торговый классъ—купцы—самая лучшая полиція; они непримиримый врагъ всего, что нарушаетъ спокойствіе, и сьумѣютъ не допустить революціи.

Что касается отграниченія константинопольской территоріи, то этому помогаетъ какъ сама природа, такъ и историческія преданія. Объ азіатской части—нечего говорить, пусть Скутари остается за турками. Въ Европѣ же

границей можетъ служить или нынѣшній предѣлъ уѣзда Неваи-Хербаа, почти совпадающій съ существовавшей въ средніе вѣка *Анастасіевскою стѣною* *) (на Черномъ морѣ— западнѣе Деркоса, на Мраморномъ — Силиври), или— черта отъ Кучукъ—Чекмедже къ Чиѣликану, гдѣ турки думаютъ теперь воздвигнуть сплошную укрѣпленную позицію. Въ первомъ случаѣ площадь константинопольской территоріи будетъ имѣть около 2100 квадр. километровъ съ населеніемъ около 600 тыс. жителей, при чемъ въ нее войдутъ около Деркоса и Чаталджи островки болгарской земли. Во второмъ—площадь ограничится примѣрно 700 кв. километровъ съ населеніемъ въ 570.000 душъ, и болгарское населеніе будетъ встрѣчаться почти что только въ самомъ городѣ.

Въ обоихъ случаяхъ вся константинопольская территория (за условнымъ исключеніемъ сѣверо-восточнаго ея угла между Буюкъ-дере на Босфорѣ и Килией на Черномъ морѣ, судьба котораго зависитъ отъ рѣшенія вопроса о проходахъ) должна подчиниться муниципальной власти, въ составъ которой слѣдуетъ ввести, кромѣ мѣстныхъ, еще и международныхъ представителей для огражденія международныхъ интересовъ. Затѣмъ, всѣ военныя учрежденія и заведенія въ Константинополѣ должны быть упразднены; казенныя зданія, за исключеніемъ безусловно нужныхъ для муниципалитета, могутъ быть проданы въ счетъ контрибуціи или долговъ Порты, а частныя владѣнія (въ томъ числѣ и нѣкоторые дворцы по выбору султана) сохраняются вполнѣ за настоящими ихъ владѣльцами.

II. Проливы. Прежде всего слѣдовало бы вызвать Англію на категорическое и фактическое объясненіе: въ чемъ именно она видитъ связь своихъ интересовъ съ Босфоромъ и Дарданеллами, чего именно боится, какими

*) Она была воздвигнута противъ болгаръ при императорѣ Анастасіи I въ 512 году.

доводами можетъ поддержать завѣреніе, что эти проходы грозятъ пути ея въ Индію?

Пусть выскажется искренно: быть можетъ тогда, противъ каждаго фактическаго опасенія, мы съумѣемъ дать ей столь же фактическую гарантію.

Но едва-ли въ самой Англіи есть хотя одинъ здравомыслящій человѣкъ, который серіозно и чистосердечно вѣрить во всё эти, воздвигаемыя англійской дипломатіей, опасенія. Торговые интересы Англіи на Черномъ морѣ не превышаютъ интересовъ другихъ европейскихъ державъ. Путь же черезъ Суэцъ въ Индію лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ Дарданеллъ и Босфора. Очевидно, что подъ выдвигаемыми впередъ опасеніями у Англіи въ дѣйствительности кроется только одинъ смертельный страхъ: какъ бы Россія не сдѣлалась, черезъ захватъ проливовъ, совершенно неуязвимой для англійскаго оружія и, ускользнувъ изъ-подъ его угрозы, не добралась бы безнаказанно до Индіи въ средней Азіи.

Въ этомъ вся сущность вопроса, и именно по отношенію къ этой сущности мы и должны быть крѣпки. Для облегченія дѣла мы можемъ предлагать Англіи какія угодно гарантіи: если хочетъ—можемъ дозволить ей захватить Суэцъ, захватить Афганистанъ и всю Поморскую возвышенность, обѣщая, что съ своей стороны 10—20—30 лѣтъ не сдѣлаемъ въ Азіи впередъ ни шагу; но зато въ проливахъ должны стоять на возможно благопріятнѣйшемъ для себя рѣшеніи.

Тутъ представляются три исхода.

Первый—это тотъ, чтобъ устье Босфора было въ нашей власти, а выходъ изъ Дарданеллъ былъ для всѣхъ свободенъ.

Второй—чтобъ устье Босфора было въ нашей власти, а входъ въ Дарданеллы достался англичанамъ, или былъ занятъ иностраннымъ гарнизономъ.

Третій—чтобъ оба пролива были совершенно свободны, чтобъ на нихъ не было никакихъ укрѣпленій, чтобъ про-

ходы были всегда и одинаково открыты какъ для торговыхъ, такъ и для военныхъ судовъ.

Такъ какъ Босфоръ составляетъ входную—внутреннюю, а Дарданеллы выходную—внѣшнюю дверь нашихъ владѣній, то очевидно, что *первый* исходъ наиболѣе для насъ выгоденъ. Онъ дѣлаетъ насъ неуязвимыми въ оборонѣ и сохраняетъ въ тоже время за нами свободу наступленія. Владѣя устьемъ Босфора (а для этого достаточно имѣть хоть небольшой его уголъ на европейскомъ берегу), мы будемъ спокойны за весь югъ Россіи и не будемъ вынуждены тратить на развитіе громаднаго военнаго флота, ибо нѣсколько большихъ пушекъ на твердой землѣ, усиливаемыхъ въ случаѣ войны торпедными загражденіями, могутъ противостоять какимъ угодно флотамъ. А такъ какъ весь сѣверъ Россіи большую часть года самъ собою обезпеченъ, а со стороны сухопутной, къ западной границѣ, располагая 100-милліоннымъ населеніемъ, мы всегда можемъ быть достаточно сильны, то подобное рѣшеніе вопроса дѣйствительно явится величайшимъ благодѣяніемъ для Россіи, отстранить многія войны и на вѣки упрочить ея судьбы.

Второй исходъ менѣе выгоденъ, но тоже очень хорошъ. Онъ лишаетъ насъ свободы наступленія, но все-таки сохраняетъ за нами неоцѣненное преимущество обезпеченной обороны. Напрасно думать, что, отдавая англичанамъ, или вообще иностраннымъ державамъ, Дарданеллы, мы нанесемъ себѣ важный вредъ. Въ мирное время наша торговля будетъ во всякомъ случаѣ свободна. Въ военное же, запрещеніе нашему флоту выходить въ Средиземное море—будетъ только фиктивное. И безъ дарданельскихъ укрѣпленій мы все-равно не въ состояніи будемъ отваживаться на открытую борьбу съ англійскимъ флотомъ. Сухопутныя пушки тутъ ничего англичанамъ не прибавятъ, и мы тѣмъ смѣлѣе можемъ идти на подобную уступку, что безвредная для насъ, она скорѣе способна вооружить противъ Англіи всю остальную Европу.

Затѣмъ *третій* исходъ, можно сказать, ничего намъ не приносить; въ немъ даже больше неудобствъ для насъ, чѣмъ выгодъ. Конечно свобода проходовъ согласуется съ общеевропейскимъ направлениемъ. На всякое стѣсненіе мореплаванія прогрессивные люди смотрятъ, какъ на принципъ, которому суждено неизбежно пасть. Но это справедливо лишь съ фискальной точки зрѣнія; торговля дѣйствительно должна быть свободна отъ проходныхъ пошлинъ. Въ смыслъ же обороны государства, дѣло представляется совершенно иначе. Какая намъ польза, что проливы станутъ для всѣхъ открытыми. Еслибъ мы могли рассчитывать, хотя когда нибудь, развить свой военный флотъ до высоты англійскаго и французскаго, тогда добытое настоящей войной право конечно имѣло бы для насъ свою цѣну. Но подобные расчеты—химера. Въ дѣйствительности, мы торжественно и въ головѣ всѣхъ проведемъ изъ Средиземнаго моря въ Черное лишь крошечную эскадру въ 5—6 судовъ, но за то, на ихъ же хвостѣ, откроемъ путь десяткамъ самыхъ сильныхъ непріятельскихъ судовъ.

Подобное рѣшеніе втянетъ Россію только въ громадное разореніе на развитіе ея морскихъ силъ, а въ случаѣ войны снова повергнетъ весь югъ въ бѣдствіе и волненіе.

Неужели намъ выгодно, чтобъ осенью, когда всѣ наши порты переполнены хлѣбомъ, льнянымъ сѣменемъ и проч. продуктами, когда въ нихъ грузится масса судовъ, вдругъ пришелъ непріятель и разомъ уничтожилъ трудъ и богатство всего южнаго нашего населенія? Неужели намъ выгодно, чтобъ непріятельской морской силѣ вѣчно была открыта возможность производить высадки на наши черноморскіе берега, мутить татаръ и горцевъ, подвозить имъ оружіе и фанатиковъ-предводителей, и ставить все еще на карту владычество наше въ Крыму и на Кавказѣ?

Пусть лучше проливы остаются за турками. До нихъ мы можемъ еще добраться, тогда какъ противъ Европы будемъ совершенно безсильны. Разъ будетъ снятъ барьеръ,

мы уже ничѣмъ не выкуримъ изъ Чернаго моря англійскаго флота. Его суда будутъ вѣчно, по адмиралтейскому росписанію, занимать извѣстныя стоянки (въ Варнѣ, Синопѣ, Трапезондѣ, Батумѣ, пожалуй еще въ Севастополѣ), каждый нашъ шагъ будетъ ими контролируемъ, изъ-за каждой мелочи можетъ возникнуть дерзкій запросъ, и намъ придется или во всемъ уступить Англіи, или жить въ вѣчномъ страхѣ войны съ нею.

Теперь мы успѣли оградить свои порты торпедами. Но въ будущемъ, въ виду постоянно вращающихся непріятельскихъ судовъ, это окажется затруднительнымъ. Насъ могутъ атаковать совершенно внезапно и въ любую минуту смести все. Такимъ образомъ третья комбинація оказывается не только нежелательной, но положительно вредной. Надо положительно бить на первыя двѣ. Если же и онѣ окажутся недостижимыми и придется сохранить проливы за турками, надо попытаться, нельзя ли основать оборону Босфора на смѣшанномъ русско-турецкомъ гарнизонѣ. Это установило бы вѣчный миръ между нами и турками и было бы лишь повтореніемъ, но въ болѣе серіозной и ненарушимой формѣ, Хункиаръ-Эскелесскаго договора (1833 г.) *).

III. Судьба Балканскихъ христіанъ. Соглашеніемъ съ Австріею уже намѣчена судьба западныхъ областей Турціи. Намъ нѣтъ надобности отступать отъ этого соглашенія. Пусть Австрія беретъ себѣ Боснію и Герцеговину; лишь бы Сербія и Черногорія получили выговоренныя для нихъ территоріи. Объ Албаніи намъ тоже нечего особенно заботиться: что предложить Европа, то и примемъ. Но затѣмъ, судьба остальной части Балканскаго полуострова, заключающая Болгарію и участки греческихъ земель, требуетъ самаго серіознаго вниманія. Надо имѣть въ виду, что если мы не въ состояніи будемъ сдѣлать здѣсь чего

*) По этому договору Турція обязывалась держать Дарданеллы открытыми для нашихъ друзей и запираеть проливъ для нашихъ враговъ. Къ сожалѣнію, договоръ имѣлъ только временный характеръ (на 8 лѣтъ) и истекъ въ 1841 г.

нибудь радикальнаго, то, по крайней мѣрѣ, не должно допускать ничего, что могло-бы намъ напортить.

Почва для рѣшенія судьбы болгаро-греческихъ христіанъ самая шаткая. Повидимому, ей опорой могли бы служить довольно многочисленные статистическіе и этнографическіе матеріалы, но въ дѣйствительности, вся представляемая ими масса цифръ и данныхъ до такой степени противорѣчива, что даже и наиболѣе авторитетнымъ источникамъ нельзя давать полной вѣры. Достаточно упомянуть, что по различнымъ европейскимъ изслѣдованіямъ численность болгаръ въ Европейской Турціи опредѣляется въ предѣлахъ отъ 2 до 7 милліоновъ (!), а грековъ отъ 900 т. до 2.940 т.! Причемъ въ той же пропорціи извращаются и отношенія между этими національностями. *)

Устраняя цифры, слѣдуетъ прежде всего рѣшить: оставаться ли болгарамъ и грекамъ подъ турками, или быть свободными;—подводить-ли ихъ всѣхъ подъ одинъ режимъ, или подѣлить восточную половину Балканскаго полуострова на части съ различною степенью автономіи и различными отношеніями къ настоящему или будущему правительству?

Независимость христіанъ рѣшить восточный вопросъ; слѣдовательно, мы всячески должны стараться высвободить ихъ изъ-подъ турокъ.

Но большая разница, дадимъ ли мы при этомъ болѣшій перевѣсъ болгарамъ, или согласимся на уступку всѣхъ преимуществъ грекамъ.

Болгары—это народъ и по религіи, и по языку, и по происхожденію наиболѣе подходящий къ русскимъ. Онъ поднятъ нашею культурою, взращается нашимъ духовнымъ образованіемъ, отъ насъ черпаетъ и почти на нашемъ языкѣ передаетъ всѣ элементарныя начала науки.

*) Все зависитъ отъ того, кому симпатизируетъ авторъ; такъ, напр., услужливый грекъ, пустившій недавно въ Лондонѣ „An Ethnological map of European Turkey and Greece“, пришелъ къ тому выводу, что грековъ въ Европейской Турціи 2.940 т., а болгаръ только 2.650 т.

Это наше дѣтище, которое никогда не пойдётъ противъ насъ, которому суждено развиваться не иначе, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ нами.

Греки—это противоположность болгарамъ, давно во все извѣрившіеся, обращающіе религію въ промыселъ, въ интригу, питающіе тайную къ намъ ненависть и ежеминутно готовые открыто обратиться въ злѣйшихъ намъ враговъ, лишь бы заслужить передъ Европой лишнюю для себя выгоду. По изворотливости, интригѣ, умѣнью морочить Европу и обдѣлывать свои дѣла, они для насъ хуже и опаснѣе поляковъ.

Болгары смотрятъ на насъ, какъ на отцовъ—просвѣтителей и спасителей, греки—какъ на угнетателей и азіатскихъ варваровъ. По политическимъ стремленіямъ они считаютъ себя единственными и законными наслѣдниками всего достоянія турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, и готовы искоренять всякаго, кто становится имъ поперекъ дороги.

Этотъ основной фактъ долженъ управлять всѣми нашими рѣшеніями. Будетъ-ли идти рѣчь о полной независимости Балканскихъ областей, или только о частной ихъ автономіи, намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что все то, что урѣжется отъ Болгаріи, достанется тотчасъ же, или черезъ нѣкоторое время, грекамъ. Соглашеніе о болгарскихъ вилайетахъ, которое было достигнуто на Константинопольской конференціи, во многомъ грѣшило противъ этого принципа. Можно быть довольнымъ, что оно не состоялось, и лучше требовать гораздо меньшаго, чѣмъ заранѣе обездоливать болгаръ и въ то же время создавать себѣ опаснаго, непримиримаго противника, уже теперь напрашивающагося на роль служить для всей южной Европы оплотомъ противъ русскаго варварства.

Такъ какъ результаты войны далеко еще неизвѣстны, то и объ участи балканскихъ христіанъ слѣдуетъ допустить нѣсколько предположеній.

Поставивъ выше, что намъ выгоднѣе всего добиться

полной ихъ независимости, допустимъ, что Европа не представитъ особыхъ затрудненій для этой сдѣлки.

Въ такомъ случаѣ намъ придется приискать для нея практическую формулу, главныя основанія которой, казалось бы, могли бы быть слѣдующія:

1) Большая часть восточной половины Балканскаго полуострова должна составить *Болгарское Княжество*. Земли, не входящія въ это княжество, должны присоединиться къ Греческому Королевству.

2) Границы Болгаріи должны идти: *на западъ*—по чертѣ уже Высочайше одобренной; *на югъ*—отъ горъ Пинда по рѣкѣ Быстрицѣ (Индже-Карасу) до Солуньскаго залива; черезъ этотъ заливъ и Салоникскій полуостровъ къ Эгейскому морю (причемъ г. Солунь и оз. Бешикъ отходятъ къ Болгаріи), далѣе по морскому берегу къ устью р. Марицы, вверхъ по этой рѣкѣ до впаденія р. Ергеня, по Ергеню и притоку его Чорлу-дере до хребта Странджи, и наконецъ водораздѣломъ этого хребта до Анастасіевской стѣны, или Константинопольской территоріи; *на востокъ*—по берегу Чернаго моря; *на сѣверъ*—по Дунаю.

При подобномъ начертаніи границы, весьма близко совпадающей съ *историческими, этнографическими и религиозными* предѣлами обѣихъ соперничающихъ національностей, главнымъ образомъ имѣлось въ виду: обезпечить необходимыя экономическія условія для самобытнаго существованія Болгарскаго Княжества; положить заранѣе предѣлъ развитію опасныхъ греческихъ притязаній и разграничить эти двѣ національности по возможности такъ, чтобъ онѣ другъ другу меньше мѣшали. Болгарія въ семъ случаѣ представитъ сплошное цѣлое, имѣющее свободный, широкій доступъ къ Черному и Эгейскому морямъ, но не соприкасающееся съ Мраморнымъ моремъ; Греція, сверхъ прибавки Эпира и Фессаліи, получитъ всѣ Архипелагскіе острова, получитъ два главныхъ полуострова (Салоникскій и Галипольскій) и будетъ примыкать къ Эгейскому и Мраморному морямъ, но не будетъ

соприкасаться съ Чернымъ, гдѣ должно быть сохранено преимущественно наше, или вообще славянское, вліяніе.

Площадь княжества приблизительно будетъ равна 4.500—4.600 квадр. милямъ. Населенія будетъ около 5—5¹/₂ милліоновъ, въ томъ числѣ до 4—4¹/₂ мил. болгаръ съ частицей валаховъ, тысячъ сто грековъ, тысячъ 50 евреевъ, а остальное—турокъ, татаръ, цыганъ, черкесовъ и разныхъ другихъ племенъ.

Въ цифрѣ болгаръ заключается нѣсколько десятковъ, а можетъ и сотенъ, тысячъ *номаковъ* (болгаръ-мусульманъ); но они далеко не фанатики (въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ сербскихъ мусульманъ Босніи), и какъ языкъ, такъ и обычаи сохраняютъ болгарскіе. Изъ мусульманъ опасны только турки и черкесы, но ихъ немного: едва ли болѣе полумилліона. Что же касается татаръ, то они всегда жили въ мирѣ и согласіи съ болгарами, а татарскіе гирей даже покровительствовали болгарамъ и были всегдашними ихъ защитниками передъ турками.

При такихъ этнографическихъ условіяхъ, внутреннее развитіе и благоустройство княжества не можетъ встрѣтить никакихъ серіозныхъ затрудненій.

3) Болгарское Княжество должно считаться совершенно отдѣльнымъ отъ Россіи, но должно первоначально состоять подъ ея протекторатомъ. Самостоятельная его жизнь должна быть подготовлена такимъ же статутомъ, какой былъ созданъ въ 1829—35 гг. графомъ Киселевымъ для румынскихъ княжествъ.

4) Выборъ князя (съ участіемъ, или безъ участія Европы) долженъ прежде всего отвѣчать самому главному условію: чтобъ онъ былъ *единовѣренъ* болгарскому народу. Для народа, стоящаго еще на низкой степени культуры, вѣра—все. Всѣ попытки создать изъ Болгаріи здоровый, прочный организмъ обратятся въ ничто, если правитель будетъ разъединенъ съ народомъ по вѣрѣ.

5) Столицей княжества долженъ быть Пловдивъ

(Филиппополь), какъ пунктъ средоточный для всей территории, какъ главный разсадникъ болгарской интеллигенціи, какъ городъ, связанный уже съ міромъ желѣзной дорогой и, наконецъ, какъ пунктъ, удобный для противо-дѣйствія сосѣднему греческому вліянію, которое будетъ стремиться къ захвату болгарской страны и могло бы тѣмъ легче и успѣшнѣе работать, чѣмъ столица новаго княжества была бы болѣе отодвинута на сѣверъ (напр. въ Тырново), или на сѣверо-западъ (напр. въ Софію).

Если бы осуществленіе на этихъ основаніяхъ Болгарскаго Княжества встрѣтило непреодолимые препятствія, тогда пришлось бы обратиться къ другой комбинаціи, допускающей для христіанъ уже гораздо болѣе тѣсные предѣлы автономіи.

Тутъ прежде всего могутъ всплыть константинопольскія условія (Салюсбери), дающія Болгаріи почти тѣ же границы въ сѣверной части, но совершенно измѣняющія южныя ея предѣлы, и требующія сверхъ сего дѣленія Болгаріи на два вилайета, съ центрами въ Тырново и Софіи. По этимъ условіямъ Болгарія нигдѣ не соприкасается съ Эгейскимъ моремъ; все побережье этого моря, какъ и Мраморнаго, оставляется за турками, т. е. греками. Точно также къ нимъ сполна отходятъ санджаки Родосто, Галиполи и Одринъ (Адріанополь). Всѣ южныя и юго-восточныя болгарскія епархіи съ массой болгарскаго народа остаются за греками. Болгарія обрекается на жизнь безъ свободныхъ портовъ (ибо изъ кой-какихъ, данныхъ ей на Черномъ морѣ, надо все же проходить черезъ Босфоръ и Дарданеллы), безъ торговаго развитія; заранѣе ставится въ положеніе экономической рабы Греціи.

Можемъ ли мы на это согласиться; будутъ ли насъ благословлять болгары и удовлетворимъ ли мы хоть грековъ?

Довольныхъ не будетъ, а болгаръ погубимъ. Надо, очевидно, искать другую комбинацію.

Самое лучшее въ этомъ случаѣ стоять на томъ принципѣ, чтобы улучшеніе участи Балканскихъ христіанъ

прилагалось къ нимъ безъ различія національностей, безъ новыхъ искусственныхъ административныхъ или территориальныхъ дѣленій. Это европейскій принципъ. Европа не можетъ его отвергнуть.

Затѣмъ, держась этого принципа, мы можемъ требовать введенія уже опробованныхъ Европою началъ: выборнаго управленія для казъ, мѣстнаго контроля въ болѣе крупныхъ административныхъ единицахъ, уравниенія и ограниченія податей, правильной системы ихъ сбора, охраненія внутренней безопасности мѣстною полиціею,—и должны прибавить къ этимъ требованіямъ еще: правильное примѣненіе тоже европейскаго принципа — *дѣйствительной свободы исповѣданія, опирающейся на безпристрастную и правильную административно-церковную организацію.*

Примѣненіе этихъ началъ, въ особенности послѣдняго, облегчитъ судьбу Болгаріи гораздо болѣе, чѣмъ всякая передѣлка ея границъ и назначеніе для ея вилайетовъ какихъ-то идеальныхъ генералъ-губернаторовъ. Важно то, что, съ осуществленіемъ послѣдняго условія, всѣ болгарскія епархіи тотчасъ же освободятся отъ грековъ, что обрисуетъ вполнѣ граница болгарскихъ земель, которую затѣмъ уже не удастся стереть ни туркамъ, ни грекамъ, ни англичанамъ.

Коль скоро будетъ достигнуто главное, останется уже второстепенный разговоръ о черкесахъ и турецкихъ войскахъ и гарнизонахъ.

Черкесы дѣйствительно грабители, это бичъ страны. Разгордившаяся Порта отстаивала ихъ передъ Европой. Но надо думать, что, вынужденная смириться, она не постоитъ за переселеніе ихъ въ Азію, особенно, если хотя часть расходовъ на это переселеніе будетъ возмѣщена Болгаріей, которой возвратятся въ собственность всѣ земли и строенія уходящихъ переселенцевъ.

Относительно сокращенія турецкихъ войскъ и гарнизоновъ надо быть опять осторожнымъ въ томъ смыслѣ, чтобъ эта мѣра не явилась исключительно предлагаемой

для какой-нибудь одной области, напр. Придунайской Болгарии, а была общей.

Условія Адрианопольскаго мира, устранившія турецкія силы изъ Молдавіи и Валахіи, были вполне цѣлесообразны потому, что они являлись по отношенію къ румынской территоріи мѣрою *общею*, обнимавшею *всю* румынскую землю. Но какое значеніе имѣло-бы упраздненіе турецкихъ гарнизоновъ въ болгарской землѣ по одну сторону Балканъ, и сохраненіе ихъ въ такой-же болгарской землѣ по другую сторону хребта? Это могло-бы только повести къ весьма вредному упроченію недоразумѣнія объ ограниченіи болгарской страны лишь полосой Дуная до Балканъ. И если невѣжественному въ славянскихъ вопросахъ министерству Биконсфильда извинительно являться передъ Европой съ подобнымъ предложеніемъ, то малѣйшая партисипація въ немъ нашего министерства имѣла бы совершенно компрометирующее значеніе.

Собственно для населенія опасны *зиптіи* (жандармы)—грабители, а не *низамы* (регулярное постоянное войско). Если первые будутъ замѣнены мѣстною обывательскою полиціею, то къ присутствію вторыхъ можно относиться снисходительно и скорѣе требовать уничтоженія на европейской территоріи *турецкихъ крѣпостей и укрѣпленій*, чѣмъ вывода турецкихъ войскъ.

Упраздненіе крѣпостей важно потому, что онѣ служатъ опорой турецкому владычеству; что, разсчитывая на нихъ, Турція безцеремонно попираетъ всѣ связывающіе ее договоры, ставитъ въ ничто самыя торжественныя свои обѣщанія, зная, какъ трудно противнику выбить ее изъ всѣхъ крѣпкихъ пунктовъ.

Упраздненіе крѣпостей важно и съ экономической стороны. Онѣ строятся и вооружаются на счетъ населенія. Всѣ верки создаются не иначе, какъ натуральною повинностью и служатъ прежде всего къ полному разоренію окрестнаго населенія. Круповскія же пушки поглощаютъ значительную часть бюджета.

На освобожденіи края отъ крѣпостей стоитъ настаивать, гарнизоны же мало вредны и, не будучи прикрыты стѣнами, могутъ быть сметены въ одну минуту.

Наша оккупациія. Ограничимся ли мы только что приведенными частными реформами, или добьемся согласія державъ на полную автономію балканскихъ христіанъ, во всякомъ случаѣ явится вопросъ: какъ же практически перейти къ новому порядку?

На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ:—посредствомъ занятія страны нашими войсками. На Константинопольской конференціи еще можно было спорить: пускать, или не пускать наши войска въ Болгарію. Но когда 300-тысячная русская армія перейдетъ Дунай, нѣтъ силы, которая могла-бы ее остановить. Никакая дипломатическая задержка здѣсь немыслима; иначе содрогнется вся Россія.

Переговоры могутъ, слѣдовательно, идти не о томъ, займемъ, или не займемъ мы страну, а останемся ли въ ней, въ какихъ предѣлахъ и на какихъ условіяхъ?

Мы, конечно, можемъ дать торжественное обѣщаніе, что, не желая оставлять Болгарію за собой, послѣшимъ возможно скорѣе ее очистить. Но точно также мы должны заявить, что не оставимъ ее безпомощной на время, необходимое для введенія реформъ.

Такъ какъ реорганизація страны по мѣстнымъ и этнографическимъ условіямъ будетъ представлять въ различныхъ ея частяхъ различныя трудности, то въ нѣкоторыхъ ея округахъ наше занятіе будетъ слабѣе и кратковременнѣе, въ другихъ же—сильнѣе и продолжительнѣе.

Если въ этомъ трудѣ намъ пожелаютъ помочь другія державы, мы можемъ отнестись къ подобному предложению лишь съ полнымъ сочувствіемъ. Согласно желанію Австріи, она можетъ занять Боснію и Герцеговину. Италіи можно предоставить занятіе Албаніи, а пожелаетъ, то и Эпира и Фессаліи, если они не отойдутъ къ Греціи. Намъ нѣтъ никакой надобности брать на себя всю обузу. Однако

желательно, чтобъ въ Болгаріи мы распоряжались одни, а въ Константинополѣ всё, или никто.

По относительной трудности переустройства страны, зависящей главнымъ образомъ отъ той или другой пропорціи турокъ къ массѣ населенія, Болгарія представляетъ слѣдующія особенности.

а) *Въ Придунайской Болгаріи*, соответствующей вилайету Туна *) и заключающей страну между Дунаемъ, Чернымъ моремъ, Балканами, Витошемъ и сербской границей (со включеніемъ гор. Софіи и Ниша), турецкое население сгруппировалось главнымъ образомъ въ восточной части (Дели-Орманъ съ южною Добруджею), гдѣ оно достигло даже положительнаго перевѣса надъ христіанами. Въ средней части процентъ не только турокъ, но вообще мусульманъ, значительно уступаетъ христіанамъ, а въ западной части онъ совсѣмъ малъ и турки встрѣчаются только по городамъ.

При крайней экономіи въ войскахъ и при условіи, что нѣкоторыя турецкія крѣпости будутъ тотчасъ же взорваны, для охраненія восточной части нужно (въ Русукъ, Шумлъ, Варнѣ) не менѣе 1-й дивизіи пѣхоты и 2-хъ казачьихъ полковъ; для охраненія средней (Тырново, Враца) полкъ пѣхоты, полкъ казаковъ, и для западной (Софія, Нишъ, Виддинъ) также полкъ пѣхоты и полкъ казаковъ.

б) *Въ Загоръ или Забалканской Болгаріи*, соответствующей вилайету Эдренэ (болгарскій Одринъ или греческій Адрианополь) мусульмане значительно уступаютъ христіанамъ, при чемъ собственно турки, кромѣ городовъ, встрѣчаются лишь весьма небольшими участками, нигдѣ не представляя сплошной массы (болѣе крупные ихъ участки лежатъ лишь къ сторонѣ Карнабада и Родопскихъ горъ). Для занятія этой части, особенно имѣя въ виду удобство сообщеній (желѣзную дорогу Константинополь-Адрианополь-

*) Въ прежнихъ его границахъ, т. е. до послѣдовавшаго во время конференціи отдѣленія отъ Тунскаго вилайета нѣкоторыхъ частей къ новому вилайету *Косово*.

Пловдинскую съ вѣтвью къ Ямболи) и окружность страны, можетъ быть достаточно 1-й бригады пѣхоты и 2 казачьихъ полковъ. Наконецъ

в) Въ *Дольной Болгаріи* (или Македонской), соотвѣтствующей вилайету Салоникъ, большей части вилайета Битольскаго (или Монастырскаго) и части Скопскаго (или Ускюбскаго) мусульмане тоже значительно уступаютъ христіанамъ, а турокъ совсѣмъ мало, и они прижились не большими участками только къ р. Быстрицѣ (ниже Касторійскаго и Островскаго озеръ) къ Солуньскому перешейку и къ средней части Родопа. Дольная Болгарія обширнѣе Загорья; но такъ какъ мусульманское ея населеніе въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ болгаръ же съ частицами албанцевъ, сербовъ и проч., то для занятія ея можетъ быть достаточно одной пѣх. бригады съ 3 полками казаковъ, служба которыхъ отчасти облегчится Солунь-Митровицкой желѣзной дорогой.

Такимъ образомъ, по заключеніи мира намъ придется собственно для охраненія Болгаріи оставить на мѣстѣ корпусъ войскъ не менѣе, какъ въ 2^{1/2} пѣх. дивизіи и 9 казачьихъ полковъ съ соотвѣтствующею артиллеріею.

Пребываніе нашихъ войскъ въ Дольной Болгаріи, въ большей части Забалканской (кромѣ Сливенскаго санджака) и въ западной половинѣ Придунайской можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, ограничиться лишь нѣсколькими мѣсяцами. Пребываніе же въ восточной части Придунайской Болгаріи и Сливенскомъ санджакѣ, т. е. среди главной массы мусульманско-болгарскаго населенія, можетъ затянуться на нѣсколько лѣтъ, и, въ интересахъ самаго дѣла, относительно срока очищенія сей части не слѣдуетъ брать на себя никакихъ положительныхъ обязательствъ.

Содержаніе нашихъ войскъ въ Болгаріи должно покрываться ея доходами, но такъ какъ страна не можетъ удовлетворять всѣмъ войсковымъ надобностямъ, то весьма важно сразу же установить обеспеченное и дешевое сообщеніе оккупационнаго корпуса съ Россіей.

Путь черезъ Румынію круженъ, дорогъ, и отъ Дуная въ Забалканье неудобенъ. Имѣя же въ виду, что главная и наиболѣе продолжительная оккупация потребуется въ *районѣ Варна-Шумла-Ямболи-Бургасъ*, дающемъ возможность свободно дѣйствовать и по сѣверную и по южную сторону Балканъ,—оказывается наиболѣе выгоднымъ обезпечить существованіе нашихъ оккупационныхъ войскъ посредствомъ установленія прямыхъ морскихъ подвозовъ изъ нашихъ портовъ къ Варнѣ и Бургасу. Такимъ образомъ, указанный районъ обратится въ базу для всего оккупационнаго корпуса и сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ залогомъ того, что всѣ условія, выговоренныя нами для Болгаріи, не будутъ нарушены, и что открытая ей нами новая жизнь не потухнетъ подъ усиліями ея враговъ и недруговъ.

Желательно, чтобъ сношенія наши съ Варной и Бургасомъ, вызываемыя оккупациею, обратились въ постоянныя и обезпечили навсегда за Россіей эти порты. На сѣверномъ и восточномъ берегу Чернаго моря у Россіи есть пріюты, на западномъ же нѣтъ ни одной опорной точки. Если мы мечтаемъ о развитіи нашей торговли, то прежде всего должны дать ей удобные порты, и въ этомъ отношеніи Варна и Бургасъ имѣютъ громадную важность, какъ потому, что составляютъ естественный исходъ для продуктовъ большей части Болгаріи, такъ и потому, что находятся вблизи отъ Константинополя. Владѣя ими, мы могли бы въ большинствѣ случаевъ предупреждать появленіе противника въ проливахъ.

Чтобы морскія сношенія наши съ Болгаріей и оккупационнымъ корпусомъ были дѣйствительно безопасны, мы должны парализовать турецкій флотъ. Лучшее для сего средство заключалось бы въ принятіи части турецкаго флота въ счетъ контрибуціи за военныя издержки. (Быть можетъ въ счетъ контрибуціонной суммы могли бы *впослѣдствіи* быть зачтены и самые порты Варна-Бургасъ, или хоть одинъ изъ нихъ).

**Письмо князя В. А. Чернасскаго Генералъ-
адъютанту Непокойчицкому.**

(отъ 30 мая 1877 года, г. Плоэшти).

Милостивый Государь,

Артуръ Адамовичъ!

Вслѣдствіе личныхъ моихъ съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ объясненій и обсужденія мѣръ, которыя необходимо принять въ краѣ, занятомъ нашими войсками немедленно послѣ перехода Дуная, и впредь до возможности приступить къ устройству правильнаго гражданскаго управленія на новыхъ началахъ, подлежащихъ утвержденію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго,—я взялъ на себя сообщить Вамъ, Милостивый Государь, мои соображенія по тремъ главнымъ вопросамъ, а именно: относительно обязательнаго обезоруженія мусульманскаго населенія, устройства первоначальнаго чисто-военнаго управленія краемъ и мѣръ къ обезпеченію поступленія въ нашу казну всѣхъ лежащихъ на населеніи податей и сборовъ.

Вопросы объ учрежденіи первоначальныхъ властей и о податяхъ, требуя детальныхъ и практическихъ указаній, разрабатываются уже, по моимъ указаніямъ, особыми комиссіями, соображенія коихъ я полагаю возможнымъ сообщить Вамъ окончательно чрезъ нѣсколько дней; нынѣ же обращаюсь къ вопросу объ обезоруженіи.

Обезоруженіе мусульманъ производилось уже прежде въ значительныхъ размѣрахъ на Кавказѣ, и нынѣ, какъ видно изъ донесеній, производится въ Малой Азіи во всѣхъ

тѣхъ мѣстностяхъ, которыя занимаются нашими войсками и гдѣ вводится наше управленіе. Протоколы бывшей въ Константинополѣ конференціи также показываютъ, что и она въ обязательномъ обезоруженіи мусульманъ видѣла главнѣйшее средство къ предупрежденію на будущее время кровавыхъ столкновеній между разными народностями Балканскаго полуострова.

Такимъ образомъ вопросъ объ обезоруженіи, производимый уже нашими войсками въ Малой Азіи и одобренный представителями Европы (Константинопольской конференціей), представляется дѣломъ въ принципѣ вполне согласнымъ съ обстоятельствами.

Въ виду охраненія въ тылу арміи порядка, спокойствія и общей безопасности, къ обезоруженію слѣдовало бы приступить немедленно по переходѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, дабы, исполняя эту важную мѣру на самыхъ первыхъ порахъ, съ одной стороны, еще болѣе обезпечить собственный нашъ тылъ, а съ другой—показать, что наше правительство не потерпитъ въ занятомъ нами краѣ ношенія частью населенія оружія, столько разъ обогащеннаго кровью беззащитныхъ христіанъ.

Обезоруженію должно подвергнуться населеніе мусульманское, столько разъ злоупотреблявшее своимъ правомъ. Къ обезоруженію болгарскаго населенія нѣтъ нужды прибѣгать потому, что оно, бывши давно уже обезоружено самими турками, имѣетъ оружіе въ самомъ незначительномъ количествѣ и крайне нуждается въ немъ для отраженія могущихъ быть со стороны мусульманъ попытокъ къ новымъ нападеніямъ на христіанъ.

Прежде всего обезоруженіе должно произвести на пути движенія войскъ нашихъ въ городахъ и большихъ селеніяхъ, которыя будутъ заняты войсками; примѣръ подчиненія этому болѣе крупныхъ населенныхъ пунктовъ, безъ сомнѣнія, будетъ немедленно принятъ къ руководству и прочими мѣстностями, которыя въ такомъ случаѣ, вѣроятно, безъ сопротивленія послѣдуютъ этому.

Обращаюсь за симъ къ самому способу обезоруженія. Обыскъ домовъ, для собранія оружія, не долженъ быть допускаемъ. Иначе оружіе будетъ сноситься и прятаться въ гаремахъ, нарушеніе святыни коихъ было бы тяжкою ошибкою. Слѣдуетъ прибѣгнуть къ другому, болѣе простому способу, обезпечивая правильное исполненіе его не полицейскими наказаніями, а пенями и штрафами, которые должны быть, съ безусловною строгостію, взыскиваемы немедленно по истеченіи краткаго, двухъ или трехдневнаго, срока, который будетъ назначаться для представленія оружія. Мнѣ кажется, что при томъ всеобщемъ обычаѣ носить оружіе, какой существуетъ на Востокѣ, безошибочно можно сказать, что въ каждой мѣстности, населенной мусульманами, должно всегда находиться среднимъ числомъ количество ружей, сабель, кинжаловъ и пистолетовъ, которое вообще соотвѣтствуетъ числу домовъ и количеству достаточнаго взрослого населенія. Согласно этому, можно всегда, принявъ въ соображеніе показанія лучшихъ мѣстныхъ христіанскихъ жителей, опредѣлить приблизительно и довольно вѣрно наименьшее количество оружія, которое должно быть выдано каждымъ мѣстнымъ мусульманскимъ обществомъ, разумѣется, опредѣляя *minimum* съ благоразумною умѣренностью такъ, чтобы потребовать къ исполненію дѣйствительно возможное; съ другой стороны, долженъ быть опредѣленъ по мѣстнымъ цѣнамъ размѣръ штрафа за каждую не выданную штуку оружія. Поручкою въ томъ, что все оружіе дѣйствительно выдано, должны служить прежде всего мѣстные *имамы* и прежнія мѣстныя полицейскія власти; а затѣмъ, отвѣчая круговою поручкою другъ за друга въ правильномъ и срочномъ исполненіи полученнаго приказанія о выдачѣ опредѣленнаго количества оружія, имамы должны быть прежде всего отвѣтственными за это, уплачивая часть штрафа.

Всякое сопротивленіе въ выдачѣ оружія и невыдача его въ полномъ требуемомъ количествѣ, кромѣ мѣръ, ко-

торыя, можетъ быть, будутъ признаны военнымъ начальствомъ болѣе соотвѣтственными, слѣдовало бы наказывать широко примѣняемою системою денежныхъ штрафовъ, которые налагать сообразно вышесказанному, по усмотрѣнію корпусныхъ командировъ и лицъ, къ тому уполномоченныхъ, а взыскивать со всего мусульманскаго мѣстнаго общества не только деньгами, но и живностью и продуктами, могущими послужить съ пользою для войскъ.

За противузаконное ношеніе мусульманами оружія, послѣ воспрещенія, слѣдуетъ виновныхъ также подвергать денежному штрафу.

Говоря объ отобраніи оружія, мнѣ кажется, слѣдуетъ имѣть въ виду только общую безопасность и необходимость лишить массу турецкаго населенія нападать вооруженною рукою на христіанъ, но отнюдь не слѣдовало бы непременно отбирать экземпляры дорогого и рѣдкаго оружія, которое можно бы оставить владѣльцамъ, если, впрочемъ, къ сему не будетъ какихъ-либо особыхъ препятствій, и если выдача прочаго оружія будетъ произведена безпрепятственно въ полномъ количествѣ.

Что касается до способовъ храненія отобраннаго оружія, то его можно бы складывать тамъ, гдѣ будутъ военные склады, или учрежденія, находящіяся подъ охраною войска.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности.

Подписаль: *Князь Черкасскій.*

**Письмо нн. В. А. Чернасскаго Генераль-
адъютанту Непокойчицкому.**

Отъ 22 сентября 1877 г. № 1150. Бивакъ у Горняго Студня.

Милостивый Государь,

Артуръ Адамовичъ!

Вслѣдствіе телеграммы Вашей изъ подъ Плевны отъ сего 21 сентября, я имѣю честь препроводить къ Вамъ при семъ копію съ моего предписанія губернаторамъ Тирновскому и Систовскому отъ 20 сентября за №№ 1126 и 1127.

Изъ этого предписанія Ваше Высокопревосходительство усмотрите, что возникшія затрудненія въ покупкѣ фуража войсковыми частями на мѣстахъ устранены мною въ той мѣрѣ, въ какой это могло отъ меня зависѣть; но за то чѣмъ шире войска будутъ пользоваться предоставляемою имъ возможностью производить таковую покупку, тѣмъ быстрѣе будутъ истощаться мѣстныя средства края и тѣмъ скорѣе наступитъ самая критическая для арміи пора.

На это обстоятельство я имѣлъ честь уже прежде обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства и Полевого интенданта, между прочимъ въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Вашимъ и въ присутствіи Полевого генераль-контролера, когда въ первый разъ разсматривался поданный мной проектъ реквизиціи въ краѣ.

Въ этихъ видахъ была мною введена въ предста-

вленный мною проект реквизиции статья 14-я, въ которой было сказано: порядокъ продовольствія войскъ хлѣбомъ и фуражемъ, до окончанія поставки, долженъ быть нынѣ же опредѣленъ съ полною точностью.

И нынѣ я считаю обязанностью своею вновь обратить Ваше благосклонное вниманіе на тотъ же предметъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣтъ края настолько производительнаго и богатаго, чтобы онъ могъ, не истощившись, прокормить въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ армію числомъ отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ съ лошадьми и воловьими обозами числомъ до полутора тысячь штукъ. Между тѣмъ таковое положеніе здѣшняго края, на трехъ или четырехъ округахъ котораго со дня перехода нашего черезъ Дунай, т. е. въ теченіе уже трехъ мѣсяцевъ, лежитъ задача поставлять арміи отчасти хлѣбъ и продовольственный скотъ и весь фуражъ и сверхъ того доставлять пропитаніе неожиданному, пришлому населенію бѣженцевъ изъ-за Балканъ и изъ другихъ мѣстъ, въ числѣ неизвѣстномъ, но доходящемъ, быть можетъ, до ста тысячъ душъ. Сколько мнѣ извѣстно, весь фуражъ на армію и продовольственный скотъ было предписано войскамъ съ самаго начала пріобрѣтать на деньги. Интендантство же имъ оныхъ натурою въ Болгаріи не доставляло.

Изъ дѣлъ гражданской канцеляріи видно также, что войска долгое время пріобрѣтали себѣ въ краѣ не только скотъ на мясо и фуражъ, но также и хлѣбъ, такъ какъ послѣдній по крайней мѣрѣ въ первое время доставлялся имъ Товариществомъ неисправно. Войсковымъ частямъ было даже даровано право реквизиции. Такой порядокъ снабженія войскъ, безъ сомнѣнія, почти необходимый при первомъ занятіи cadaго края, продолжается нынѣ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, и нынѣ, когда число войскъ еще болѣе увеличивается прибытіемъ гвардіи и другихъ частей,—дальнѣйшее его продолженіе грозитъ, по окончательномъ истощеніи запасовъ фуража въ краѣ, поставить всѣ войска въ самое затруднительное положеніе,

если не будутъ немедленно приняты мѣры къ приливу въ краѣ запасовъ фуража изъ Румыніи. Я не говорю уже объ ожидаемомъ чрезмѣрномъ возвышеніи цѣнъ, которое послужить источникомъ не малыхъ убытковъ для казны, послуживъ лишь къ обогащенію Товарищества, вѣроятно, успѣвшаго сдѣлать для себя довольно большія заготовленія по неизвѣстной цѣнѣ.

Не зная, какія въ этомъ отношеніи предпринимаются мѣры, я считаю, однако, долгомъ своимъ обратить на совокупность обстоятельствъ этихъ особенное вниманіе Вашего Высокопревосходительства, будучи увѣренъ, что доходящія до насъ свѣдѣнія съ разныхъ сторонъ о сѣтованіи войскъ на нежеланіе будто бы болгаръ продавать имъ свои произведенія, вызываются уже нынѣ главнымъ образомъ не этимъ нежеланіемъ болгаръ, а постепеннымъ, дѣйствительнымъ и неизбѣжнымъ истощеніемъ фуражныхъ средствъ въ краѣ и слишкомъ продолжительнымъ примѣненіемъ системы фуражнаго продовольствія войскъ собственнымъ попеченіемъ исключительно изъ средствъ края безъ достаточнаго участія въ этомъ важномъ дѣлѣ Полевого Интендантства и безъ своевременнаго подвоза изъ Румыніи.

При подобныхъ условіяхъ въ три или четыре мѣсяца истощился бы всякій другой край, къ нормальному населенію котораго внезапно присоединилось бы новое пришлое населеніе, превышающее его въ два или три раза. Искренне боюсь, чтобы при дальнѣйшемъ продолженіи старой системы не обнаружилась внезапно дѣйствительная полная несостоятельность края къ дальнѣйшему доставленію фуража войскамъ и чтобы тогда не наступило, какъ бы неожиданно, бѣдственное для насъ время.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Подписалъ: *Князь Черкасскій.*

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

пріи по гражд. дѣламъ
и Главнокомандующемъ
Дѣйствующей арміею.

22 августа 1877 г.
№ 877.

Господину Начальнику полевого штаба
Дѣйствующей арміи.

Бивакъ Горній Студень.

Съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Главнокомандующаго, мною предложено Ситовскому и Тырновскому губернаторамъ принять всѣ возможные мѣры къ кошенію и уборкѣ сѣна въ запасъ для войскъ, чрезъ нарядъ мѣстнаго населенія, а также и наемъ рабочихъ; при чемъ я разрѣшилъ имъ, въ случаѣ надобности, произвести на это расхода до десяти тысячъ (10.000) рублей каждому.

Нынѣ Тырновскій губернаторъ, отъ 15 текущаго августа за № 139, ходатайствуетъ объ отпускѣ ему на расходы по сѣнокошенію *трехъ тысячъ* рублей золотомъ и *семи тысячъ кредитными билетами*, всего десять тысячъ рублей (10.000).

Сообщая о семъ, имѣю покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать въ Вашемъ распоряженіи объ ассигнованіи *десяти тысячъ* (10.000) рублей въ распоряженіе Тырновскаго губернатора, генераль-маіора Домантовича, въ расходованіи коихъ по сбору сѣна онъ обязанъ мною представить своевременно подробный отчетъ. О послѣдующемъ буду ожидать Вашего увѣдомленія.

Подписалъ: Завѣдующій гражданскими дѣлами
при Главнокомандующемъ *Кн. Черкасскій.*

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

Канц-рія по гражд. дѣламъ
при Главнокомандующемъ
Дѣйствующей арміею.

23 августа 1877 г.

№ 887

Бивакъ Горній Студень.

Начальнику Штаба Дѣйствующей арміи
Генераль-адъютанту Непокойчицкому.

Изъ прилагаемаго при семъ въ копіи донесенія Ситовскаго губернатора, отъ 18-го августа за № 276, я усматриваю, что Товарищество, безъ письменнаго на то уполномоченія со стороны военной власти, позволяетъ себѣ требовать реквизиціоннымъ порядкомъ подводы и тѣмъ же порядкомъ забирать для кошенія въ свою пользу луга, нами теперь за собою сохраняемые, для кошенія ихъ въ запасъ въ пользу войскъ. Считаю таковыя дѣйствія незаконными, для казны невыгодными и несогласными съ условіями Товарищества, я предполагаю въ такомъ смыслѣ дать отвѣтъ губернатору. Тѣмъ не менѣе имѣю честь предварительно обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою благоволить увѣдомить меня, не встрѣчаете ли Вы съ Вашей стороны къ тому препятствія и въ чемъ именно?

Подписалъ: Завѣдующій гражданскими дѣлами
при Главнокомандующемъ, *Кн. Черкасскій.*

Скрѣпилъ: И. д. правителя канцеляріи,
генеральнаго штаба полковникъ *Соболевъ.*

ТЪРНОВСКИЙ ГУБ-РЪ

27 Августа 1877 г.

№ 224

Г. Тырново.

Господину Завѣдующему гражданскими
дѣлами при Главнокомандующемъ
Дѣйствующею арміею.

РАПОРТЪ.

Въ письмѣ моемъ отъ 24 сего августа я имѣлъ честь, между прочимъ, докладывать Вашему Сіятельству, что агенты „Товарищества по продовольствію арміи“ нерѣдко дозволяютъ себѣ прибѣгать къ неблаговиднымъ дѣйствіямъ при покупкѣ отъ жителей хлѣба и фуража.

Изъ прилагаемыхъ у сего двухъ рапортовъ начальника Тырновскаго округа за №№ 176 и 232 Вы изволите усмотрѣть тѣ вымогательства, къ коимъ прибѣгаютъ агенты сказаннаго Товарищества.

Принявъ зависящія мѣры къ огражденію жителей отъ незаконныхъ дѣйствій агентовъ Товарищества, я вмѣстѣ съ симъ испрашиваю указаній Вашего Сіятельства, въ какой мѣрѣ должно заключаться содѣйствіе гражданскихъ властей агентамъ Товарищества по продовольствію арміи, такъ какъ съ одной стороны, до сего времени я не получилъ никакого на сей предметъ офиціального распоряженія, а съ другой—имѣю прямыя приказанія заботиться о сохраненіи въ краѣ продовольственныхъ запасовъ и огражденіи ихъ отъ неправильной эксплуатаціи, посредствомъ покупокъ хлѣба и фуража по низкимъ цѣнамъ у жителей ввѣренной мнѣ губерніи. Кромѣ сего отъ Товарищества по продовольствію арміи въ послѣднее время стали поступать настоятельныя просьбы о немедленной выдачѣ его агентамъ открытыхъ листовъ на нарядъ подводъ отъ жителей для перевозки закупленнаго

въ разныхъ мѣстахъ Товариществомъ хлѣба и фуража, тогда какъ по правиламъ о подводной повинности, утвержденнымъ 20 минувшаго іюля, никто, кромѣ войскъ, не имѣетъ права на обязательное получение подводъ отъ жителей за установленную сими правилами цѣну.

О всемъ вышеизложенномъ считаю нужнымъ почтительно доложить Вашему Сіятельству въ виду того, что, сколько мнѣ извѣстно, Товарищество намѣревается жаловаться на гражданское вѣдомство за неисполненіе ихъ требованій.

Прилагаемые у сего рапорты начальника Тырновскаго округа за №№ 176 и 232, съ другими при оныхъ документами, покорнѣйше прошу, по минованіи надобности, мнѣ возвратить.

Подлинный подписалъ:

И. д. Тырновскаго губернатора,
генеральнаго штаба генералъ-маіоръ *Домантовичъ*.
Правитель канцеляріи *Мельгуновъ*.

Докладная записка Генералъ-лейтенанта Анучина.

При введеніи въ Княжествѣ Болгарскомъ правильнаго государственнаго устройства покойный князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій имѣлъ въ виду руководствоваться слѣдующими основными правилами:

1. Мѣстное самоуправленіе.

Сельскимъ и городскимъ обществамъ и населенію отдѣльныхъ округовъ предоставить полное самоуправленіе посредствомъ совѣтовъ, состоящихъ изъ выборныхъ лицъ безъ различія народностей и вѣроисповѣданій. Идея эта уже осуществлена возобновленіемъ въ селеніяхъ совѣтовъ старѣйшинъ, а въ городахъ и округахъ (казы) устройствомъ городскихъ и окружныхъ управительныхъ совѣтовъ, въ которые почетными членами вошли представители всѣхъ вѣроисповѣданій. Совѣтамъ этимъ предоставлено широкое право управленія всѣми хозяйственными дѣлами и наблюденіе за распредѣленіемъ и сборомъ налоговъ.

2. Сѣтъ административно-полицейскихъ властей.

Оставляя по возможности безъ измѣненія границы существовавшихъ при турецкомъ правительствѣ санджаковъ и округовъ, подчинить ихъ въ административно-полицейскихъ отношеніяхъ, на первое время, русскимъ властямъ въ лицѣ губернаторовъ (мутесарифы) и начальниковъ округовъ (каймакамы), давъ имъ въ помощь вольно-

наемную изъ мѣстныхъ жителей полицейскую стражу, по расчету четырехъ стражаровъ (треть конныхъ) на каждую тысячу душъ мужского населенія.

3. Судебная часть.

Предоставить населенію скорый и близкій судъ посредствомъ возобновленія прежнихъ судебныхъ совѣтовъ, долженствующихъ руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ или существующимъ закономъ или обычнымъ правомъ, за отсутствіемъ права письменнаго.

4. Милиція.

Устроить національную милицію, распространить воинскую повинность на все населеніе края безъ различія народности и вѣроисповѣданія и ограничить военную службу возможно короткимъ срокомъ.

5. Собраніе силъ страны.

Обеспечить въ краѣ спокойствіе, порядокъ и тишину; устроить полицію, сѣть административныхъ властей и милицію; обеспечить, на первое время, правильное отправленіе правосудія,—предполагалось при посредствѣ вышеупомянутыхъ хозяйственныхъ, административно-полицейскихъ и судебныхъ органовъ привести въ извѣстность и собрать нравственныя и матеріальныя силы страны, устроить финансы и кредитъ.

6. Собраніе нотаблей и законъ о выборахъ.

По введеніи во всемъ краѣ первоначальнаго управленія на вышеуказанныхъ основаніяхъ, собрать нотаблей въ лицѣ представителей духовенства всѣхъ исповѣданій,

предсѣдателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ; право избирать полагалось предоставить всѣмъ безъ различія. гражданамъ, достигшимъ извѣстнаго возраста (25) и имѣющимъ собственность, или платящимъ какія либо казенныя подати; право быть избраннымъ имѣлось поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью. Такъ, полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по установленному цензу для различныхъ мѣстъ края. Неграмотнымъ не представлялось бы право быть избранными.

7. Собраніе представителей, избранныхъ населеніемъ.

По изданіи закона о выборахъ предполагалось приступить къ созванію представителей изъ всего края, правильно выбранныхъ для разработки различныхъ проектовъ о будущемъ устройствѣ всѣхъ частей управленія.

8. Учрежденіе совѣта.

Для руководства текущими дѣлами въ помощь Верховному Комиссару предполагалось образовать Совѣтъ управленія Княжества Болгарскаго изъ лицъ русскихъ и мѣстныхъ.

9. Переходъ къ личному составу администраціи изъ мѣстныхъ жителей.

Такъ какъ къ каждому губернатору назначены вице-губернаторы изъ мѣстныхъ уроженцевъ, то при переходѣ администраціи временной къ постоянной полагалось губернаторовъ изъ русскихъ замѣнить вице-губернаторами болгарами, уже ознакомленными съ дѣлами и

могущими остаться при томъ содержаніи, которое определено для нихъ по должности вице-губернаторовъ. Въ округахъ имѣлось въ виду постепенно сокращать число начальниковъ округовъ изъ русскихъ офицеровъ, соединя по два уѣзда подъ управленіемъ одного начальника съ назначеніемъ ему помощника изъ болгаръ съ тѣмъ, чтобы помощники эти замѣстили потомъ должности начальниковъ округовъ.

10. Посылка молодежи въ русскія учебныя заведенія.

Для образованія способныхъ кандидатовъ для административной службы и полученія достаточнаго числа офицеровъ послать возможно большее число молодыхъ людей въ учебныя заведенія Имперіи.

11. Школы.

Такъ какъ результаты школьнаго обученія достигаются въ извѣстный періодъ времени отъ 7 до 10 лѣтъ, и такъ какъ школьный вопросъ давно поднять уже въ краѣ, то его и предполагалось развить сообразно съ мѣстными потребностями и условіями подъ руководствомъ лицъ мѣстнаго происхожденія, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ.

12. Духовенство.

Духовенству имѣлось въ виду оказать матеріальную поддержку для обезпеченія его быта, устройства духовныхъ учебныхъ заведеній и поддержанія церквей. Всѣхъ архіереевъ предполагалось имѣть членами совѣта.

13. Стрѣлковыя общества.

Для развитія молодежи и облегченія въ обученіи въ милиціи, предполагалось образовать во всемъ краѣ

вольныя стрѣлковыя общества или общественныя стрѣльбища, насколько это совмѣстно съ крайне желательнымъ уничтоженіемъ мусульманскаго обычая носить оружіе.

14. Князь.

14) Переходъ къ національному правительству, т. е. къ выбору Князя, полагалось возможнымъ сдѣлать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора послѣ мира.

ЗАПИСКА

Генераль-лейтенанта Анучина объ основныхъ принципахъ, коими руководствовалось гражданское управленіе краемъ при введеніи первоначальнаго управленія Болгаріею.

Гражданской администраціи Болгаріи было хорошо извѣстно, что многіе законы турецкіе, особенно законъ о властяхъ, весьма удовлетворительны, какъ по формѣ, такъ и по существу, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже отличаются несомнѣнными достоинствами; гражданской администраціи было хорошо извѣстно также, что законы эти не были приводимы въ исполненіе лишь потому, что турецкая мѣстная администрація игнорировала ими, оставляла ихъ мертвою буквою и управляла страню по произволу. Имѣя въ виду, что цѣль гражданской администраціи, какъ понималъ ее князь Черкасскій при назначеніи на должность Начальника гражданского управленія, заключалась не въ томъ, чтобы во что бы то ни стало ломать существовавшій порядокъ въ Болгаріи, а главнымъ образомъ въ томъ, чтобы прекратить произволъ турецкой администраціи, удержавъ всѣ тѣ учрежденія и законы, которые не противорѣчили понятію о справедливомъ и гуманномъ управленіи населеніемъ, князь Черкасскій въ дополненіе къ собраннымъ матеріаламъ о Болгаріи распорядился о переводѣ болѣе существенныхъ законовъ, коими управлялась Болгарія. Эти переводы, а частью извлеченія, ознакомившіе будущихъ дѣятелей по управленію Болгаріею съ существовавшими принципами управле-

ніа, служили вмѣстѣ съ симъ, независимо отъ изданныхъ впослѣдствіи правилъ, инструкцій и временныхъ положеній, дополнительною программю ихъ дѣятельности.

Передъ самымъ переходомъ русскихъ войскъ черезъ Дунай его Высочество 3 іюня утвердилъ проектъ инструкціи для учрежденія первоначальнаго военно-полицейскаго управленія края. Основные принципы этой инструкціи заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ занятомъ краѣ остаются безъ измѣненія границы нахій (кантоны), казъ (округовъ) и санджаковъ.

2) Лица, назначаемыя на должности военно-полицейскаго управленія, наблюдаютъ за охраненіемъ порядка и спокойствія въ населеніи, предупреждаютъ и пресѣкаютъ распри между жителями разныхъ вѣроисповѣданій, ограждаютъ свободу всѣхъ вѣроисповѣданій, устанавливаютъ черезъ посредство выборовъ управленіе въ селеніяхъ, нахіяхъ и городахъ, не замѣняя лицъ, уже замѣнявшихъ должности до нашего прихода, назначая новыхъ лишь на мѣста отсутствующихъ, но въ общинахъ мусульманскихъ назначаютъ лишь тѣхъ мусульманъ, которые не относились къ христіанскому населенію враждебно.

3) Возстановляются въ каждой общинѣ совѣты старѣйшинъ, т. е. ихтіаръ-меджлисы.

4) По выборѣ мухтаровъ и устройствѣ совѣтовъ старѣйшинъ, приступается къ устройству существовавшихъ нахій (кантоны).

5) По устройствѣ общинъ и выборѣ мюдира, устраивается черезъ посредство выборовъ изъ совѣта старѣйшинъ совѣтъ нахій.

6) За симъ образуется административный совѣтъ округа. Совѣтъ этотъ образуется изъ начальниковъ мѣстныхъ религіозныхъ общинъ, т. е. христіанъ, мусульманъ, евреевъ и пр., и сверхъ того изъ трехъ или четырехъ выборныхъ членовъ, преимущественно изъ христіанъ.

7) Земско-хозяйственное управленіе края и судъ между мѣстными жителями въ дѣлахъ гражданскихъ и уголов-

ныхъ, не имѣющихъ политическаго характера, оставляются на прежнемъ основаніи, съ увеличеніемъ членовъ изъ христіанъ тамъ, гдѣ члены изъ мусульманъ преобладали.

Такимъ образомъ, общій принципъ этого первоначальнаго и основного положенія управленія Болгаріею является охранительно-консервативный.

7 іюля Великій Князь утвердилъ проектъ главныхъ основаній гражданскаго управленія въ санджакахъ и округахъ Болгарскаго Края. Въ этихъ основаніяхъ управленія строго проведенъ тотъ же принципъ охранительно—консервативный, и самыя основанія логически вытекаютъ изъ инструкции 3 іюня. Какъ особенность этого положенія, можно отмѣтить правило о томъ, что губернаторъ санджака озабочивается устройствомъ гражданскихъ совѣтовъ въ каждомъ округѣ. Къ устройству же гражданскаго совѣта санджака приступаетъ лишь по полученіи особаго распоряженія, а до этого прежніе гражданскіе совѣты санджаковъ, бывшіе вмѣстѣ съ симъ при турецкомъ правительствѣ и совѣтами мѣстнаго округа, вѣдаютъ дѣла собственно того округа, въ коемъ находится главный округъ санджака; для обсужденія же общихъ дѣлъ, касающихся всего санджака, губернатору, въ случаѣ нужды, разрѣшается временно учреждать совѣщательныя собранія, по своему ближайшему усмотрѣнію и примѣняясь къ мѣстнымъ обычаямъ, изъ извѣстныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, по возможности принадлежащихъ къ разнымъ округамъ.

Не имѣя въ виду измѣнять систему податей и налоговъ, существовавшую въ Болгаріи при турецкомъ правительствѣ, гражданское управленіе озаботилось уничтоженіемъ одного лишь налога *беделъ*, и измѣненіемъ десятинной подати, о чемъ и объявлено въ проектѣ главныхъ основаній по дѣламъ казеннаго управленія, утвержденныхъ Великимъ Княземъ 5 іюня прошлаго года. Поголовная подать *беделъ*, взимавшаяся турецкимъ правительствомъ за изытіе христіанскаго населенія отъ воен-

ной повинности, была отмѣнена въ виду допущенія коренныхъ жителей края къ отправленію военной повинности.

Съ 1878 г. опредѣлено отмѣнить навсегда десятинный налогъ, взамѣнъ же его ввести поземельную подать.

Всѣ прочія подати и налоги, какъ-то: верги, акцизъ, таможенныя пошлины и пр., оставлены на прежнемъ основаніи, но черезъ всѣ проведенъ общій принципъ отмѣны навсегда откупной системы взиманія подати, столь ненавистой мѣстному населенію.

На вышеизложенныхъ основаніяхъ до заключенія мира было образовано 8 санджаковъ: Систовскій, Тырновскій, Тульчинскій, Рущукскій, Виддинскій, Софійскій, Сливенскій и Филиппопольскій; эти 8 санджаковъ образованы изъ 56 округовъ (казъ).

Такимъ образомъ, слова Государя Императора: „задача Россіи создавать, а не разрушать“, заключающіяся въ прокламаціи, получили полное примѣненіе въ основныхъ началахъ, принятыхъ для установленія управленія Болгаріею.

При назначеніи лицъ на высшія должности управленія Болгаріею, болгарамъ предоставлено широкое право назначенія. Первый губернаторъ, назначенный въ Болгаріи, былъ болгаринъ, вице-губернаторомъ къ нему назначенъ также болгаринъ. Съ самаго начала управленія принято за правило назначать вице-губернаторами во всѣ санджаки безусловно однихъ болгаръ. Въ администраціи санджаковой назначенъ весьма ничтожный $\frac{0}{100}$ русскихъ чиновниковъ, не болѣе двухъ, трехъ человекъ, на каждый санджакъ, всѣ прочія должности замѣщены болгарами и другими мѣстными національностями. Въ округахъ и городахъ изъ русскихъ назначены только начальники округовъ и полиціймейстеры, всѣ прочія должности замѣщены безусловно мѣстными уроженцами. Въ управительныхъ (административныхъ) совѣтахъ нѣтъ ни одного русскаго чиновника; совѣты составлены выборами мѣстныхъ жи-

телей изъ ихъ среды. Такого же состава и судебные совѣты округовъ и городовъ. Въ таможенныхъ учрежденіяхъ всѣ мѣста безъ всякаго исключенія замѣщены мѣстными уроженцами. Всѣ сборщики податей изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Дѣлопроизводство во всѣхъ управительныхъ (административныхъ) и судебныхъ совѣтахъ, а равно и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, производится на болгарскомъ языкѣ; исключеніе составляетъ переписка, исходящая отъ лица начальника округа и губернатора и отъ губернатора въ канцелярію гражданскихъ дѣлъ: переписка эта производится на русскомъ языкѣ.

Что касается до назначенія болгаръ въ центральное управленіе Болгаріи, то вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ положительномъ, такъ что въ составъ канцеляріи гражданскихъ дѣлъ было назначено нѣсколько болгаръ, равнымъ образомъ по особымъ порученіямъ при князѣ Черкасскомъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что гражданское управленіе Краемъ строго слѣдовало принципу введенія въ край мѣстнаго самоуправленія, и приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы при окончательномъ оставленіи Края русскими не произошло перерыва въ отправленіи общественныхъ функцій.

Письма кн. В. А. Черкасского Военному Министру, Генер.-ад. Милютину:

I.

Милостивый Государь,
Дмитрій Алексѣвичъ!

Имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Высокопревосходительству проектъ правилъ, касающихся Славянскихъ Комитетовъ, подлинникъ коего препровожденъ мною вчера на предварительное разсмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Не знаю, когда именно Министръ будетъ докладывать объ этомъ дѣлѣ Его Императорскому Величеству и съ какого времени Государю угодно будетъ возложить на меня это дѣло—въ настоящую ли минуту, или съ минуты начатія военныхъ дѣйствій.

Завтра, по появленіи приказа о назначеніи моемъ, я буду имѣть честь явиться къ Вашему Высокопревосходительству. Если не получу отъ Васъ особаго указанія, то позволю себѣ явиться между 4 и 5 часовъ, какъ время повидимому, болѣе для Васъ свободное.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и полнѣйшей преданности.

Князь Владиміръ Черкасскій.

Ноября 22 дня 1876 г.

ПРОЕКТЪ

правилъ, опредѣляющихъ отношенія къ Славянскимъ Комитетамъ Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ Дѣйствующею арміею.

1) На Завѣдывающаго гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ Дѣйствующею арміею, какъ главнаго посредника между Славянскими Комитетами и мѣстными нуждами и потребностями славянъ Задунайскаго края, возлагается, подъ верховнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, наблюденіе за всею вообще дѣятельностію Славянскихъ Комитетовъ и ихъ агентовъ внѣ Россіи, въ особенности въ земляхъ турецкихъ и Сербіи.

2) Онъ получаетъ отъ Славянскихъ Комитетовъ какъ подробные списки ихъ агентовъ въ вышеозначенныхъ земляхъ, такъ въ особенности и свѣдѣнія о возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ.

3) Онъ можетъ требовать отъ сихъ агентовъ сообщенія ему подробныхъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ, которые касаются ихъ дѣятельности или представляютъ какую-либо важность для канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ при Дѣйствующей арміи.

4) Онъ требуетъ отъ агентовъ Славянскихъ Комитетовъ отчета въ исполненіи ввѣренныхъ имъ комитетами порученій и свѣдѣній объ употребленіи ими предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе суммъ.

5) Въ случаѣ дознанныхъ злоупотребленій со стороны сихъ агентовъ, а равно въ случаѣ недозволительной ихъ политической дѣятельности на мѣстахъ, онъ требуетъ отъ Славянскихъ Комитетовъ смѣны сихъ агентовъ и разрѣшаетъ, буде нужно, замѣну ихъ другими. Въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, онъ, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, принимаетъ немедленныя мѣры къ пре-

кращенію ихъ дѣятельности и, буде нужно, къ удаленію ихъ, о чемъ для свѣдѣнія сообщаетъ подлежащему комитету.

6) Съ разрѣшенія Главнокомандующаго, при канцеляріи по гражданскимъ дѣламъ можетъ быть допущенъ главный агентъ Славянскихъ Комитетовъ для руководства дѣятельности прочихъ мѣстныхъ агентовъ.

II.

Милостивый Государь,
Дмитрій Алексѣевичъ!

Возвратившись изъ Москвы съ цѣлью испросить Высочайшее разрѣшеніе для окончательнаго отъѣзда въ Кишиневъ, я получилъ вчера черезъ полковника Орлова, адъютанта Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею, письмо Генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, отъ сего 2 января, которое я имѣю честь въ копіи препроводить при семъ къ Вашему Высокопревосходительству и въ которомъ передается мнѣніе Его Высочества, что пріѣздъ мой въ Кишиневъ съ чинами ввѣреннаго мнѣ управленія оказывается нынѣ преждевременнымъ. Согласно сему письму, я имѣю честь просить ближайшихъ по сему предмету указаній Вашего Высокопревосходительства, а равно благоклоннаго увѣдомленія о томъ, имѣю ли я представиться Его Императорскому Величеству, или нѣтъ.

Примите, и проч.

Января 11 дня 1877 г.

III.

Милостивый Гоеударь,
Дмитрій Алексѣвичъ!

Изъ изустныхъ сообщеній генераль-маіора Струкова я узналъ, что Гоеударь Императоръ недоволенъ дѣятельностію Краснаго Креста за Дунаемъ, и что Вы выражали ту же самую мысль. Искренно сожалѣю, что не могу лично представить тѣхъ объясненій, которыя безъ всякаго сомнѣнія доказали бы, что мною дѣлается все возможное въ предѣлахъ того скуднаго отпуска средствъ, который удѣляется отъ Главнаго Управленія Красному Кресту, точно также какъ все возможное дѣлается мною по устройенію гражданскихъ дѣлъ. О несоразмѣрной съ задачею скудости отпускаемыхъ Главнымъ Управленіемъ средствъ я имѣлъ счастье неоднократно докладывать Его Величеству. Теперь для лучшаго разъясненія дѣла, я, по приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, имѣю честь препроводить при семъ Вашему Высокопревосходительству копію съ росписанія поступленій и расходовъ по Болгаріи Краснаго Креста, препровожденнаго мною на дняхъ при донесеніи къ Его Императорскому Величеству въ собственные руки, независимо отъ прежнихъ моихъ донесеній Гоеударю и отъ телеграммъ моихъ по этому поводу къ Ген.-ад. Исакову. Изъ указаннаго росписанія Ваше Высокопревосходительство изволить усмотрѣть, что за покрытіемъ изъ отпускаемыхъ мнѣ ежесуточно 40.000 р. кред. билетами, или 26.000 р. золотомъ, на содержаніе докторовъ, сестеръ милосердія и пр. въ количествѣ 16.000 р. неизбѣжныхъ расходовъ, на прочіе расходы остается только 10.000 р. зол. Между тѣмъ по случаю одного Никопольскаго дѣла я немедленно, какъ скоро только узналъ о немъ, отправилъ туда уполномоченнаго Исакова съ 2.000 золотыхъ, т. е. съ 10.300 р. золотомъ. Изъ этого расхода можно

усмотрѣть степень недостаточности предоставленныхъ мнѣ средствъ. Независимо отъ сего я не могу не сказать, что на трудную и неблагодарную должность уполномоченныхъ мало охотниковъ. Значительная часть ихъ должна оставаться въ Румыніи, дабы не разстроить, при моемъ отъѣздѣ, заведеннаго тамъ съ такимъ трудомъ дѣла. Двое, гр. Муравьевъ и Кутузовъ, по требованію самого Главнаго Управленія, отправлены мною въ Берлинъ за санитарными поѣздами, при чемъ возложены на нихъ и необходимыя Красному Кресту покупки разныхъ предметовъ. Одинъ, кн. Щербатовъ, находится при Рушукскомъ отрядѣ; трое—въ Никополѣ и Систовѣ; одинъ—въ Габрово; кн. Долго-руковъ уѣзжаетъ въ Бухарестъ.

Всѣ врачи и санитарный персоналъ при мѣстахъ. При мнѣ не осталось никого даже для отправки въ Плевну. Искренно сокрушаюсь, что такъ несчастливъ и, при всѣхъ неутомимыхъ, не смѣю сказать самоотверженныхъ, трудахъ, не имѣю счастья угодить. Единственное мнѣ утѣшеніе остается въ чистой и спокойной совѣсти. Ваше Высочайшее превосходительство истинно обязали бы меня, благоволивъ довести о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, ибо неудовольствіе на меня Государя, мною по истинѣ незаслуженное, для меня слишкомъ чувствительно. Я работаю съ ранняго утра до поздней ночи, въ полномъ одиночествѣ, вдали отъ всѣхъ мнѣ близкихъ людей.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

13 іюля 1877 г.
Тырново.

IV.

Милостивый Государь,

Дмитрій Алексѣевичъ!

Пользуюсь отъѣздомъ полковника Золотарева, дабы, независимо отъ письма моего по дѣламъ Краснаго Креста, въ отсутствіе въ тылу арміи гражданскаго управленія, отвѣчать на упрекъ, Вами мнѣ косвенно сдѣланный въ письмѣ Вашемъ къ Артуру Адамовичу и имъ мнѣ сообщенный. Нуженъ былъ такой поводъ, чтобы заставить меня снять храненіе съ устъ моихъ, которое я преднамѣренно наложилъ на себя въ видѣ тяжелой эпитемы за какіе-нибудь прошлые грѣхи. И теперь въ оправданіе свое, приносимое мною противу собственной воли, я ограничусь исключительно лишь самыми краткими словами, ни на кого не сѣтуя, и съ тѣмъ, чтобы снять съ себя лично долю нравственной отвѣтственности, которую я считаю себя въ правѣ не нести.

Я желалъ бы спросить Ваше Высокопревосходительство, полагаете-ли Вы, чтобы даже въ самой спокойной и мирной землѣ существовало дѣйствительное гражданское управленіе, а не мнимое, безъ надлежащей полиціи и какихъ-нибудь военно-полицейскихъ средствъ? И допустили-ли въ особенности подобная мысль и подобное устройство здѣсь, въ Болгаріи, при кипучемъ враждебномъ настроеніи двухъ населеній, другъ другу [ненавистныхъ по вѣрѣ и происхожденію, при чьихъ взаимныхъ столкновеніяхъ, конечно, нельзя положиться на болгарскія дружины и на болгарскую полицію, нынѣ притомъ еще лишь создаваемую, и между которыми единственнымъ безпристрастнымъ регуляторомъ остается лишь русская военная сила, направляемая русскою гражданскою властію? Возможно-ли также одному чиновнику, губернатору или окружному начальнику, не имѣющему никакой конной

стражи для разъѣздовъ, сократить произволъ проходящихъ войскъ, предотвратить грабежъ и насиліе? Возможно-ли, наконецъ, производить правильный и весьма нужный сборъ податей, нарядъ подводъ, поимку злонамѣренныхъ людей, своевременную починку мостовъ и проч.? Я до сихъ поръ считаю и считалъ все это невозможнымъ и невольно страшусь вносимыхъ нами въ страну элементовъ разложенія. Не имѣю ничего на совѣсти: докладывалъ, писалъ, говорилъ и продолжаю это дѣлать. И безуспѣшно. А что могу я дѣлать болѣе? Уважительность моихъ соображеній въ теоріи признается. Но до сихъ поръ въ мое распоряженіе ничего не дано на два санджака Систовскій и Тырновскій, кромѣ 23 казаковъ, переданныхъ вчера мнѣ въ Тырново, и только теперь начинаютъ устраиваться этапы, отъ которыхъ, впрочемъ, на объявленныхъ мнѣ условіяхъ, нѣтъ толку никакого для полиціи. Даже болгарскія роты, назначенныя для формированія новыхъ дружинъ, не размѣщены еще. Слышу лишь слабыя отдаленныя обѣщанія, что прійдутъ какіе-то новые резервные батальоны, а когда это будетъ, Богъ вѣсть, а я на первый случай просилъ такъ мало, чего меньше нельзя на каждый санджакъ,—по 200 казаковъ, по двѣ роты болгарскихъ дружинъ, и, сверхъ сего, этапныхъ помѣщеній... Не посылаю Вамъ своихъ доказательствъ, не считая себя на это вѣ въ правѣ. Но трудно быть обвиняемымъ и видѣть себя вынужденнымъ къ полному молчанію.

Что касается до возвращенія турокъ на старыя пепелища, повѣрьте: счастье наше, что они не возвращаются, и надо бы не поощрять ихъ къ тому. При необезпеченности нашихъ сообщеній, одно наше спасеніе—отсутствіе турокъ на первой нашей главной артеріи между Дунаемъ и Тырновомъ. Когда они здѣсь заведутся, намъ будетъ гораздо хуже. Повѣрьте мнѣ и не поощряйте ихъ къ возврату. А безъ поощренія они сами не вернутся. По крайней мѣрѣ намъ они этимъ мало докучаютъ. И слава Богу!

Кончаю мое письмо, дабы не впасть въ плачь Іереміевъ. Душевно желаю Вамъ того душевнаго спокойствія, котораго я лишился со дня моего приѣзда въ Кишиневъ.

Примите и проч.

Іюля 13-го 1877 г.

Г. Тырново.

Примѣчаніе: Отвѣтъ на это письмо см. на стр. 273.

V.

Милостивый Государь,

Дмитрій Алексѣевичъ!

Пользуюсь отъѣздомъ въ Петербургъ адъютанта Великаго Князя Главнокомандующаго полковника Андреева, дабы просить его доставить Вашему Высокопревосходительству приложенную при семъ записку, въ которой я считалъ своевременнымъ и необходимымъ представить на Ваше ближайшее усмотрѣніе нѣкоторыя мои мысли и сомнѣнія на счетъ порядка введенія въ дѣйствіе ожидаемыхъ въ Болгарскомъ Краѣ преобразованій. Въ ней нѣсколько подробнѣе изложены нѣкоторыя соображенія, на которыя я передъ неожиданно быстрымъ отъѣздомъ Вашимъ могъ указать лишь вскользь въ день нашего послѣдняго свиданія въ Порадимѣ. Отъ Васъ будетъ зависѣть дать этой запискѣ тотъ или другой ходъ, какой Вы признаете полезнѣйшимъ для дѣла и сообразнымъ съ ея, быть можетъ, слишкомъ искреннимъ и откровеннымъ изложеніемъ.

Не излишнимъ считаю присовокупить, что я не счелъ себя въ правѣ препровождать ее къ Вамъ даже и конфиденціальнымъ образомъ, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія Великаго Князя Главнокомандующаго и не прочтя ея *in extenso* Его Высочеству. Великій Князь изволилъ одобритъ рѣшимость мою обратить на изложен-

ные мною вопросы вниманіе высшаго правительства и выразилъ мнѣніе, что заблаговременное разрѣшеніе ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ кажется необходимымъ. Я нахожусь въ истинно затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, на мнѣ лежитъ нравственная обязанность по столько важному вопросу и послѣ милостиваго довѣрія мнѣ, оказаннаго Государемъ Императоромъ,—не скрыть того, что я могу, хотя бы и ошибочно, считать тѣсно связаннымъ съ пользою дѣла. Съ другой—на меня могутъ быть возведены нареканія и обвиненія самаго разнообразнаго свойства. Издавна приученный къ послѣднимъ, я и въ настоящемъ случаѣ счелъ своею обязанностью поступить по долгу совѣсти.

Вручая себя во всякомъ случаѣ Вашему дружескому распоряженію, прошу Васъ, многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, принять увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи и глубокой преданности.

Князь В. Черкасскій.

С. Боготъ.

Декабря 6 дня 1877 г.

Записка, приложенная къ письму князя Черкаскаго отъ 6 декабря 1877 года къ Ген.-адъют. Милютину.

Паденіе Плевны и движеніе нашихъ войскъ за Балканы должны, безъ сомнѣнія, ускорить окончаніе войны, нынѣ продолжающейся восемь мѣсяцевъ; а потому, быть можетъ, нынѣ уже не слишкомъ далека та минута, когда правительству будетъ предстоять забота какъ объ избраніи органовъ, на которые будетъ возложено приведеніе въ исполненіе мирными соглашеніями добытыхъ мѣръ по болгарскому вопросу, такъ и объ указаніи этимъ органамъ надлежащаго порядка ихъ дѣйствій. Со времени перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай я не былъ при-

зывается къ совѣщаніямъ по политическимъ вопросамъ, какія въ этотъ періодъ времени могли имѣть мѣсто, а потому мнѣ нынѣ неизвѣстны въ точности виды правительства. Полагаю, что первоначальныя намѣренія Государя Императора, которыя я удостоивался въ прежнее время лично слышать изъ устъ Его Величества, могли измѣниться. Тѣмъ не менѣе нѣсколько послѣднихъ словъ, вскользь милостиво сказанныхъ мнѣ Государемъ въ минуту отъѣзда изъ Плевны на счетъ трудностей, предстоящихъ мнѣ въ будущемъ, подають мнѣ поводъ и налагаютъ на меня обязанность не только дать себѣ самому возможно ясный отчетъ въ могущихъ предстоять затрудненіяхъ, но также представить мои скромныя, хотя, быть можетъ, и ошибочныя, соображенія на ближайшее усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, такъ какъ главнѣйшіе вопросы, до этого дѣла касающіеся, будутъ, вѣроятно, разрѣшены въ Петербургѣ, въ моемъ отсутствіи, вдали отъ Главной Квартиры Дѣйствующей арміи.

Считаю долгомъ, доколѣ еще время, выразить съ полною откровенностію мысли, созрѣвшія во мнѣ здѣсь на мѣстѣ, при ближайшемъ изученіи вопроса. Отъ Вашего Высокопревосходительства будетъ зависѣть сдѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое вы признаете для службы Государевой и для дѣла полезнѣйшимъ. Смѣю надѣяться, что мнѣ не будетъ вменено въ вину желаніе уяснить себѣ самому предстоящія трудности, если онѣ, дѣйствительно, должны касаться меня и обратить вниманіе правительства на вопросы, для которыхъ во всякомъ случаѣ требуется разрѣшеніе своевременное въ томъ, или другомъ смыслѣ. Впрочемъ и самая цѣль настоящей записки заключается исключительно лишь въ томъ, чтобы изложить эти вопросы и указать какъ бы канву для обсужденія, а не въ томъ, чтобы представить проекты окончательнаго ихъ разрѣшенія. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣ, какъ и въ прежнее время, невозможно еще опредѣлить въ точности результата войны. Должно надѣяться, что ея будутъ до-

быты результаты рѣшительныя въ пользу болгаръ; но правительство можетъ также быть вынуждено удовольствоваться и многими уступками. Если сообразно съ этимъ приведеніе въ исполненіе болѣе или менѣе второстепенныхъ преобразованій въ Болгаріи будетъ возложено на какую-либо консульскую или иную въ этомъ же родѣ комиссію, и русское вліяніе подчинится въ той или другой формѣ дѣятельному вмѣшательству европейской дипломатіи, въ такомъ случаѣ, конечно, не останется мѣста и не окажется нужды въ Русскомъ Императорскомъ Комиссарѣ, облеченномъ обширными полномочіями. Тогда дѣло могло бы быть передано, подѣ наблюденіемъ нашего Константинопольскаго посольства, въ руки второстепенныхъ дипломатическихъ или консульскихъ агентовъ, въ которыхъ, вѣроятно, недостатка не окажется.

Затѣмъ отпадаетъ и большая часть существенныхъ и личныхъ вопросовъ, порождаемыхъ существомъ обязанностей и личнымъ положеніемъ Комиссара.

Въ настоящей краткой запискѣ принимается во вниманіе исключительно лишь тотъ случай, когда успѣхами нашего оружія была бы дѣйствительно достигнута возможность устроить болгарскія дѣла посредствомъ назначенія полномочнаго Императорскаго Русскаго Комиссара. Условія, въ которыя имѣетъ при этомъ быть поставленъ Комиссаръ, повидимому, должны быть опредѣлены совершенно независимо отъ присвоенія этого званія тому или другому лицу. Иначе пришлось бы условія существенныя и необходимыя для посильнаго обезпеченія успѣха первостатейной политической задачи соображать и примѣнять къ случайному положенію лица такъ же случайнаго, во многихъ отношеніяхъ, быть можетъ, не соответствующаго такому важному назначенію и не представляющаго необходимыхъ для него задатковъ внутреннихъ или внѣшнихъ.

Едва ли можно даже при значительномъ напряженіи воображенія представить себѣ условія болѣе трудныя,

болѣ щекотливыя и болѣ тягостныя, чѣмъ то положеніе, въ которое будетъ немедленно и неизбежно поставленъ Русскій Комиссаръ въ Болгаріи. Задача эта труднѣе той, которая нѣкогда выпала на счастливую долю графа Киселева въ Валахіи и Молдавіи. Какъ ни несовершенно было устройство этихъ двухъ областей, тѣмъ не менѣе обѣ онѣ издавна пользовались нѣкоторыми учрежденіями; почти все населеніе исповѣдывало одну православную вѣру и принадлежало къ одной народности; тамъ были руководящія сословія, какъ ни недостаточно можетъ намъ казаться ихъ развитіе; наконецъ, въ то время Европа еще не вступала на востокъ въ сплошной, общій антагонизмъ съ нами. Въ настоящую минуту трудности и препятствія будутъ роиться около Русскаго Комиссара со всѣхъ сторонъ.

Внутри края, который онъ призванъ воскресить къ самоуправленію, онъ встрѣтитъ не легко изгладимыя привычки вѣкового рабства, осложненныя ненавистнымъ сожительствомъ гражданъ противоположной вѣры и взаимно враждебныхъ народностей. Люди образованные и вполне способные въ управленіи дѣлами не только общими, но даже и мѣстными, представляются въ этомъ краѣ довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Прійдется требовать финансовыхъ средствъ для быстраго развитія училищъ и путей сообщенія отъ страны, истощенной войною и опустошенной турецкимъ погромомъ прошлогоднимъ и нынѣшнимъ, покрытой дымящимися повсемѣстно развалинами, гдѣ нынѣшней осенью озимыя поля остались въ значительной части не обсеянными, а для яровыхъ посѣвовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, быть можетъ, не останется зерна, гдѣ, наконецъ, не малая доля мѣстнаго населенія, бѣглецовъ болгарскихъ и турецкихъ, въ теченіе многихъ уже мѣсяцевъ блуждаетъ изъ угла въ уголъ, безъ крова, безъ хлѣба, съ надломленною вѣрою въ будущее.

Европейская дипломатія, въ лицѣ посольствъ и консульствъ, будетъ, конечно, жадно слѣдить за каждымъ

дѣйствіемъ и невольнымъ промахомъ мѣстнаго правительства, за каждымъ нервнымъ ощущеніемъ многоязычнаго мѣстнаго населенія, всюду сѣя недовѣріе, злобу, раздоръ, всюду поддерживая недовольныхъ и соблазняя слабыхъ. Съ другой стороны, положеніе Комиссара осложнится и собственными домашними отношеніями: къ русскому посольству въ Царьградѣ, къ начальникамъ войска, предназначеннаго на занятіе края, къ русскимъ начальникамъ и офицерамъ Болгарскаго ополченія, наконецъ, къ высшимъ правительственнымъ слоямъ въ Петербургѣ, не всегда и не къ каждому равно благоволящимъ и, какъ доказалъ опытъ, мѣняющимъ подчасъ политическое направленіе свое съ едва уловимою быстротою.

Отсюда возникаетъ рядъ вопросовъ:

1) Какіе будутъ размѣры полномочій, предоставленныхъ Императорскому Комиссару по внутреннему управленію краемъ?

2) Въ какой мѣрѣ будетъ онъ стѣсненъ какимъ-либо народнымъ представительствомъ? и съ другой стороны, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ ему будетъ разрѣшено пользоваться въ необходимыхъ случаяхъ его содѣйствіемъ?

3) Будутъ ли ему представлены на первый случай какія-либо финансовыя средства, на случай возможнаго въ первое время недостаточнаго поступленія доходовъ?

4) Будетъ ли Комиссару подчинено Болгарское ополченіе? и будутъ ли сохранены въ немъ необходимые русскіе кадры изъ нижнихъ чиновъ и русскіе офицеры?

5) Какія будутъ отношенія Комиссара, съ одной стороны, къ нашему Константинопольскому посольству, съ другой—къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и къ Военному Министерству?

6) Будутъ ли Комиссару подчинены оккупационныя русскія войска?

Каждый изъ указанныхъ вопросовъ имѣетъ, несо-

мнѣнно, важное значеніе. Разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ можетъ либо облегчить до извѣстной степени, либо затруднить чрезмѣрно и даже сдѣлать совершенно невозможною должность Комиссара. Поэтому едва ли не необходимо, чтобы обсужденіе ихъ въ высшихъ правительственныхъ совѣтахъ произошло при нѣкоторомъ участіи того лица, которое будетъ окончательно предназначено въ званіе Императорскаго Комиссара.

Впрочемъ, съ другой стороны, и выборъ на должность того или другого лица зависить въ значительной мѣрѣ отъ предварительнаго разрѣшенія другого временнаго вопроса — будетъ ли допущено подчиненіе оккупационнаго войска лицу не военного сословія или нѣтъ?

Безъ подчиненія оккупационнаго корпуса Императорскому Комиссару едва ли мыслимо необходимое для успѣха дѣла единство дѣйствій на мѣстѣ.

А потому, если бы паче чаянія рѣшено было, что войско не можетъ быть подчинено лицу не военного званія, въ такомъ случаѣ, каковы бы ни были достоинства тѣхъ лицъ, изъ среды которыхъ могъ бы быть сдѣланъ выборъ гражданскаго правителя, желательно прежде всего не вводить гибельнаго раздвоенія власти, и, слѣдовательно, надо поручить все вообще дѣло, то есть и начальство надъ войскомъ и организацію края, одному и тому же довѣренному лицу изъ числа способныхъ на эту двойственную дѣятельность военныхъ генераловъ, какихъ, безъ сомнѣнія, всегда окажется у насъ достаточно, при общемъ военномъ строѣ всего нашего внутренняго управленія.

Къ тому же едва ли позволено усумниться въ томъ, что при равныхъ достоинствахъ военный правитель, естественно, будетъ всегда пользоваться большею степенью довѣрія къ себѣ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Если же, напротивъ, былъ бы допущенъ Императорскій Комиссаръ изъ среды гражданскихъ чиновъ, въ такомъ случаѣ необходимымъ казалось бы, для пользы дѣла, избрать его изъ числа лицъ, пользующихся полнымъ

и явнымъ довѣріемъ правительства и прочнымъ служебнымъ положеніемъ, и въ іерархическомъ отношеніи поставленныхъ выше тѣхъ военныхъ начальниковъ, съ которыми онъ можетъ находиться въ должностныхъ сношеніяхъ въ Болгаріи.

Сомнительное служебное положеніе Болгарскаго Комиссара, отсутствіе явнаго довѣрія къ нему верховной власти, или отсутствіе іерархическаго превосходства его надъ начальниками расположенныхъ въ краѣ военныхъ частей,—можетъ породить для всѣхъ лишь двусмысленное положеніе, которое отзовется неизбѣжно и на ходѣ дѣла къ явному его ущербу. Между тѣмъ, даже при равенствѣ чиновъ, чины военные считаются выше гражданскихъ. Необходимымъ поэтому казалось бы искать внѣшняго признака преобладающаго положенія Комиссара, если не въ чинѣ, то по крайней мѣрѣ въ присвоенномъ ему постоянномъ служебномъ положеніи.

Быть можетъ положеніе его могло бы быть достаточно оттънено отъ его военныхъ сослуживцевъ, если бы онъ былъ избранъ изъ среды высшаго сановнаго сословія въ Имперіи, каковымъ, напримѣръ, является Государственный Совѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія при томъ, что въ нынѣшнемъ своемъ составѣ Государственный Совѣтъ вмѣщаетъ въ себѣ много лицъ, вполне обладающихъ всѣми тѣми условіями, которыя, повидимому, совершенно необходимы для того, чтобы ихъ дѣятельность на указанномъ поприщѣ могла бы принести несомнѣнную пользу.

Изложивъ по долгу совѣсти свои мысли, я смѣю надѣяться, что рѣшимость моя выразить нѣкоторыя мои сомнѣнія съ полною откровенностію на письмѣ, при невозможности сдѣлать это въ устной бесѣдѣ, будетъ приписана нежеланію моему уклониться отъ какого-либо труда, но искреннему убѣжденію въ томъ, что дѣла настолько важныя должны быть разсматриваемы всесторонне и своевременно, не стѣсняясь никакими личными соображеніями, а тѣмъ менѣе предварительнымъ лишь выбо-

ромъ какого-либо лица, быть можетъ, къ дѣлу въ дѣйствительности не вполне пригоднаго.

VI.

Милостивый Государь,

Дмитрій Алексѣевичъ!

Особенныя, скажу даже, чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ я нынѣ здѣсь нахожусь, вынуждаютъ меня не въ личныхъ моихъ интересахъ, которыми я въ настоящемъ случаѣ мало дорожу, но въ отношеніи общаго дѣла и службы Государевой, изложить Вамъ до извѣстной степени положеніе здѣсь болгарскаго дѣла, съ обычною откровенностію указать Вамъ нынѣ на тѣ его стороны и вопросы, которые требуютъ самаго скорого и неотложнаго разрѣшенія свыше. Не знаю, какимъ путемъ писать.

Здѣсь нѣкоторыя письма и телеграммы доходятъ очень быстро, другія съ крайнею медленностію или пропадаютъ вовсе. Курьеры рѣдки и еще рѣже ко мнѣ являются. Я живу, какъ на лишенномъ всякихъ сообщеній островѣ.

Рѣшаюсь писать съ вѣрною частною оказіею, которая обѣщаетъ доставить настоящее письмо на Зимницкую Румынскую почтовую станцію.

Вы пишете, что здѣсь существовало предположеніе— не вызовутъ ли меня въ Петербургъ для необходимыхъ объясненій и предварительныхъ работъ по организациіи Болгарскаго Края.

По множеству причинъ, исчислять которыя здѣсь было бы излишне, я не только не противодействовалъ этой мысли, но старался ее развить, бывши увѣренъ, что такимъ путемъ, съ одной стороны, устраняются здѣсь на мѣстѣ многія вредныя пренія, а съ другой, мнѣ казалось бы возможнымъ, взявъ съ собою въ Петербургъ двухъ, трехъ человѣкъ— приготовить тамъ своевременно необходимыя организа-

ціонныя работы для высшаго управленія краємъ, введенія въ немъ ожидаемыхъ политическихъ преобразованій и избранія необходимаго личнаго состава для высшаго управленія. Все это могло бы быть сдѣлано заблаговременно и заблаговременно утверждено Верховною Властію. Все, даже первоначальное подчиненіе высшаго личнаго состава, могло бы быть произведено, казалось мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если бы Комиссаромъ было назначено другое лицо. Дѣло поставлено нынѣ иначе. Я остаюсь здѣсь среди множества мелочныхъ хлопотъ и дразгъ, которыхъ исчислять не могу и не желаю. Онѣ во всякомъ случаѣ отнимаютъ у меня много драгоцѣннаго времени. А между тѣмъ событія подвинулись быстро, неожиданно быстро съ того дня, какъ я 6-го декабря еще изъ подѣ Плевны отправилъ къ Вамъ мою записку объ учрежденіи Комиссара. Они подвинулись такъ скоро (мы теперь уже наканунѣ мира), что то, что въ то время казалось еще отдаленнымъ и во многихъ отношеніяхъ несбыточною надеждою, Божіею помощію совершилось во-очію и всѣ вопросы, мною въ общихъ лишь чертахъ выше указанные, настоятельно требуютъ быстрого разрѣшенія.

Какъ, кѣмъ, гдѣ и когда будутъ они разрѣшены? Вотъ вопросы, которыя я себѣ ежедневно предлагаю по нѣсколько разъ; и ни отъ кого не слышу даже отдаленнаго намека на отвѣтъ. А между тѣмъ отвѣтъ необходимъ. Кто привезетъ этотъ отвѣтъ?

Мнѣ поручено не только продолжать введеніе гражданскаго управленія въ краѣ, чѣмъ я нынѣ усердно занимаюсь въ санджакахъ Софійскомъ, Филиппопольскомъ и Сливенскомъ, но еще подѣ своимъ руководствомъ выработывать *(не разобрано)*.

Къ сожалѣнію, подѣ моимъ руководствомъ работать некому и все дѣло лежитъ на мнѣ одномъ. Съ братушками можно и слѣдуетъ совѣтываться, но выработывать законодательныхъ крупныхъ работъ они не въ состояніи, кромѣ развѣ двухъ честныхъ и хорошихъ педагоговъ,

Дринова и Станишева, привезенных мною изъ Россіи, но они назначены вице-губернаторами въ Софію и Виддинъ, гдѣ они по своему знанію людей именно теперь необходимы для помощи губернаторамъ при первоначальномъ введеніи гражданскаго управленія и выборовъ и гдѣ, давнишніе эмигранты, они сами нынѣ ознакомляются съ дѣйствительною мѣстною жизнью, дабы впослѣдствіи можно было бы ихъ съ пользою привлечь къ центральному болгарскому управленію.

Мой правитель канцеляріи отнять у меня уже съ 20-го декабря; и это вынуждаетъ меня лично производить канцелярскую работу съ начальниками отдѣленій, что усугубляетъ самую мелочную, черную и непроизводительную часть моего личного труда.

VII.

Милостивый Государь,

Дмитрій Алексѣевичъ!

Н. отправляется въ Петербургъ и я охотно прибѣгаю къ его посредничеству, дабы доставить Вамъ настоящее письмо, которое мнѣ иначе, быть можетъ, было бы затруднительнѣе доставить Вамъ. Я предпочелъ бы, конечно, дожидаться, чтобы писать къ Вашему Высокопревосходительству съ курьеромъ, который долженъ привезти сюда обѣщанный отвѣтъ на записку, которую я имѣлъ честь, съ разрѣшенія Великаго Князя, представить Вамъ касательно назначенія и положенія будущаго Комиссара въ Болгаріи. Но событія идутъ съ такой поразительной быстротой, что трудно откладывать: объясненія необходимы; а съ другой стороны—опять повторяю, едва ли найдется скорѣе болѣе благоприятный случай доставить Вамъ это письмо.

Великому Князю угодно было сообщить мнѣ телеграмму Государя, въ которой Его Императорское Величе-

ство соизволилъ милостиво высказать, что присутствіе мое здѣсь, именно въ настоящую минуту, считается наиболѣе необходимымъ. Это выраженіе довѣрія Государева не могло не тронуть меня глубоко и не удержать меня еще болѣе въ твердой рѣшимости сдѣлать съ своей стороны все возможное для выполненія воли Государевой, посвятить на это весь мой полный трудъ и мое умѣнье и принести въ жертву всякіе личные интересы и выгоды. Не знаю, какъ и въ какомъ смыслѣ разрѣшены тѣ вопросы, которые истощаютъ существо дѣла, и которые я счелъ долгомъ изложить въ представленной мною запискѣ. Каково бы ни было это рѣшеніе, я подчинюсь ему съ полнымъ забвеніемъ всего, касающагося лично меня, и хотя бы даже въ моемъ умѣ оставалось бы сомнѣніе на счетъ будущаго. Если бы такіа сомнѣнія возникли въ моемъ умѣ, во всякомъ случаѣ я позволю себѣ, быть можетъ, впослѣдствіи просить Вашего благосклоннаго разрѣшенія, дабы лучше усвоить себѣ истинный смыслъ того, что будетъ мнѣ повелѣно.

Нынѣ я имѣю исключительно въ виду лишь оправданіе сдѣланной мною попытки разъясненія будущаго повелѣнія. Не знаю также, касается ли рѣшеніе Государево временнаго моего здѣсь нынѣ пребыванія, или будетъ мнѣ приказано оставаться здѣсь и въ будущемъ. Обращаюсь за совѣтомъ въ соображеніяхъ такого рода, въ которыхъ къ истинному прискорбію и мое скромное лицо въ извѣстной мѣрѣ касается, и которыя я, конечно, охотнѣе, чѣмъ когда либо оставилъ бы въ настоящую минуту въ сторонѣ, если бы это было возможно безъ явнаго вреда для дѣла.

Вашему Высокопревосходительству, безъ сомнѣнія, извѣстно, какъ трудно было мое положеніе здѣсь до настоящей поры. Излишнимъ считаю входить въ подробное изложеніе тѣхъ весьма сложныхъ обстоятельствъ частью личныхъ, частью существенныхъ, которыя не могли не породить этихъ трудностей. Въ случаяхъ, которые каса-

лись исключительно моего личного положенія, трудности эти, конечно, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія. Если мнѣ въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени придется сдать дѣла по гражданскому управленію другому лицу, въ такомъ случаѣ съ нимъ во мнѣ лично можетъ остаться болѣе или менѣе непріятное и чувствительное воспомина- ніе того, смѣю сказать, несоотвѣтствующаго первоначально назначавшейся мнѣ роли положенія, въ которое я былъ по- ставленъ обстоятельствами съ того самаго дня, когда я былъ какъ бы забытъ и заброшенъ одинъ въ Петер- бургѣ по отъѣздѣ Главной Квартиры въ Кишиневъ, и ко- торое съ тѣхъ поръ выпадало на мою постоянную здѣсь долю. Но эти личные ощущенія постепенно упраздни- лись бы съ возвращеніемъ моимъ къ частной жизни, и служба отъ этого не пострадала бы.

Иначе представляется дѣло, если предположить, что волею Государя на Завѣдующаго гражданскими дѣлами можетъ быть возложено впослѣдствіи управленіе и, такъ сказать, возсозданіе Болгарскаго Края къ гражданской на- родной жизни. Я не думаю, чтобы было полезно въ те- ченіе продолжительнаго четырнадцатилѣтняго срока дер- жать это лицо, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ и затѣмъ поручать ему одну изъ самыхъ трудныхъ въ мірѣ за- дачъ, и притомъ на Востокѣ, гдѣ народы такъ чутки ко всякому внѣшнему проявленію силы или безсилія, въ странѣ, занятой военною силою, обыкновенно и безъ того мало склонной къ признанію авторитета властей граждан- скихъ. Я полагаю, что это вредно для дѣла, свидѣтель- ствуя либо о дѣйствительномъ пренебреженіи правитель- ства къ человѣку, либо, что еще гораздо вреднѣе, о не- умѣніи преодолѣть послѣднюю трудность и создать себѣ положеніе, помимо официальнаго, ускользавшаго изъ подъ его ногъ. Думаю, наконецъ, что въ виду обстоятельствъ, сложившихся тѣмъ или другимъ путемъ, было съ моей стороны во всякомъ случаѣ своевременно возбудить во- просъ о томъ, стоитъ ли, однако, въ дѣйствительности

человѣкъ этотъ въ уровень съ предназначавшимся ему первоначально положеніемъ, если бы даже онъ, паче чаянія, и могъ первоначально годиться къ этому дѣлу, не испорчено ли его положеніе радикально и не лучше ли было бы привлечь къ дѣлу кого либо другого, покуда на это есть еще время и возможность.

Таковы соображенія, руководившія мною.

Казанлыкъ.

Января 8 дня, 1878 г.

VIII.

Милостивый Государь,

Дмитрій Алексѣевичъ!

Великому Князю Главнокомандующему угодно было сообщить мнѣ въ Казанлыкѣ телеграмму Государя Императора, въ которой Его Императорское Величество изволилъ милостиво выразить, что присутствіе мое здѣсь въ настоящую минуту считается необходимымъ. Это милостивое довѣріе Его Величества налагаетъ на меня еще въ большей мѣрѣ обязанность исполнить во всякомъ случаѣ волю Государя во всемъ ея объемѣ. Я исполню ее и счастливъ буду сдѣлать это, хотя собственно еще не знаю, въ чемъ именно Высочайшая воля заключается. Вашему Высокопревосходительству угодно было телеграммою увѣдомить меня, что отвѣтъ на поданную мною записку о назначеніи и будущемъ положеніи Комиссара отправленъ съ фельдъегеремъ 3-го января.

Фельдъегерь этотъ донинѣ еще не прибылъ, и это обстоятельство, не скрою того, ставитъ меня въ истинно трудное положеніе, вслѣдствіе чего я и откладывалъ настоящее письмо мое къ Вашему Высокопревосходительству до самой послѣдней минуты.

Съ одной стороны, мнѣ еще неизвѣстна ни точная

воля Государя Императора, ни то, какимъ образомъ предрѣшены главные вопросы, на которые я позволилъ себѣ указать. Мнѣ невозможно представить нынѣ никакихъ дальнѣйшихъ соображеній, хотя бы даже представленіе ихъ почему либо оказалось необходимымъ. Притомъ нынѣ, при полной неизвѣстности, я рискую впасть въ ошибочное сужденіе по дѣлу, уже рѣшенному, чего я, конечно, желалъ бы избѣжать всѣми мѣрами, дабы не подать повода заподозрить меня въ упорствѣ.

Съ другой стороны, событія идутъ съ поразительною быстротою и я страшусь невольно, что они опережаютъ возможность своевременнаго принятія многихъ предварительныхъ мѣръ, настоятельно необходимыхъ для правильнаго и прочнаго обезпеченія въ будущемъ положенія и управленія Императорскаго Комиссара и обойтись безъ которыхъ окажется на дѣлѣ едва-ли возможнымъ. Наконецъ, если-бы Государю угодно было возложить званіе Комиссара на меня, въ чемъ впрочемъ я еще не имѣю положительной увѣренности, то, независимо отъ дѣлъ чисто служебныхъ, мнѣ самому лично было бы необходимо прибыть въ Россію на нѣсколько дней, хотя бы для самаго общаго поверхностнаго учрежденія своихъ собственныхъ семейныхъ и имущественныхъ дѣлъ. Изъ нихъ на случай выбытія моего вновь изъ Россіи на два или на три года, послѣднія уже потому требуютъ особенныхъ съ моей стороны распоряженій, что, бывши въ теченіе послѣднихъ лѣтъ далекъ отъ мысли быть вновь привлеченнымъ на службу, въ дни праздности и досуга я прибрѣлъ довольно значительное имѣніе, главнымъ образомъ, на заемныя деньги, и обязанъ ежегодно выплачивать за него 25 тысячъ въ Общ. Взаимнаго Кред., въ Моск. Земел. банкъ и въ Моск. Кредит. Общество; помощи въ этомъ со стороны правительства мнѣ не нужно, но полагаю, что правильность учета этихъ процентовъ должна быть обезпечена мною самымъ срочно, тѣмъ или другимъ путемъ, передъ окончательнымъ выбытіемъ моимъ изъ Россіи.

Мною также долженъ быть избранъ управляющій моимъ имѣніемъ, и ему должно быть дано наставленіе. Что касается до семейнаго положенія моего, которое для меня не мало измѣнилось въ моемъ отсутствіи какъ кончиною моей матери, такъ и болѣзненнымъ состояніемъ жены,—мнѣ необходимо посовѣтоваться съ врачами и по общему соглашенію рѣшить вопросъ о томъ, гдѣ ей придется жить въ будущемъ, можетъ ли она ѣхать въ Болгарію, не необходимо ли ей, по крайней мѣрѣ, предварительно съѣздить въ чужіе края на нѣкоторое время, для леченія, прежде чѣмъ ей можно будетъ переселиться за Дунай и т. д. Сколь ни сложны всѣ эти обстоятельства, тѣмъ не менѣе, покуда шла война, я, въ виду двойной службы, которую я несъ при арміи, не помышляя даже о кратковременномъ отпускѣ, и не просилъ о немъ даже въ ту минуту, когда умиравшая мать моя настоятельно просила моего возвращенія хотя бы на одинъ день. Какъ семьянинъ, Ваше Высокопревосходительство, смѣю думать, не осудите меня, если я нынѣ смѣю указать на послѣднюю свободную минуту, когда мнѣ еще можно вернуться на нѣсколько дней въ Россію, для устройства своихъ семейныхъ и домашнихъ дѣлъ, а также для единовременнаго и неизбѣжнаго разрѣшенія предстоящихъ весьма сложныхъ служебныхъ вопросовъ и дѣлъ. Между прочимъ, кромѣ указанныхъ уже мною вопросовъ, необходимо точно и обстоятельно опредѣлить самый размѣръ комиссарскихъ полномочій и предѣлы его власти. При томъ будущему Комиссару, задача котораго будетъ чисто политическаго свойства, необходимо, казалось бы, получить точную инструкцію, которою онъ могъ бы руководиться въ будущемъ по множеству вопросовъ—народныхъ, церковныхъ, организаціонныхъ и административныхъ. Ему необходимо также дополнить личный составъ чиновъ своего управленія не только лицами, предназначенными для общей администраціи, но еще и специальными по разнымъ отраслямъ управленія—по отраслямъ судебной, кон-

трольной, желѣзнодорожной, шоссейной, телеграфной, горной, каменностроительной и пр., или, по крайней мѣрѣ, ему слѣдуетъ вступить въ Петербургъ и въ Москвѣ въ надлежащее соглашеніе относительно постепеннаго выбора и командированія къ-мъ-либо этого рода чиновъ, въ Болгаріи на лицо не имѣющихся. Не думаю также, чтобы въ Болгаріи будущій Комиссаръ могъ бы жить на холостую ногу съ однимъ или двумя денщиками и скромнымъ походнымъ погребцемъ, какъ жили мы въ походѣ, въ которомъ износили все платье, бѣлье и сапоги. Такъ можно прожить годъ съ нуждою и большими лишеніями, оправдываемыми военнымъ положеніемъ. Едва ли это необходимо и даже возможно или полезно въ будущемъ. Но въ Болгаріи нѣтъ ничего; нѣтъ также и благонадежной прислуги, безъ которой, однако, обойтись невозможно и которую нужно приискивать согласно съ личными своими потребностями въ Россіи изъ числа весьма немногихъ и рѣдкихъ охотниковъ выселиться изъ отечества въ невѣдомыя, полумусульманскія страны. Мнѣ и грустно и смѣшно распространяться обо всѣхъ этихъ подробностяхъ и мелочахъ. Быть можетъ, я даже принимаю на себя совершенно напрасный трудъ, ибо нѣтъ ничего невозможнаго, что выѣхавшій 3 января и доселѣ не доѣхавшій сюда фельдъегерь привезетъ извѣстіе, что должность Комиссара возлагается на кого-либо другого, а не на меня. Но между тѣмъ въ виду именно этой трудности сообщеній, я считаю себя обязаннымъ изложить теперь же все подробно, такъ какъ вчера уже подписано перемиріе и готовы основанія мира съ турками. Фельдъегерь посылается завтра, и онъ выѣдетъ отсюда, быть-можетъ, прежде, чѣмъ придетъ обѣщанный отвѣтъ на предложенные мною вопросы; а затѣмъ Главная Квартира можетъ еще передвинуться, и не извѣстно, когда будетъ новая оказія въ Петербургъ, и тогда поздно о чемъ-либо заявлять. Скажу съ полною откровенностію, и прошу не поставить мнѣ этой откровенности въ вину,

въ виду указанной въ началѣ моего письма телеграммы Его Величества къ Великому Князю. Не вѣдая окончательныхъ рѣшеній Его Величества, я осмѣливаюсь вновь выразить самое твердое убѣжденіе, что будущему въ Болгаріи Комиссару необходимо испросить и получить подробныя личныя указанія въ Петербургѣ по множеству самыхъ важныхъ вопросовъ, и заняться тамъ многими необходимыми предварительными распоряженіями. Съ другой стороны, если выборъ Государя Императора, паче чаянія, выпалъ на меня, я, въ виду своихъ семейныхъ и имущественныхъ обстоятельствъ, не предвижу возможности обойтись безъ кратковременной поѣздки въ Россію. Для такой поѣздки, примѣрно шестинедѣльной, удобнѣйшею минутою я смѣю считать нынѣшнюю, или ту, которая послѣдуетъ между мирными переговорами Генералъ-адъютанта Игнатьева въ Главной Квартирѣ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла на европейскомъ конгрессѣ, котораго мы едва-ли избѣжимъ. Должность мою могъ бы временно править Ген.-лейт. Анучинъ. Позволяю себѣ для лучшаго разъясненія дѣла указать на примѣръ польскихъ дѣлъ, весьма живо сохранившійся въ моей памяти и Вашему Высокопревосходительству близко знакомый. Думаете-ли Вы, что покойный Николай Алексѣевичъ*) могъ бы завѣдывать этимъ дѣломъ успѣшно, если бы не были предварительно при его участіи и даже при участіи моемъ и покойнаго Самарина заранѣе рассмотрѣны и утверждены въ Петербургѣ Положенія объ учрежденіи комитета и другія различныя мѣропріятія? А между тѣмъ дѣло болгарское представляетъ по малой мѣрѣ не менѣе трудностей, чѣмъ польское, и Николай Алексѣевичъ имѣлъ счастье жить въ Петербургѣ при Особѣ Государя и лично пользоваться Высочайшимъ руководствомъ. Казалось бы, что если здѣсь въ Болгаріи, по самому роду дѣла, невозможно предварительное составленіе подробныхъ

*) Н. А. Милютинъ, братъ военнаго министра, бывшій Статсъ-Секретарь по дѣламъ Царства Польскаго. *Ред.*

положеній, тѣмъ не менѣе необходимо было бы установить и преподать къ руководству съ полной точностію нѣкоторыя общія и главныя начала.

Кончаю слишкомъ длинное уже и безъ того письмо мое и предаю мою судьбу всецѣло на волю Государя. По крайней мѣрѣ, никому нельзя будетъ въ будущемъ обвинить меня въ томъ, что мною не указаны были заранѣе предстоящія затрудненія, и я съ спокойною совѣстію, хотя и съ тревожнымъ духомъ, могу вступить въ ожидаемая мною въ близкомъ будущемъ почти неизбѣжныя невзгоды. Что касается до личныхъ жертвъ, которыя могутъ быть отъ меня потребованы, то и послѣ печальнаго мною проведеннаго послѣдняго года, я съ радостію готовъ принести еще всякую новую личную жертву, которая можетъ быть угодна Государю и полезна Отечеству.

Примите и пр.

Подписалъ: *Князь В. Черкасскій.*

Адріанополь.
20 января 1878 г.

(Это письмо не было отправлено. Ред.)

IX.

Милостивый Государь,

Дмитрій Алексѣевичъ!

Сейчасъ имѣлъ я честь получить письмо Вашего Высочайшаго Превосходительства отъ прошедшаго 27 декабря, привезенное фельдъегеремъ. Письмо это вывело меня изъ томительной неизвѣстности и опредѣлило ясно будущій ходъ дѣла, въ которое я успѣлъ вложить, если и мало знанія, то, по крайней мѣрѣ, добрую долю любви и добросовѣстнаго труда. Отнынѣ надѣюсь на его успѣхъ, будучи увѣренъ, что дѣло, созданное Государемъ, вѣнчающее Его славное Царствованіе и довершающее историческую задачу Его Великихъ Прародителей—Петра, Екатерины и въ Бозѣ почившаго Императора Николая, передано бу-

детъ въ вѣрныя, способныя и знающія руки. Самъ я сочту себя счастливымъ исполнить свято волю Его Величества въ настоящемъ случаѣ, какъ постарался бы выполнить ее по мѣрѣ крайняго разумѣнія и тогда, когда бы мнѣ было объявлено иное рѣшеніе Государя. Убѣдительно прошу Ваше Высокопревосходительство благоволить повергнуть эти искреннѣйшія чувства мои и безыскусственное ихъ выраженіе къ Августѣйшимъ стопамъ Его Императорскаго Величества. Если возможно, еще полнѣе и добросовѣстнѣе, чѣмъ въ прежнее время, будутъ послѣдніе дни моего здѣсь пребыванія посвящены возложеннымъ на меня Высочайшею волею временнымъ занятіямъ; и ничего, конечно, не будетъ мною упущено, что можетъ въ будущемъ сколько-нибудь облегчить дѣятельность лица, избраннаго довѣріемъ Государя.

Я нахожусь еще подъ самымъ свѣжимъ, животрепещущимъ впечатлѣніемъ событій. Совершился великій жребій, Всевышнимъ Промысломъ предначертанный и Государевою мудростію среди общихъ колебаній предугаданный. Я былъ бы счастливъ, если бы мои скромныя, но горячія вѣрноподданническія поздравленія могли бы достигнуть слуха Его Величества. Васъ, какъ ближайшаго совѣтника Государева въ этомъ многотрудномъ и великомъ дѣлѣ, позволяю себѣ усердно привѣтствовать.

Слава Государю, честь и вѣчная Вамъ хвала отъ всѣхъ любящихъ Отечество.

Спѣшу окончить мое письмо, дабы не опоздать отправкою его съ отъѣзжающимъ ночью, или рано утромъ, фельдъегеремъ, и прошу Ваше Высокопревосходительство благоволить принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и неизмѣнной преданности.

20 января 1878 г.
Адріонополь.

Докладная записка кн. В. А. Чернасскаго.

Предполагаемое занятіе Болгаріи нашими войсками имѣетъ относительно преслѣдуемой нами цѣли много общаго сходства съ таковымъ же занятіемъ Придунайскихъ Княжествъ въ 1829 г., и потому задача, предстоящая нынѣ Правительству по вопросу объ условіяхъ сего занятія, можетъ значительно облегчиться примѣромъ прошлаго. Вступивъ въ 1829 г. во время войны съ Турціею въ Придунайскія Княжества, мы задались мыслию обезпечить введеніе въ нихъ отдѣльной внутренней организаціи сообразно съ потребностями того политическаго существованія, которое мы желали создать для Молдо-Валахіи. Ту же цѣль мы рѣшились преслѣдовать нынѣ относительно Болгаріи, желая обезпечить за ней внутреннее управленіе на началахъ автономіи. Занимая край войсками мы одновременно будемъ передѣлывать политическое и гражданское устройство его.

Въ 1829 году Правительство признало неудобнымъ возложить на Главнокомандующаго арміею выполненіе задачъ столь противоположныхъ, какъ верховное руководство движеніями и дѣйствіями нашей арміи и заботы о гражданскомъ переустройствѣ края, и вслѣдствіе сего признано было необходимымъ назначить въ помощь Главнокомандующему особое лицо съ званіемъ Полномочнаго Предсѣдателя Дивановъ, собственно для выполненія предначертаній Правительства по внутренней организаціи княжествъ. При этомъ сановникъ была учреждена особая канцелярія, въ вѣдѣніи которой сосредоточены были всѣ дѣла по сношеніямъ съ мѣстными властями касательно удовлетворенія нуждъ арміи и дѣла по управленію краемъ и составленіе органическаго регламента для княжествъ. По дѣламъ второй категоріи Полномочный Предсѣдатель находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ Министерствомъ

Иностранныхъ Дѣлъ, которое доводило всѣ донесенія его до свѣдѣнія Государя Императора и снабжало его надлежащими инструкціями. Наши консулы въ княжествахъ, продолжая дѣятельность свою въ отношеніи русскихъ подданныхъ и интересовъ нашей торговли, оставались въ прямомъ подчиненіи Министерству Иностранныхъ Дѣлъ; въ другихъ же отношеніяхъ были они въ распоряженіи Полномочнаго Предсѣдателя.

Принимая во вниманіе, что такой порядокъ вещей принесъ существенную пользу дѣлу преобразованія внутренней организаціи княжествъ, въ то же время значительно облегчилъ и тяжесть заботъ, лежавшихъ на Главнокомандующемъ, казалось бы полезнымъ примѣнить этотъ примѣръ и къ настоящимъ обстоятельствамъ, назначивъ при особѣ Главнокомандующаго Полномочнаго Комиссара на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ состоялось назначеніе Полномочнаго Предсѣдателя Дивановъ въ 1829 г. Возможность упорнаго сопротивленія со стороны турокъ при вступленіи нашихъ войскъ въ Болгарію заставляеть предполагать, что все вниманіе Главнокомандующаго будетъ сосредоточено на нашей арміи, и всѣ заботы его будутъ обращены исключительно на достиженіе предполагаемой цѣли съ возможно меньшими жертвами для нашихъ войскъ. При такихъ обстоятельствахъ Главнокомандующему трудно будетъ одновременно слѣдить за администраціею и ходомъ дѣлъ по переустройству края:—ему необходимъ будетъ помощникъ въ лицѣ комиссара съ широкимъ полномочіемъ, внѣ всякой зависимости отъ военныхъ дѣйствій, для составленія и введенія въ занятомъ краѣ новаго, гражданскаго устройства.

Кромѣ сего, назначеніе Полномочнаго Комиссара въ Болгаріи обусловливается еще и тѣмъ соображеніемъ, что болгарское населеніе, мало знакомое съ бюрократическими формами и привыкшее подъ турецкимъ владычествомъ видѣть въ главѣ мѣстнаго управленія высшихъ сановниковъ Порты, отнеслось бы съ большимъ довѣріемъ къ

нашему Комиссару, какъ главѣ временнаго правительства, чѣмъ къ какому-либо безличному учрежденію въ родѣ канцеляріи при Главнокомандующемъ.

Вслѣдствіе сего въ кругъ дѣятельности Полномочнаго Комиссара въ Болгаріи должны бы были войти:

1) Временное управленіе краемъ, равнымъ образомъ какъ и работы по составленію и введенію въ дѣйствіе политическаго и гражданскаго уложенія Болгаріи.

2) Содѣйствіе всѣми зависящими отъ него мѣрами къ удовлетворенію нуждъ Дѣйствующей арміи.

На основаніи положенія по полевому управленію арміи, Главнокомандующему предоставляется въ областяхъ непріятельскихъ, занятыхъ по праву войны, учреждать именемъ Его Императорскаго Величества временное управленіе, снабжать его указаніями для всѣхъ важныхъ случаевъ и дать правленію способы удержанія области въ спокойствіи и повиновеніи.

Примѣняясь къ таковымъ законоположеніямъ, Комиссаръ долженъ будетъ, по мѣрѣ занятія страны нашими войсками, вводить въ ней временное управленіе согласно съ указаніями Главнокомандующаго, отъ котораго онъ будетъ получать непосредственно приказанія по всѣмъ дѣламъ, касающимся временнаго управленія. Но такъ какъ одновременно подъ руководствомъ Комиссара будутъ выработываться основанія новаго политическаго и гражданскаго устройства для Болгаріи, на началахъ автономіи, и какъ въ этомъ дѣлѣ можетъ предвидѣться и участіе другихъ европейскихъ правительствъ по собственной ихъ инициативѣ или по нашему приглашенію, то въ этомъ случаѣ необходимо было бы, чтобы Комиссаръ, независимо отъ того, что онъ будетъ докладывать по дѣламъ этого рода Главнокомандующему, находился бы въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое будетъ доводить о дѣйствіяхъ Комиссара по составленію политическаго и гражданскаго уложенія Болгаріи до Высочайшаго свѣдѣ-

нія Государя Императора, и снабжать его надлежащими инструкціями сообразно съ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ съ иностранными правительствами, поставляя о томъ въ извѣстность Главнокомандующаго. Какъ важно, чтобы Комиссаръ относительно дѣлъ временнаго управленія Болгаріи руководствовался исключительно приказаніями Главнокомандующаго, такъ необходимо, чтобы въ вопросѣ о составленіи и введеніи новаго политическаго и гражданскаго уложенія мы дѣйствовали по возможности осторожно и не подвергали-бы себя отвѣтственности и предъ Европою и предъ болгарами за ошибки, могущія неблагопріятно отразиться на послѣдующей судьбѣ болгарскаго народа. Кругъ дѣйствій и власти Полномочнаго Комиссара не долженъ переходить за предѣлы Болгаріи.

Всѣ дѣла политическаго характера, и притомъ не относящіеся до будущей организаціи Болгаріи, должны сосредоточиться въ особой дипломатической канцеляріи, которая будетъ находиться въ непосредственномъ распоряженіи Главнокомандующаго и будетъ состоять изъ начальника канцеляріи и нѣсколькихъ секретарей и драгомановъ, по назначенію министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ составъ канцеляріи, которая будетъ образована при Полномочномъ Комиссарѣ, могутъ также войти нѣсколько чиновниковъ (и драгомановъ изъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ. Консулы наши въ Болгаріи останутся въ томъ же положеніи, въ какомъ были консулы въ Молдо-Валахіи при временномъ русскомъ управленіи въ 1829-мъ, 30-мъ, 31-мъ и 1854-мъ годахъ.

Проектъ учрежденія управленія Княжества Болгарскаго.

I.

Во главѣ всѣхъ правительственныхъ учрежденій Княжества Болгарскаго находится Императорскій Россійскій

Верховный Комиссаръ, назначаемый Высочайшею властью. Его права и обязанности опредѣляются особымъ наказомъ.

II.

Для руководства текущими дѣлами управленія и разработки, въ законодательномъ порядкѣ, различныхъ проектовъ и положеній, при Верховномъ Комиссарѣ состоитъ „Совѣтъ управленія Княжества Болгарскаго“.

III.

Верховный Комиссаръ предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ управленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сочтетъ это нужнымъ.

IV.

Совѣтъ управленія состоитъ изъ вице-предсѣдателя и восьми членовъ. Вице-предсѣдатель и члены Совѣта назначаются Высочайшею властію. Сверхъ того, членами Совѣта считаются, по занимаемымъ ими мѣстамъ, экзархъ и всѣ болгарскіе епархіальные архіереи, которые, для присутствованія въ Совѣтѣ, вызываются въ порядкѣ, опредѣленномъ Императорскимъ Комиссаромъ по соглашенію съ экзархомъ.

Примѣчаніе. По приглашенію Верховнаго Комиссара или по опредѣленію Совѣта, въ засѣданіе его приглашаются съ правомъ совѣщательнаго голоса и другія лица, могущія дать полезныя заключенія по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію.

V.

Вице-предсѣдатель Совѣта предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ во всѣхъ случаяхъ, когда Верховный Комиссаръ

не присутствуетъ лично въ Совѣтъ. Въ отсутствіе вице-предсѣдателя, его обязанности переходятъ къ члену Совѣта, избранному на сей предметъ Императорскимъ Комиссаромъ.

VI.

Одинъ изъ членовъ Совѣта, по распоряженію Верховнаго Комиссара, назначается завѣдующимъ дѣлами Совѣта.

VII.

Каждый изъ прочихъ свѣтскихъ членовъ Совѣта завѣдываетъ особо одною изъ слѣдующихъ частей управленія, а именно: 1) внутренними дѣлами, 2) финансовыми, 3) судебною частью, 4) дѣлами учебными и духовными, 5) военными дѣлами.

VIII.

Распредѣленіе частей управленія между членами Совѣта производится по распоряженію Верховнаго Комиссара.

IX.

Разсмотрѣнію Совѣта управленія подлежатъ: *во-первыхъ*, всѣ дѣла, внесеніе въ него коихъ будетъ указано Верховнымъ Комиссаромъ; *во-вторыхъ*, дѣла по всѣмъ частямъ управленія, требующія новаго закона или принятія общихъ мѣръ; *въ-третьихъ*, дѣла по всѣмъ частямъ управленія, рѣшеніе коихъ превышаетъ власть, предоставленную начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія, и *въ-четвертыхъ*, отчеты по всѣмъ учрежденіямъ.

X.

Дѣла вносятся въ Совѣтъ членомъ, завѣдывающимъ его дѣлами, которому и сообщаются записки отъ подлежащихъ начальствъ и доставляются всѣми лицами и учрежденіями необходимыя, по его требованію, справки и разъясненія.

XI.

Дѣла въ совѣтѣ разсматриваются коллегіально и рѣшаются большинствомъ голосовъ. При раздѣленіи голосовъ поровну, перевѣсъ отдается той сторонѣ, съ которою согласенъ предсѣдатель. Для законности рѣшенія Совѣта необходимо присутствіе, кромѣ предсѣдателя, трехъ членовъ.

XII.

Всѣ журналы Совѣта представляются Верховному Комиссару, который или утверждаетъ ихъ или, принимая на себя отвѣтственность, предлагаетъ Совѣту направить дѣло согласно его указаніямъ.

XIII.

Вошедшія въ силу постановленія Совѣта (§ 12) объявляются отъ имени Совѣта, по принадлежности, а въ важнѣйшихъ случаяхъ припечатываются въ официальныхъ вѣдомостяхъ, издаваемыхъ по распоряженію Совѣта.

XIV.

Въ случаяхъ надобности, для обсужденія какихъ-либо особыхъ вопросовъ или для приведенія въ исполненіе

состоявшихся уже рѣшеній, Совѣту дозволяется образовывать, подъ предсѣдательствомъ своихъ членовъ или другихъ лицъ, особыя комиссіи. Порядокъ дѣйствій и пространство власти этихъ комиссій опредѣляется Совѣтомъ.

XV.

При Императорскомъ Комиссарѣ состоятъ чиновники особыхъ порученій и канцелярія. Распоряженіемъ его часть чиновъ канцеляріи назначается лично состоять при немъ. Остальные чины распредѣляются, его же распоряженіемъ, между отдѣльными частями и членомъ, завѣдывающимъ дѣлами.

Примѣчаніе. Къ сему прилагаются штаты управления Императорскаго Комиссара въ Княжествѣ Болгарскомъ.

Подписано: *Князь Черкасскій.*

ОТЧЕТЪ

кн. В. А. Черкасского о введеніи гражданскаго управленія въ Болгаріи въ 1877 г. (не оконченъ).

Въ 16 день ноября 1876 г. Государю Императору благоугодно было повелѣть учредить при Главнокомандующемъ Дѣйствующею арміею должность Завѣдывающаго гражданскими дѣлами, съ состоящими при немъ чинами и особою канцеляріею.

Одновременно утверждена была секретная инструкция для Завѣдывающаго, а въ приказѣ по Военному Вѣдомству за № 352 указаны общія основанія для дѣйствій означенной канцеляріи и штатъ ея. Тогда же послѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня Завѣдывающимъ гражданскими дѣлами, о чемъ и объявлено по военному Вѣдомству въ приказѣ 21 ноября.

При неопредѣленности въ то время политическаго положенія дѣлъ и необходимости дѣйствовать осторожно, дабы ничѣмъ не дать повода къ какимъ-либо ложнымъ, относительно будущаго, заключеніямъ, канцелярію мою на первое время рѣшено было составить въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, а именно резолюціею Вашего Императорскаго Высочества отъ 18 ноября 1876 г. въ ней повелѣнно имѣть слѣдующихъ чиновъ:

Правителя канцеляріи	1
Чиновниковъ особыхъ порученій	2
Начальниковъ отдѣленій	2
Помощ. начал. отдѣленій	2
Бухгалтера	1

На пополненіе этого ограниченнаго состава канцеляріи мною взяты были только правитель канцеляріи, генеральнаго штаба ген.-маіоръ Домантовичъ, одинъ чиновникъ особыхъ порученій, начальн. штаба Оренб. каз. войска генеральн. штаба полковникъ Соболевъ, одинъ начальникъ отдѣленія и одинъ помощникъ начальника отдѣленія.

Въ такомъ составѣ изъ четырехъ лицъ канцелярія оставалась до самаго перемѣщенія ея изъ С.-Петербурга въ Кишиневъ, что послѣдовало 8 апрѣля 1877 г.

Во время пребыванія канцеляріи въ С.-Петербургѣ, я неоднократно получалъ Высочайшія соизволенія на отъѣздъ въ Москву, въ ожиданіи наступленія того времени, когда мнѣ назначено будетъ отправиться въ Кишиневъ для окончательнаго поступленія въ распоряженіе Вашего Императорскаго Высочества.

Занятія канцеляріи въ этотъ періодъ времени состояли въ принятіи, черезъ посредство Благотворительнаго Московскаго Славянскаго Комитета, мѣръ къ заготовленію обмундированія на 6 т. человѣкъ первыхъ шести дружинъ Болгарскаго ополченія, подготовленіи нѣкоторыхъ монографій о Болгарскомъ Краѣ и собраніи всѣхъ важнѣйшихъ матеріаловъ о Турціи вообще и Болгаріи въ особенности.

Необходимость содержанія въ секретѣ данной мнѣ инструкции 16 ноября не позволила принять другихъ, болѣе дѣйствительныхъ, мѣръ къ собранію подобныхъ свѣдѣній, а отложеніе разрыва съ Турціей до апрѣля мѣсяца лишило меня возможности сосредоточить чиновъ консульскаго корпуса, попрежнему остававшихся на своихъ постахъ въ Турціи.

Только съ прибытіемъ въ Кишиневъ и послѣдовавшимъ затѣмъ объявленіемъ войны, я, съ разрѣшенія Вашего Императорскаго Высочества, сдѣлалъ распоряженіе: во-первыхъ, объ образованіи въ г. Бухарестѣ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ чиновника для особыхъ порученій, генеральн. штаба полковника *Соболева*, для собранія и немедленнаго печатанія „*Матеріаловъ для изученія Бол-*

garin“, и во-вторыхъ, о сосредоточеніи въ мое вѣдѣніе чиновъ бывшаго въ Турціи консульскаго корпуса, которые по мѣрѣ ихъ прибытія направлялись въ Бухарестъ, какъ въ составъ комиссіи по изданію матеріаловъ, такъ и для разбора привезеннаго туда архива бывшаго Рущукскаго генеральнаго консульства, въ которомъ надѣялись найти интересныя данныя по Дунайскому вилайету, первому подлежащему занятію нашими войсками. На нѣкоторыхъ изъ сихъ чиновъ, хорошо ознакомленныхъ съ мѣстными условіями края и отчасти съ болѣе выдающимися личностями его населенія, возложена была обязанность составить по каждому санджаку Дунайскаго вилайета списокъ: 1) лицамъ, которыхъ можно бы было призвать къ участію въ дѣлѣ устройства въ краѣ новой администраціи и 2) лицамъ, особенно неблагонадежнымъ, за дѣйствіями коихъ слѣдовало имѣть особое наблюденіе.

Сверхъ сего Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было согласиться на назначеніе ко мнѣ помощникомъ Радомскаго губернатора, генеральнаго штаба генераль-маіора *Анучина*, который и, бывъ командированъ въ Ваше распоряженіе съ оставленіемъ въ должности губернатора, прибылъ въ Кишиневъ 3-го мая.

Озабоченный точнымъ исполненіемъ возложеннаго на меня вторымъ пунктомъ секретной инструкціи, постепеннаго введенія въ дѣйствіе новаго гражданскаго управленія, на утвержденныхъ Главнокомандующимъ основаніяхъ, въ частяхъ Задунайскаго края, по мѣрѣ очищенія ихъ нашими войсками отъ турецкаго владычества,—я обратилъ вниманіе на увеличеніе въ своемъ распоряженіи личнаго состава, дабы, на случай могущей предстать въ самомъ непродолжительномъ времени потребности начать гражданское устройство за Дунаемъ, имѣть не только въ виду, но и подъ рукою на *мѣстѣ*, хотя нѣсколькихъ лицъ, которыхъ можно бы было немедленно употребить въ дѣло.

Предстоящая гражданскому вѣдомству дѣятельность въ краѣ, едва занятомъ войсками, и въ военное время,

когда прежде всего нужно было обезпечить въ тылу арміи полный порядокъ и спокойствіе, заставила меня кандидатовъ для личнаго состава подвѣдомственнаго мнѣ управленія искать между военными офицерами, къ чему также побуждалъ меня и опытъ предшествовавшей моей службы въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ я видѣлъ, что, въ минуту необходимости, наша доблестная армія выдѣлила изъ своихъ рядовъ массу офицеровъ, оказавшихся вполне достойными и способными дѣятелями на поприщѣ административномъ;—Ваше Императорское Высочество изволили одобрить эту мысль, но въ виду военно-административныхъ соображеній, а именно невозможности ослаблять состава офицерскихъ чиновъ въ войскахъ Дѣйствующей арміи, не сочли возможнымъ назначить въ мое распоряженіе офицеровъ изъ этой арміи. Пришлось искать ихъ въ войскахъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ, гдѣ въ то время еще не было мобилизациі войскъ, и можно было рассчитывать на самое горячее содѣйствіе г.г. командующихъ войсками и начальства гвардіи.

При отсутствіи точныхъ и вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній о Задунайскомъ краѣ и вообще малаго знакомства съ мѣстными его условіями, не представлялось возможнымъ дать точныхъ основаній для обсужденія вопроса о численности личнаго состава и содержаніи будущаго управленія въ Болгаріи, а потому для того, чтобы не составлять новыхъ штатовъ, утвержденіе которыхъ въ законодательномъ порядкѣ потребовало бы значительнаго времени, Ваше Императорское Высочество, не стѣсняя простора своихъ дѣйствій въ будущемъ сообразно обстоятельствамъ, сочли за лучшее примѣнить на первое время къ административнымъ учрежденіямъ въ Болгаріи штаты Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Личный же составъ чиновъ на первое время рѣшено было ограничить избраніемъ кандидатовъ на должности начальниковъ округовъ, предоставивъ имъ содержаніе начальниковъ уѣздовъ по Туркестанскимъ штатамъ. По приблизительному числу

округовъ (казъ) въ тѣхъ санджакахъ, которые были въ виду Константинопольской международной конференціи, число кандидатовъ на должности начальниковъ округовъ ограничено 80-ю съ тѣмъ однако, чтобы на первое время озаботиться пріисканіемъ лишь половины соотвѣтственныхъ кандидатовъ.

Для пріисканія, выбора и приглашенія кандидатовъ изъ военно-служащихъ и доклада всего дѣла Военному Министру, правитель моей канцеляріи ген.-маіоръ Домантовичъ отправленъ былъ 9 мая въ Кіевъ, Москву и С.-Петербургъ съ рескриптомъ Вашего Высочества къ Военному Министру и съ письмами отъ меня къ генералъ-адъютантамъ Дрентельну, Гильденштуббе и барону Бистрому.

Начатое такимъ образомъ дѣло встрѣтило со стороны названныхъ лицъ и военнаго министерства, а также со стороны начальства гвардейскаго корпуса самое дѣятельное и просвѣщенное содѣйствіе, и почти все просимое число кандидатовъ было немедленно указано, а именно 23 офицера гвардіи и болѣе 40 человекъ изъ военно-служащихъ въ округахъ Петербургскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ, преимущественно изъ числа уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

Кромѣ испрошенія Высочайшаго соизволенія на командированіе офицеровъ гвардіи для назначенія на должности по устройству гражданскаго управленія въ Болгаріи, Военный Министръ исходатайствовалъ какъ Высочайшее одобреніе примѣненія къ управленію въ Болгаріи Туркестанскихъ штатовъ, такъ и особое повелѣніе о порядкѣ командированія сюда военно-служащихъ, для чего и послѣдовало установленіе слѣдующихъ правилъ:

1) Предназначаемыхъ на должности по гражданскому управленію Болгаріи лицъ высылатъ по частямъ сообразно съ дѣйствительною въ нихъ необходимостью, каждый разъ по особому заявленію князя Черкаскаго съ доклада о томъ Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему.

2) За командированными съ этою цѣлью лицами сохранить права и преимущества, предоставленныя военно-служащимъ, командированнымъ для занятій должностей въ полевомъ управленіи Дѣйствующей арміи, и въ томъ числѣ сохранить за ними занимаемыя ими нынѣ должности, но считать послѣднія, до возвращенія этихъ лицъ, вакантными подобно тому, какъ это допущено по отношенію военно-служащихъ, назначенныхъ на должности въ полевое управленіе арміею.

Офицеры гвардіи и нѣкоторые изъ военно-служащихъ Петербургскаго военного округа, всего въ числѣ 30 человекъ, были вызваны сюда по телеграфу 10 іюня. На другой день, 11 іюня, я предварилъ Главный Штабъ, что въ скоромъ времени будутъ вызваны и остальные офицеры, преимущественно изъ числа воинскихъ уѣздныхъ начальниковъ.

Образовавъ такимъ образомъ на первое время достаточный резервъ чиновъ для назначенія изъ него личного состава мѣстнаго управленія за Дунаемъ, все мое вниманіе было обращено на предварительное обсужденіе, составленіе и представленіе на утвержденіе Вашего Императорскаго Высочества тѣхъ мѣръ, которыя должны были быть приняты немедленно по переходѣ нашихъ войскъ за Дунай и на обнародованіе тамъ Высочайшей прокламаціи къ болгарамъ, составленіе которой поручено было также мнѣ.

Такъ какъ на первое время по переходѣ за Дунай гражданское управленіе не могло установиться немедленно, а ему должно было предшествовать чисто военное занятіе края, то для доставленія главнымъ военнымъ начальникамъ возможности собирать свѣдѣнія о краѣ и повѣрять получающіяся донесенія, а равно имѣть посредниковъ между войсками и мѣстнымъ населеніемъ, командированы были въ распоряженіе VIII, IX, XII и XIV корпусовъ чины консульскаго корпуса, и сверхъ того мною составлены:

1) Инструкція для учрежденія первоначальнаго воен

но-полицейскаго управленія въ занимаемомъ войсками краѣ;

2) Главныя основанія объявленія по дѣламъ казеннаго управленія, вошедшія въ составъ прокламаціи Вашего Высочества, возвѣстившей жителямъ Болгаріи объ отмѣнѣ беделя, десятины, съ 1878 года и прекращенія курса турецкихъ кайме;

3) Инструкція чинамъ консульскаго корпуса, командированнымъ въ распоряженіе корпусныхъ командировъ, и

4) Сообщены Начальнику полевого штаба Дѣйствующей арміи соображенія о порядкѣ общаго обезоруженія мусульманскаго населенія во всѣхъ мѣстностяхъ немедленно вслѣдъ за занятіемъ ихъ нашими войсками.

Сверхъ сего тогда же разосланы были первые два напечатанные въ Бухарестѣ выпуска „Матеріаловъ для изученія Болгаріи“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлено было положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ Болгаріи, и разрабатывались при посредствѣ чиновъ консульскаго корпуса свѣдѣнія о существѣ бывшихъ при турецкомъ правительствѣ различныхъ податей и способа ихъ раскладки и взиманія.

Для возможности удовлетворенія всѣмъ потребностямъ службы, штаты моей канцеляріи по резолюціи Вашего Императорскаго Высочества отъ 24 мая еще увеличены 4 чиновниками особыхъ порученій и 2 помощниками начальника отдѣленія, такъ что въ канцеляріи числилось 14 чиновъ.

Такимъ образомъ, ко времени перехода черезъ Дунай гражданское управленіе выработало всѣ положенія, необходимыя для введенія въ дѣйствіе тотчасъ по переходѣ въ Болгарію, снабдило главныхъ начальниковъ войскъ знающими край чиновниками въ лицѣ чиновъ консульскаго корпуса и статистическими данными о Болгаріи, а также располагало полною возможностью немедленнаго полученія изъ Имперіи первыхъ кандидатовъ для

занятія административныхъ должностей въ Болгаріи тотчасъ же по приступленіи введенія въ занятыхъ ея частяхъ правильнаго гражданскаго управленія.

14 іюня ввѣренная Вашему Императорскому Высочеству Дѣйствующая армія совершила блистательный переходъ черезъ Дунай. Прокламація Государя Императора объяснила болгарамъ великодушныя намѣренія Россіи и обрисовала образъ дѣйствій гражданскаго управленія. Настала минута опредѣленія тѣхъ источниковъ, на которые должны быть отнесены предстоящіе расходы по содержанию новой гражданской администраціи въ Болгаріи. Въ разрѣшеніе этого вопроса въ 20 день іюня сего года Высочайше утверждены *Главныя основанія для устройства финансоваго управленія въ Болгаріи*, которыми между прочимъ опредѣлено слѣдующее:

§ 5. Средства, собираемыя въ Болгарскомъ Краѣ въ видѣ податей, десятины, пошлинъ, военныхъ контрибуцій, штрафовъ и проч., въ какія бы кассы и казначейства таковыя ни поступили, состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею по управленію гражданскихъ дѣлъ и расходуются по докладамъ Завѣдующаго гражданскими дѣлами.

§ 6. Изъ этихъ сборовъ, по распоряженію Главнокомандующаго, постепенно возмѣщаются казнѣ Имперіи всѣ денежныя средства, которыя выданы ею на расходы по гражданскому управленію при Главнокомандующемъ арміею.

§ 7. На производство текущихъ по гражданскому управленію въ Болгаріи расходовъ и до времени поступления мѣстныхъ болгарскихъ сборовъ, независимо отъ суммъ гражданскому управленію при Главнокомандующемъ арміею опредѣленныхъ Высочайше утвержденнымъ штатомъ 16 ноября 1876 г., и предоставленной въ распоряженіе Главнокомандующаго экстраординарной суммы,—открывается еще въ его же распоряженіе авансовый кредитъ на счетъ смѣты расходовъ по полевому управленію

арміи, въ размѣрѣ двухсотъ тысячъ рублей, расходуемый по докладамъ Завѣдующаго гражданскими дѣлами.

§ 8. По предварительному соглашенію и общему о томъ докладу Главнокомандующему Дѣйствующею арміею Начальника полевого штаба и Завѣдующаго гражданскими дѣлами, указанныя выше (ст. 5) финансовыя средства Болгарскаго Края обращаются также на покрытіе расходовъ по первоначальному образованію и дальнѣйшему устройству Болгарскаго ополченія.

При послѣдовавшемъ затѣмъ движеніи впередъ, канцелярія гражданскихъ дѣлъ отправилась за Главную Квартірою и 30 іюня 1877 г. расположилась въ Тырново.

Занятіе обширнаго края между Дунаемъ и Балканами, а также и на нижнихъ частяхъ Дуная, и принадлежность занятыхъ мѣстностей къ различнымъ санджакамъ,—причемъ санджаки Тырновскій и Тульчинскій были заняты въ большей ихъ части, а изъ Рущукскаго санджака занята была только его западная часть съ оставленіемъ главнаго города Рущука во власти турокъ,—вынудило приступить немедленно къ введенію гражданского управленія въ санджакахъ: Тульчинскомъ, Тырновскомъ и Систовскомъ. Первые два санджака образованы въ тѣхъ самыхъ границахъ, въ коихъ находились при турецкомъ правительствѣ, а Систовскій санджакъ вновь образованъ изъ Систовскаго, Никопольскаго и Плевненскаго округовъ (казъ), при турецкомъ владычествѣ принадлежавшихъ къ Рущукскому санджаку.

1-го іюля въ названные санджаки и. д. губернаторовъ и вице-губернаторовъ назначены:

въ *Тырновскій*—генеральнаго штаба ген.-маіоръ *Домантовичъ*—губернаторомъ, а мѣстный уроженецъ *Балабановъ*—вице-губернаторомъ;

въ *Систовскій*—бывшій вице-консулъ въ Филиппополѣ *Геровъ*—губернаторомъ, а мѣстный уроженецъ *Цанковъ*—вице-губернаторомъ, и

въ *Тульчинскій*—второй драгоманъ Константинополь-

скаго посольства надворный совѣтникъ *Бьлоцерковецъ*— губернаторомъ и полковникъ *Юргенсонъ* — вице-губернаторомъ.

Въ это же самое время, 1-го іюля, по повелѣнію Вашего Императорскаго Высочества, я просилъ Начальника главнаго штаба Военнаго Министерства озаботиться скорѣйшею высылкою въ Болгарію и остальныхъ кандидатовъ, выбранныхъ изъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

Такъ какъ съ переходомъ за Дунай образованъ былъ особый Руцукскій отрядъ для операцій за р. Янтрою по направленію въ глубь восточной части Руцукскаго санджака, то дабы не оставить и эту часть края безъ введенія въ немъ правильнаго гражданскаго устройства, какъ только представится къ тому первая возможность,—Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было 9-го іюля назначить генеральнаго штаба полковника *Золотарева* и. д. губернатора Руцукскаго санджака; и. д. вице-губернатора къ нему назначенъ бывшій нештатный вице-консулъ въ Варнѣ *Даскаловъ*.

Изъ числа офицеровъ, назначенныхъ для занятія должностей по гражданскому управленію въ Болгаріи, первые прибыли въ Систовъ 29-го іюня, а затѣмъ и всѣ остальные явились сюда въ продолженіе іюля и первой половины августа. По мѣрѣ прибытія офицеры эти, за отдѣленіемъ изъ нихъ для занятій при канцеляріи, распредѣлялись по санджакамъ, а именно, ихъ назначено:

въ Тырновскій санджакъ	31
„ Тульчинскій „	7
„ Систовскій „	22
„ Руцукскій „	8

При назначеніяхъ на административныя должности имѣлось въ виду начальниками округовъ назначать исключительно лицъ русскаго происхожденія, въ центральныя же учрежденія санджаковъ опредѣлять, по возможности,

и мѣстныхъ уроженцевъ, чтобы пользоваться лучшими силами страны и привлечь ихъ къ дѣламъ управленія съ самаго начала устройства здѣсь правильной администраціи.

Въ первые четыре санджака назначены между прочимъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ одинъ губернаторъ Геровъ и три вице-губернатора: Даскаловъ, Балабановъ и Цанковъ. Первые двое принадлежатъ къ составу нашего консульскаго корпуса, а двое послѣднихъ извѣстны были, какъ патріоты, объѣздившіе въ 1876 г. европейскія государства въ качествѣ уполномоченныхъ представителей Болгаріи, страдавшей тогда отъ неистовствъ мусульманскаго фанатизма. На низшія должности въ административныя управленія санджаковъ и округовъ преимущественно назначались мѣстные уроженцы, которые по выборамъ заняли также и всѣ должности въ мѣстныхъ управительныхъ и судебныхъ совѣтахъ и прочихъ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія.

Для подготовленія кандидатовъ изъ болгаръ еще въ Кишиневѣ, а потомъ въ Плоэштахъ, было мною приглашено нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, которые потомъ и поступили въ распоряженіе губернаторовъ и начальниковъ округовъ, давъ имъ возможность образовать соотвѣтственный обстоятельствамъ комплектъ переводчиковъ.

Для возможности дальнѣйшаго подготовленія подобныхъ кандидатовъ Ваше Высочество 1-го іюля изволили разрѣшить мнѣ прикомандировать къ состоящей при мнѣ канцеляріи мѣстныхъ уроженцевъ, относя ихъ по содержанию къ тремъ разрядамъ: первый получаетъ 80, второй—70 и третій—60 руб. въ мѣсяцъ, на половину кредитными билетами и на половину звонкою монетою. Мѣра эта на практикѣ оказалась весьма полезною.

Для руководства вновь учрежденныхъ властей въ порядкѣ управленія занятымъ краемъ Ваше Императорское Высочество изволили утвердить составленные мною:

1) 8 *юля*—Положеніе о гражданскомъ управленіи въ санджакахъ и округахъ Болгарскаго Края со штатами подлежащихъ учрежденій;

2) 8 *августа*—Временныя правила для управительныхъ (административныхъ) совѣтовъ въ округахъ и городахъ Болгаріи, съ временнымъ росписаніемъ въ нихъ должностей;

3) 8 *августа*—Временныя правила для образованія въ Болгаріи полицейской вольнонаемной стражи и вооруженныхъ мѣстныхъ карауловъ.

Засимъ 9 августа Ваше Высочество утвердили представленныя Завѣдующимъ судебною частью временныя правила для отдѣльныхъ полевыхъ военныхъ судовъ въ Болгаріи. На первый разъ суды учреждены въ гг. Сивовѣ и Тырново.

Около того же времени окончены остальные три выпуска „Матеріаловъ для изученія Болгаріи“, заключающіе въ себѣ:

Всѣ пять выпусковъ матеріаловъ (въ нихъ считается печатныхъ стр.) заключаютъ въ себѣ весьма значительное число добросовѣстно собранныхъ данныхъ, дающихъ вполне ясное понятіе о положеніи управленія въ Турціи и довольно подробныя статистическія свѣдѣнія о Дунайскомъ вилайетѣ. Въ составъ этихъ матеріаловъ вошли нѣкоторыя статьи, составленныя по рукописнымъ источникамъ, а потому изданные „Матеріалы“, составляя необходимое пособіе администраціи, дѣйствующей въ краѣ, въ то же время далеко не лишены и научнаго интереса и составляютъ замѣтное явленіе въ нашей литературѣ, бѣдной, къ сожалѣнію, монографіями по Турціи, съ которой мы, столь долгое время, ведемъ продолжительныя войны.

Всѣ же временныя положенія, къ администраціи края относящіяся, печатаются по мѣрѣ накопленія матеріала, отдѣльными выпусками подъ заглавіемъ „Сбор-

никъ офіціальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому Краю“. Таковыхъ выпусковъ вышло уже четыре, обнимающіе всѣ распоряженія по 10-е сентября включительно.

Такимъ образомъ мѣстному гражданскому управленію въ Болгаріи преподаны были достаточныя указанія для правильныхъ его дѣйствій, а въ образованіи вооруженной полицейской стражи, мѣстныхъ карауловъ изъ жителей и въ учрежденіи отдѣльныхъ полевыхъ судовъ—даны, во сколько зависѣло отъ гражданской власти, необходимыя средства для наблюденія за краемъ, поддержанія порядка и наказанія, въ случаѣ надобности, виновныхъ, порядокъ преданія коихъ военному суду опредѣленъ въ прокламаціи Вашего Высочества отъ 1 іюля по вопросу о подсудности преступленій военному суду, и во временныхъ правилахъ для отдѣльныхъ полевыхъ военныхъ судовъ въ Болгаріи.

Несмотря на милостивыя державныя слова Государя Императора, возвѣстившія въ прокламаціи полное покровительство закона всѣмъ тѣмъ жителямъ Балканскаго полуострова, которые спокойно останутся на своихъ мѣстахъ въ частяхъ Болгаріи, занятыхъ нашими войсками, переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай подалъ сигналъ къ немедленному и почти поголовному бѣгству всего мусульманскаго населенія изъ мѣстностей, занятыхъ войсками. Тогда воочію всѣхъ и въ полномъ своемъ значеніи представилось господствующее здѣсь страшное раздѣленіе въ мѣстномъ населеніи между болгарами и турками, христіанами и магометанами. Бѣгство вчерашнихъ еще властелиновъ и притѣснителей привело болгарское населеніе въ какое-то опьяненіе и, къ сожалѣнію, подвигло его къ репрессаліи противу всего магометанскаго. Турецкіе дома сперва въ г. Систовѣ, а потомъ Тырново и другихъ мѣстахъ, были разграблены болгарами; въ тылу нашихъ войскъ образовались около Систова, у Тырново и Габрово вооруженныя шайки болгаръ, грабившія и убивавшія ту-

рокъ, гдѣ бы тѣ ни встрѣчались. Отпущеніе на свободу и оказаніе покровительства со стороны нашихъ властей тѣмъ туркамъ, которые оставались спокойно въ своихъ деревняхъ и просили лишь о защитѣ отъ болгаръ, приводило послѣднихъ въ ярость, чему я лично былъ свидѣтелемъ въ Тырново при отпускѣ по домамъ турецкихъ депутацій, приходившихъ къ Вашему Высочеству просить о защитѣ. Въ томъ же Тырново, около котораго расположена была Главная Квартира Дѣйствующей арміи, въ теченіе многихъ дней носились зловѣщіе слухи о предстоящемъ поджогѣ турецкихъ кварталовъ, и нѣкоторые частные, очевидно, умышленные пожары показывали, что безъ бдительнаго надзора за населеніемъ, осуществленіе намѣреній нѣкоторыхъ злоумышленниковъ легко могло состояться къ явной опасности многочисленнымъ военнымъ складамъ и запасамъ, размѣстившимся уже въ Тырново. Къ крайнему сожалѣнію, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ вооруженныхъ шайкахъ, грабившихъ и убивавшихъ мусульманское населеніе, принимали участіе и члены духовенства, что показываетъ, что репрессаліи болгаръ надъ турками производились не только чернью, но и оправдывались болѣе развитыми классами общества.

Подобныя обстоятельства вынуждали меня въ докладной запискѣ, поданной Вашему Высочеству 4 іюля въ Тырново, указать на страшное раздѣленіе между мѣстнымъ населеніемъ, въ коемъ одна часть стремилась уничтожить другую, и объяснивъ, что, по ходу вещей, подобное раздѣленіе не скоро уляжется, а вѣроятно разовьется далѣе и еще болѣе, просить повелѣнія Вашего о назначеніи въ мое распоряженіе вооруженной силы для удержанія спокойствія, тишины и порядка въ тылу арміи, для чего при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ очевидно не было возможности обойтись одною вновь вводимую полицейскою стражею, весьма часто не признававшеюся не только жителями, но и нашими войсками. На первое время я просилъ:

1) Назначить въ мое распоряженіе двѣ сотни казаковъ, по одной сотнѣ для Систовскаго и Тырновскаго округовъ,

2) шесть ротъ Болгарскаго ополченія, оставленныхъ въ Систовѣ для формированія новыхъ шести дружинъ, расположить по двѣ роты въ Систовѣ, Тырново и Габрово съ тѣмъ, чтобы имъ приказано было ежедневно отдѣлять въ распоряженіе гражданскаго вѣдомства по крайней мѣрѣ по 50 чел. для карауловъ и патрулей по мѣрѣ надобности,

и 3) скорѣе вызвать изъ Имперіи два резервныхъ батальона, которые предназначены были къ поступленію въ вѣдѣніе гражданскаго вѣдомства.

13-го іюля генераль-адъютантъ Непокойчицкій увѣдомилъ меня, что Ваше Императорское Высочество, по вопросу о назначеніи мнѣ военной силы, затрудняетесь въ исполненіи моего ходатайства въ полномъ объемѣ единственно по недостатку войскъ Дѣйствующей арміи, заставляющему всѣ подвижныя части и въ томъ числѣ всѣхъ казаковъ оной употреблять для дѣйствій противъ непріятеля. Однако впредь до присылки резервныхъ батальоновъ назначено было мнѣ всего 23 казака и разрѣшено брать „на короткое время и не слишкомъ дальнее разстояніе“ нѣкоторую часть людей съ шести этапныхъ пунктовъ, устроенныхъ въ Систовѣ, Царевицѣ, Павловѣ, Иванчѣ, Поликраешти и Тырново, на которыхъ размѣщены шесть резервныхъ ротъ. Командированіе людей съ этапныхъ пунктовъ вначалѣ обусловлено было предварительнымъ, на каждый отдѣльный случай, соглашеніемъ моимъ съ Начальникомъ полевого штаба. Такъ какъ подобное ограниченіе было равносильно полной невозможности получить своевременно помощь съ этапныхъ пунктовъ, условлено назначать людей непосредственно по требованію губернаторовъ.

Отсутствіе въ распоряженіи гражданскаго начальства военной силы и приливъ изъ-за Балканъ бѣжавшаго изъ

долины Тунджи болгарскаго населенія, вынесшаго на себѣ все ужасы турецкаго варварства послѣ отступленія изъ-за Балканъ нашего передового отряда генерала Гурко,— усилило безпорядки, и въ еженедѣльныхъ донесеніяхъ губернаторовъ о происшествіяхъ, вслѣдъ за описаніемъ тѣхъ или другихъ, часто возмутительныхъ, поступковъ болгаръ съ мусульманами и обратно, повторялась одна и та же неизмѣнная фраза: происшествіе это осталось неразслѣдованнымъ по неимѣнію на то средствъ.

Только въ началѣ октября назначено было: въ распоряженіе Систовскаго губернатора двѣ роты 12-го пѣхотнаго резервнаго баталіона и въ распоряженіе Тырновскаго губернатора весь 11-й пѣхотный резервный баталіонъ. Присылка этихъ шести ротъ, вмѣсто прежде обѣщанныхъ двухъ баталіоновъ, главнымъ образомъ была вызвана необходимостью дать двумъ названнымъ губернаторамъ нѣкоторыя средства къ охраненію реквизиціонныхъ продуктовъ, собираемыхъ въ запасъ арміи, по резолюціи Вашего Императорскаго Высочества отъ 10 сентября.

Параллельно принятію мѣръ къ упроченію въ краѣ гражданскаго порядка, тишины и спокойствія, разработаны были и подлежащія инструкціи для первоначальнаго устройства и взиманія податей. Особенное вниманіе обращено было на устройство десятинной подати, столь тяжело ложившейся на населеніе Болгарскаго края при турецкомъ правительствѣ не столько своей величиною, сколько способомъ взиманія посредствомъ откупщиковъ, позволявшихъ себѣ крайнія злоупотребленія и высасывавшихъ жизненныя силы изъ робкаго и добродушнаго здѣшняго населенія.

Десятинный налогъ съ хлѣбныхъ полей и луговъ, согласно прокламаціи Вашего Императорскаго Высочества, съ наступающаго 1878 года отмѣненъ навсегда въ виду замѣны его поземельною податью, взимаемой на правильныхъ основаніяхъ; тѣмъ не менѣе вслѣдствіе совершенно исключительныхъ и неотложныхъ потребностей, порождаетъ

мыхъ войною, десятину предполагалась взимать и въ 1877 году: а) *деньгами*—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хлѣбныя произведенія не будутъ необходимы для продовольствія войскъ и б) *натурою*—лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска.

Подробная инструкция для немедленнаго взиманія десятины частью деньгами и частью натурою, составленная по моему распоряженію, удостоилась утвержденія Вашего Императорскаго Высочества въ 11-й день іюля, и немедленно для оповѣщенія жителей о новомъ способѣ взиманія этого налога разосланы были мною офицеры по деревнямъ Систовскаго и Тырновскаго округовъ.

Исполненіе этой инструкции обѣщало дать для войска весьма значительные запасы провіанта и фуража безъ особаго на то расхода, такъ какъ принимаемое количество продуктовъ засчитывалось бы въ подать не цѣнностью, а количествомъ.

Между тѣмъ мѣрѣ этой не пришлось осуществиться. Интендантъ Дѣйствующей арміи заявилъ, что для потребностей войскъ онъ не нуждается во взиманіи съ жителей хлѣба и фуража натурою, а потому сдѣланное мною и уже объявленное населенію распоряженіе о взиманіи десятины натурою было отмѣнено циркулярнымъ распоряженіемъ отъ 22 іюля.

Въ это же самое время имъ же, интендантомъ, отклонено было и другое мое предложеніе — образованіе воловыхъ транспортовъ изъ того огромнаго количества скота, которое бросалось бѣжавшими турками и безъ всякаго порядка расходовалось на текущее довольствіе или даже просто расхищалось мѣстными жителями.

Инструкции по прочимъ податямъ тоже разработаны, но по повелѣнію Вашего Императорскаго Высочества взиманіе податей съ населенія занятаго края временно пріостановлено, впрочемъ только въ смыслѣ принятія пону-

дательныхъ мѣръ противъ неплательщиковъ, вносимыя же подати принимаются и даже удерживаются при уплатѣ населенію слѣдующаго ему за реквизиціонную поставку денежнаго вознагражденія, о чемъ будетъ сказано ниже.

При введеніи правильнаго гражданскаго управленія въ занятыхъ частяхъ Болгаріи, пришлось принимать мѣры и къ возстановленію правильнаго дѣйствія таможенъ, находящихся какъ по линіи Дуная на границѣ, такъ и внутри края. Очевидно, что эту часть службы пришлось оставить на первое время безъ малѣйшаго измѣненія противъ существовавшихъ при турецкомъ правительствѣ порядковъ. Однако нужды войска заставили сдѣлать значительныя послабленія при пропускѣ въ край заграничныхъ товаровъ: *во-первыхъ*, освобождены отъ всякихъ ввозныхъ пошлинъ всѣ транспорты Краснаго Креста, Товарищества, довольствующаго армію, войсковыхъ маркитантовъ и комиссіонерства Новосельскаго и *во-вторыхъ*, допущенъ беспошлинный ввозъ черезъ всѣ Дунайскія таможи соли, строительнаго дерева и всѣхъ вообще предметовъ отопленія.

Съ другой стороны, въ виду потребности войскъ въ теплой одеждѣ, запрещенъ вывозъ изъ Болгаріи всякаго рода овчинъ.

Въ тѣхъ же видахъ возможнаго облегченія нуждъ войскъ и солдата, порядокъ взиманія акциза съ табаку оставленъ прежній безъ принятія особыхъ охранительныхъ мѣръ къ прекращенію безбандерольной его продажи.

Введеніе прочнаго гражданскаго управленія во всѣхъ частяхъ Болгаріи, занятыхъ нашими войсками, и предвидѣніе, что распорядительная часть по гражданскимъ дѣламъ, сообразно съ ходомъ военныхъ событій, должна постепенно развиваться и принять значительные расходы, при чемъ для успѣшности дѣйствій необходимо придать имъ стройность, быстроту и сосредоточенность,—побудили Ваше Императорское Высочества опредѣлить въ главныхъ

чертахъ основанія, на которыхъ предоставляется мнѣ дѣйствовать при введеніи въ Болгарскомъ краѣ гражданскаго управленія, обращаясь за разрѣшеніями къ Вашему Высочеству только въ важнѣйшихъ случаяхъ. Основанія предоставленной мнѣ власти изложены въ рескриптѣ Вашего Высочества на мое имя, послѣдовавшемъ отъ 31 іюня.

Записка, представленная князю В. А. Черкасскому болгаринѣмъ Т. Минковымъ.

Съ искреннею готовностію исполняя порученіе Вашего Сіятельства, имѣю честь, не касаясь покамѣстъ подробностей второстепенныхъ, обратить въ настоящей запискѣ просвѣщенное вниманіе Ваше на пункты несомнѣнно существенные, взглядъ на которые выработался и утвердился во мнѣ моимъ долговременнымъ и близкимъ знакомствомъ съ духомъ болгарскаго народа и его нуждами и потребностями, съ обстоятельствами, въ которыя онъ поставленъ, наконецъ съ отдѣльными личностями, которыя или уже теперь стоятъ во главѣ массы, составляя ядро туземной интеллигенціи, или имѣютъ притязаніе не эту почетную роль.

Однимъ изъ очень важныхъ вопросовъ представляется вопросъ о такъ называемыхъ *чорбаджи*, т. е. выборныхъ отъ болгарскаго народа въ представители и защитники его нуждъ передъ турецкимъ правительствомъ. Если вѣрить тому, что говорится въ настоящее время объ этихъ общественныхъ дѣятеляхъ молодою болгарскою партіею и вторящими ей русскими, то чорбаджи должно искоренить изъ болгарскаго народа, какъ зло, только усиливающее турецкій гнетъ, какъ ярыхъ туркофиловъ, какъ людей заботящихся только о своихъ интересахъ и потому идущихъ путемъ самой двуличной политики. Выражать такое мнѣніе значить или увлекаться молодымъ пыломъ до такой степени, чтобы не видѣть положенія дѣлъ въ настоящемъ свѣтѣ, или намѣренно закрывать глаза на это положеніе. Виѣшній видъ образа дѣйствій чорбаджи, дѣйствительно, таковъ, что можетъ подать поводъ къ вышеупомянутымъ

обвиненіямъ; все въ немъ, дѣйствительно:—преклоненіе передъ грознымъ пашою, удаленіе собственной личности на послѣдній планъ, умышленіе рукъ во всякомъ щекотливомъ дѣлѣ, подставленіе другихъ вмѣсто себя. Но все это только внѣшніе приемы, подъ которыми скрывается искренняя любовь къ отечеству, искреннее желаніе защищать его интересы, содѣйствовать ихъ преуспѣянію, или, вѣрнѣе говоря, приемы, которые признаются этими дѣятелями за совершенно необходимые для осуществленія этихъ патріотическихъ цѣлей,—необходимые въ виду политическаго положенія Болгаріи. Нѣтъ, конечно, семьи безъ урода; но большинство чорбаджи дѣйствуетъ такимъ образомъ отнюдь не въ своихъ личныхъ интересахъ, а только потому, что убѣждено—и совершенно основательно—въ невозможности дѣйствовать иначе для общей пользы въ государствѣ, гдѣ вся правительственная система построена на лжи, произволѣ, корыстномъ отношеніи къ дѣлу и лицамъ. Если это большинство, судя по своимъ наружнымъ приемамъ, дѣйствительно заслуживаетъ названія туркофиловъ, то это нисколько не удивительно, когда они умышленно распускаютъ слухи о своемъ туркофильствѣ, хорошо зная, что только такую мнимую преданностію турецкимъ интересамъ могутъ вводить въ обманъ могущественныхъ пашей, обманъ, необходимый для того, чтобы эти правители питали довѣріе къ выборнымъ отъ народа и, слѣдовательно, охотнѣе поддавались ихъ прямымъ и косвеннымъ внушеніямъ. Если это большинство защищаетъ и проводитъ интересы христіанскаго населенія, такъ сказать, изподтишка, весьма уклончиво и осторожно, то источникъ такого приема заключается въ глубокомъ сознаніи, что всякое явное настоячивое дѣйствіе въ этихъ случаяхъ тотчасъ же возбуждало бы и негодованіе правителей и заподозрѣваніе ими этихъ энергическихъ ходатаевъ въ ненавистномъ гяурствѣ и неумѣстно либеральномъ поползновеніи къ реформамъ. Если со стороны этого большинства съ возможною щедростью сыпятся на пашей подарки, угощенія и т. п., то

тутъ играетъ главную роль извѣстное всякому чорбаджи корыстолюбіе этихъ сановниковъ, не признающихъ никакого закона и руководящихся въ своихъ дѣйствіяхъ только расположеніемъ къ лицу, расположеніемъ, обусловливаемымъ степенью удовлетворенія этому корыстолюбію. Случается весьма часто, что чорбаджи, когда приходится отстоять какой-нибудь изъ болгарскихъ интересовъ, или провести какую нибудь новую и полезную реформу, притворяется жаркимъ антагонистомъ предпринятаго дѣла, потомъ, какъ бы не имѣя возможности совладать съ настаивающими, предоставляетъ имъ самимъ инициативу ходатайства передъ пашою, а самъ выступаетъ заступникомъ этого дѣла уже какъ будто исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ, какъ будто приневоленнымъ, которому, въ случаѣ отказа его взять на себя такое ходатайство, грозитъ, какъ онъ объясняетъ пашѣ, опасность нравственнаго паденія въ глазахъ его согражданъ и даже нерѣдко личныхъ оскорбленій словомъ и дѣломъ; но и этотъ пріемъ имѣетъ своего рода дипломатическое основаніе, ибо инициатива во всемъ, имѣющемъ мало-мальски реформенный характеръ, ненавистна для турецкихъ правителей, и во всѣхъ случаяхъ вышеупомянутыхъ ходатайствъ эти сановники исполняютъ изъ жалости къ будто бы поставленному въ критическое положеніе своему любимцу чорбаджи то, чего ни въ какомъ случаѣ не исполнили бы, если бы считали его зачинщикомъ этого дѣла. Зная, до какой степени все, похожее на инициативу, возбуждаетъ подозрительность и неудовольствіе турецкаго правительства, большинство чорбаджи даже прикидывается передъ этимъ послѣднимъ людьми совершенно глупыми, рѣшительно неспособными придумать, или затѣять что-нибудь и безпокоющими правительство своими ходатайствами только по неволѣ.

Я нарочно позволяю себѣ остановить вниманіе Вашего Сіятельства на этихъ частностяхъ въ дѣятельности чорбаджи, такъ какъ именно на нихъ и еще на нѣкото-

рыхъ другихъ въ томъ же родѣ строятся главнымъ образомъ взводимыя на нихъ въ настоящее время обвиненія. Насколько справедливы эти послѣднія, видно уже изъ того, что почти все благое, существующее въ Болгаріи въ отношеніи педагогическомъ, финансовомъ, религіозномъ, обязано своимъ возникновеніемъ именно этому дипломатическому образу дѣйствій чорбаджи. И народъ хорошо знаетъ это и потому питаетъ полное довѣріе къ своимъ выборнымъ; они составляютъ въ странѣ своего рода нравственную силу, и я глубоко убѣжденъ,—убѣжденъ не теоретически, а на основаніи самыхъ положительныхъ фактовъ,—что если бы Россія вняла въ этомъ случаѣ ропоту молодой партіи и положила конецъ существованію чорбаджи, то это было бы, съ одной стороны, несправедливо, съ другой — опасно. Народъ молчалъ бы до тѣхъ поръ только, пока русскія войска стояли бы на болгарской землѣ; но выйди они—и тогда ни одинъ благоразумный и знакомый съ мѣстными обстоятельствами человѣкъ не рѣшился бы въ этомъ случаѣ отвѣчать за послѣдствія.

Не менѣе важности имѣетъ вопросъ о лицахъ, которыхъ слѣдовало бы привлечь къ участию въ настоящемъ важномъ дѣлѣ. Я разумѣю здѣсь лицъ именно болгарскаго происхожденія.

Вашему Сіятельству представится въ этомъ отношеніи и выборъ между болгарами, окончившими высшее образованіе въ Россіи и затѣмъ оставшимися въ ней, и тѣми, которыхъ Вы встрѣтите въ самой странѣ. Позвольте высказать мое глубокое убѣжденіе, что выборъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу послѣднихъ; между тѣмъ какъ первые, патріотическаго чувства которыхъ я нисколько не думаю заподозрѣвать, остаются, однако, относительно знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи преимущественно теоретиками, вторые, т. е. ихъ туземные соотечественники, дошли до этого знакомства путемъ чисто практическимъ, путемъ тѣхъ же самыхъ невзгодъ, лишений и несчастій, которыя уже столько лѣтъ обрушиваются

на всю ихъ страну. Притомъ же этими бѣдствіями они, такъ сказать, купили себѣ право преимущества передъ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые оставались только посторонними, можетъ быть, и горячо сочувствовавшими, но все таки посторонними зрителями.

По моему убѣжденію, такое предпочтеніе ихъ этимъ послѣднимъ не только не удовлетворило бы всѣмъ требованіямъ пользы и справедливости, но и воспрепятствовало бы порожденію зависти, которая была бы неизбежна въ противномъ случаѣ и, очевидно, повлекла бы къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ, поселивъ пагубную рознь тамъ, гдѣ требуется полнѣйшее единодушіе.

Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя, по моему убѣжденію, могли бы въ значительной степени быть полезными помощниками Вашему Сіятельству, считаю долгомъ указать прежде всего, основываясь въ этой рекомендаціи не только на собственномъ убѣжденіи, но и на мнѣніи г. Хитрово, съ которымъ я говорилъ по этому предмету, на болгарскаго поэта и литератора Славейкова, человѣка пользующагося въ Болгаріи, во всѣхъ слояхъ ея населенія, огромною популярностью, которую я позволю себѣ сравнивать съ популярностью Гарибальди въ Италіи, и превосходно знающаго положеніе своего отечества, къ которому въ то же время онъ питаетъ глубоко патріотическую привязанность. Этотъ патріотизмъ и умѣнье примѣнить его на дѣлѣ Славейковъ доказалъ неоднократно въ весьма важныхъ случаяхъ: такъ, напримѣръ, при успѣшномъ исполненіи возложеннаго на него болгарскимъ экзархомъ порученія противодѣйствовать западной пропагандѣ въ Македоніи; при порученномъ ему же уничтоженіи уніи и поднятіи славянской народности въ Адрианополѣ и т. п. Вашему Сіятельству случится, конечно, услышать обвиненіе Славейкова въ томъ, что онъ принялъ унію. Фактъ этотъ, дѣйствительно, совершившійся, имѣетъ однако такое же дипломатическое основаніе, какъ и дѣятельность чорбаджи: переходъ Славейкова въ уніат-

ство былъ только наружный и понадобился ему именно для противодѣйствія этому исповѣданію; благодаря этому переходу онъ сблизился съ уніатскимъ патріархомъ Сокольскимъ, а, сблизившись, успѣлъ разъяснить этому послѣднему, что тотъ сдѣлался орудіемъ интересовъ папы въ ущербъ интересамъ Болгаріи, привезъ его въ Россію и такимъ образомъ достигъ своей цѣли. Впослѣдствіи онъ сблизился съ протестантами, но опять таки для того только, чтобы такимъ путемъ основательно ознакомиться съ ихъ планами и образомъ дѣйствій, и этимъ приготовить себя къ возможности противодѣйствовать имъ въ томъ случаѣ, если они начали бы съ успѣхомъ пропагандировать свое ученіе въ Болгаріи.

Вторая личность, на которую я могу указать Вашему Сіятельству,—Иванъ Найденовъ, редакторъ одной болгарской газеты въ Константинополѣ, также очень хорошо знакомый съ положеніемъ болгарскихъ дѣлъ вообще и состояніемъ болгарской церкви въ частности, какъ бывший одно время секретаремъ болгарскаго экзарха, и также извѣстный мнѣ лично за человѣка, вполнѣ преданнаго Россіи.

Весьма большую пользу можетъ принести служащій въ настоящее время въ комерческомъ судѣ города Рущука Симеонъ Златовъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Петромъ Златовымъ), человѣкъ, въ высшей степени преданный Россіи, фактически доказывавшій эту преданность неоднократными и существенно важными услугами, оказанными имъ въ 1853 году русскому генералу Сеймону, за что онъ былъ сосланъ на каторгу, а потомъ нашему генеральному консулу Мошнину, у котораго онъ былъ правою рукою, пользующійся большимъ довѣріемъ своихъ соотечественниковъ, за энергическую защиту которыхъ передъ турецкимъ правительствомъ онъ заплатилъ даже двукратнымъ заточеніемъ, наконецъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ турецкихъ порядковъ. Кромѣ него могутъ быть рекомендованными для проведенія правительствен-

ныхъ цѣлей посредствомъ печати Пеевъ и Миларовъ, издающіе въ Браиловѣ газету „Возроженіе“, и Бобчевъ, живущій въ настоящее время въ Бухарестѣ, хорошо знакомый, между прочимъ, и съ турецкою литературою; для цѣли же спеціальной, именно по набору ратниковъ,—Енчевъ (бывшій мой воспитанникъ), котораго и генераль Черняевъ съ успѣхомъ употреблялъ на это дѣло. Въ заключеніе этихъ рекомендацій считаю непремѣннымъ долгомъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на живущаго въ настоящее время въ Бухарестѣ Владиміра Семеновича Іонина, брата русскаго генеральнаго консула въ Черногоріи, прежде тоже занимавшаго должность консула въ славянскихъ земляхъ. Г. Іонинъ лично извѣстенъ мнѣ, какъ человѣкъ, отлично знакомый съ положеніемъ Болгаріи и пользующійся въ ней большою популярностью и вліяніемъ, которому обязаны своимъ возникновеніемъ благотворительные комитеты въ Дунайскихъ княжествахъ, и я не питаю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что участіе его въ занятіяхъ Вашего Сіятельства оказалось бы въ высшей степени плодотворнымъ для дѣла. Что касается до моихъ бывшихъ воспитанниковъ, то тѣ изъ нихъ, которые окончили курсы въ русскихъ университетахъ, не могутъ принести въ настоящемъ случаѣ почти никакой пользы, такъ какъ они всѣ врачи (находящіеся въ настоящее время въ Сербіи и Черногоріи) и при томъ мало знакомые съ положеніемъ Болгаріи; тѣмъ же, которые еще слушаютъ университетскіе курсы, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, предоставить сперва вполнѣ окончить свое образованіе, и уже затѣмъ предложить имъ посвятить себя той задачѣ, осуществленіе которой Вы принимаете на себя и въ служеніи которой эти молодые люди могутъ со временемъ оказаться весьма полезны.

Обращаясь въ заключеніе къ роли, которую собственно я могъ бы играть въ настоящемъ дѣлѣ, считаю прежде всего совершенно излишнимъ скрывать, что весьма желалъ бы не оставаться постороннимъ зрителемъ трудовъ и за-

божь Вашего Сіятельства, а принимать въ нихъ возможно дѣятельное участіе; полагаю, что такое стремленіе весьма естественно въ человѣкѣ, горячо желающемъ преуспѣянія своему первому отечеству — Болгаріи, и четырнадцатилѣтнею педагогически-политическою дѣятельностію доказавшемъ такую же горячую преданность интересамъ своего второго отечества—Россіи, человѣкѣ, который въ то же время твердо сознаетъ, что можетъ быть полезенъ дѣлу тѣмъ близкимъ знакомствомъ съ нимъ, о которомъ я вкратцѣ упомянулъ въ началѣ настоящей записки. Считаю лишнимъ увѣрить Ваше Сіятельство, что расчеты личнаго честолюбія не играютъ ни малѣйшей роли въ желаніи быть полезнымъ Вамъ въ дѣлѣ, одинаково дорогомъ для меня и съ болгарской, и съ русской точки зрѣнія. Если бы Вамъ угодно было почтить меня своимъ довѣріемъ въ настоящемъ случаѣ, то я предпочелъ бы, чтобы дѣятельность моя имѣла характеръ негласный, такъ какъ при немъ я могъ бы принести гораздо больше пользы; на какихъ же основаніяхъ убѣжденъ я въ этомъ и какимъ именно путемъ сталъ бы дѣйствовать,—это я сочту долгомъ лично разяснить Вашему Сіятельству, коль скоро Вы того пожелаете.

Т. Минковъ.

С.-Петербургъ.
Декабря 1-го дня 1876 г.

**Изъ записокъ секретаря кн. В. А. Черкаскаго,
П. В. Неклюдова (?)**

1877 года апрѣля 6 дня князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій выѣхалъ изъ Москвы и отправился по Курской желѣзной дорогѣ въ Главную Квартину въ Кишиневъ. На дорогѣ къ нему присоединился генералъ Домантовичъ съ своимъ секретаремъ Мецъ. Съ ними 9 апрѣля прибылъ въ Кишиневъ. Здѣсь размѣстились по квартирамъ, кому какая была отведена комендантомъ города. Утромъ, 10 апрѣля, начали приходить уполномоченные, пріѣхавшіе раньше князя. Съ 11 апрѣля князь занялся дѣломъ, на которое былъ призванъ. Сталъ набирать докторовъ, сестеръ милосердія, братьевъ милосердія и др. Это дѣло продолжалось до 1-го мая. Каждый день въ это время, съ 9 часовъ утра и до 12-ти князь занимался съ выше-означенными лицами. Въ первомъ часу отправлялся въ Главную Квартину къ Великому Князю съ докладами. Иногда здѣсь оставался завтракать, а иногда завтракалъ дома; къ князю приходили завтракать ближайшіе къ нему уполномоченные, напримѣръ ген. Домантовичъ, П. В. Неклюдовъ, П. Н. Шоковъ, Новосильцевъ, Павловъ, князь Долгоруковъ, кн. Щербатовъ, Писаревъ и др. Послѣ завтрака иногда расходились по своимъ квартирамъ, а иногда оставались до самаго обѣда. Обѣдалъ князь почти всегда въ Главной Квартирѣ, а для уполномоченныхъ обѣдъ былъ всегда у князя. Изъ Кишинева князь ѣздилъ въ Одессу къ гр. Левашеву, у котораго пробылъ около дня. Въ Кишиневѣ у князя были: племян-

никъ его князь А. Е. Черкасскій, прожившій недѣли двѣ, и князь Цертелевъ. Въ Кишиневѣ князь часто разъѣзжалъ по городу въ коляскѣ, чтобы побывать у всей кишиневской аристократіи.

16-го мая князь пріѣхалъ въ Яссы въ 6 часовъ вечера; ночь провелъ въ гостинницѣ, 17-го утромъ отправился въ Плоэшти. Желѣзная дорога, идущая изъ Яссъ въ Плоэшти, оказалась совершенно размытою, гдѣ она проходитъ по низменности, такъ что поѣздъ, на которомъ ѣхалъ князь, долженъ былъ стать. Князь, въ сопровожденіи своего камердинера Потапова, отправился на почтовыхъ въ Плоэшти, гдѣ остановился въ отведенной квартирѣ. По пріѣздѣ, князь прямо отправился завтракать въ Главную Квартура прибыла сюда ранѣе пріѣзда князя на 5 дней. На третій день послѣ пріѣзда князя по исправленной уже дорогѣ, прибыли отставшіе отъ князя. Во все время 20—дневнаго пребыванія въ Плоэштахъ, князь почти что каждый день былъ занятъ пріемомъ разныхъ лицъ, которыя пріѣзжали къ нему по своимъ дѣламъ. Изъ Плоэшти князь сдѣлалъ путешествіе въ Бухарестъ, туда же съ нимъ ѣздилъ и секретарь его Неклюдовъ. Въ Бухарестѣ князь прожилъ три дня, квартира его была въ домѣ банкира. Живя въ Бухарестѣ, князь посѣтилъ однажды Румынскаго Князя Карла. Большую часть времени, проведеннаго въ Бухарестѣ, князь былъ внѣ своей квартиры, посѣщая разныхъ чиновниковъ и осматривая зданія, приурочиваемыя имъ на будущее время для складовъ и госпиталей. По возвращеніи въ Плоэшти къ князю представилась депутація румыно-болгарская.

Изъ Плоэшти вмѣстѣ съ Главной Квартирой князь отправился въ другой разъ въ Бухарестъ. Во время второго посѣщенія князь занимался устройствомъ склада и пріемомъ вещей, назначенныхъ больнымъ. Здѣсь же онъ дѣлалъ назначеніе сестрамъ милосердія, кому изъ нихъ

и куда слѣдовало ѣхать. Въ іюнѣ отправились въ Зимницу. Когда нашъ поѣздъ приближался къ Зимницѣ и былъ отъ нея верстахъ въ трехъ, насъ встрѣтилъ казакъ, посланный отъ генерала Коссинскаго съ требованіемъ, чтобы какъ можно скорѣе были доставлены вещи, необходимыя для раненыхъ.

По приѣздѣ къ Дунаю, къ мѣсту, гдѣ находились раненные, были отправлены въ каретахъ доктора и сестры милосердія, съ необходимыми вещами для оказанія первой помощи больнымъ. По устройствѣ палатокъ, раненныхъ помѣстили въ нихъ. При первомъ появленіи раненыхъ, имъ была оказана помощь врача и ласковый уходъ сестеръ милосердія и самого князя. Пробывши въ Зимницѣ три дня, князь отправился въ Бухарестъ на старую квартиру къ секретарю своему Неклюдову, откуда послѣдній со дня приѣзда не выѣзжалъ. Въ этотъ разъ князь прожилъ здѣсь дней пять, занимался осмотромъ складовъ и окончательнымъ устройствомъ госпиталя, дѣлая при этомъ тщательныя распоряженія и приказанія тѣмъ, которые должны были жить при складѣ и госпиталѣ.

Возвратясь въ Зимницу, князь распорядился такъ, чтобы легко раненные были отправлены въ Бухарестъ, а тяжело раненные остались въ Зимницѣ. Сдѣлавши всѣ необходимыя распоряженія, князь послѣ сего переправился черезъ Дунай въ Главную Квартиру въ Систовъ. Первою заботою князя было осмотрѣть зданія, и годныя изъ нихъ назначить подъ госпитали. Самъ князь жилъ здѣсь въ домѣ богатаго болгарина. Въ Систовѣ князь жилъ два дня, и отправился въ Тырново. Прибывъ въ Тырново, князь отправился въ Главную Квартиру, но по причинѣ поздней ночи не могъ видѣть Главнокомандующаго Великаго Князя. На другой день князь видѣлся съ нимъ и просилъ его, чтобы было дозволено ему ставить свою палатку въ томъ саду, въ которомъ была квартира Главнокомандующаго, что, конечно, и было ему дозволено. Здѣсь князь прожилъ цѣлый мѣсяць. Кушалъ князь всегда у Главнокомандующаго.

Часто князь ѣздилъ верхомъ по городу и за городъ, осматривая мѣстность. Въ бытность свою въ Тырново князь былъ у одной изъ сестеръ милосердія въ день ея именинъ, у г-жи Елизаветы Карцевой, гдѣ еще были Новосильцевъ, Исаковъ, Неклюдовъ и др. Изъ Тырново князь выѣхалъ спустя 10 дней послѣ отъѣзда Главной Квартiry. Въ это время князя навѣстилъ Петръ Ѳедоровичъ Самаринъ, и жилъ у него три дня. Такъ какъ въ послѣднее время погода была очень сыра, то князь изъ палатки перешелъ въ домъ, гдѣ Главнокомандующій обѣдалъ со всѣми. Въ началѣ августа князь прибылъ въ Главную Квартiry, которая въ это время находилась въ Горнемъ Студнѣ. Здѣсь князь жилъ въ землянкѣ и былъ очень веселъ, такъ веселъ, какъ никогда во время похода. Очень часто Императоръ приглашалъ его къ себѣ кушать, а всегда князь кушалъ въ Главной Квартирѣ. 20-го августа князь вмѣстѣ съ Главной Квартирой и Государемъ отправился въ Радоницу, гдѣ прожилъ три дня. Отсюда князь ѣздилъ на позицію при деревнѣ Гривицѣ; тутъ пробылъ 8 дней. Сюда одинъ разъ пріѣзжалъ Государь осматривать походный госпиталь. 29-го августа князь уѣхалъ къ Скобелеву 2-му, и былъ у него цѣлый день. 30-го августа князь въ сопровожденіи врачей, сестеръ милосердія, взявши всѣ нужныя вещи, отправился въ каретахъ за ранеными; набравши ихъ, отправилъ въ госпиталь, самъ же остался у Скобелева, куда приказалъ привезти погребокъ и другія нужныя ему вещи. Простоявши 8 дней, князь раненыхъ и больныхъ отправилъ въ Систо, самъ же возвратился въ Горній Студень. Здѣсь князь жилъ до конца сентября; погода въ это время стояла самая несносная: были проливные дожди и дулъ холодный вѣтеръ, такъ что приходилось топить землянки. Во время холодной погоды князь роздалъ нѣсколько паръ своихъ собственныхъ чулокъ: двѣ пары онъ далъ самому Главнокомандующему; нѣкоторымъ давалъ свои пальто и шубы.

Сюда прибылъ фотографъ, и князь пожелалъ снять видъ землянки, въ которой жилъ. Въ Горнемъ Студнѣ насъ застала гвардія; здѣсь былъ сдѣланъ смотръ самимъ Государемъ, затѣмъ она пошла подъ Плевну. Изъ Горняго Студня князь отправился въ Боготъ, сюда же одновременно прибыла и Главная Квартира. 12-го октября самъ князь ѣздилъ за ранеными, такъ какъ въ этотъ день было наступленіе гвардейское и армейское; а 13-го было такъ много раненыхъ, что палатки ихъ не вмѣщали, поэтому нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось лежать подъ открытымъ небомъ на тюфякахъ. Самъ князь обошелъ почти всѣхъ раненыхъ, давая изъ своихъ рукъ: кому папиросу, кому табаку и спичекъ, даже самъ нѣкоторымъ закуривалъ; словомъ, князь со всѣми ими обошелся очень любезно. Въ уходѣ за больными прошло время до 27 декабря. Отсюда князь дважды ѣздилъ къ Императору, который въ это время жилъ въ деревнѣ Порадимѣ. На возвратномъ пути князь посѣтилъ домъ, принадлежащій какому-то пашѣ; при этомъ домъ въ разныхъ постройкахъ его князь образовалъ запасной хлѣбный магазинъ; хлѣбъ собирали съ болгаръ. Самый же домъ князь хотѣлъ назначить или для своей зимней квартиры, или для госпиталя, для чего онъ и приказалъ привести все въ немъ въ порядокъ, такъ какъ въ немъ сдѣлано было много поврежденій.

Въ бытность свою въ Боготѣ, князь очень часто посылалъ изъ своихъ запасовъ въ Главную Квартиру свинину, вино, капусту и варенье.

Передъ отъѣздомъ за Балканы къ князю очень часто собирались: Скобелевъ 1-й, Нелидовъ, докторъ Приселковъ, инспекторъ Коссинскій и другіе; для нихъ князь всегда приготавливалъ ужинъ въ 9 часовъ; послѣ ужина, поговоривши, уходили каждый въ свою землянку. Когда у князя собирались гости, то онъ бывалъ очень веселъ. Только извѣстіе о смерти его матушки сильно его огорчило. Какъ только было получено печальное извѣстіе, тотчасъ же онъ послалъ своего человѣка въ Главную Квартиру, чтобы

тамъ была отслужена панихида. 27-го декабря онъ со всѣми своими служащими тронулся къ Ловчѣ: князь съ Неклюдовымъ въ коляскѣ, а остальные въ саняхъ; когда добрались до Сельви была получена телеграмма о взятіи Шипки, — значитъ дорога за Балканы была очищена.

1-го января 1878 года князь отправился за Балканы; какъ чувствовалъ себя князь во время перехода, не знаю, потому что переходилъ ихъ послѣ него. 6-го января я догналъ князя въ Казанлыкѣ, гдѣ и оставались до 12-го числа. Въ это время князь жилъ у Нелидова, у него же иногда и обѣдалъ, а иногда въ Главной Квартирѣ. Изъ Казанлыка князь запасся разными съѣстными припасами. 12-го прибыли въ Кизаръ. Здѣсь князь устроилъ ужинъ по случаю торжества Московскаго университета.

Несмотря на убогую обстановку хижины, въ которой не было ни стола, ни стула, ужинъ прошелъ очень весело. 13-го рано утромъ отправились въ путь, къ вечеру достигли мѣстечка Германлы, гдѣ и провели ночь въ землянкѣ.

На слѣдующій день добрались до станціи желѣзной дороги; на этой станціи князь угощалъ своими припасами, начиная съ Главнокомандующаго, всѣхъ, кто только былъ. Послѣ завтрака пришелъ поѣздъ и всѣ отправились въ Адрианополь.

**Письмо Ген.-ад. Д. А. Милютина кн. В. А.
Черкасскому.**

Отъ 15-го іюля 1877 г. Бѣла.

Достойнѣйшій и многоуважаемый князь Владиміръ Александровичъ! Спѣшу отвѣчать на привезенное мнѣ сегодня полковникомъ Золотаревымъ письмо Ваше отъ 13-го іюля. Глубоко сожалью, что переписка моя съ Ген.-ад. Непокойчицкимъ касательно устройства тыла арміи могла подать Вамъ поводъ къ предположенію, что въ этихъ моихъ указаніяхъ заключается упрекъ Вашей дѣятельности. Я очень понимаю, что организація гражданскаго управленія во всякомъ краѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, гдѣ еще ведется война, не можетъ быть введена на другой день по приходѣ арміи на мѣсто. Да если бы даже имѣлъ что-либо сказать относительно устройства гражданскаго управленія, то, конечно, сообщилъ бы прямо Вамъ, а не черезъ начальника штаба арміи. Замѣчанія мои относились преимущественно къ мѣрамъ, принимаемымъ въ тылу арміи, непосредственно за проходомъ войскъ. Я счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія начальства арміи, что въ этомъ отношеніи до сихъ поръ ничего не сдѣлано и не дѣлается въ здѣшней мѣстности. Линія сообщенія еще кое-какъ устроена между Систовомъ и Тырново, сообщеніе же съ Рушукскимъ отрядомъ (состоящимъ изъ двухъ корпусовъ) оставлено вовсе безъ вниманія. Въ такомъ пунктѣ, какъ Бѣла, не устроено этапа; оставленный здѣсь штабъ-офицеръ не имѣетъ ни команды, ни денегъ, ни инструкціи, а потому никто здѣсь не знаетъ,

какъ поступить съ приводимыми плѣнными и турецкими семьями. Я слышалъ, что въ Главной Квартирѣ Наслѣдника Цесаревича проживаютъ какіе-то два чиновника, которыхъ генералъ Игнатьевъ называетъ „своими“, т. е., вѣроятно, изъ числа прежнихъ консуловъ. Между тѣмъ здѣсь никто не показывается. Если бы коменданту здѣшнему не было дано роты изъ бригады, охраняющей Императорскую Главную Квартиру, и не была выдана небольшая сумма денегъ изъ военно-походной канцеляріи Его Величества, то не знаю, что бы дѣлалъ этотъ несчастный маіоръ съ присланными къ нему турками и болгарами. До сихъ поръ окрестные жители не видали даже прокламаціи. Вотъ о чемъ я писалъ генералу Непокойчицкому, а вовсе не о гражданской *организациіи*. Что же касается до вопроса о томъ, какъ поступать съ турками, приводимыми къ мѣстнымъ военнымъ начальникамъ,—то и здѣсь очевидное недоразумѣніе. И Ваше Сіятельство, и генералъ Непокойчицкій пишете все о нѣсколькихъ десяткахъ пойманныхъ бродягъ, которыхъ рѣшено отправить въ Россію вмѣстѣ съ военноплѣнными; я же писалъ о *населеніи* турецкомъ, о цѣлыхъ семействахъ, приводимыхъ съ дѣтьми, скотомъ, имуществомъ. Теперь пока насчитываютъ такихъ семействъ сотнями, но по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться, особенно къ западу, намъ придется содержать подъ арестомъ и кормить тысячи, сотни тысячъ семействъ. Скажите сами, мыслимо ли все турецкое населеніе въ Болгаріи отправить въ Россію? И какъ же Вы согласуете это съ прокламаціею, провозглашающею, что мусульманское населеніе должно оставаться спокойно на своихъ мѣстахъ? Наконецъ, я даже и не желалъ бы принимать на себя обсужденіе этого вопроса: я не вмѣшиваюсь въ рѣшеніе его и полагаю, что подобные общіе вопросы давно уже обсуждены и рѣшены въ планѣ дѣйствій Главнокомандующаго. Мое дѣло заключалось только въ томъ, чтобы напомнить, указать, что въ здѣшней мѣстности никто не знаетъ, какъ означенный вопросъ разрѣшенъ; нѣтъ ника-

кого органа высшей власти, снабженнаго инструкціями по этому предмету. Когда Главная Квартира Императорская уйдетъ изъ Бѣлы, то арестованные здѣсь сотни ту-рокъ и даже болгаръ должны умереть съ голоду, или разбѣгутся за неимѣніемъ у коменданта военной команды. Вотъ на что я указывалъ и на что до сихъ поръ не имѣю прямого отвѣта. Спрашиваю Васъ самихъ, достойнѣйшій князь Владиміръ Александровичъ, — развѣ тутъ возбужденъ преждевременно вопросъ о гражданской *организа-ции*? развѣ не было моею прямою обязанностью указать на необходимость какихъ нибудь *неотлагательныхъ* мѣръ въ здѣшнихъ мѣстностяхъ? Въмѣсто принятія такихъ мѣръ заводится переписка; указанія мои принимаются за упреки; выражается мнѣніе о необходимости высылки въ Россію вредныхъ и преступныхъ личностей и т. д. А между тѣмъ все-таки этапная часть не устраивается: сотни *семействъ* содержатся на открытомъ воздухѣ съ дѣтьми, скотомъ, имуществомъ, угрожаемая голодною смертію. Теперь Вы прислали сюда полковника Золотарева; но я не знаю, въ состояніи ли онъ сдѣлать что-нибудь одинъ съ своими гражданскими органами, когда со стороны военнаго начальства не дѣлается никакого распоряженія, когда въ такихъ пунктахъ, какъ Бѣла, гдѣ открытъ даже госпиталь, нѣтъ ни этапа, ни настоящаго коменданта, ни команды военной, ни почты.

Я счелъ нужнымъ войти во всѣ эти подробности въ надеждѣ, что, наконецъ, чрезъ Васъ, князь Владиміръ Александровичъ, удастся мнѣ разъяснить странное недоразумѣніе, возникшее въ перепискѣ моей съ Артуромъ Адамовичемъ. Пишу Вамъ пространно для того, чтобы Вы могли на словахъ объясниться съ генераломъ Непокойчицкимъ. Конечно, еслибы обѣ Главныя Квартиры — Императорская и Главнокомандующаго — находились въ одномъ мѣстѣ, не могло бы и случиться подобнаго недоразумѣнія; не было бы и переписки и все дѣло объяснилось бы въ нѣсколько минутъ. Къ сожалѣнію, отдѣльное

расположеніе двухъ Главныхъ Квартиръ продолжается и до сихъ поръ. Оно и впредь можетъ повести къ ряду новыхъ недоразумѣній, не говоря уже о томъ, что цѣлая бригада прикована къ мѣсту пребыванія Императорской Главной Квартиры и такимъ образомъ должна быть изъята изъ общаго расчета боевыхъ силъ арміи.

Итакъ, надѣюсь, что Вы, достойнѣйшій князь Владиміръ Александровичъ, не сохраните ни малѣйшаго сѣтованія на меня. Будьте увѣрены въ неизмѣнныхъ чувствахъ преданнаго Вамъ искренно

Д. Милютин.

Р. S. Поздравляю съ днемъ Вашего Ангела, желаю Вамъ здоровья и силъ.

**Письмо нн. В. А. Чернасскаго Генераль-
адъютанту Непокойчицкому.**

(Отъ 26 іюля 1877 г., г. Тырново.)

Милостивый Государь,

Артуръ Адамовичъ!

Телеграмму Вашего Высокопревосходительства отъ сего 25 іюля, выражающую желаніе Его Императорскаго Высочества, чтобы я оставался въ Тырново, я получилъ сегодня передъ обѣдомъ въ то самое время, какъ, не получая никакихъ положительныхъ свѣдѣній, я собирался уже отправлять канцелярію и обозъ, думая выѣхать самъ завтра утромъ.

Во исполненіе приказанія Великаго Князя я остаюсь здѣсь въ Тырново, хотя теперь, развѣ измѣнятся военныя обстоятельства, мое присутствіе здѣсь, повидимому, уже менѣе необходимо, ибо послѣ перваго переполоха и съ приходомъ сюда свѣжихъ войскъ, т. е. Якутскаго полка, народъ успокоился. Полагаю, что этому содѣйствовала отчасти и моя рѣшительность не выходить отсюда вмѣстѣ съ Главною Квартирою. Между тѣмъ я считаю совершенно необходимымъ обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на два обстоятельства, меня весьма озабочивающихъ.

Во-первыхъ, до сего времени еще не приведено въ исполненіе мое ходатайство о переводѣ сюда 4-хъ болгарскихъ кадровыхъ дружинъ—въ Тырново и Габрово. Болѣе, чѣмъ когда-либо, присутствіе ихъ было бы здѣсь необходимо. Если-бы онѣ были переведены сюда въ на-

чалъ мѣсяца, то онѣ, безъ сомнѣнія, состояли-бы въ полномъ уже составѣ, и кромѣ точки опоры для мѣстныхъ жителей и управленія, онѣ послужили-бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для пополненія убыли въ дружинахъ, пострадавшихъ за Балканами. Повидимому полковникъ Корсаковъ получилъ окончательное распоряженіе штаба во время происходившей въ Систовѣ послѣ Плевненскаго дѣла суматохи, а генераль Рихтеръ не разрѣшилъ ему привести оное въ исполненіе. Вслѣдствіе полученнаго мною отъ полковника Корсакова письма, я рѣшился совмѣстно съ генераль-лейтенантомъ Радецкимъ телеграфировать вчера генералу Рихтеру, прося его привести въ исполненіе распоряженіе Ваше, по крайней мѣрѣ относительно перевода одной дружины въ Габрово, а другой въ Тырново. Надѣюсь, что онѣ исполнить это. Во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ довести вышеизложенное до Вашего свѣдѣнія и просить о настоячивомъ распоряженіи на счетъ перевода четырехъ дружинъ.

Требовавшіяся мною изъ Никополя 6000 ружей также еще не прибыли; говорятъ, они нуждаются въ починкѣ или отчисткѣ. Я прошу Систовскаго губернатора скорѣе выслать сюда изъ нихъ сколько-нибудь годныя и предлагаю ему нагрузить ихъ на ста подводхъ, которыя я предложилъ Тырновскому губернатору завтра или послѣ завтра отпустить госпиталю для перевозки раненыхъ къ Дунаю. Къ князю Масальскому я телеграфировалъ, прося его сдѣлать распоряженіе о починкѣ ружей въ Систовской мастерской. Не зная, получилъ ли онѣ мою телеграмму, я былъ бы Вашему Высокопревосходительству очень обязанъ, если-бы Вы сочли возможнымъ оказать въ семъ дѣлѣ Ваше содѣйствіе.

Затѣмъ считаю неизлишнимъ напомнить, что для вооруженія новыхъ болгарскихъ дружинъ слѣдуетъ скорѣе передвинуть въ Габрово и Тырново какъ ружья, для нихъ пожертвованныя Славянскимъ комитетомъ, такъ и дополнительное снаряженіе, часть котораго (на 4000 человекъ)

отправлена изъ Москвы въ Бухарестъ, какъ я имѣлъ честь уже Васъ о томъ увѣдомить.

Боюсь, чтобы это снаряженіе не встрѣтило на румынской сѣти желѣзныхъ дорогъ тѣхъ же трудностей въ передвиженіи, которыя непрестанно замедляли и замедляютъ тамъ движеніе грузовъ Краснаго Креста.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю также увѣдомить Ваше Высокопревосходительство, для доклада Его Высочеству, что повидимому въ настоящую минуту движеніе болгаръ сюда изъ-за Балканъ ослабѣло, надолго-ли—неизвѣстно. Говорятъ — нѣкоторые возвращаются даже обратно.

На-дняхъ буду имѣть честь представить на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Высочества нѣсколько бумагъ весьма важныхъ, требующихъ разрѣшенія.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи и совершенной преданности.

Подписалъ: *Князь Черкасскій.*

Р. S. Сегодня началось здѣсь обученіе безъ ружей 250 болгаръ, на собственныхъ харчахъ, двумя мною къ тому приставленными офицерами. Раненыхъ эвакуируемъ изъ здѣшняго госпиталя въ четвергъ на ста реквизиціонныхъ подводахъ. При эвакуаціяхъ посылаю всегда уполномоченныхъ или агентовъ Краснаго Креста. Не могу нахвалиться ими и нашими несравненными георгіевскими сестрами.

**Письмо кн. В. А. Черкасского Е. И. В. Великому
Князю Главнокомандующему.**

Ваше Императорское Высочество

Милостивый Государь!

Оставшись, согласно повелѣнія Вашего Императорскаго Высочества, въ Тырново и сообщивъ третьяго дня письмомъ генераль-адъютанту Непокойчицкому нѣкоторыя свѣдѣнія, я имѣю честь, согласно полученнымъ мною лично отъ Вашего Высочества указаніямъ, препроводить при семъ на Ваше благоусмотрѣніе, во 1-хъ, проектъ рескрипта на мое имя, опредѣляющаго степень предоставленной мнѣ лично распорядительной власти, и, во 2-хъ, подлинное мною, по приказанію Вашего Высочества, изготовленное письмо къ графу Левашову съ приложеніемъ къ нему проекта условій почтовой гоньбы на ближайшемъ къ Дунаю болгарскомъ трактѣ. О всемъ этомъ дѣлѣ графъ Левашовъ мною заблаговременно уже предувѣдомленъ по телеграфу для удобства собранія всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній.

Если Вашему Императорскому Высочеству благоугодно будетъ одобрить то и другое, въ такомъ случаѣ я смѣлъ бы просить Ваше Высочество, по утвержденіи подписаніемъ Вашимъ рескрипта на мое имя, благоволить сдѣлать распоряженіе о препровожденіи сего рескрипта на мое имя для исполненія. Что же касается до письма моего къ графу Левашову и проекта условій почтовой гоньбы, то Вашему Высочеству, быть можетъ, благоугодно было бы, въ случаѣ милостиваго оныхъ одобренія, велѣть

препроводить оное прямо изъ штаба къ гр. Левашову въ Одессу, по почтѣ или съ нарочнымъ, смотря по степени спѣшности, какая этому дѣлу приписывается, меня же повелѣть штабу поставить о послѣдующемъ въ извѣстность.

Не излишнимъ считаю, однако, доложить Вашему Высочеству, что скорѣйшее устройство почты въ тылу арміи я считаю дѣломъ весьма важнымъ для пользы арміи, и что расходъ на этотъ предметъ можетъ быть покрытъ лишь авансовымъ порядкомъ, на счетъ полевой смѣты.

Генералъ-адъютантъ Тимашевъ увѣдомилъ уже меня, что имъ предписано двумъ указаннымъ мною почтмейстерамъ ѣхать въ армію, черезъ Петербургъ и Одессу, для предварительнаго свиданія съ гр. Левашовымъ.

Здѣсь все, слава Богу, благополучно до сего дня. Народъ до извѣстной степени успокоился. Третьяго дня по распоряженію моему, началось обученіе здѣсь до 250 молодыхъ людей тырновскихъ, безъ оружія, двумя офицерами мною на этотъ предметъ назначенными. Они содержатся еще на собственный счетъ. Оружіе я велѣлъ скорѣе прислать на обратныхъ ста реквизиціонныхъ подводахъ, которыя сегодня, по приказанію моему, отпущены госпиталю подъ эвакуацію раненыхъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю я исправленія прочаго оружія никопольскаго, болгарскихъ кадровыхъ дружинъ изъ Систова и болгарской же амуниціи изъ Бухареста.

Вчера я позволилъ себѣ дать генералу Радецкому совѣтъ перенести госпиталь къ Самоводамъ, что, повидимому, было бы крайне полезно въ гигиеническомъ отношеніи и даже въ военномъ, въ виду нынѣшнихъ обстоятельствъ въ Хаинкіойѣ.

Гг. Каде и Конради прибыли покуда одни и обѣдали у меня вчера. Повидимому, ихъ матеріальная часть не можетъ прибыть сюда прежде 10 или 15 августа. Поэтому я совѣтывалъ имъ, согласно прежнему указанію Вашего Высочества, основаться въ Тырново и образовать

здѣсь этапный пунктъ, заблаговременно избравъ себѣ помѣщеніе, которое могло бы быть имъ немедленно отведено.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безграничною преданностію, я имѣю честь быть

Вашего Императорскаго Высочества всепреданнѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою

Подписаль: *Князь Владиміръ Черкасскій.*

Іюля 28 дня 1877 г.
Г. Тырново.

**Письмо Генераль-маіора Домантовича
(бывшаго Тырновскаго губернатора)
кн. В. А. Чернаскому.**

Милостивый Государь,

Князь Владиміръ Александровичъ!

Возвратившись изъ Богота, я получилъ депешу, требующую немедленнаго моего отъѣзда въ Россію, куда я сегодня и выѣзжаю изъ Тырново по прямой дорогѣ на Систовъ.

Столь непредвидѣнное мною обстоятельство, къ крайнему сожалѣнію, не позволяетъ мнѣ еще разъ, согласно Вашему желанію, побывать въ Главной Квартирѣ, чтобы способствовать выясненію тѣхъ правъ, которыя необходимо присвоить губернаторамъ въ Болгарскомъ Краѣ по отношенію къ подвѣдомственнымъ имъ военнымъ чинамъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы еще разъ выразить Вашему Сіятельству истинную признательность за Ваше ко мнѣ вниманіе, благодаря которому я имѣлъ честь почти въ теченіе цѣлаго года состоять на службѣ, давшей мнѣ возможность много видѣть, испытать и многому научиться.

Всегда и во всемъ стремясь быть искреннимъ, я прямо скажу Вамъ и, вѣрьте, постоянно стану говорить другимъ, что время, проведенное мною подъ Вашимъ начальствомъ, считаю полезнѣйшимъ временемъ всей моей службы.

Руководимый энергическими указаніями Вашего Сіятельства, я имѣлъ возможность, по мѣрѣ моихъ силъ и способностей, ознакомиться съ сущностью весьма сложнаго

и нелегкаго дѣла. Нынѣ уходя отъ этого дѣла больнымъ и усталымъ, я тѣмъ не менѣе уношу о немъ самыя пріятныя воспоминанія и больше, чѣмъ когда-либо, глубоко вѣрю въ правоту и успѣшное его окончаніе, хотя для этого, быть можетъ, потребуется еще не мало времени, труда и великихъ средствъ. Дай только Богъ побольше спокойствія, гуманности и объективности во взглядахъ тѣхъ, кому такъ или иначе суждено порѣшить освобожденіе и устройство болгарскаго народа. Дай Богъ, чтобы извѣстныя и многозначительныя слова „не разрушать, а созидать“—остались бы въ своей первоначальной чистотѣ и святости не только на первой, но и на послѣдующихъ страницахъ болгарской исторіи, и чтобы Ваше имя, отнынѣ неразрывно связанное съ исторіею болгарскаго народа, повторялось бы отъ поколѣнія къ поколѣнію съ любовью и благодарностью.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и истинной преданности, имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

М. Домантовичъ.

Октября 30 дня 1877 г.
Г. Тырново.

Докладная записка кн. В. А. Чернасскаго.

Нѣкоторыя соображенія по поводу вступленія въ турецкіе предѣлы сербскихъ войскъ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣйствій румынскихъ войскъ вдоль праваго берега Дуная и со вступленіемъ въ турецкіе предѣлы сербскихъ войскъ, задачи военнаго и гражданскаго управленій значительно осложняются. Съ одной стороны опытъ уже доказалъ ясно, что румынскія войска, постоянно и во всемъ нуждающіяся и не воздерживаемыя своимъ начальствомъ отъ злоупотребленій, не только сами живутъ почти исключительно неоплаченными реквизиціями, слишкомъ часто, почти всегда, взимаемыми даже безъ выдачи квитанцій, но и смотрятъ на край, какъ на страну ими завоеванную, переводя въ Румынію забранный хлѣбъ и угоняя туда же скотъ и даже жителей. Нѣтъ причины предполагать, чтобы при бѣдности сербскаго государства и его историческихъ претензіяхъ на нѣкоторыя мѣстности Болгаріи, сербы обращались бы съ болгарами лучше. Съ другой стороны, румынскимъ и сербскимъ войскамъ приходится дѣйствовать на смежномъ театрѣ военныхъ дѣйствій: однимъ около Виддина и Бѣлградчика, другимъ—около Ниша и Пирота. При такой смежности военныхъ операций и особенно въ случаѣ продолжительности такого сложнаго порядка вещей, не трудно ожидать столкновенія между этими союзниками, вообще мало другъ къ другу расположенными.

При дальнѣйшемъ направленіи военныхъ дѣйствій

не слѣдуетъ упускать изъ вниманія ни одного изъ выше-указанныхъ обстоятельствъ.

Притомъ, имѣя въ виду, что при благополучномъ завершеніи войны оба союзныя государства, т. е. Румынія и Сербія, будутъ, вѣроятно, предъявлять претензіи на нѣкоторыя части занимаемой ихъ войсками территоріи, и въ случаѣ, если вообще предполагается хотя отчасти удовлетворить впослѣдствіи такія притязанія,—полезно было бы уже теперь ограничить по возможности театръ продолжительныхъ дѣйствій каждаго изъ означенныхъ войскъ тѣмъ именно райономъ, который скорѣе всѣхъ можетъ подпасть окончательному господству соотвѣтственнаго государства и который поэтому самому оно по необходимости вынуждено было бы нѣсколько долѣе не сдать.

Румыны призваны осаждать Виддинъ. Нынѣ они расположены весьма широко, занимая весь край между Раховымъ и Ломъ-Паланкою и далѣе по направленію къ Виддину и Бѣлградчику.

Независимо отъ общихъ военно-административныхъ распоряженій и необходимыхъ дипломатическихъ сношеній для пресѣченія противузаконныхъ реквизицій и насилій румынскихъ войскъ, полезнѣйшимъ казалось бы окончательно передвинуть эти войска за извѣстную наглядную географическую границу, за которою имъ было бы безусловно, подъ страхомъ личнаго взысканія съ виновныхъ, воспрещено фуражировать. Такою границею могла бы считаться рѣка Ломъ Горній и Дольній, текущая немного юго-восточнѣе шоссе изъ Ломъ-Паланки въ Бѣлградчикъ, которымъ будутъ обезпечиваться сообщенія румынъ съ Дунаемъ и съ своимъ отечествомъ. Правый берегъ рѣки Лома долженъ быть ими очищенъ, какъ выше сказано, безусловно.

Сербы нынѣ направлены подъ Нишъ и Пиротъ. Коль скоро эти крѣпости будутъ заняты, необходимымъ кажется передвинуть ихъ за рѣку Мораву, воспретивъ имъ фуражировать на правомъ берегу этой рѣки.

Затѣмъ русскія войска, по взятіи Ниша и Пирота, въ томъ или другомъ составѣ должны бы занять весь промежуточный районъ между сербами и румынами, а именно Нишъ и Пиротъ съ ихъ округами по Мораву и правый берегъ Лома, равно какъ и Пиротскій (?), округъ котораго есть чисто болгарскій, а впоследствии и самый Бѣлградчикъ. Если бы сербы были для военныхъ цѣлей временно двинуты къ Софіи, этой древнѣйшей и нынѣ имѣющей въ глазахъ болгаръ первостатейное политическое значеніе столицѣ Болгаріи, то, по взятіи Софіи, ихъ слѣдовало бы немедленно оттуда вывести въ указанный выше для нихъ районъ, а Софію занять какою-либо частью русскихъ войскъ въ размѣрахъ, достаточныхъ для поддержанія въ городѣ и краѣ полицейскаго порядка и безопасности.

Вдоль самаго лѣваго берега Моравы живетъ еще довольно густою массою чисто болгарское населеніе *). За этою болгарскою полосою начинается собственно такъ называемая Старая Сербія, болѣе или менѣе законная добыча сербскаго государства въ случаѣ распаденія европейской Турціи.

Старая Сербія обнимаетъ санджаки Призренскій, Приштинскій и часть Нишскаго. Въ нихъ, по руководству генерала Обручева, считается (Турція, соч. Обручева, стр. 191—195) въ старо-сербской части Нишскаго санджака, а именно въ округахъ Прокопскомъ (Ускюбъ) и Куршумлійскомъ, до 26.000 жителей, а съ городомъ Лесковацомъ до 40.000 жителей; въ санджакахъ Призренскомъ и Приштинскомъ до 200.000 жителей; но на самомъ дѣлѣ всѣ эти цифры, весьма вѣроятно, ниже *дѣйствительности* **). Въ

*) Имъ, между прочимъ, населено почти исключительно Лесковацкое окруженіе, тогда какъ городъ Лесковацъ есть городъ албанско-турецкій. То же почти можно сказать и о правомъ берегу Моравы и о Нишскомъ округѣ: въ деревняхъ явно преобладаетъ болгарское населеніе, въ городѣ Нишѣ считается до 5.000 турецкихъ и албанскихъ мусульманъ и до 7.500 сербовъ и болгаръ, въ значительной степени уже осербленныхъ.

**) Сверхъ сего, къ Старой Сербіи принадлежитъ еще въ Босніи санджакъ Ново-Базарскій съ населеніемъ въ 163.000 жителей (Обручевъ, стр. 193).

предѣлахъ Старой Сербіи, какъ въ Болгарскомъ Краѣ, а именно въ санджакахъ Ускюбскомъ или Скопійскомъ, Битольскомъ, Касторійскомъ и Охридскомъ, проживаетъ нынѣ значительное число *) албанцевъ-мусульманъ. Въ Старой Сербіи албанцы въ половинѣ и концѣ прошедшаго вѣка, спустившись съ своихъ горъ, заселили равнину въ округахъ Прокопскомъ и Куршумлійскомъ и въ санджакахъ Призренскомъ и Приштинскомъ **), откуда сербы, гонимые мусульманами, бѣжали главнымъ образомъ при патріархѣ Арсеніи отъ турокъ, ища себѣ спасенія въ австрійскихъ предѣлахъ. Хотя часть албанскаго населенія, входящая въ составъ ближайшихъ турецко-болгарскихъ санджаковъ, разнится по своему характеру отъ сосѣдняго горнаго албанскаго племени, сохранившагося во всей своей первоначальной дикости, тѣмъ не менѣе оно представляетъ, конечно, совершенно своеобразный типъ. Населеніе это, безъ сомнѣнія, неохотно подчинилось бы въ настоящее время дѣйствию общепринятыхъ въ Болгаріи основаній въ управленіи, утверждающихъ первенство и преобладаніе за христіанскимъ элементомъ, а съ другой стороны оно, вѣроятно, едва ли подчинится вполне въ послѣдствіи и самимъ болгарамъ. Поэтому, если, какъ выше замѣчено, Старая Сербія, т. е. часть мѣстности, заселенной этою отраслью албанцевъ, въ смѣшеніи съ другими племенами славянскими, можетъ не безъ удобства и даже не безъ справедливости имѣться въ виду для надѣленія ею въ послѣдствіи Сербіи, которая послужитъ полезнымъ оплотомъ Болгаріи противъ Албаніи, то еще прежде того и притомъ нынѣ же необходимо обратить зоркое вниманіе на ихъ особенности въ мѣст-

*) Въ горныхъ, по преимуществу, частяхъ округовъ Ускюбскаго и Кумановскаго и въ самихъ городахъ живетъ до 25.000 албанцевъ и мусульманъ. Въ санджакахъ Битольскомъ, Касторійскомъ и Охридскомъ ихъ не сравненно больше (см. Обручевъ, Турція, стр. 195—196).

**) Албанцевъ и турокъ насчитывается Обручевымъ въ санджакахъ Призренскомъ и Приштинскомъ до 105.000. Ихъ также немало въ округахъ Прокопскомъ и Куршумлійскомъ и въ самомъ Нишѣ.

номъ управленіи, которыя вызываются своеобразнымъ характеромъ албанскаго населенія. Повидимому, когда означенная мѣстность будетъ прочно нами занята, окажется необходимымъ, во-первыхъ, въ виду сравнительно воинственнаго характера албанцевъ, а также въ виду того, что всѣ административные вопросы осложняются еще присутствіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сербскихъ войскъ, назначить въ санджаки Нишскій, Призренскій и Приштинскій, Ускюбскій и Битольскій (съ Касторією и Охридою) непременно губернаторовъ изъ лицъ военныхъ; а во-вторыхъ, слѣдуетъ поручить губернаторамъ, во избѣжаніе столкновеній, возможно болѣе щадить мѣстные обычаи и сохранить въ краѣ тѣ формы мѣстнаго управленія, къ которымъ албанское населеніе привыкло издавна, и которыя, при ближайшемъ ихъ изученіи, представятъ, вѣроятно, не мало своеобразныхъ особенностей.

Затѣмъ, рядомъ съ указываемыми здѣсь второстепенными затрудненіями, можетъ легко возникнуть еще особый чисто албанскій вопросъ, касающійся всего горнаго и прибрежнаго албанскаго населенія; но разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса должно составить предметъ особыхъ соображеній и не входить въ составъ нынѣ разсматриваемыхъ ближайшихъ задачъ.

О введеніи управительныхъ совѣтовъ въ Филиппопольскомъ санджакѣ.

Для того, чтобы и въ округахъ съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ, какъ Хаскіойскій, и въ городахъ, имѣющихъ разныя народности и вѣроисповѣданія, какъ Филиппополь, обезпечить болгарамъ численное преобладаніе въ административныхъ совѣтахъ, окружныхъ и городскихъ, надобно постановить, чтобы извѣстная большая часть членовъ совѣтовъ была изъ преобладающаго въ краѣ населенія православнаго исповѣданія такъ:

1.

Члены административныхъ совѣтовъ, городского и окружнаго, избираются изъ жителей города и округа безъ различія народности и вѣроисповѣданія, но такъ, чтобы двѣ трети оныхъ были изъ преобладающаго православнаго населенія.

Если будутъ установлены непосредственные выборы такъ, чтобы населеніе выбирало прямо членовъ совѣтовъ, то боль-

шая часть какъ поселянъ, такъ и городскихъ жителей, въ своей простотѣ, будутъ подавать свой голосъ безсознательно за кого ни попало, или за того, который будетъ указанъ имъ. Посему лучше будетъ хотъ на первое время, чтобы населеніе выбирало изъ среды себя избирателей, которые въ свою очередь избирали бы членовъ въ совѣты. Этотъ способъ выборовъ будетъ тѣмъ лучше, что при немъ населеніе будетъ выбирать избирателей, извѣстныхъ ему и сколько нибудь понимающихъ дѣло, которые въ свою очередь, собравшись для выборовъ, могутъ обмѣняться между собою мыслями и, такимъ образомъ, выбрать болѣе способныхъ. Такъ можно постановить:

2.

Члены совѣтовъ выбираютъ избирателями, постановленными для городского совѣта городскимъ населеніемъ, а для окружнаго совѣта населеніемъ округа.

Для города Филиппополя, — гдѣ православное населеніе состоитъ изъ болгаръ и грековъ, изъ коихъ послѣдніе оспариваютъ преобладаніе у первыхъ, болѣе многочисленныхъ, и соединившись съ другими народ-

ностями, турецкою, армянскою и еврейскою, могут добиться онаго,—для обезпеченія болгаръ преобладанія надобно постановить такъ:

3.

Для избиранія православныхъ членовъ въ городской совѣтъ, городъ раздѣляется на избирательные участки по приходамъ церквей; каждый приходъ поставляетъ избирателей по числу находящихся въ немъ домовъ; для опредѣленія числа домовъ, которые должны дать одного избирателя наименьшаго прихода, напр. приходъ св. Богородицы или св. Димитрія(?)

Такое постановленіе повидимому будетъ въ пользу грековъ, которые владѣютъ большимъ числомъ церквей, но тѣ изъ приходовъ, обитаемыхъ греками, которые по числу домовъ должны дать больше одного избирателя, населены большею частью болгарами, посему дадутъ избирателей не изъ однихъ грековъ, а также и изъ болгаръ. Эти то избиратели изъ болгаръ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ дадутъ чисто болгарскіе приходы, больше по числу составляющихъ ихъ домовъ, составятъ большинство избирателей изъ болгаръ, а при большинствѣ избирателей

изъ болгаръ и большинство избранныхъ членовъ будетъ тоже изъ нихъ.

4.

Для избранія членовъ изъ мусульманъ, мусульманское население города раздѣляется также на избирательные участки по частямъ города (махале), и каждый участокъ выбираетъ избирателей въ числѣ, соотвѣтственномъ числу домовъ, которые въ свою очередь избираютъ своихъ членовъ.

5.

Другія вѣроисповѣданія и народности, какъ-то павликіяне (католики), армяне и евреи, тѣмъ же порядкомъ избираютъ изъ среды себя соотвѣтственное число членовъ.

Для того, чтобы одно вѣроисповѣданіе и народность не были совершенно исключены отъ участія въ выборѣ членовъ другого вѣроисповѣданія и народности, можно постановить еще слѣдующее: По избраніи членовъ православныхъ и другихъ вѣроисповѣданій въ вышепоказанномъ порядкѣ, избиратели православнаго населенія, съ одной стороны, подаютъ голосъ за избранныхъ уже неправославныхъ членовъ, а съ другой,

избиратели неправославнаго исповѣданія подаютъ голосъ за избранныхъ православныхъ членовъ, и если кто изъ послѣднихъ получитъ голосовъ меньше половины числа гласоподавателей, то выбравшіе его избиратели избираютъ другого на мѣсто его. При такомъ постановленіи православные избиратели будутъ имѣть возможность отстранять отъ должности члена совѣта тѣхъ изъ мусульманъ, которые почему либо будутъ считаться непріязненными.

6.

Въ выборѣ избирателей участвуютъ всѣ жители города мужского пола, совершеннолѣтніе и владѣющіе недвижимою собственностію.

Въ распрѣ съ болгарами по церковному вопросу греки, чтобы показать себя многочисленнѣе, въ общихъ прошеніяхъ подаваемыхъ правительству, подписывали иностранныхъ подданныхъ и всѣхъ грековъ, находящихся случайно въ Филиппополѣ, а также находящихся въ услуженіи ихъ приказчиковъ, подмастерьевъ и проч., которые, хотя и были болгарами, не могли отказать въ исполненіи требованій своихъ господъ. Чтобы не дать имъ возможности дѣлать

тоже самое и при выборахъ членовъ въ городской совѣтъ, надобно постановить слѣдующее:

7.

Не имѣютъ права участвовать въ выборахъ избирателей: 1) иностранные подданные, 2) не состоящіе записанными въ городѣ, гдѣ происходятъ выборы, а случайно по своимъ дѣламъ находящіеся тамъ, и 3) тѣ изъ жителей города, которые не имѣютъ собственнаго хозяйства, торговли или ремесла, а находятся въ услуженіи и на работѣ у другихъ.

8.

Въ избиратели могутъ быть выбраны только тѣ изъ мѣстныхъ жителей, которые имѣютъ недвижимую собственность въ городѣ и собственное хозяйство, торговлю, или ремесло и, кромѣ того, знающіе прочитывать и записывать.

9.

Чтобы быть избраннымъ въ члены совѣта, надобно знать читать и писать. Изъ таковыхъ предпочитаютъ имѣющіе недвижимую собственность, но не отвергаются и тѣ, которые не имѣютъ недвижимой собственности, но владѣютъ нужными для этого званія качествами.

Если постановить, чтобы избираемые въ члены совѣта имѣли недвижимую собственность, то этимъ будетъ закрыть доступъ къ этой должности для болѣе образованныхъ изъ болгаръ, которые болѣею частью не имѣютъ недвижимой собственности.

10.

Не могутъ быть ни избираемыми, ни избираемыми бывшіе подѣ судомъ за преступленія и несостоятельные.

11.

Предсѣдатель городского совѣта избирается изъ членовъ, принадлежащихъ къ преобладающему православному населенію.

При такомъ постановленіи достаточно, чтобы изъ четырехъ присутствующихъ членовъ совѣта, кромѣ предсѣдателя, былъ еще одинъ изъ болгаръ, для того, чтобы перевѣсъ въ присутствіи былъ на сторонѣ болгаръ.

12.

Для выбора избирателей, которые въ свою очередь должны избирать членовъ въ окружный совѣтъ, округъ раздѣляется на избирательные участки, изъ коихъ каждый долженъ дать по одному избирателю.

При существующемъ раздѣленіи, округа, какъ по пространству, такъ и по населенію, представляютъ большое неравенство между собою. Не говоря о тѣхъ округахъ, которые, какъ Филиппопольскій, имѣютъ больше ста тысячъ жителей (мужского пола), есть округа, которые имѣютъ до 50000 жителей, есть и такіе, которыхъ населеніе не превышаетъ 2000 душъ. Значительное неравенство есть также въ относительномъ числѣ жителей и дворовъ.

Поэтому, если для избирательнаго участка будетъ принято одинаковое число дворовъ или душъ для всѣхъ округовъ такъ, чтобы въ небольшихъ округахъ число избирателей было въ три раза больше числа имѣющихъ быть избранными членовъ, то въ большихъ округахъ оно будетъ въ десять и въ пятнадцать разъ больше, и въ такомъ количествѣ, что въ число избирателей должны попасть и такіе люди, которые будутъ подавать голосъ безсознательно и тѣмъ только мѣшать избранію болѣе способныхъ. Посему въ большихъ округахъ могутъ быть приняты и большіе избирательные участки. И такъ можетъ быть постановлено:

13.

Число дворовъ или душъ, которые должны составить одинъ избирательный участокъ, определяется въ каждомъ округѣ по числу дворовъ или жителей округа и по числу членовъ совѣта такъ, чтобы число избирателей было не меньше тройнаго числа имѣющихъ быть избранными членовъ и не больше шестикратнаго.

14.

Въ выборѣ избирателей членовъ окружнаго совѣта участвуютъ всѣ жители мужского пола, кромѣ городскихъ, совершеннолѣтніе, владѣющіе недвижимою собственностью и имѣющіе свое хозяйство.

Жители окружнаго города, имѣющіе недвижимую собственность въ округѣ, должны ли участвовать чрезъ своихъ избирателей въ выборѣ членовъ окружнаго совѣта?

15.

Не могутъ участвовать въ выборахъ избирателей и быть избранными въ избиратели лица, не состоящія записанными въ мѣстѣ, гдѣ происходятъ выборы, а только случайно по дѣламъ находящимся тамъ, а также иностранные подданные.

16.

Въ избиратели могутъ быть выбраны только тѣ изъ мѣстныхъ жителей, которые имѣютъ недвижимую собственность и свое хозяйство или какое бы то ни было независимое занятіе, и, кромѣ того, знающіе прочитывать и записывать.

17.

Выбранные населеніемъ избиратели собираются въ окружный городъ въ назначенное время и избираютъ членовъ въ окружный совѣтъ.

18.

Члены окружнаго совѣта избираются по вѣроисповѣданіямъ отдѣльно соотвѣтственнымъ населеніемъ, затѣмъ избиратели православнаго населенія подаютъ голосъ за избранныхъ уже неправославныхъ членовъ, равно какъ и избиратели неправославнаго исповѣданія подаютъ голосъ за избранныхъ православныхъ членовъ, и если при этомъ кто нибудь изъ тѣхъ или изъ другихъ получить голосовъ меньше половины числа гласоподавателей, то выбравшіе его избиратели избираютъ другого на мѣсто его.

Членами окружнаго совѣта неправославнаго исповѣданія могутъ быть только турки, а въ Филиппопольскомъ и Свищовскомъ округѣ и павликіяне (болгары—католики), такъ какъ только они входятъ въ составъ сельскаго населенія. А армяне и евреи, живущіе только въ городахъ, не имѣютъ никакихъ интересовъ въ округѣ, чтобы имѣть своихъ представителей въ окружномъ совѣтѣ и для нихъ достаточно будетъ, если не излишне и то, если, согласно 2-му примѣч. IV ст. проекта временныхъ правилъ объ управительныхъ совѣтахъ въ Болгаріи, будетъ постановлено, чтобы представители вѣроисповѣданій, по одному отъ cadaго, участвовали въ засѣданіяхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса только по дѣламъ, касающимся ихъ вѣроисповѣданія.

19.

Члены окружныхъ совѣтовъ избираются безъ различія какъ изъ жителей округа, такъ и изъ жителей города.

20.

Чтобы быть избраннымъ въ члены окружнаго совѣта, надобно знать читать и писать. Предпочитаются имѣющіе недвижи-

мую собственность и окончившіе курсъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи.

21.

Не могутъ быть избраны въ члены совѣта иностранные подданные и изъ мѣстныхъ жителей, бывшіе подъ судомъ за преступленіе и несостоятельность.

22.

Предсѣдатель совѣта избирается изъ числа членовъ православнаго исповѣданія.

23.

Члены совѣтовъ какъ окружнаго, такъ и городского, избираются на два года и каждый годъ мѣняется половина ихъ.

24.

Выбывающіе члены могутъ быть вновь избраны.

Протоколъ засѣданія уполномоченныхъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и уполномоченныхъ отъ Военно-Медицинскаго Вѣдомства.

Отъ 9-го августа 1877 года.

1877 года, августа 9 дня, по предложенію господина Военнаго Министра, въ Горнемъ Студенѣ происходило совѣщаніе для обсужденія вопроса о возможно цѣлесообразномъ и согласномъ съ Военно-Медицинскимъ Вѣдомствомъ направленіи дѣятельности Краснаго Креста въ Дѣйствующей арміи за Дунаемъ.

Въ совѣщаніи этомъ приняли участіе Главноуполномоченный Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ князь В. А. Черкасскій и гг. Военно-медицинскій Инспекторъ и Инспекторъ госпиталей Дѣйствующей арміи.

Кромѣ этихъ лицъ были призваны уполномоченные Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ: гр. Муравьевъ и гг. Голенищевъ-Кутузовъ, Толстой и секретарь Главноуполномоченнаго Неклюдовъ.

Совѣщаніе было открыто чтеніемъ письма Ген.-адъют. Исакова къ господину Военному Министру отъ 27 іюля сего 1877 года.

По прочтеніи сказаннаго письма, отвергая въ принципѣ существованіе какой бы то ни было конкуренціи между дѣятельностью Краснаго Креста и Военно-Медицинскаго и Госпитальнаго Вѣдомства въ Дѣйствующей арміи, Главноуполномоченный Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ и гг. Военно-медицинскій Ин-

спекторъ и Инспекторъ госпиталей, разсмотрѣвъ сообща предшествующія событія съ точки зрѣнія совокупнаго въ оныхъ участія и обсудивъ подробно тѣ новыя условія, въ коихъ находится врачебная часть за Дунаемъ, остановились на слѣдующихъ заключеніяхъ, единогласно принятыхъ:

1) Дѣятельность Краснаго Креста въ Румыніи, выразившаяся устройствомъ этапныхъ санитарныхъ пунктовъ и содѣйствіемъ къ организаціи санитарныхъ поѣздовъ въ Румыніи, была основана на предшествовавшемъ взаимномъ соглашеніи Военнаго и Военно-Медицинскаго Вѣдомства съ Главноуполномоченными Общества княземъ В. А. Черкасскимъ и д. с. с. Абазю. Выработанныя этимъ соглашеніемъ основанія были изложены въ письмѣ Ген.-ад. Непокойчицкаго князю Черкасскому, каковое письмо было предложено княземъ Черкасскимъ на усмотрѣніе исполнительной комиссіи Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, въ Петербургѣ, еще до открытія военныхъ дѣйствій и было ею вполне одобрено.

Если затѣмъ устроенные отъ Краснаго Креста вдоль сѣти румынскихъ желѣзныхъ дорогъ десять этапныхъ санитарныхъ пунктовъ долгое время оставались незанятыми, то причину этому слѣдуетъ искать исключительно въ томъ первоначально ничтожномъ количествѣ раненыхъ и счастливымъ санитарномъ положеніи нашей арміи, коими ознаменовались первые мѣсяцы настоящей компаніи, которое составляетъ отрадное явленіе и свидѣтельствуетъ о заботливости военнаго, военно-медицинскаго и госпитальнаго начальства; поэтому и временная, видимая непроизводительность расхода на этапные пункты едва ли можетъ быть поставлена кому-либо въ вину.

2) Какъ въ Румыніи, такъ и по переходѣ нашихъ войскъ за Дунай, Красный Крестъ какъ по мѣрѣ требованія Военно-Медицинскаго Вѣдомства, такъ и по ближайшему усмотрѣнію своихъ уполномоченныхъ, снабжалъ госпитали Дѣйствующей арміи чаемъ, сахаромъ, виномъ,

табакомъ, бѣльемъ, дезинфекціонными средствами и пр. Относительно небольшое количество нѣкоторыхъ изъ отпущенныхъ предметовъ, напримѣръ, хины, обуславливается, во-первыхъ, уже указаннымъ выше малымъ числомъ больныхъ и раненыхъ и во-вторыхъ, достаточностью запасовъ, сдѣланныхъ самимъ Военно-Медицинскимъ Вѣдомствомъ. На санитарные поѣзда Управление Краснаго Креста при арміи обратило значительныя средства и непрестанно заботилось требованіемъ оныхъ изъ Петербурга въ болѣе значительныхъ размѣрахъ.

3) Переходя отъ дѣятельности Краснаго Креста въ Румыніи къ дѣятельности его за Дунаемъ, въ Болгаріи, Главноуполномоченный князь В. А. Черкасскій заявилъ, что Красному Кресту, какъ по имѣющимся въ его распоряженіи средствамъ, такъ и по личному составу уполномоченныхъ и врачебнаго персонала, не представляется возможности открывать отъ себя въ Дѣйствующей арміи какихъ-либо особыхъ, самостоятельныхъ и постоянныхъ санитарныхъ учрежденій, кромѣ уже нынѣ имѣющихся въ готовности лазаретовъ Учрежденій Императрицы Маріи, Дерптскаго, Евангелическаго и небольшого санитарнаго отряда г. Рыжова. Этому въ особенности не способствуютъ и всѣ мѣстныя условія театра войны. Впрочемъ, повидимому, и письмо Ген.-ад. Исакова не рекомендуетъ этой отрасли дѣятельности.

4) На средства Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ будетъ содержаться весь находящійся нынѣ въ распоряженіи Главноуполномоченнаго Общества личный составъ врачей, фельдшеровъ, студентовъ медико-хирургической академіи и пр. Персоналъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ уменьшаемъ, а скорѣе, по мѣрѣ возможности, увеличиваемъ.

Врачи и студенты будутъ работать при летучихъ санитарныхъ отрядахъ Краснаго Креста на перевязочныхъ пунктахъ, а равно и въ военно-временныхъ и постоянныхъ госпиталяхъ Дѣйствующей арміи, причемъ

откомандированные для занятій въ сихъ госпиталяхъ врачи и фельдшера Краснаго Креста обязаны подчиняться, наравнѣ съ врачами и фельдшерами военного вѣдомства, старшему врачу госпиталя.

5) Въ военно-временныхъ и постоянныхъ госпиталяхъ Дѣйствующей арміи за Дунаемъ имѣютъ быть распредѣляемы, на основаніи уже послѣдовавшаго предварительнаго ряда соглашеній между Главноуполномоченнымъ княземъ Черкасскимъ и Военно-Медицинскимъ Вѣдомствомъ, сестры милосердія, причемъ всякое дальнѣйшее передвиженіе ихъ или измѣненіе въ ихъ распредѣленіи, какъ то было и донынѣ, такъ и впредь, имѣетъ слѣдовать по обоюдному соглашенію сказанныхъ вѣдомствъ.

6) Красный Крестъ беретъ на себя снабжать, по мѣрѣ силъ и возможности, Военно-Медицинское Вѣдомство перевозочными и другими средствами для больныхъ и раненыхъ. Для этой надобности княземъ Черкасскимъ даже еще до увеличенія представленныхъ въ его распоряженіе Главнымъ Управленіемъ средствъ и еще лишь въ надеждѣ на нихъ, были выписаны изъ Вѣны пятнадцать большихъ каретъ и сдѣлано распоряженіе о закупкѣ въ Бухарестѣ 60 лошадей и упряжи. Кареты эти ожидаются въ Болгарію на сихъ дняхъ. Кромѣ того, для перевозки раненыхъ въ простыхъ телѣгахъ и повозкахъ выписаны въ Болгарію изъ бухарестскаго склада пятьсотъ приспособленій системы Завадовскаго, кромѣ оставленныхъ у г. Рихтера и прежде сданныхъ въ Военно-Медицинское Вѣдомство въ Румынію.

Помянутыя кареты, по прибытіи ихъ, подлежатъ передачѣ двумъ уполномоченнымъ Краснаго Креста—гр. Муравьеву, состоящему при Главной Квартирѣ Е. И. В. Главнокомандующаго, и князю Щербатову, состоящему при Главной Квартирѣ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича. А приспособленія Завадовскаго будутъ переданы Военно-Медицинскому и Госпитальному Вѣдомствамъ.

7) Красный Крестъ въ Болгаріи, черезъ посредство сказанныхъ двухъ своихъ уполномоченныхъ, гр. Муравьева и князя Щербатова, а равно и уполномоченныхъ—князя Долгорукова, Исакова, Глѣбова и Новосильцева,—уже началъ раздачу и будетъ впредь раздавать денежные пособия раненымъ и труднымъ больнымъ, эвакуируемымъ изъ передовыхъ госпиталей. Раздача эта производилась въ размѣрѣ по четыре полуимперіала на офицера и по два франка на нижняго чина. Къ раздачѣ тѣхъ пособій могутъ быть призваны, за отсутствіемъ уполномоченныхъ, и старшія сестры общинъ, распределенныя по передовымъ госпиталямъ. Сверхъ сего, въ Румыніи, по распоряженію князя Черкаскаго, отдавались нѣкоторыя суммы въ непосредственное распоряженіе Крестовоздвиженскихъ сестеръ для оказанія пособія призрѣваемымъ въ военныхъ госпиталяхъ раненымъ. При переходѣ госпиталей за Дунай и этотъ видъ пособій будетъ продолжаемъ черезъ посредство сестеръ разныхъ общинъ.

8) Красный Крестъ, въ предѣлахъ ассигнованныхъ въ распоряженіе главноуполномоченнаго князя Вл. А. Черкаскаго денежныхъ средствъ, будетъ снабжать госпитали Дѣйствующей арміи медикаментами, преимущественно хиною, бѣльемъ, къ осени теплымъ платьемъ, перевязочными средствами, дезинфекціонными средствами, чаемъ, сахаромъ, виномъ, табакомъ и проч.

Запасъ этихъ предметовъ на сумму свыше тридцати тысячъ рублей купленъ въ Берлинѣ и частью уже прибылъ въ Болгарію и помѣщенъ въ складахъ Общества въ Систовѣ и Тырновѣ. Кромѣ того, изъ Шафгаузена выписываются перевязочныя средства по списку, сдѣланному докторами Каде и Конради, въ томъ числѣ большой запасъ на не менѣе значительную сумму, а изъ Одессы огромное количество чаю, сахару, табаку, марли и ваты.

Изъ прибывшихъ транспортовъ уже оказывались значительныя пособія госпиталямъ въ Тырновѣ, Систовѣ и

Зимницахъ, городской больницѣ для раненыхъ, въ Габровѣ и лечебному околотку въ Никополѣ, организованному генераломъ Столыпинымъ, и имѣютъ впередъ оказываться пособія по мѣрѣ средствъ, какъ по личному усмотрѣнію уполноченныхъ Краснаго Креста, такъ и по заявленіямъ Военно-Медицинскаго и Госпитальнаго Вѣдомствъ.

Пособія бѣльемъ, перевязочными средствами и прочими предметами имѣютъ быть отпускаемы, смотря по удобству, въ распоряженіе или сестеръ милосердія общинъ, или врачей, находящихся при госпиталяхъ. Медикаменты же имѣютъ быть отпускаемы въ распоряженіе состоящихъ при госпиталяхъ врачей, подъ ихъ росписки. При этомъ врачъ госпиталя обязанъ о всѣхъ полученныхъ имъ въ пособіе отъ Краснаго Креста медикаментахъ донести военно-медицинскому начальству.

9) Кромѣ имѣющихся нынѣ въ запасѣ и выписанныхъ предметовъ, князь В. А. Черкасскій предложилъ гг. военно-медицинскому Инспектору и Инспектору госпиталей Дѣйствующей арміи составить списокъ необходимыхъ предметовъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ Дѣйствующей арміи, на сумму до тридцати тысячъ рублей. По составленіи сего списка, князь Черкасскій выпишетъ на средства Краснаго Креста эти предметы, смотря по удобству, изъ Россіи или изъ-за границы.

10) На пути слѣдованія больныхъ и раненыхъ къ Систову и Зимницамъ, отъ Краснаго Креста предполагается устроить два или три этапныхъ пункта, на подобіе тѣхъ, которые послѣ плевненскихъ и никопольскаго дѣлъ были съ большимъ успѣхомъ устраиваемы уполномоченными Исаковымъ и гр. Муравьевымъ, на которыхъ, равно и на князя Щербатова, по его выздоровленіи и возвращеніи въ рущукскій отрядъ, это возлагается.

О времени, къ которому было бы желательно устроить эти пункты, такъ равно и о наиболѣе удобныхъ и полезныхъ для ихъ расположенія мѣстахъ, необходимо

чтобы Военное или Военно-Медицинское Вѣдомства заблаговременно увѣдомляли отъ себя непосредственно упомянутыхъ двухъ гг. уполномоченныхъ, дабы они могли принять надлежащія мѣры къ снабженію пунктовъ потребными припасами и персоналомъ.

Письмо кн. В. А. Чернасснаго генераль-адъют.
Непонойчицкому *).

. Милостивый Государь,
Артуръ Адамовичъ!

По возвращеніи изъ Кишинева дѣйствительнаго статскаго совѣтника Абазы, Исполнительная Комиссія Главнаго Управленія Краснаго Креста, получивъ отъ него ближайшія свѣдѣнія о результатахъ этой поѣздки, извѣстилась, между прочимъ, и о томъ, что, по мнѣнію Вашего Высокопревосходительства, въ случаѣ войны въ районѣ самыхъ военныхъ дѣйствій, считая примѣрно отъ Яссы, какъ точки соединенія двухъ разнovidныхъ желѣзнодорожныхъ колеи и далѣе на югъ, Управленіе Дѣйствующею арміею рассчитываетъ на содѣйствіе Краснаго Креста исключительно въ формѣ усиленнаго вспомошествованія нуждамъ военныхъ госпиталей, вещественнаго, и помощи посредствомъ личнаго состава, т. е. сестеръ милосердія, низшаго санитарнаго персонала и проч. Между тѣмъ, при Главномъ Управленіи была уже въ концѣ прошедшаго декабря образована подкомиссія съ цѣлью спеціального разсмотрѣнія вопроса о томъ, какого рода пособіе могло бы быть, на случай войны, оказано арміи Краснымъ Крестомъ, между прочимъ на самой сѣти румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ дѣлѣ эвакуаціи больныхъ и раненыхъ изъ

Было предварительно читано д. с. с. Абазою и ген.-адъют. Исаковымъ, къ которому возилъ его ген.-маіоръ Домантовичъ 8-го Февраля 1877 года.

Дѣйствующей за Дунаемъ арміи. Журналъ засѣданій этой подкомиссіи былъ нынѣ подвергнутъ обсужденію въ Исполнительной Комиссіи Главнаго Управленія, которая, по заслушаніи его и до постановленія окончательнаго по немъ рѣшенія, согласно моему предложенію, поручила мнѣ войти съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ въ предварительное сношеніе по сему предмету, дабы узнать, въ какой мѣрѣ разсматриваемыя предположенія могутъ согласоваться съ Вашими видами и желаніями Его Императорскаго Высочества Великаго Князя.

Въ виду того, что эвакуація больныхъ и раненыхъ изъ арміи вызоветъ, вѣроятно, со стороны военнаго начальства образованіе не только санитарныхъ поѣздовъ, составленныхъ изъ обратно отправляемыхъ отъ Дуная къ Яссамъ вагоновъ, но еще и специально предназначенныхъ для вывоза въ ту или другую мѣстность княжествъ больныхъ заразительныхъ, помощь Краснаго Креста въ данномъ случаѣ могла бы, по мнѣнію Исполнительной Комиссіи и ея подкомиссіи, выразиться въ слѣдующихъ формахъ: во-1-хъ, въ снабженіи специальныхъ санитарныхъ поѣздовъ надлежащимъ личнымъ составомъ врачей, сестеръ милосердія и, по возможности, низшихъ санитарныхъ служителей; во-2-хъ, въ образованіи отъ общества Краснаго Креста, вдоль румынской желѣзнодорожной линіи, на избранныхъ военнымъ начальствомъ этапныхъ пунктахъ, маленькихъ санитарныхъ станцій или пріютовъ для слабосильныхъ больныхъ, а также магазиновъ, въ которыхъ могли бы быть сосредоточиваемы отъ общества предметы дополнительнаго пищевого довольства (чай, сахаръ, вино, сухіе припасы и проч.), а также теплая разнаго рода одежда, обувь, бѣлье, одѣяла и проч. для раздачи того и другого, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, перевозимымъ больнымъ и раненымъ; въ-3-хъ, въ снабженіи необходимыхъ въ военныхъ санитарныхъ поѣздахъ подвижныхъ кухонъ желательнымъ, сверхъ штатнаго положенія, количествомъ утвари и посуды и т. п.

Затѣмъ общество должно быть предварительно поставлено въ точную извѣстность, — совпадаетъ ли очерченная выше дѣятельность съ намѣреніями и желаніями Военнаго Управленія? Это необходимо, съ одной стороны для того, чтобы Главное Управленіе Краснаго Креста, въ случаѣ согласія военнаго начальства, могло бы своевременно изготавиться и пригласить нужный личный сдставъ, на что необходимо нѣкоторое время, въ случаѣ же несогласія могло бы обратить всю свою дѣятельность и средства на другія стороны предстоящаго дѣла.

Невольное отсутствіе мое изъ Кишинева лишило меня, къ сожалѣнію, возможности — объясниться съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ какъ объ этомъ, такъ и онѣ-которыхъ другихъ предметахъ, касающихся того же дѣла. По мѣрѣ возможности восполняя нынѣ, по порученію Исполнительной Комиссіи, этотъ пробѣлъ, я имѣю честь просить Ваше Высокопревосходительство благоволить сообщить мнѣ Ваши ближайшія указанія, которыя будутъ мною немедленно лично переданы въ Главное Управленіе по возвращеніи моемъ изъ Москвы, куда я теперь уѣзжаю на нѣсколько дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ бы честь просить Васъ благоволить отвѣтъ Вашъ адресовать на мое имя въ Главный Штабъ, откуда я поручу своему Правителю Канцеляріи получить оный и доставить его мнѣ немедленно.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. (Было ли это письмо отослано по назначенію — неизвѣстно. Ред.).

Февраля 8-го дня 1877 года.
С.-Петербургъ.

Письмо нн. В. А. Чернасскаго И. С. Аксанову.

2 мая, 77,
Кишиневъ.

Я получилъ вчера письмо Ваше, дрожайшій Иванъ Сергѣевичъ, въ которомъ вы мнѣ пишете о Черняевѣ и которое мнѣ было передано бывшимъ Самарскимъ Управл. госуд. имуществами. Вы же, вѣроятно, получили мое письмо къ Аннѣ Ѳедоровнѣ и мою длинную телеграмму о складѣ, Макаровѣ, Столѣтовѣ и пр. Ищу теперь на своемъ столѣ послѣдняго Вашего письма, дабы не забыть чего-либо въ отвѣтѣ, и не нахожу. Тѣснота страшная, я живу въ двухъ комнатахъ. Въ одной постоянно ожидаютъ посѣтители, работаетъ часть маленькой канцеляріи, чай пьютъ и обѣдаютъ человѣкъ семь или восемь, у меня по обыкновенію для этого собирающихся. Въ моей спальнѣ я всѣхъ принимаю, работаю. Здѣсь же почти всегда кто-нибудь, а иногда двое такъ же сидятъ и пишутъ. Вы видите для порядка въ письмахъ и проч. элементы не особенно благопріятные.

Великій Князь уѣхалъ вчера въ Плоэшти, быть можетъ, даже безъ сомнѣнія, будетъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, т. е. на одинъ или нѣсколько дней, въ Бухарестѣ. Я остаюсь здѣсь еще дней пять или шесть. Затѣмъ отправлюсь далѣе и буду также между Плоэшти и Бухарестомъ. Письма совѣтую адресовать въ Бухарестъ въ генеральное консульство съ передачею или пересылкою мнѣ. Это будетъ всего вѣрнѣе. Потрудитесь тоже передать моей женѣ.

Касательно Чихачевского дѣла, совѣтую Вамъ составить, лучше переписать и переслать мнѣ въ Бухарестъ записку о желаніи Славянскаго благотворительнаго общества получить сложеніе денегъ за провозъ оружія, и о мотивахъ, на которыхъ это желаніе основано. Нужно бы упомянуть, что чѣмъ болѣе Вы уплатите Одесской желѣзной дорогѣ, тѣмъ меньше останется у Васъ денегъ для раздачи болгарамъ, которые будутъ своими просьбами докучать самому Главнокомандующему. Я представляю эту записку Великому Князю и буду просить дозволенія ходатайствовать его именемъ. Но къ Чихачеву ли нужно отнести? И не перемѣнилось ли управленіе? Объ этомъ узнайте навѣрно въ Москвѣ и напишите поаккуратнѣе.

Къ Столѣтову въ Плоэшти я отправилъ Вашу телеграмму съ требованіемъ замѣчаній объ изготовленныхъ вещахъ, но едва ли чего добьетесь. Ему, какъ всѣмъ намъ, дѣла по горло съ новыми организаціями. Времени было безплодно потрачено слишкомъ много. Теперь приходится догонять упущенное и это не легко. Во всякомъ случаѣ совѣтую Вамъ просто держаться перваго опыта, если, какъ вѣроятно, онъ не напишетъ Вамъ.

Что сказать Вамъ о Черняевѣ? Я видѣлъ его нѣсколько разъ и онъ, скажу откровенно, произвелъ на меня самое тягостное впечатлѣніе. Это человѣкъ навсегда испорченный чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, самомнѣніемъ и грубѣйшимъ тщеславіемъ. Я убѣждалъ его здѣсь, думаю, едва ли не первый, смириться, безусловно покориться и принять все, что бы ему не предложили. Дѣлалъ это съ особенною осторожностію (ибо онъ человѣкъ, очевидно, нравственно больной) и многое высказалъ ему съ дружественною, но безпощадною откровенностію. Старался, между прочимъ, увѣрить его, что не одинъ онъ можетъ жаловаться на несправедливости, и другіе, быть можетъ, съ большимъ, чѣмъ онъ, правомъ, и тѣмъ не менѣе въ такія историческія минуты никто не вправѣ мѣстничаться и

считаться съ правительствомъ. Старался убѣдить его (что еще труднѣе), что онъ ошибается на счетъ своего политическаго престижа и возможности для него нынѣ полезной для Россіи политической роли въ славянскихъ земляхъ; въ этомъ его трудно увѣрить. Я же убѣжденъ, что онъ въ политическомъ дѣлѣ человѣкъ безполезный, да и вообще довольно ограниченный, и что его прецеденты въ сербскую войну и вообще отсутствіе всякой мѣры и такта сдѣлали бы его теперь здѣсь человѣкомъ вреднымъ. Его можно употребить теперь лишь въ Азіи. Самъ онъ мнитъ о себѣ, что Россія должна быть у его ногъ, что безъ него обойтись невозможно, что онъ одинъ способенъ вести эту войну. Я не берусь судить о его достоинствахъ внѣшнихъ, но скажу, что лучшіе его друзья изъ великихъ сами не считаютъ его способнымъ на высокій постъ. Очень любопытно знать, какое осталось въ Черняевѣ впечатлѣніе о нашихъ бесѣдахъ: бранить онъ меня или нѣтъ. Я думаю, что исполнилъ долгъ свой, когда говорилъ дружественно, но откровенно и иногда рѣзко. Наши мнѣнія о Черняевѣ расходятся, но повѣрьте, Вы ошибаетесь, если думаете, что для него самого не лучше перебраться въ Азію. Но, конечно, справедливо и полезно для правительства, и на мой взглядъ необходимо было бы дать ему положительное назначеніе. Ему необходимо было бы дать дивизію или отрядъ, а не оставлять просто при штабѣ. Я твердо надѣюсь, что такъ и будетъ. Искренно сожалею о направленіи старообрядцевъ если они, дѣйствительно, держатся въ сторонѣ. Это съ ихъ стороны большая непростительная ошибка, о которой они будутъ въ послѣдствіи сами сожалѣть, но поздно. Надѣюсь, впрочемъ, что этого и нѣтъ, и что дѣло идетъ о настроеніи развѣ нѣкоторыхъ главенствующихъ у нихъ и умничающихъ лицъ, а не о массѣ.

Вотъ и все, что я могу объ этомъ сказать.

Я рѣшилъ главный складъ свой устроить въ Бухарестѣ, какъ пунктъ для меня болѣе центральномъ, а не

въ Яссахъ. Вещественныя пожертвованія въ пользу болгаръ прошу Анну Ѳедоровну направлять туда на имя Лидіи Алексѣевны Демидовой (рожд. Писаревой), которая будетъ завѣдывать складомъ. Туда же прошу Катерину Ѳедоровну и Марью Васильевну Дурново направлять пожертвованія и всякаго рода вещи въ пользу нашей Дѣйствующей арміи. Я крѣпко надѣюсь, что они не безусловно предадутся складу, но будутъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлять свои приношенія между Кавказомъ и нами соразмѣрно численности войска; а у насъ болѣе 200 т. чело-вѣкъ и наши средства совершенно ничтожны.

Для достаточнаго снабженія однихъ нашихъ санитарныхъ поѣздовъ рубахами, въ теченіе семи или восьми мѣсяцевъ, намъ необходимо 20.000 рубахъ. По румынскимъ дорогамъ, какъ по главной дорогѣ, пойдутъ всѣ безъ изъятія эвакуированные въ Россію и даже въ отдаленныя части Румыніи.

Военное вѣдомство выдаетъ по 70 рубахъ на поѣздъ, а въ немъ 200 тяжело больныхъ раненыхъ. Разочтите. Очень и очень прошу подумать. Свѣжее бѣлье есть первая необходимость окровавленнаго раненаго и тяжело больного диссентеріею. У насъ всего 7.000 рубахъ. Кажется пор. еще меньше. Офицерскаго очень мало. Обращаю на это вниманіе вашихъ дамъ. Не забудьте, что сверхъ того у меня будетъ отъ Краснаго Креста по обѣ стороны Дуная за Прутомъ болѣе 20 или 25 этаповъ для самыхъ тяжело раненыхъ въ числѣ 500, которые не могутъ переносить немедленнаго передвиженія. А на кого мы надѣнемъ чистую рубашку и кальсоны, съ того, при сдачѣ его въ Яссахъ или Унгенѣ, Абазѣ, мы не можемъ сдать данной рубашки. Откуда же мы возьмемъ столько бѣлья, если не будутъ присылать? Простите, обнимаю, поручая общей благосклонности и дружбѣ. К. В. Ч.

Краткая записка о положеніи забалканскихъ болгарь-бѣглецовъ, представленная Завѣдующему гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ полковникомъ Дометти, отъ 13 сентября 1877 г. за № 7.

Во второй половинѣ іюня мѣсяца, болгары округовъ Ески-Загры, Ени-Загры, Чалтанъ, Казанлыка, Карлова, Калофера, пораженные ужасами турокъ, принуждены были оставлять свои жилища и искать себѣ убѣжище по сію сторону Балканъ. Болгары эти могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: первые тѣ, которые застигнуты были турками врасплохъ, и, оставляя свои жилища, ничего почти не успѣли захватить съ собою изъ дома, и вторые тѣ, которые, услыхавъ лишь объ ужасахъ турокъ въ соседствѣ, забравъ съ собою что могли, переходили постепенно къ Балканамъ по мѣрѣ приближенія турокъ. Большая часть ихъ слѣдовала черезъ д. Шипку, Балканы на Габрово, Дряново къ Тырново и далѣе. Тотчасъ по этому направленію на встрѣчу, по распоряженію господина Завѣдующаго гражданской частью при Главнокомандующемъ Дѣйствующею арміею, командирована была комиссія для оказанія помощи бѣжавшимъ болгарамъ; въ распоряженіе ея представлено было для раздачи 13.333 фран. 20 сант. Предпринимая свое назначеніе, комиссія имѣла въ виду помочь возможно большему числу нуждающихся, при чемъ отличала тѣхъ, которые не успѣли ничего захватить съ

собою. Часть этихъ денегъ обращена была на покупку хлѣба, который былъ розданъ бѣжавшимъ въ Дряново и Габрово, другая же часть роздана на руки; всего получившихъ помощи или хлѣбомъ или деньгами было 14.375 душъ, считая въ томъ числѣ и дѣтей.

Согласно инструкціи господина Завѣдующаго гражданской частью при Главнокомандующемъ Дѣйствующей арміею, бѣжавшіе болгары поселены были въ усадьбахъ опущенныхъ турецкихъ деревень. Такъ первоначально заселена была вполнѣ д. Ялово, недалеко отъ Дряново и д. Килифаръ; въ обѣихъ этихъ деревняхъ было 160 опущенныхъ турецкихъ усадебъ; всѣ эти усадьбы заселены были бѣжавшими болгарами съ представленіемъ имъ снимать урожай изъ половины. Чтобы доставить возможность бѣжавшимъ болгарамъ пріобрѣсти какія-нибудь орудія для работъ, комиссія, при водвореніи въ д. д. Яловѣ и Килифарѣ, выдавала изъ суммъ, въ ея распоряженіи состоящихъ, на каждую душу по 2 франка, и, сверхъ того, на каждое семейство по 3 фр. Независимо сего въ сосѣднихъ деревняхъ Ганчевищѣ и Рунѣ оказались нетронутыми склады десятиннаго сбора хлѣба прошлагодняго; хлѣбъ этотъ, по распоряженію комиссіи, предоставленъ былъ чрезъ довѣренное лицо въ пользованіе бѣжавшихъ болгаръ; въ складѣ этомъ оказались 238 кило пшеницы по 20 окъ кило; по 3 ф. въ окѣ-составитъ 14.280 фун. Такимъ образомъ, въ опущенныхъ турецкихъ усадьбахъ д. д. Ялово и Килифарѣ водворено было тогда же 3.528 душъ, размѣстившихся по 5 или 6 семействъ въ усадьбѣ. Послѣ этого началось послѣдовательное водвореніе бѣжавшихъ болгаръ по городамъ и селамъ въ опущенныхъ турецкихъ усадьбахъ. Такимъ образомъ размѣщено: въ мѣстечкѣ Дряново (52 опущенныхъ усадьбахъ турецкихъ), затѣмъ въ самомъ Тырново занято до 900 домовъ, въ м. Раховцѣ 60, въ д. д. турецкихъ: Сѣновацѣ (50 ус.), Сушица (100), Арнаутліе (50), Синдикіой (50), Отиларе (100), Кара-Хасанъ (50), Іердувангли

(20), Кромъ-Бунаре (30), Горни-Трамбешъ (30) и Драганово-Село (50); при заселеніи деревень представлено было бѣжавшимъ болгарамъ снимать урожаи изъ половины; кромѣ того заселены были въ опущенныхъ турецкихъ домахъ города Сельвиево и около Травны: въ городахъ поселялись городскіе жители, въ деревняхъ—сельскіе. Въ виду наступленія холоднаго времени года, жители городовъ Тырново, Дряново, Сельвиево, Раховецъ, Травны взялись отдѣлать на счетъ городовъ часть опущенныхъ турецкихъ домовъ для вдовъ и сиротъ, лишенныхъ возможности поселиться, своимъ трудомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ города эти взялись снабжать ихъ тоже топливомъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ ранѣе весны перейти не могутъ въ мѣста своего прежняго жительства. Независимо сего, Славянскій комитетъ отъ себя устроилъ въ Тырново и Габрово пріютъ для престарѣлыхъ вдовъ и сиротъ на 300 человѣкъ съ полнымъ содержаніемъ,—кромѣ того въ этихъ же мѣстахъ устроилъ ежедневную выдачу хлѣба даромъ до 500 окъ въ день. Рядомъ всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ мѣръ положеніе болгаръ, оставившихъ свои жилища, вслѣдствіе ужасовъ турокъ,—въ настоящее время находится въ такомъ видѣ: всѣ они, первоначально выйдя изъ своихъ мѣстъ,—имѣли кое-какіе запасы, которые приходятъ къ концу. Всѣхъ, оставившихъ свои жилища, въ точности опредѣлить довольно трудно, такъ какъ они постоянно мѣняютъ мѣста свои, поддаваясь впередъ къ Балканамъ—скорѣе домой по мѣрѣ того, что они слышатъ, какъ идутъ дѣла на Шипкѣ, въ надеждѣ вернуться скорѣе къ себѣ; но нужно думать, что число ихъ—до 100 т., изъ которыхъ большая часть заняла усадьбы и дома опущенные турецкіе; выходя изъ дома, запаслись многіе изъ нихъ скотомъ и подводами, и тѣ изъ нихъ, которые еще имѣютъ кое-какіе запасы изъ дома, въ надеждѣ вернуться домой, держатся съ подводами въ полѣ, укрываясь шалашами, тѣ же изъ нихъ, у которыхъ запасы истощились, поспѣшили поселиться или въ мѣстечкахъ, или въ селахъ,

дабы оттуда ходить на заработки. При этомъ надо упомянуть, что бѣжавшіе болгары очень трудно идутъ на заработки, что приписать надо тому, что, еще не успокоенные и не имѣя еще настоящаго угла своего, они боятся выйти на заработки далѣе того города или села, гдѣ они пріютились. Очень многіе же изъ бѣжавшихъ болгаръ, болѣе достаточные, нашли себѣ убѣжище по городамъ у родныхъ или знакомыхъ болгаръ, гдѣ они за услуги, или за плату имѣютъ уголъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и пропитаніе. Водворяя бѣжавшихъ болгаръ въ опущенныхъ турецкихъ домахъ и усадьбахъ, выдавая также пособіе имъ, комиссія имѣла въ виду помочь первоначально и вмѣстѣ съ тѣмъ направляла ихъ къ заработкамъ, дабы не оставить праздными массу населенія: такъ, поселяя къ сѣверу отъ Тырново, комиссія именно выбрала тѣ села, которые лежатъ невдалекѣ, отъ нетронутыхъ покосовъ вдоль рр. Янтры и Русицы; большая часть ихъ и поступила на заработки покосовъ. Независимо всѣхъ мѣръ, принятыхъ комиссіею и Славянскимъ комитетомъ къ облегченію участи, бѣжавшихъ болгаръ, господиномъ Главнымъ Уполномоченнымъ Краснаго Креста учреждена и открыта въ городѣ Тырново мастерская, куда за оплату приходятъ работать много ежедневно изъ бѣжавшихъ болгаръ, что доставило имъ источникъ заработковъ въ самомъ городѣ. Подробный отчетъ въ раздачѣ денегъ предоставленъ, за подписью моею, и въ качествѣ казначея при мнѣ г-мъ Чалыка, господину исправляющему должность Тырновскаго гражданскаго губернатора.

Подписалъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка полковникъ *Доммети*.

Д. Горній Студень.
Сентября 13/25 дня 1877.

Справка изъ дѣла о ста тысячахъ рублѣхъ, отпущенныхъ на обмундированіе и снаряженіе первыхъ шести болгарскихъ дружинъ.

Главный интендантъ отъ 11 декабря 1876 г. за № 5868, сообщилъ Завѣд. гражд. дѣлами объ отпускѣ въ распоряженіе послѣдняго по Высочайшему повелѣнію ста тысячъ рублей на уплату за изготовляемое въ Москвѣ обмундированіе для болгарскихъ ополченій.

Для расходованія этихъ денегъ, княземъ Владиміромъ Александровичемъ черезъ Военнаго Министра было испрошено особое Высочайшее повелѣніе о порядкѣ расходованія этихъ денегъ. По Высочайше утвержденному 23 декабря 1876 г. всемилостивѣйшему докладу опредѣлено, между прочимъ: а) Завѣдующему гражданскими дѣлами при Главнокомандующемъ Дѣйств. арміею—произвести нынѣ же уплату 80 тыс. р. Московскому славянскому комитету въ видѣ аванса въ счетъ той суммы, которая будетъ причитаться ему за изготовленіе вещей, б) окончательный расчетъ съ Слав. комитетомъ произвести по выполненіи имъ заказа и по представленіи комитетомъ квитанцій генералъ-маіора Столѣтова въ полученіи всѣхъ вещей, заготавливаемыхъ для болгарскаго ополченія. Какимъ образомъ 80 тыс. р. были ассигнованы изъ московскаго окружнаго интендантства, въ которое они были переведены, по дѣлу не видно, но предсѣдатель Слав. комитета отъ 30 декабря за № 1582 выслалъ квитанцію за № 1581-мъ въ полученіи отъ князя Владиміра Александровича 80 тыс. р. въ видѣ аванса, которая при отношеніи отъ 11 января

за № 40 отправлена на хранение къ главному интенданту, и по увѣдомленіи Главнаго интендантскаго управленія отъ 12 января 1877 г. за № 1 получена тамъ и хранится въ дѣлахъ онаго.

Затѣмъ, послѣ сдачи всего обмундированія агентами московскаго главнаго комитета генералу Столѣтову и представленія квитанцій отъ него, Завѣдующій гражданскими дѣлами просилъ отъ 15 мая за № 186 Московское окружное интендантство отпустить и остальные 20 тыс., изъ 100 тысячнаго кредита, предсѣдателю Славян. москов. ком. Аксакову для расплаты послѣднимъ за высланное обмундированіе. Высланная г. Аксаковымъ квитанція въ полученіи имъ 20 тыс. рублей изъ интендантства отъ 6 іюня 1877 г. за № 253 отправлена также къ главному интенданту Военнаго Министерства.

По полученіи отъ Ив. Сергѣевича Аксакова подробной разсчетной вѣдомости на приготовленное снаряженіе для первыхъ 6-ти болгарскихъ дружинъ, таковая препровождена 26 іюля за № 706 къ г. Начальнику Главнаго штаба съ просьбою доассигновать ему, сверхъ ста тысячъ рублей, еще 9935 р. за разные предметы, доставленные Слав. комитетомъ сверхъ смѣты на основаніи требованія генерала Столѣтова, а также вознаградить и за тѣ вещи, которыя доставлены комитетомъ въ большемъ, чѣмъ требовалось количествѣ.

На это отъ 17 сентября сего г. № 798 графъ Гейденъ увѣдомилъ князя Владиміра Александровича, что всѣ расчеты по распоряженію первыхъ шести дружинъ были переданы имъ Главному интендантскому управленію и послѣднимъ представляется всеподданнѣйшій докладъ объ ассигнованіи въ распоряженіе Его Сіятельства князя Влад. Александровича для выдачи Аксакову 12.067 р. 54 к. въ дополнительную плату Славян. комитету.

Послѣ увѣдомленія объ этомъ отъ 30 сентября № 1236 г. Аксакова, отъ главнаго интенданта получена депеша 18 октября о томъ, что согласно состоявшемуся 29 сен.

тября положенію военнаго совѣта отпущено московскому интендантству 12.067 р. 54 к. для ассигнованія въ распоряженіе князя Владиміра Александровича.

Вѣрно: Начальникъ отдѣленія *А. Жемчужинъ*.

26 октября
1877 г.

О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ князя В. А. Черкаскаго.

(Изъ книги „Князь В. А. Черкасскій, его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ“. Москва, 1879 г.).

Князь Черкасскій находился въ Боготѣ, когда прѣхалъ туда графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ. Они видѣлись тамъ ежедневно и сговорились совершить вмѣстѣ переѣздъ черезъ Балканы. Они должны были отправиться за Главнымъ Штабомъ въ Казанлыкъ, тамъ предполагали оставаться недолго и возвратиться въ сѣверную Болгарію, а оттуда ѣхать въ Бухарестъ и Россію.

Въ Габровѣ оставалась канцелярія князя Черкаскаго съ Неклюдовымъ, а также вещи и князевъ камердинеръ. Князь предложилъ графу Олсуфьеву оставить за Балканами экипажъ людей своихъ и воспользоваться коляскою и солдатами, назначенными сопровождать князя.

1-го января они начали переѣздъ черезъ Балканы. Дорога была ужасная. Они вскорѣ убѣдились въ невозможности подвигаться иначе, какъ пѣшкомъ. Лишь изрѣдка садился князь въ коляску и большую часть переправы совершилъ пѣшкомъ, рядомъ или объ руку съ графомъ Олсуфьевымъ. Впослѣдствіи онъ писалъ объ этомъ переходѣ, что трудно будетъ его забыть. Для него онъ былъ особенно затруднителенъ, такъ какъ вслѣдствіе перелома ступни одной ноги, сильнаго ушиба и боли колѣна въ другой, князь ходилъ не иначе, какъ опираясь на палку, и послѣ малѣйшаго усилія страдалъ отъ опухоли. Но онъ всегда дѣлалъ бодро то, что считалъ или обязанностію, или неизбѣжнымъ зломъ. Онъ старался поддерживать бодрость другихъ, шутилъ, поддразнивалъ своихъ

товарищей, бодро шелъ впередъ по скользкой тропинкѣ, у зіяющей пропасти или нависшей скалы. Но, кромѣ матеріальныхъ препятствій, переходъ этотъ представлялъ рядъ нравственныхъ испытаній: дорога была устлана трупами. Убитые турки лежали со всѣхъ сторонъ, а вотъ на склонѣ горы цѣлая рота русскихъ солдатъ, — это они своею смертью обезпечили прочимъ частямъ арміи переходъ черезъ Балканы. Они пали 28-го числа, 15-ти градусный морозъ сократилъ страданія раненыхъ. Утомленіе князя выражалось лишь тѣмъ, что онъ иногда шепталъ своему спутнику: „какъ бы хорошо теперь сидѣть у себя дома въ Чернышевскомъ переулкѣ!“ или: „когда-то Богъ приведетъ быть дома!“

Нерѣдко падали наши путешественники вмѣстѣ съ солдатами, имъ помогавшими. Изъ двухъ солдатъ, которые поддерживали князя, особенно полюбился ему молодой солдатъ Илья. Онъ много говорилъ съ нимъ, расспрашивалъ о родинѣ, о семьѣ. Онъ оказался уроженцемъ Пензенской губерніи и рассказывалъ о молодой женѣ. Князь уговаривалъ его пойти къ нему въ услуженіе по окончаніи войны, замѣчалъ графу Олсуфьеву необыкновенную его внимательность и добродушіе, расспрашивалъ, какъ бы взять его въ денщики.

Не разъ говорили они о предстоящихъ событіяхъ. Князь оспаривалъ возможность остановиться на Балканахъ. Съ увлеченіемъ говорилъ онъ о красотѣ и богатствѣ восточной Болгаріи, о невозможности раздѣлить страну и, однако, предвидѣлъ, что далеко еще до окончательной развязки. Турки соберутъ свои послѣднія силы передъ Адрианополемъ, говорилъ онъ, и лютая война продолжится еще годъ. Планы будущей московской жизни утѣшали нашихъ путешественниковъ. Графъ Олсуфьевъ объявилъ, что намѣренъ поселиться тамъ въ домѣ тестя своего, на Никитской, недалеко отъ Чернышевскаго переулка, что они часто будутъ сходиться и вспоминать Балканскій переходъ.

На одномъ изъ возвышенныхъ пунктовъ перехода графъ Олсуфьевъ предложилъ остановиться у землянки, передъ которой стоялъ солдатъ. Это денщикъ, сказалъ онъ, а гдѣ денщикъ, тамъ офицеръ и, навѣрное, закуска взойдемъ туда! Предположеніе оказалось вѣрнымъ; денщикъ сказалъ, что офицеръ пошелъ проводить артиллеристовъ, а закуски нѣтъ, кромѣ черного хлѣба и спирту. Подай же хоть это, сказалъ графъ Олсуфьевъ, входя съ княземъ. „Вотъ и намъ пришлось сегодня быть въ гостяхъ, замѣтилъ князь: сколько бы обѣдали мы сегодня домовъ, если бы были въ Москвѣ или Петербургѣ“.

Они отдохнули въ землянкѣ, уходя, написали свои имена, и князь поручилъ передать хозяину самое настойчивое приглашеніе посѣтить его въ Москвѣ въ Чернышевскомъ переулкѣ. Хозяинъ, Орловскаго полка поручикъ Денисьевъ, встрѣтился потомъ и принялъ это приглашеніе.

Спускъ совершился уже въ экипажѣ и къ вечеру пріѣхали въ деревню Шайново у подошвы Балканъ; тамъ ночевали въ тѣсномъ помѣщеніи генерала Столѣтова съ нѣкоторыми другими путешественниками. У него же обѣдали. Князь былъ бодръ и похваливалъ сытныя, простыя кушанья.

На другой день пріѣхали въ Казанлыкъ. Тамъ началась обыкновенная жизнь при Главномъ Штабѣ, съ ежедневными обѣдами у Великаго Князя. Князь помѣщался на квартирѣ у Нелидова. Первое время онъ продолжалъ надѣяться, что скоро поѣдетъ въ Россію; но, потомъ, по полученіи депешъ и писемъ изъ Россіи, настало горькое разочарованіе, о которомъ онъ и писалъ къ Неклюдову, вызывая его вмѣстѣ съ канцеляріей изъ Габрова въ Казанлыкъ: „Государю угодно, чтобы я остался здѣсь, и потому я отложилъ, къ искреннему своему прискорбію, всякую мысль о поѣздкѣ въ Россію, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, какъ это мнѣ ни тяжело“.

Во время пребыванія въ Казанлыкѣ, графъ Олсуфьевъ

пришелъ однажды къ князю и сталъ рассказывать о встрѣченномъ имъ солдатѣ съ маленькою дѣвочкой на рукахъ; она была имъ подобрана надъ трупомъ болгарской женщины, и теперь онъ не зналъ, куда съ нею дѣваться. Этотъ рассказъ заинтересовалъ князя, и онъ уговорилъ графа Олсуфьева сейчасъ съ нимъ отправиться отыскивать солдата съ дѣвочкою. Они скоро попали на ихъ слѣдъ у писарей Скобелевскаго полка. Прехорошенькая годовая дѣвочка крѣпко прижималась къ призрѣвшему ее солдату съ длинною бородою и ни къ кому не хотѣла идти. Солдатъ не зналъ, что дѣлать; онъ долженъ былъ выступить на другой день съ своимъ полкомъ. Подумавъ немного, князь рѣшился ѣхать въ сосѣдній женскій монастырь и постарался о томъ, чтобы приняли туда дѣвочку. Они туда отправились съ графомъ Олсуфьевымъ. Въ монастырѣ встрѣтила ихъ старая игуменья, не говорившая по-русски, но на помощь скоро явилась сестра Зинаида, жившая долго въ Москвѣ для сбора. Дѣло съ ней скоро сладилося; ей выданы были деньги на годовое содержаніе малютки, и въ тотъ же день обѣщано прислать экипажъ, въ которомъ она должна была пріѣхать и взять дѣвочку. Все это было въ точности исполнено. Графъ Олсуфьевъ говоритъ, что онъ былъ тронутъ сердечнымъ участіемъ, которое князь принялъ въ этомъ дѣлѣ.

Графъ Олсуфьевъ выѣхалъ 8-го января изъ Казань. Онъ долго и упорно уговаривалъ князя ѣхать съ нимъ, какъ прежде предполагалось, подтверждая совѣтъ разными, весьма вѣскими доводами. Князь остался непреклоненъ, но о полученныхъ изъ Россіи письмахъ не говорилъ. Графъ Олсуфьевъ уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что князь остается единственно потому, что, узнавъ о скоромъ пріѣздѣ турецкихъ уполномоченныхъ, не хотѣлъ оставить дѣла въ самомъ его окончаніи и надѣялся подѣйствовать на обезпеченіе самостоятельности Болгаріи и въ особенности на опредѣленіе ея границъ.

12-го числа Главный Штабъ и съ нимъ и князь вы-

ѣхали изъ Казанлыка. Князь запасаея съѣстными припасами и вечеромъ пригласилъ товарищей поужинать и вспомнить Татьянинъ день, праздникъ Московскаго университета. Это было въ мѣстечкѣ Кизарь, въ убогой землянкѣ, гдѣ не было ни стола, ни стула. Князь былъ окруженъ людьми, которые еще не задолго до того были совершенно ему чужды, а нѣкоторые и совершенно незнакомы. Не трудно вообразить себѣ его чувства среди этой обстановки, среди ужасовъ войны, которая, однако, казалась исполненіемъ того, чего такъ давно въ Россіи желали и надѣялись. Милые образы друзей и родныхъ, еще живыхъ, и тѣхъ, которые уже покинули міръ, манили его къ себѣ изъ дальней родины.

На другой день утромъ продолжали путь. Дорога опять была трудная, опять приходилось много идти пѣшкомъ. Коляска Великаго Князя сломалась; всѣ остановились, всѣ были голодны, а провизія кой-какая оказалась лишь у запасливаго князя Черкаскаго; всѣ ея съ радостію воспользовались, до послѣдняго ординарца, и этотъ завтракъ на воздухѣ, съ сидѣніемъ въ коляскѣ вмѣсто стола и съ руками вмѣсто ножей и вилокъ, не лишенъ былъ оригинальности, говоритъ очевидецъ.

Страшныя картины разоренья и смерти встрѣчали путешественниковъ: обезображенные трупы, сожженные деревни, бѣглецы. Но здѣсь, какъ и подъ Плевною, князь Черкасскій считалъ своимъ долгомъ не поддаваться впечатлѣнію, всячески бороться съ духомъ унынія, съ расслабляющею чувствительностью, при видѣ неизбѣжныхъ послѣдствій войны. Онъ зналъ ихъ и предвидѣлъ ихъ, возмущался видомъ страданій и, казалось, не было дѣла, къ которому онъ былъ менѣе склоненъ, какъ забота о больныхъ и раненыхъ; однакоже, взявшись за него, онъ старался воспитать въ себѣ и въ окружающихъ спокойствіе духа, необходимое для полезной дѣятельности и для преодоленія препятствій. Но это было не легко ему.

Ночевали въ Германлы. Оттуда близко до желѣзной

дороги. Видъ ея произвелъ на усталыхъ путешественниковъ радостное впечатлѣніе; они садятся въ вагоны и несутся на всѣхъ парахъ въ Адрианополь...

Въ половинѣ декабря князь былъ пораженъ горемъ, узнавъ о смерти матери; несмотря на то, что она была уже очень стара, онъ безпрестанно выражалъ надежду, что увидитъ ее весной въ Москвѣ.

Послѣ пріѣзда въ Адрианополь и минутной радости, начались новые, безпрестанные труды. Кромѣ посѣщенія больницъ, обычной дѣятельности по дѣламъ Краснаго Креста, настала спѣшная, усиленная работа и по гражданскому управленію, въ виду предстоящихъ условій мира. Работа эта была особенно трудна по случаю временнаго отъѣзда въ Петербургъ одного изъ помощниковъ. По своей дальновидности, князь не могъ въ глубинѣ сердца не бояться за окончательную развязку дѣла. Онъ еще 31-го марта 1877 года писалъ изъ Петербурга:

„Дѣла подвигаются быстро къ роковой развязкѣ. Дай Богъ, чтобы начатое съ трудомъ окончилось для Россіи съ успѣхомъ. Ей предстоитъ тяжкое испытаніе, и нужна твердая вѣра въ ея звѣзду, чтобы не бояться, какъ бы при теперешнихъ обстоятельствахъ Англія, въ самую послѣднюю минуту, не успѣла выхватить у насъ изъ рукъ самой драгоцѣнной части результатовъ тяжелой борьбы. Какъ бы то ни было, теперь слѣдуетъ и правительству, и народу напрячь всѣ силы“. И онъ это слѣпо исполнилъ: онъ напрягалъ свои силы, сколько было можно, но его мужественная натура не выдержала.

Послѣ недолгихъ первыхъ минутъ отдыха въ Адрианополѣ, въ письмахъ его замѣтно уже опять грустное настроеніе. Отъ 17-го января князь пишетъ: „Когда увидимся? Чѣмъ ближе конецъ войны, тѣмъ съ большею силою задаю себѣ этотъ вопросъ и ищу на него отвѣта. Но никто не можетъ отвѣчать на него положительно. Не привезетъ ли чего Игнатъевъ?“.

Наконецъ, отъ 31-го января князь Черкасскій пишетъ

своему брату: „Дѣла гибель, не успѣваешь за нимъ. Истомился страшно, состарѣлся и похудѣлъ. Думаю: когда Господь сжалятся надо мною и дастъ мнѣ увидѣть свою семью и свой домъ!“ Это были послѣднія скорбныя слова, обращенныя къ семейству; съ тѣхъ поръ не было больше писемъ.

Въ воскресенье, 29 января, ѣздилъ къ обѣднѣ въ мѣстную болгарскую церковь. Бѣдная обстановка этой церкви его поразила, особенно въ сравненіи съ греческимъ храмомъ. Князя и его спутниковъ встрѣтили со всякимъ почетомъ, кидали цвѣты, ему поднесли вѣнокъ, и при этомъ учительница, „бѣжанка“ изъ Ени-Загры, говорила привѣтственную рѣчь.

Некогда было князю отдыхать или разѣзжать по чуднымъ окрестностямъ Адрианополя и наслаждаться прекрасною, теплою погодою: приемы и разговоры съ русскими и болгарами, множество бумагъ и писемъ крайне его утомляли. Явилось множество русскихъ гвардейскихъ офицеровъ съ просьбою вступить на службу. Со всякимъ надо было говорить, испытывать способности и направленіе каждого, въ надеждѣ найти дѣятелей для множества предстоящихъ дѣлъ.

Первое время князь продолжалъ обѣдать въ конакѣ у Великаго Князя со всѣмъ Главнымъ Штабомъ. По вечерамъ любилъ онъ ходить въ дипломатическую канцелярію и отдыхалъ среди молодыхъ дипломатовъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ, собиравшихся въ небольшое, по уютное помѣщеніе канцеляріи. Иногда сохранившаяся энергія брала верхъ надъ злобою дня: онъ шутилъ, острилъ, являлся тѣмъ любезнымъ Черкасскимъ, каковымъ его всегда знавала Москва. Но чаще онъ являлся угрюмый и говорилъ входя: „Дайте забыться за шахматами“.

2-го февраля былъ день рожденія князя Черкаскаго. Ему исполнилось 54 года. Секретарь его (по Красному Кресту) Неклюдовъ и уполномоченные В. Н. Глѣбовъ, П. Н. Исаковъ и Савостьяновъ устроили въ честь его ужинъ.

Ужинъ этотъ удался на славу; но Черкасскій, лицо котораго все болѣе и болѣе въ послѣдніе дни желтѣло, чувствовалъ себя уже совсѣмъ дурно и ничего не ѣлъ.

3-го февраля онъ даже слегъ въ постель, и Неклюдовъ пригласилъ къ нему доктора Великаго Князя, Обермиллера, который, побывавъ два раза, сказалъ, что авось дѣло обойдется легкою простудою. Однако аппетитъ вовсе пропалъ, и появилась сонливость; Черкасскій превозмогалъ себя и, полулежа, продолжалъ усиленно заниматься дѣлами.

5-го февраля, окружающіе князя успокоились. Болѣзнь не внушала имъ болѣе опасенія, хотя больной не вставалъ съ постели и былъ относительно довольно слабъ. Докторъ Обермиллеръ говорилъ, что это было желчное расстройство. Повѣрить этому было не трудно. „Гибель работы“, писалъ отъ того же числа одинъ изъ приближенныхъ къ князю;“ безпрестанныя непріятности и дразги не подъ силу одному человѣку... Такова обстановка, продолжающаяся почти годъ. Поучительно, но нерадостно, и невольно заставляетъ подумать о шаткомъ и одиночномъ положеніи на свѣтѣ честнаго дѣятеля“.

7-го февраля поутру, казалось, князю было не хуже. Съ утра безпрестанно являлись съ докладами по разнымъ дѣламъ. Неклюдову приходилось, съ одной стороны, уговаривать посѣтителей не тревожить князя, а съ другой—упрашивать больного не принимать ихъ.

Въ этотъ день, около 4-хъ часовъ пополудни, князь заснулъ. Въ 6 час. Неклюдовъ приказалъ его разбудить, такъ какъ докторъ Обермиллеръ совѣтовалъ не давать ему много спать. Проснувшись, князь удивился, что его такъ рано будятъ, думая, что уже наступило утро и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что едва повечерѣло. Вскорѣ послѣ ухода доктора князь позвалъ Неклюдова и просилъ его прочесть ему только что полученные письма и депеши. Но слова и мысли уже путались.

8-го утромъ Обермиллеръ предписалъ больному (у

котораго оказалось полное отсутствіе всякаго сознанія) хины и камфоры и, находя положеніе Черкасскаго опаснымъ, потребовалъ консилиума. Призваны были главный врачъ турецкой арміи, армянинъ Стефанъ, главный инспекторъ русскихъ военныхъ госпиталей Приселковъ, мѣстный врачъ Жупанъ и московскій докторъ Б. П. Делоне, который съ этого дня постоянно и неотходно, оставался при князѣ. Консилиумъ состоялся вечеромъ; мнѣнія врачей раздѣлились. Стефанъ предполагалъ, что у князя апоплексическій ударъ; другіе доктора признали болѣзнь за злокачественную болгарскую лихорадку (*febris Bulgariensis perniciosa*).

Состояніе больного 8-го и 9-го феврала было крайне тревожно.

10-го феврала больной былъ спокойнѣе, и у него проявился первый признакъ сознанія гримасою, которую онъ сдѣлалъ, когда ему дали лекарство. 11-го числа сестра милосердія Глыбина, по настоянію доктора Делоне, дала ему дозу хины въ 20 гранъ. Съ тѣхъ поръ сознаніе стало быстро возвращаться. Увидѣвъ фески докторовъ Стефана и Жупана, снова пріѣхавшихъ на консилиумъ, князь спросилъ: „Кто эти турки?“ Но о болѣзни своей онъ какъ будто забылъ. 12-го и 13-го было постоянное и быстрое улучшеніе: князь могъ вставать съ постели, но не болѣе, какъ на полчаса или часъ времени. Онъ даже ходилъ по комнатѣ, но не иначе, какъ съ помощію сестры Глыбиной и камердинера, подходилъ къ окошку, но плохо еще видѣлъ и спрашивалъ у Глыбиной, то ли на самомъ дѣлѣ онъ видитъ, что ему кажется. Едва сознаніе стало снова проявляться, какъ начались пріемы и доклады. Лежа на постели, съ тяжелою, еще смутною головою, князь уже писалъ дѣловыя бумаги. Напрасно умолялъ его докторъ Делоне побережь себя. „Не забудьте, докторъ, отвѣчалъ больной, что въ настоящую минуту отъ меня зависитъ участь милліоновъ болгаръ“.

Доктора единогласно рѣшили, что князю необходимъ

полный отдыхъ и что хотя перемѣна воздуха и была бы ему полезна, однако, лучше ему остаться въ Адрианоуполѣ, чѣмъ ѣхать въ Санъ-Стефано, гдѣ онъ утомилъ бы себя работою. П. В. Неклюдовъ настаивалъ на томъ, чтобы князю доктора посовѣтовали переѣхать въ какой-нибудь приморскій городъ (но не въ Санъ - Стефано), гдѣ, вдали отъ дѣлъ, онъ отдохнулъ бы и окончательно поправился.

Узнавъ объ этихъ переговорахъ, князь Черкасскій позвалъ доктора Делоне и объявилъ ему, что онъ въ Санъ-Стефано поѣдетъ непременно, что бы доктора ни рѣшали. „Я долженъ видѣть Великаго Князя до заключенія мира“, сказалъ онъ Делоне: „отъ этого зависитъ участь Болгаріи; послѣ этого свиданія общаюсь, любезный докторъ, быть самымъ послушнымъ изъ паціентовъ“.

Князь везъ въ Санъ-Стефано проектъ учрежденія вышшаго управленія Болгаріею.

14-го февраля онъ окончательно покинулъ постель и сталъ ревностно цѣлый день заниматься приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ. Это его крайне утомило, такъ какъ онъ почти цѣлый день былъ на ногахъ. Въ 11-мъ часу онъ легъ спать, а въ пять часовъ утра уже всталъ и, повидимому, былъ довольно бодръ. Въ 7 часовъ онъ вышелъ изъ дому и отправился на станцію желѣзной дороги. Поѣздъ, однако, тронулся только въ двѣнадцатомъ часу. Долгое это ожиданіе было тягостно даже для здоровыхъ. Князь сѣлъ въ купѣ перваго класса вмѣстѣ съ Делоне, Неклюдовымъ и Левашовымъ. Дорогою онъ былъ сначала бодръ и почти веселъ. Но путешествіе было весьма утомительно; поѣздъ шелъ тихо, съ безпрестанными, большею частью неожиданными и долгими, остановками. Къ вечеру видно было, что князь не хорошо себя чувствуетъ, несмотря на его усилія скрыть это, чтобы не беспокоить спутниковъ. Однакоже слѣдствіемъ этихъ усилій были боли въ кишкахъ, которыя князь и по пріѣздѣ утаивалъ, боясь, что доктора ему помѣшаютъ отправиться на аудіенцію къ Великому Князю; но эти боли уже съ этой ми-

нуты не покидали его. Ночью Неклюдовъ и Левашовъ удалились въ другое отдѣленіе вагона, а съ Черкасскимъ остался одинъ Делоне.

16-го февраля, въ 5-мъ часу пополудни, поѣздъ, наконецъ, достигъ Санъ-Стефано. Погода была превосходная. А. А. Галль, гофмаршалъ Великаго Князя, приготовилъ и устроилъ покойную квартиру для князя Черкаскаго въ прекрасномъ домѣ, стоявшемъ у самого моря, и выслалъ къ нему на станцію коляску. Князь, видимо, обрадовался чистому европейскому помѣщенію, свѣтлымъ комнатамъ, а главное виду на море. Обращаясь къ Неклюдову онъ сказалъ: *Vous voyez, que vous avez eu tort de me déconseiller de venir ici* *). Обѣдалъ князь съ своими спутниками въ восьмомъ часу. Онъ съ удовольствіемъ ѣлъ устрицы, которыя, по мнѣнію доктора, не могли причинить ему вреда.

17-го князь собирался съ докладомъ къ Великому Князю; но ему пришли сказать, что, по случаю развода, Его Высочество видѣться съ княземъ въ этотъ день не можетъ и просить его отложить посѣщеніе до слѣдующаго утра. Погода весь день была отличная; князь въ шубѣ сидѣлъ на балконѣ, наслаждался живительнымъ морскимъ воздухомъ и видимо радовался пріѣзду своему въ Санъ-Стефано. Утромъ онъ кое-кого принималъ, между прочимъ, адъютанта военнаго министра, Миллера. Обѣдалъ онъ въ 6 часовъ. Изъ гостей Юрій Милютинъ **). Князь былъ въ отличномъ расположеніи духа и пилъ за здоровье сестры своего гостя.

Послѣ обѣда къ князю пришелъ русскій военный агентъ въ Черногоріи, полковникъ Боголюбовъ, съ письмомъ отъ военнаго министра. Полковникъ просидѣлъ у князя около двухъ часовъ. Разговоръ шелъ главнымъ образомъ о кандидатахъ на Болгарское княжество. Князь

*) Вотъ видите, что вы напрасно отговаривали меня ѣхать сюда.

**) Сынъ Николая Алексѣевича Милютина, офицеръ лейбъ-уланскаго полка.

говорилъ, что все время болѣзни своей думалъ о кандидатѣ и теперь хочетъ повѣрить мысли свои. Боголюбовъ вышелъ подъ тѣмъ впечатленіемъ, что князь еще серьезно боленъ и только преодолагаетъ себя. Вообще, князь Черкасскій въ этотъ день мало занимался, нѣсколько разъ ложился, много спалъ и неоднократно жаловался на сильное утомленіе. Въ ночь съ 17-го на 18-е февраля надъ Санъ-Стефано разразилась сильная буря съ грозой.

Около полуночи докторъ Делоне не ложился, такъ какъ князь не могъ заснуть отъ шума волнъ, ударявшихся почти о фундаментъ дома. Когда погода утихла, князю стали мерещиться какія-то галлюцинаціи. Крики солдатъ, грызню лошадей сосѣдняго эскадрона, а равно и мяуканье кошекъ князь принималъ за что то необыкновенное. Ему представлялось, что турки рѣжутъ хозяевъ дома и что кто-то кричитъ „караулъ“. Онъ безпрестанно призывалъ къ себѣ Б. П. Делоне, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ, съ открытою дверью въ спальню больного, и говорилъ ему: *Cher docteur, il se passe quelque chose de terrible, on égorge en bas *)*.

Больной успокоился только тогда, когда докторъ пошелъ въ палисадникъ и, обойдя его, вернулся съ увѣреніемъ, что ничего особеннаго на дворѣ нѣтъ. На слѣдующее утро сонливость была сильная; на вопросы доктора, не болитъ ли у него что-нибудь, больной упорно отвѣчалъ, что онъ отлично себя чувствуетъ. Когда же зашелъ къ нему въ комнату Неклюдовъ и засталъ его еще въ постели, онъ жаловался на боль въ желудкѣ. Тогда Неклюдовъ предложилъ послать къ Великому Князю и доложить ему, что князь по нездоровью не можетъ въ этотъ день быть у него; но на это больной разсердился и объявилъ, что пойдетъ непременно и что чувствуетъ себя отлично. Въ 12 часовъ князь Черкасскій отправился къ Великому Князю. Всѣ встрѣтившіе его по дорогѣ были

*) Любезный докторъ, происходитъ что-то страшное; тамъ внизу рѣжутъ.

поражены болѣзненнымъ его видомъ и желтизной лица. У Великаго Князя онъ оставался около часа и доложилъ все то, что ему было нужно. Его Высочество былъ очень привѣтливъ, утвердилъ всѣ представленія и пенялъ князю, что при болѣзненномъ состояніи и слабости онъ побезпокоился придти съ докладами, тогда какъ Великій Князь охотно бы самъ навѣстилъ его на квартирѣ и переговорилъ бы о дѣлахъ. Великаго Князя поразили болѣзненный видъ Черкаскаго и нервная его зѣвота. Утверждая представленія, Великій Князь просилъ прочесть ихъ графу Игнатьеву. Выходя съ аудіенціи князь Черкасскій встрѣтилъ въ пріемной графиню Е. Л. Игнатьеву, неожиданно пріѣхавшую изъ Одессы. Черкасскій, видимо, ей обрадовался. Онъ взялъ ее за обѣ руки и сказалъ, что не можетъ выразить, какъ радъ ее видѣть, что намѣренъ часто ее навѣщать, что будетъ даже злоупотреблять дозволеніемъ бывать у нея. Графиню поразила перемѣна въ князѣ, его желтый, опухшій, болѣзненный видъ.

Возвратившись домой, князь Черкасскій шутя отвѣчалъ Неклюдову, спросившему его, не утомился ли онъ: „Я самъ утомилъ Великаго Князя, цѣлый часъ задержалъ его докладомъ“. Сказавъ Неклюдову, чтобы онъ вечеромъ былъ непременно дома, такъ какъ надо будетъ продиктовать письмо къ военному министру, князь сѣлъ писать и самъ все исполнилъ, что вытекало изъ утвержденныхъ Великимъ Княземъ докладовъ.

Послѣ этого онъ прилежъ и впервые сталъ жаловаться доктору Делоне на боли въ желудкѣ. На упрекъ доктора, отчего онъ до сихъ поръ это скрывалъ, князь отвѣчалъ: „Ну что же? Тогда не сказалъ, а теперь сказываю. У меня два раза были воспаленія въ кишкахъ, когда мнѣ было лѣтъ 20“. По послѣднему докторомъ изслѣдованію оказалось только сильное растяженіе кишекъ безъ признаковъ воспаленія. Поставили горчичники, приложили теплые салфетки, стали втирать теплую мазь съ хлороформомъ. Боли то утихали, то снова возобновлялись. Больной за-

снулъ и проснулся около 6-ти часовъ. Обѣдать онъ не выходилъ, въ 8 часовъ позвалъ Неклюдова, велѣлъ написать телеграммы, указавъ, какое должно быть ихъ содержаніе, и отправилъ его къ графу Игнатьеву, чтобы прочесть утвержденныя Великимъ Княземъ представленія. Графъ былъ въ это время занятъ послѣдними переговорами съ турецкими уполномоченными: это былъ канунъ подписанія Санъ-Стефанскаго трактата.

Неклюдовъ долго ждалъ графа Игнатьева; наконецъ, онъ вышелъ къ нему, объявилъ, что у него дѣла множество и просилъ отложить чтеніе представленій до другого дня. Возвратившись часу въ десятомъ, Неклюдовъ засталъ князя Черкасскаго въ полномъ сознаніи. Онъ спрашивалъ его объ Игнатьевѣ, но притомъ объявилъ, что диктовать письма онъ не въ состояніи и даже отказался подписать написанныя Неклюдовымъ телеграммы. Отказъ этотъ крайне удивилъ и смутилъ Неклюдова: никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не случалось до сихъ поръ князю Черкасскому не только отказаться, но даже отложить на самое короткое время срочное дѣло. Неклюдову на этотъ разъ пришлось представить о крайней необходимости не медля отправить телеграммы, но князь наотрѣзъ отказался отъ подписи.

Страданія продолжались. Князь сидѣлъ въ креслѣ полулежа, съ протянутыми на стулъ ногами. Въ 11 часовъ князь легъ въ постель. До половины второго ночи Неклюдовъ и Левашовъ сидѣли въ сосѣдней комнатѣ доктора Делоне, навѣдываясь безпрестанно о состояніи больного, который лежалъ какъ бы въ забытіи и, повидимому, даже спалъ. Около двухъ часовъ Неклюдовъ легъ спать. Делоне, не отходявшій отъ больного, сказалъ ему, что особеннаго въ состояніи его въ настоящую минуту ничего не видитъ; но едва ушелъ Неклюдовъ, какъ княземъ овладѣло сильное безпокойство. Дыханіе его стало еще затруднительнѣе; онъ то вставалъ, то садился въ кресло, упирая голову въ спинку или къ стѣнѣ, при чемъ

ему подкладывали за спину шубу, то снова ложился, часто повторяя: „Господи, прости мои прегрѣшенія“! Обращаясь къ Делоне, онъ сказалъ ему: *Cher docteur, cela va mal, cette fois vous ne me sauverez plus* *). На вопросъ, отчего онъ такъ думаетъ, князь отвѣчалъ: *Cher ami, je sens que ma langue s'embarasse* **). Съ княземъ сдѣлался сильный обморокъ: голова повисла, ноги подкосились; больного съ трудомъ, на рукахъ, снова положили на постель. Вслѣдствіе вдыханія спирта и валеріановыхъ капель, присланныхъ Обермиллеромъ, князь пришелъ въ себя. Прибѣжалъ Неклюдовъ. Онъ сталъ звать князя; тотъ отвѣчалъ, но не явственно. Князь попросилъ пить, но не могъ уже проглотить поданнаго. Больной сталъ еще безпокойнѣе, безпрестанно кого-то звалъ, но кого именно, нельзя было разобрать, хваталъ руку своего камердинера Алексѣя Потапова и притягивалъ ее къ груди своей. Снова у князя сдѣлался обморокъ еще сильнѣе перваго. Когда положили больного на постель, появились въ ногахъ судороги. Обермилеръ подошелъ къ нему. Князь не только узналъ его, но даже на вопросъ, что болитъ у него, ясно отвѣчалъ, что „ничего не болитъ“. Пробовали дать тотчасъ растворъ хинина, но больной глотать уже не могъ. Подавая лекарство, его приподняли и потомъ снова положили на подушку. Обермиллеръ и Делоне отошли къ столу для совѣщанія; въ это время больной два раза повернулъ головою и тихо, безъ агоніи, скончался, въ 5½ часовъ утра 19-го февраля 1878 года. Доктора полагаютъ, что кончина была мгновенная, безъ страданій.

„Не вынесло тѣло постоянной борьбы и работы духа“, писалъ свидѣтель кончины.

Его бальзамировали доктора Обермиллеръ, Делоне и Поповъ. По случаю заключенія мира и поздняго парада съ молебномъ, первую панихиду могли отслужить только

*) Любезный докторъ, дѣло плохо; на этотъ разъ вы больше не спасете.

**) Любезный другъ, я чувствую, что языкъ у меня путается.

вечеромъ, въ 6 часовъ. Тѣло было выставлено въ той комнатѣ, гдѣ князь скончался; его окружали цвѣтами.

20-го были двѣ панихиды, утромъ и вечеромъ. Служеніе совершалъ протоіерей Великаго Князя съ полнымъ причтомъ и пѣвчими. 20-го тѣло было положено въ цинковый гробъ, обитый бархатомъ, выписанный вмѣстѣ съ покровомъ изъ Константинополя, а 21-го утромъ былъ выносъ въ греческую церковь. Послѣ краткой литіи тѣло подняли. Въ шествіи участвовали все наличное русское духовенство, греческій митрополитъ, пѣвчіе, хоръ военной музыки, баталіонъ солдатъ безъ оружія. Гробъ несли: искренно любимый княземъ полковникъ Соболевъ, Неклюдовъ (всѣмъ распоряжавшійся), генералъ Анучинъ и другіе сослуживцы. За гробомъ слѣдовали всѣ наличные члены Краснаго Креста и гражданскаго управленія, вся дипломатическая канцелярія съ Неклюдовымъ во главѣ, много военныхъ. Погода была прекрасная и, по заявленію присутствовавшихъ, вся церемонія эта на берегахъ Босфора, въ виду Царьграда,—это стройное пѣніе, эти тихіе звуки военной музыки, это безоблачное небо, этотъ гробъ вѣрнаго, искренняго, неподкупнаго дѣятеля, угасшаго въ ту минуту, когда объявилась, запечатлѣнная русскою кровью, свобода Болгаріи, все—это вмѣстѣ носило на себѣ какой-то особенно торжественный поэтический характеръ. Гробъ, украшенный гирляндами свѣжихъ цвѣтовъ, былъ доставленъ въ благообразной греческой церкви. Послѣ постановки гроба отпѣта панихида, а вечеромъ другая; 22-го было отпѣваніе. Къ концу служенія прибылъ Великій Князь Главнокомандующій съ своею свитою. Богослуженіе совершали протоіерей Великаго Князя и два протоіерея гвардейскаго корпуса. Пѣли пѣвчіе Его Высочества. Греческій митрополитъ присутствовалъ при богослуженіи и далъ отпускную молитву. Послѣ отпѣванія гробъ былъ герметически закупоренъ, положенъ въ деревянный ящикъ и поставленъ въ правомъ придѣлѣ церкви, противъ алтаря.

3-го марта прїѣхалъ за тѣломъ шурина покойнаго князя, П. А. Васильчиковъ. 7-го числа прибылъ въ Санъ-Стефано небольшой буксирный пароходъ „Одиссей“. Отслужили панихиду, солдаты подняли гробъ, военная музыка заиграла: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“ и, провожаемое членами Краснаго Креста гражданскаго управленія и болгарами, горько сознававшими свою незамѣнимую утрату, тѣло доблестнаго бойца за славянское дѣло стали медленно спускать на пароходъ. До Царьграда его сопровождали, кромѣ Васильчикова, Неклюдовъ, Лукьяновъ и Полянской. Въ третьемъ часу „Одиссей“ подошелъ къ Золотому Рогу и приблизился къ борту парохода „Юноны“. Гробъ перенесли на палубу сей послѣдней и накрыли чернымъ покровомъ. Экзархъ болгарскій Іосифъ и маститые архіепископы Пловдивскій (Филиппопольскій) и Рушукскій ожидали на „Юнонѣ“, вмѣстѣ съ причтомъ и чаушемъ экзархата, прибытія тѣла. Они явились неожиданно, никѣмъ не приглашенные, отдать послѣдній долгъ тому, кто такъ усердно и самоотверженно поработалъ за Болгарію. Пропѣвъ литію, экзархъ сказалъ Васильчикову, что все болгары глубоко сознаютъ, что они теряютъ въ князѣ Черкасскомъ. Гробъ спустили въ трюмъ. 9-го „Юнона“ вышла изъ Золотого Рога, а 11 марта, въ 9 часу, послѣ довольно бурнаго плаванія, вошла въ Одесскій рейдъ.

Море, гладкое какъ зеркало, было покрыто туманомъ, который сталъ расходиться подъ солнечными лучами. При входѣ въ гавань, „Юнона“ разъѣхалась съ пароходомъ, увозившимъ въ Царьградъ Реуфа и Османа—пашей.

Послѣ панихиды, гробъ былъ перенесенъ въ подвезенный, по линіи товарной дороги, тотъ самый вагонъ, въ которомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, перевезено было въ Петербургъ тѣло герцога Сергія Максимиліановича Лейхтенбергскаго. Правленіе Одесской и Кіево-Курской желѣзныхъ дорогъ отказались отъ платы за провозъ. На многихъ станціяхъ лица, совершенно незнакомыя, просили

позволенія взять на память вѣнки изъ миртовыхъ гирляндъ, покрывавшихъ гробъ.

15-го марта, послѣ торжественной обѣдни въ церкви Московскаго университета (котораго князь былъ почетнымъ членомъ), къ гробу подошелъ преосвященный Амвросій и произнесъ слово, глубоко врѣзавшееся въ сердцахъ слушателей. Онъ говорилъ о стойкости характера князя Черкаскаго въ настоящую пору всеобщей дряблости; онъ вспомнилъ про глубокій, блестящій умъ его, про трезвый взглядъ на событія, про высокочестную въ нравственномъ отношеніи дѣятельность его. „Прости“, сказалъ онъ въ концѣ, „лучшій представитель именитаго дворянства нашего; прости, другъ крестьянъ, въ потѣ лица потрудившійся надъ вольностію ихъ; прости, мученикъ за великое и святое дѣло освобожденія христіанъ!“ Обширная университетская церковь едва вмѣщала множество пожелавшихъ отдать послѣдній долгъ князю Черкасскому, человеку, любимому Москвою, и какъ бы представителю ея общественной мысли и духа при государственномъ дѣлѣ, къ которому онъ былъ призванъ.

Необычайно-длинное шествіе направилось къ Данилову монастырю. Передъ колесницею болгары несли большой лавровый вѣнокъ.

Монастырь былъ полонъ. Преосвященный Амвросій ожидалъ тѣла у воротъ монастырскихъ. Въ послѣдній разъ пропѣли вѣчную память, и князя Владиміра Александровича Черкаскаго опустили въ могилу рядомъ съ лучшими людьми земли Русской,—рядомъ съ Гоголемъ, Хомяковымъ, Самаринымъ.

О п с ч а т к и.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано:	Должно быть:
8	11	имперіи	Имперіи
32	2 въ прим.	Кира-Динеланъ	Кира-Динжанъ.
35	5	предназначаемымъ	предназначаемыхъ
54	2 въ прим.	донесты	донести
61	22	четы	четы:
63	10	положеній организаціи	положеній по организаціи
79	34	попадающимися	попадающими
85	25	должо	должно
87	7	Андріанополя	Адріанополя
92	3	внесенные	внесенныя
110	17	Сливенъ	Сливно
113	6	къ Гоголемъ	съ Гоголемъ
120	21	они	онѣ
136	20	хоось	хаось

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 078 903 259